МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А.Ф. Корниенко

ПСИХИКА И СОЗНАНИЕ:
возникновение
и
развитие

Казань - 2010

УДК 159.9.01
ББК 88
К 67

Печатается по решению Ученого совета
ЧОУ ВПО "Академия социального образования"

Корниенко А.Ф.
К 67 Психика и сознание: возникновение и развитие. – Казань: Изд-во "Печать-Сервис-XXI век", 2010. – 374 с.: ил.

ISBN 978-5-91838-028-4

В монографии представлены результаты теоретического исследования основополагающих для психологии научных понятий "психика" и "сознание". Предлагаются их авторские определения, а также определения таких понятий, как "мышление", "понимание", "осознание", "сознательное", "бессознательное". Раскрывается сущность и специфика познавательных, эмоциональных и волевых психических процессов. На основе авторской концепции психики и сознания дается интерпретации механизмов психологических эффектов Э. Маха и "дежа вю". Рассматриваются некоторые методологические проблемы психологии, в том числе, проблемы преподавания основ общей психологии.

Книга предназначена для психологов, занимающихся научной и преподавательской деятельностью, а также студентов психологических факультетов и тех, кого волнуют фундаментальные проблемы психологии.

УДК 159.9.01
ББК 88

ISBN 978-5-91838-028-4

© Корниенко А.Ф., 2010
© ЧОУ ВПО "Академия социального образования", 2010
© Оформление. Издательство "Печать-Сервис-XXI век", 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
РАЗДЕЛ 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ 9
Взаимосвязь методологических понятий в структуре психологического исследования 10
Курс "Методология и методы психологического исследования" в подготовке практического психолога 13
Формирование естественнонаучного мировоззрения в рамках психологического образования 17
Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии 21
Теория и практика построения интегративной психологии 26
Проблемы в преподавании психологии в ВУЗе 32
Понимание базовых понятий общей психологии как основа профессиональной компетентности психолога 43
Деятельность как сознательная форма поведения человека 53
Научная парадигма в решении фундаментальных проблем психологии 63
РАЗДЕЛ 2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПСИХИКИ 83
Первичные механизмы познавательной активности 84
Условия и эволюционные механизмы формирования опережающего (психического) отражения 95
Допсихические формы регуляции двигательной активности живого организма 98
Структура психических процессов 112
Проблема возникновения "психического" 118
Подход В.М. Бехтерева к решению проблемы "психического" 131
Чувствительность организма и "зачаточная форма психики" 138
Психофизиологическая проблема и ее решение 150
Проблемы определения понятия "психика" 165
Зачем живому организму нужна психика и что это такое 186
Специфика психической формы отражения действительности 207
Психика и психические процессы: единая система психологических понятий 223

Сущность, классификация и динамика эволюционного развития психических процессов 243
Новый взгляд на понятия "психика", "сознание", "сознательное" и "бессознательное" 249
РАЗДЕЛ 3. ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ 253
Гносеологические проблемы психологии мышления 254
Сущность и механизмы понимания 260
Процессы мышления, понимания, сознания и осознания 267
РАЗДЕЛ 4. СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЗНАНИЯ 279
Проблемы сознания, осознания и самосознания 280
Функция сознания в психике человека 288
Сознание – это … 291
Сознательные и бессознательные психические состояния 295
Психологические механизмы социальной детерминации сознания и самооценки человека 302
Психологические механизмы развития сознания и социализации личности 315
Проблемы концептуализации сознания субъекта и возможности их разрешения 327
Понятие о сознании как высшем уровне развития психики 331
РАЗДЕЛ 5. МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЭФФЕКТОВ 347
Психологические механизмы эффекта Э. Маха 348
Психологический механизм эффекта "дежа вю" 354

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из причин написания монографии, предлагаемой вниманию читателя, было стремление собрать и систематизировать свои основные публикации, в которых излагаются авторские варианты решения фундаментальных проблем психологии, связанных с понятиями "психика" и "сознание". Понятия о психике и сознании являются ключевыми в психологии. Как отмечал Л.С. Выготский, "вопрос о психике, сознательном и бессознательном имеет определяющее методологическое значение для всякой психологической системы. В зависимости от того, как решается этот основной для нашей науки вопрос, находится и самая судьба нашей науки" (Выготский Л.С., 1982). Однако до сих пор психологи и ученые других смежных с психологией наук не могут прийти к единому пониманию сущности психики и сознания и не могут дать им исчерпывающие и непротиворечивые научные определения.

Складывается парадоксальная ситуация – в психологии проводится множество психологических исследований различных психических явлений, но при этом вновь и вновь поднимается вопрос о том, что же такое "психика". Отсутствие удовлетворительного ответа на этот вопрос автоматически порождает проблемы с пониманием и определением остальных базисных категорий психологии, в состав которых входят понятия, производные от слова "психика", такие, например, как "психическое явление", "психический процесс", "психическое состояние". И, конечно же, прав В.М. Аллахвердов, утверждая, что "если чехарда и путаница присутствует в базовой терминологии, то все остальные психологические термины заведомо определены еще хуже" (Аллахвердов В.М., 2003).

Следствием неопределенности понятия "психика" является, в частности, проблема с пониманием сущности сознания, которое считается высшим уровнем развития психики. В научной психологической литературе до сих пор можно встретить синонимическое использование понятий "психика" и "сознание". Парадоксальным представляется и то, что, признавая сознание высшим уровнем развития психики, никто из психологов не рассматривает его как психический процесс. Его нет ни в одной из существующих в психологии классификаций психических процессов. Да и сама классификация психических процессов, по мне-

нию, например, В.М. Аллахвердова, "теоретически никак не обоснована и является типичным примером *эмпирической классификации*" (Аллахвердов В.М., 2003).

Проблемы, существующие в научной, теоретической психологии, не только свидетельствуют о наличии в психологии категориального и методологического кризисов (Платонов К.К., 1972; Юревич А.В., 1999; Петровский А.В., Ярошевский М.Г., 2003), но во многом являются причиной психологического схизиса (Василюк Ф.Е., 1996), который проявляется в расщеплении единой психологической науки и образовании обособленных, автономных отраслей теоретической и практической психологии. Научные положения теоретической психологии в силу их неопределенности и противоречивости оказываются невостребованными в психологии практической.

Отсутствие согласованной системы психологических понятий создает большие проблемы в преподавании психологии как учебной дисциплины, особенно ее базовых курсов "Общая психология", "Методологические основы психологии", "Методология и методы психологического исследования". Преподаватели в педагогической деятельности и студенты в учебной деятельности больше ориентируются не на объяснение и понимание, а на изложение и запоминание, что приводит к снижению интереса студентов к теоретическим и методологическим проблемам психологии и увлечению их различными, в том числе, и сомнительными психологическими практиками.

Необходимость интеграции психологической науки, преодоления глубокого и затяжного кризиса, в котором находится теоретическая психология, настоятельно требует возврата к исходным базисным понятиям психологии, таким как "психика" и "сознание", и нового подхода к определению их сущности.

Исследованию указанных проблем посвящены практически все представленные в монографии работы.

В пяти разделах монографии представлены работы, опубликованные автором в научных журналах, материалах научных конференций, симпозиумов, конгрессов, а также съездов психологов Российского психологического общества в период с 2000 по 2010 годы. Библиографическое описание каждой работы (ссылка на источник опубликования) приводится в тексте работы сразу после ее названия.

В первом разделе собраны работы, в которых излагаются позиции автора по ряду методологических проблем психологии, включая проблемы преподавания психологии в ВУЗе. Главная мысль, которая в той или иной форме присутствует в каждой работе этого раздела, состоит в том, что, несмотря на приписывание психологии статуса гуманитарной науки, в ее основе должны лежать естественнонаучная исследовательская парадигма и естественнонаучное мировоззрение.

Второй раздел посвящен анализу и решению центральной проблемы психологии, которая касается поиска ответов на вопросы о том, что такое "психика", для чего она возникает и каковы механизмы ее возникновения и развития. Здесь же рассмотрены проблемы определения и классификации психических процессов, а также создания единой внутренне не противоречивой системы психологических понятий.

В третьем разделе рассматриваются проблемы психологии мышления. Главное, на что обращается особое внимание, – это необходимость дифференциации мышления, как особого вида познавательного психического процесса, обеспечивающего понимание, и мышления, как особого вида деятельности (мыслительной деятельности), направленной на достижение понимания. Показано, что распространенное представление о том, что мышление есть деятельность по решению задач, является следствием расширительного толкования термина "деятельность" и отсутствия разграничений в использовании понятий "деятельность" и "психический процесс".

Четвертый раздел посвящен решению гносеологической и онтологической проблем сознания. Предлагаются ответы на вопросы о том, что такое "сознание", в чем суть сознания как высшего уровня развития психики, какие психологические механизмы лежат в основе его возникновения и социальной детерминации.

Второй, третий и четвертый разделы являются наиболее важными и принципиальными разделами монографии. Принятие психологическим сообществом развиваемых в данных разделах представлений автора о сущности понятий "психика" и "сознание", "понимание" и "осознание", "сознательное" и "бессознательное", о специфике и динамике эволюционного развития познавательных, эмоциональных и волевых психических процессов, с неизбежностью повлечет за собой пересмотр

основ академической психологии и содержания учебной литературы для студентов по курсу "Общая психология".

В пятом разделе представлены две работы, в которых на основе авторских представлений о сущности психики и сознания предлагаются объяснения психологических механизмов известных в психологии эффектов Э. Маха и "дежа вю".

Я надеюсь, что ознакомление с работами, представленными в монографии, позволит читателю получить системное представление о сути психики и сознания, механизмах их возникновения и динамике эволюционного развития.

Замечания, пожелания и аргументированную критику можно отправлять на e-mail: korniaf@inbox.ru.

* * *

В заключении мне хочется выразить благодарность Юрию Михайловичу Забродину и Артуру Николаевичу Лебедеву – моим первым Учителям, руководителям моей диссертационной работы "Психофизическое исследование процессов формирования зрительных ощущений", которые дали мне "путевку" в научную жизнь и предопределили направление моих научных исследований.

Я благодарен Александру Октябриновичу Прохорову и преподавателям кафедры психологии Казанского государственного педагогического института, которые в 1988 году предложили мне попробовать себя на педагогическом поприще. Занимаясь педагогической деятельностью на протяжении более 20 лет, я пришел к убеждению, что возможность общения со студентами на лекциях и экзаменах является одним из условий возникновения научных гипотез, оригинальных мыслей и построения логически выверенных научных концепций. В связи с этим я выражаю глубокую признательность всем своим студентам, проявлявшим неформальный интерес к моим лекциям.

Особую признательность и благодарность я выражаю своей жене Екатерине и сыну Дмитрию, без духовной и материальной поддержки которых моя научная деятельность была бы крайне затруднительной и появление данной монографии вряд ли стало возможным.

Апрель 2010 г.

Методологические проблемы психологии

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В СТРУКТУРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая психология в России на пороге XXI века /Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 28-29 ноября 2000 г. – Пенза, 2000. – С. 22-24.

В психологическом исследовании, как и в любом другом научном исследовании, возникают три основных вопроса:

а) что исследовать?

б) зачем исследовать?

в) как исследовать?

Первый вопрос – это вопрос о том, какая область психических явлений подлежит исследованию, в чем суть научной проблемы и что является объектом и предметом исследования. Второй вопрос касается мотивационных аспектов исследования, определяющих цели и задачи исследования, его научную и практическую значимость. И, наконец, третий вопрос – это вопрос о методах и конкретных процедурах исследования.

Любое научное исследование начинается с постановки научной проблемы. Научная проблема – это научное понятие, в котором в форме вопроса фиксируется противоречие между знанием о потребности (необходимости) в чем-то (в знаниях или в действиях) и незнанием как эту потребность удовлетворить. Проблема возникает тогда, когда при осознании цели и наличии потребности в ее достижении, возникает осознание недостаточности знаний, необходимых для достижения этой цели. Одновременно с осознанием (формулировкой) проблемы выделяется и объект исследования. С точки зрения общей теории познания объект исследования – это то, что может как-то или в чем-то проявляться, что может быть источником познаваемых явлений или фактором их обусловливающим. Что касается предмета исследования, то в качестве такового могут выступать определенные свойства объекта исследования, которые представляют интерес для исследователя. Другими словами, предмет исследования – это те процессы и явления, которые, будучи связанными с объектом исследования, являются проявлением его свойств и имеют для исследователя научную или практическую значимость.

В психологических исследованиях довольно часто в качестве объекта исследования указывается человек (субъект, личность) или группа людей (субъектов, личностей), относящихся к определенной категории, например, половозрастной или профессиональной. Конечно же, человек, наделенный психикой, является источником психических явлений, и потому, несомненно, может рассматриваться в качестве объекта психологического исследования. Однако, это, так сказать, глобальный объект исследования, как, например, материальные объекты в физике или живые организмы в биологии. Целесообразнее было бы выделять в качестве объекта психологического исследования не того, кто исследуется, а то, что исследуется (например, психические процессы, психические состояния, характер личности, уровень притязаний, межличностные отношения и т.д.). Что же касается предмета психологического исследования, то в соответствие с общим определением это будут некоторые свойства и характеристики объекта исследования (например, свойства психических процессов, особенности характера или межличностных отношений).

Выделение и формулировка предмета исследования непосредственно связаны с выдвижением и формулировкой гипотезы исследования. Гипотеза – это определенное научное предположение или предполагаемый ответ на вопрос, в котором сформулирована научная проблема. Выдвижение гипотезы осуществляется на основе имеющихся знаний и представлений, касающихся содержательных аспектов научной проблемы. Поскольку используемая при выдвижении гипотезы система знаний и представлений есть не что иное, как теория, гипотеза – это предположение, основанное на определенной теории (или нескольких теорий), и в силу этого имеющее определенное теоретическое обоснование.

Понятия гипотезы, теории, научной проблемы, объекта и предмета исследования очень тесно переплетаются между собой, взаимно обусловливая друг друга. Взаимосвязь этих понятий и, по существу, структуру или внутреннюю логику научного познания можно представить в виде следующей схемы:

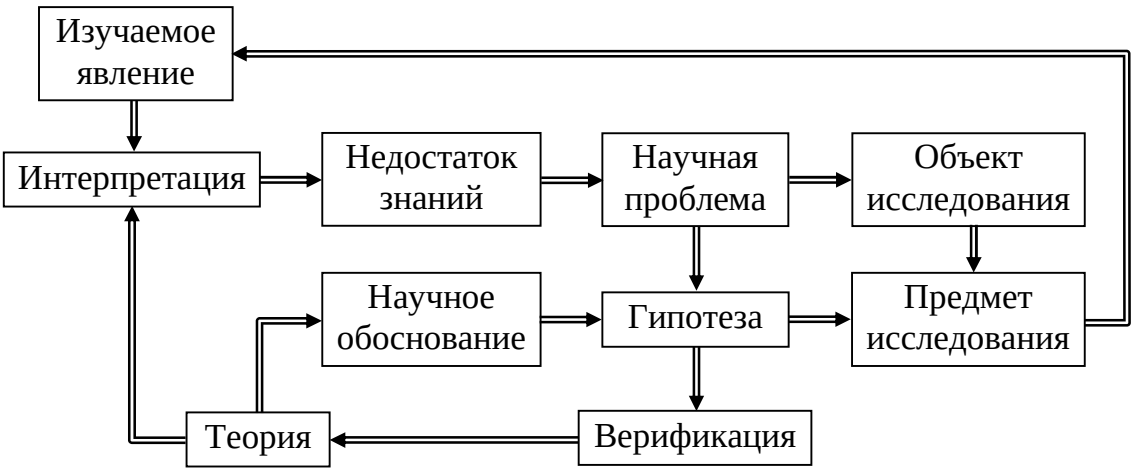

Рис. 1. Основные методологические понятия в структуре научного познания.

КУРС "МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ" В ПОДГОТОВКЕ ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

Актуальные проблемы педагогики, психологии и частных дидактик. Вып. XII /Материалы Республиканской научно-практической конференции "Служба практической психологии образования РТ: позитивные тенденции, проблемы, новые рубежи". Набережные Челны, 18-19 апреля 2002 г. – Набережные Челны, 2002.

Подготовка практических психологов достаточно высокого уровня квалификации в рамках высшего учебного заведения требует решения как минимум четырех проблем:

– проблемы профессионального статуса практического психолога, определяющего суть и содержание его работы;

– проблемы критериев эффективности работы практического психолога;

– проблемы соответствия Программы и Учебного плана подготовки практического психолога необходимым квалификационным требованиям;

– проблемы подбора педагогических кадров должного уровня профессиональной психологической и педагогической квалификации;

Определяя рамки и специфику работы практического психолога, обычно выделяют три области или три "слоя" психологии[1]: теоретическую, прикладную и, собственно, практическую.

В теоретической психологии психолог является исследователем по отношению к конкретному субъекту (личности). Субъект (личность) выступает для теоретического психолога как испытуемый, который является носителем психики и в поведении которого проявляются интересующие психолога особенности психических процессов, состояний или свойств личности. Результатом деятельности (работы) теоретического психолога является получение психологических знаний, на основе которых могут быть построены описания, объяснения, теории, концепции наблюдаемых психических явлений.

[1] Лидерс А.Г. Особенности позиции практического психолога по отношению к клиенту //Журнал практического психолога. – 1996. – № 3. – С.15.

В прикладной психологии суть работы психолога сводится к обследованию конкретных субъектов (личностей) и получению о них тех психологических знаний, которые необходимы для организации практической работы других специалистов. Например, психолог получает знания об особенностях познавательной сферы учащихся, которые необходимы учителю или воспитателю для организации учебно-воспитательный процесса и повышения его эффективности. Знания, получаемые прикладным психологом, для использования самим психологом не предназначаются.

В практической психологии психолог получает знания о тех субъектах (личностях) и тех особенностях их психических процессов, состояний и свойств личности, на которые он сам собирается воздействовать. Субъект (личность) выступает для практического психолога как клиент, как объект непосредственного психологического воздействия или как субъект совместного межличностного взаимодействия.

Конечно же, такое определение специфики работы практического психолога вполне приемлемо, хотя, в принципе, для характеристики психолога, работающего с клиентом, может быть использовано и другое, более узкое понятие – не "практический" психолог, а "практикующий".

Как бы то ни было, нетрудно заметить, что в работе и теоретического, и прикладного, и практического психологов центральной задачей является получение определенных знаний о свойствах психики, личности и межличностных отношений. Чтобы их получить и обеспечить высокий уровень их достоверности, необходимо, очевидно, хорошо знать, как это делается, владеть различными методами и процедурами психологического исследования, уметь его спланировать, выделить то, что необходимо исследовать (сформулировать объект и предмет исследования), выдвинуть и обосновать рабочие гипотезы (предположения), проанализировать получаемые данные, в том числе с применением определенных математических методов. Все эти и другие вопросы рассматриваются в специальном курсе "Методология и методы психологического исследования" (ММПИ), который входит в стандартную Программу и предусмотрен Учебным планом подготовки практического психолога.

Данный курс читается у нас на факультете психологии КГПУ в течение первых двух семестров и заканчивается экзаменом. Студенты уже на первом курсе получают достаточно четкие научные представления о том, что такое психологическое знание и какие психологические механизмы лежат в основе его получения. Они знакомятся с тем, чем отличается психологическое исследование от простого измерения, что можно исследовать и измерять, для чего и как это делается. Занятия ведутся на основе специально разработанного для этого курса учебного пособия "Теория и практика психологического исследования"[2].

Необходимость чтения курса ММПИ буквально в самом начале профессиональной подготовки психолога нам представляется обоснованной по нескольким причинам. Во-первых, он прекрасно сочетается с курсом "Основы общей психологии", который всегда читается первым. Это касается, прежде всего, понятия "психического", представлений о психических процессах, состояниях и свойствах личности, которые могут выступать в качестве объекта и предмета психологического исследования, и, конечно же, понятий о методах и методиках психологического исследования. Во-вторых, как курс "Основы общей психологии" является базовым для последующих общепрофессиональных курсов, таких как возрастная, педагогическая и социальная психология, так и курс ММПИ, на наш взгляд, является базовым для последующих специальных курсов, к которым можно отнести такие, как психодиагностика, психологическое консультирование, психокоррекция и психотерапия.

При чтении курса ММПИ, как и курса "Основы общей психологии", весьма остро стоят две взаимосвязанные проблемы: а) научно-методическая и б) профессионально-педагогическая.

Первая проблема касается содержания, структуры и логики построения курса. Очень важно, чтобы в основе профессиональной подготовки практического психолога лежали современные научно обоснованные фундаментальные психологические знания. Как это ни парадок-

[2] Корниенко А.Ф. Теория и практика психологического исследования: Учебное пособие. – Казань: Изд-во КГПУ, 2000. – 258 с.

сально, но есть практические или практикующие психологи, которые строят свою работу либо вовсе без какой бы то ни было теоретической концепции, либо берут за основу архаичные, а также гипотетические и недостаточно обоснованные представления и концепции.

Вторая проблема касается подбора педагогических кадров. По аналогии с бесспорным утверждением о том, что "… личность может воспитать только личность", можно сказать, что практического психолога высокой квалификации могут подготовить только достаточно высоко квалифицированные преподаватели и специалисты. К сожалению, в подходе к решению данной проблемы приходится констатировать два негативных момента. Первый состоит в достаточно распространенном, но ошибочном представлении, что и курс "Основы общей психологии" и курс ММПИ являются простыми курсами и его чтение можно доверить специалистам более низкой квалификации. В результате в основу фундамента профессиональной подготовки практических психологов закладываются поверхностные, не глубокие, порой противоречивые знания. Вторым негативным моментом являются также весьма распространенные, но не менее ошибочные, по существу, представления, что для подготовки практических психологов достаточно иметь большой опыт работы в области практической психологии. Бесспорно, это необходимо, но не достаточно. Нужно иметь и опыт педагогической деятельности, и соответствующую педагогическую квалификацию.

Очевидно, что курс ММПИ можно читать не только в системе базовой подготовки практических психологов, но и в системе послевузовского обучения при повышении профессиональной квалификации психолога. При этом, естественно, необходимо сместить акценты с теоретических вопросов методологии и методов психологического исследования на вопросы практической организации и проведения исследований, использования в исследовании различных методов обработки и интерпретации получаемых данных.

ФОРМИРОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В РАМКАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Социальная трансформация и актуальные проблемы современного образования: /Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию ТАРИ. Казань, 22 мая 2002 г. – Казань: ЗАО "Новое знание", 2002. – С. 67-69.

В соответствии с государственным стандартом образования при подготовке психологов по специальности 031000 "Педагогика и психология", мы должны дать студентам определенную систему психологических знаний и подготовить к тому, чтобы они могли на высоком профессиональном уровне выполнять такие виды профессиональной деятельности, как психодиагностика, психокоррекция, психологическое консультирование, психопрофилактика. Кроме того, они должны уметь передавать свои знания и самостоятельно получать новые знания, т.е. заниматься преподавательской и научно-исследовательской деятельностями.

Указанные виды профессиональной деятельности психолога охватывают, по существу, все три слоя, которые, как отмечает А.Г. Асмолов [1], существуют в психологии. Первый слой составляет теоретическая психология, в рамках которой психолог получает психологические знания, организованные в определенные концепции и теории. Второй слой – прикладная психология, где психолог транслирует психологические знания для использования их другими специалистами, к которым, например, можно отнести педагогических работников (учителей и воспитателей), а также родителей, которые непосредственно занимаются обучением, воспитанием и развитием учащихся. Третий слой – это практическая психология, в рамках которой психолог имеет возможность оказывать непосредственное психологическое воздействие на учащихся, занимаясь психологическим консультированием, психотерапией и психологической коррекцией.

Отсюда следует, что, выполняя функции прикладного или практического психолога, психолог так или иначе, прямо или косвенно оказывает определенное психологическое воздействие и на взрослых, и на детей. И вот здесь возникает вопрос, из чего исходит психолог, выпол-

няя эти функции? Какова его мировоззренческая позиция? Вопрос этот не праздный. Учитывая огромное влияние, которое оказывает характер психологического воздействия на развитие психики ребенка и становление его личности, данный вопрос имеет принципиальное значение. Личность воспитывается только личностью, и в этом процессе в первую очередь происходит трансляция мировоззрения, как системы взглядов и отношений к миру, к другим людям, к самому себе, к месту и роли человека в этом мире. Взгляды и отношения – категории психологические; это и есть те психологические знания, которые организованны в определенные концепции и теории. В процессе профессиональной деятельности педагога-психолога его мировоззрение, система его психологических знаний будет транслироваться детям либо непосредственно, либо через учителей и родителей, определяя путь, по которому пойдет их развитие, развитие их психики и личности.

В этой связи я хотел бы привести высказывание Е.Д. Хомской на страницах журнала "Вопросы психологии" в 1997 году по поводу тенденций в развитии современной психологии. По словам Е.Д. Хомской [2], в психологии наметились две тенденции. С одной стороны, это – стремление к чистому прагматизму, к определенному пренебрежению академической наукой, как якобы не имеющей практической ценности. С другой стороны, это – оживление интереса к мистике и всяким чудесам (экстрасенсорному восприятию, телекинезу и т.п.) и появление некоторой «альтернативной» психологии, в рамках которой либо отрицается, либо ставится под сомнение естественнонаучные материалистические методологические основы психологического знания. Оживление нематериалистических тенденций в психологии наиболее очевидно в ее прикладных областях: психотерапии и психокоррекции, где воздействие психолога на ребенка наиболее интенсивное. В подтверждение данного высказывания можно привести слова доктора психологических наук А.В. Юревича [3], который в том же журнале "Вопросы психологии", но уже в конце 2001 года отметил, что в нашей современной отечественной психологии наблюдается кризис рационализма, который проявляется в полной легализации парапсихологии, появлении откровенно мистических школ и направлений.

К сожалению, приходится констатировать, что в наших ВУЗах на факультетах психологии есть немало студентов, которые "заражены" и парапсихологическими, и религиозными, и мистическими учениями о природе психики и личности человека и о соответствующих методах воздействия на них.

Феномен заражения можно объяснить двумя факторами.

Первое – это то, что в самой психологии в отношении многих психических явлений и психологических понятий (терминов, категорий) до сих пор нет четких представлений и концепций. Нет работ, в которых объяснялись бы конкретные психологические механизмы тех или иных техник, используемых в психотерапии и психокоррекции. В то же время есть множество популярной психологической и околопсихологической литературы, где авторы под флагом гуманистической психологии в доступной для массового читателя, метафорической форме, или, выражаясь словами А. Маслоу, "в возвышенном поэтическом или свободно-ассоциативном стиле" излагают "новые", "альтернативные" подходы к психологии личности и методам психологического воздействия. Чтение подобной литературы затрудняет осознание студентами научных основ психологии и формирование соответствующего естественнонаучного мировоззрения.

Второе – это то, что у студентов порой отсутствуют самые элементарные знания из области естественных наук – физики, химии, биологии, физиологии, нейрофизиологии. А там, где нет знаний, остается уповать на веру. Вера же в отсутствии знаний – благодатная почва и для религии, и для мистики.

В связи с этим было бы целесообразным при подготовке будущих специалистов "педагогов-психологов" особое внимание уделить, прежде всего, квалифицированному изложению таких основополагающих в плане формирования естественнонаучного мировоззрения студентов курсов, как "Основы общей психологии" и "Методология и методы психологического исследования", а также курсов "Психология личности", "Возрастная психология" и "История психологии". Следует разъяснять студентам суть психологических явлений, механизмов психиче-

ского отражения и познавательной деятельности, динамики в развитии психики и личности человека с опорой на естественнонаучные знания из области физики, биологии, физиологии и нейрофизиологии. Необходимо добиваться того, чтобы студенты не просто знали естественнонаучные основа психологии, но и понимали то, что они знают.

Большое значение в формировании естественнонаучного психологического мировоззрения имеет изложение проблем филогенеза в развитии психики, начиная от появления первичных простейших форм познавательной активности живого организма до возникновения элементарных форм психического отражения и сознания, как его высшего уровня. Следует также обратить особое внимание на изложение динамики и соотношений в материалистических и идеалистических представлениях о "душе" (или "психике"), которые имели место в истории психологии, как науки. Превратные представления о "душе", о "духовном развитии" и противопоставление этих понятий понятиям "психики" и "психического и нравственного развития" во многом и определяют проблемы с формированием естественнонаучного мировоззрения, особенно, у студентов-психологов.

Литература:

1. Асмолов А.Г. Особенности позиции практического психолога по отношению к клиенту //Практический психолог. – 1996. – № 3. – С. 15-26.

2. Хомская Е.Д. О методологических проблемах современной психологии //Вопросы психологии. – 1997. – № 3. – С. 112-125.

3. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии //Вопросы психологии. – 2001. – № 5. – С. 3-18.

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ И ГУМАНИТАРНАЯ ПАРАДИГМЫ В ПСИХОЛОГИИ

Психология XXI столетия. Т.1. /Материалы Международного Конгресса. Ярославль, 4-7 сентября 2008 г.; под ред. В.В. Козлова. – Ярославль: МАПН, 2008. – С. 341-344.

В психологии, как ни в одной другой науке, наблюдается смешение разных понятий, подмена одних понятий другими, расширительные и иные толкования понятий, параллельное существование и развитие взаимоисключающих представлений об изучаемых явлениях. Ярким примером тому могут служить представления о так называемом "парадигмальном статусе" психологии. Как отмечает А.В. Юревич [4], существуют три основные позиции относительно парадигмального статуса психологии: 1) психология – *до*парадигмальная научная дисциплина, в которой в силу ее недостаточной развитости по сравнению с естественными науками единая парадигма еще не сложилась; 2) психология – *мульти*парадигмальная наука, в которой признается право на существование различных парадигм и принципиально различных вариантов понимания психического; 3) психология – *вне*парадигмальная наука, по отношению к которой представления о каких-либо парадигмах вообще не применимы.

Единственное, в чем мнения большинства психологов совпадают, так это то, что психология, несмотря на все имеющиеся в ней противоречия, является все-таки наукой. Вопрос лишь в том, в чем ее специфика. И вот здесь мы имеем все то, о чем было сказано в самом начале.

Так что же это за наука – психология, и почему в ней все так запутано?

Для начала имеет смысл определиться с общим понятием "наука". Можно с уверенностью сказать, что наука связана с получением определенной совокупности знаний, и в этом смысле она является одной из форм познания, среди которых обычно выделяют три основные формы: житейскую, научную и религиозную.

Житейское познание является первичной формой познания и связано с получением знаний, необходимых субъекту познания в его повседневной жизни для решения жизненно важных для него проблем.

Научное познание представляет собой форму познания, которая возникает на определенной стадии развития житейского познания. Его особенность состоит в том, что оно направлено на получения знаний не столько для себя, сколько для других. При этом изначально предполагается, что все, что есть и что происходит в мире, детерминировано естественными факторами, то есть факторами, присущими самому миру и находящимися в этом мире.

Религиозное познание отличается от житейского и научного тем, что в его основе лежат представления о наличии некоторых сверхъестественных факторов, факторов, находящихся за рамками существующего реального мира. Как правило, эти факторы соотносятся с понятием "бога". Поскольку для человека, находящегося в реальном мире, факт существования "сверхъестественного" ни доказать, ни опровергнуть не представляется возможным, религиозное познание целиком и полностью построено на вере. Приоритет "веры" и признание сверхъестественной или "божественной" природы всех вещей и явлений, в том числе, природы психики и психических явлений – специфическая особенность религиозного познания.

Признавая естественное происхождение психики и природную обусловленность психических явлений, мы автоматически рассматриваем исследование этих явлений, то есть психологическое исследование, как одну из форм научного познания. И именно в связи с этим психология, в рамках которой исследуются психические явления, приобретает статус науки. Соответственно, в психологии, как в и любой другой науке, по определению, должна доминировать исследовательская парадигма, которая носит название "естественнонаучной". Отказ от естественнонаучной парадигмы в психологии означает отказ от психологии как науки.

Что касается понятия "гуманитарная парадигма", то ее появление в психологии обусловлено отсутствием четких определений объекта и предмета психологического исследования. Причиной тому, на наш взгляд, является, прежде всего, отсутствие удовлетворительного определения центрального для психологии понятия "психика". Как отмечает

Н.И. Чуприкова, "Психология всегда испытывала немалые трудности в определении своего предмета, они существуют и по сей день. …Однако все трудности начинаются тогда, когда поднимается вопрос о том, что же такое психика" [3, с. 104].

Наиболее адекватным в настоящее время считается представление о психике как особом свойстве мозга, которое в отличие от самого мозга не является материальным объектом. В связи с этим у некоторых психологов возникают сомнения двоякого рода: во-первых, можно ли вообще рассматривать в качестве объекта исследования нематериальное свойство материального объекта? А если можно, то не является ли свойство объекта предметом, а не объектом исследования? Во-вторых, не является ли мозг, как физиологический орган тела, и все его свойства, обусловленные особенностями протекающих в нем физиологических процессов, соответственно, объектом и предметом исследования такой науки как физиология? И что ж тогда приходится на долю психологии?

Решение этих проблем было найдено довольно простое. Да, психика является свойством мозга, но ведь она возникает у человека и в связи с этим одновременно является и его свойством. Значит, если в качестве объекта психологического исследования принять человека, как носителя психики, тогда сама психика и ее особенности будут выступать в качестве предмета исследования. Именно данная точка зрения на соотношение объекта и предмета психологии является в настоящее время доминирующей. Подводя итоги научной деятельности подразделений Института психологии РАН, директор института А.Л. Журавлев отметил: "при создании Института научным основанием программы его исследований фактически выступил *целостный антропологический* подход, в соответствии с которым в центр психологического изучения был поставлен человек во всем многообразии его характеристик, проявлений и т.д." [1, с. 5]. Ну а поскольку понятие о "человеке" составляет основу понятия "гуманитарный", то и антропоцентрическая психология стала называться "гуманитарной психологией". Соответственно, антропоцентрический подход к исследованиям в психологии стали связывать с понятием "гуманитарная парадигма".

Однако при этом смешиваются два понятия – "объект действительности" как онтологическое понятие и "объект исследования" как понятие гносеологическое. Человек, являясь носителем психики, в онтологическом плане выступает как особый объект действительности. В гносеологическом плане он может выступать в качестве объекта исследования, но не психологии, а антропологии. Вместе с тем, он же может выступать и как субъект исследования, как субъект, занимающийся определенным видом науки, название которой зависит от типа изучаемых явлений. Если человек занимается изучением психических явлений, значит, он занимается наукой психологией, и объектом его изучения являются именно психические явления и их особенности у тех или иных носителей психики, которые в данном случае выступают всего лишь в качестве испытуемых или респондентов. Что же касается предмета психологического исследования, то он определяется содержанием выдвигаемой в исследовании гипотезы [2]. Например, если предполагается, что социальный статус личности зависит от уровня ее притязаний, то предметом исследования следует считать зависимость социального статуса личности от уровня притязаний. Объектом же данного психологического исследования будут выступать те психические явления, которые связаны с понятием "социальный статус".

Попытка противопоставить понятия о "естественнонаучной" и "гуманитарной" парадигмах в психологии путем ссылки на преимущественную направленность в одном случае на объяснение психологических феноменов, а в другом – на их понимание, является следствием необоснованного противопоставления понятий "объяснение" и "понимание". "Понимание" является результатом процессов мышления или мыслительной деятельности и указывает на наличие связей между знаниями в рамках определенной их совокупности. "Объяснение" всего лишь вербальная форма выражения понимания. Если исследовательская парадигма является научной, т.е. связана с получением знаний для других, то она не может быть ненаправленной на объяснение. Но чтобы объяснить, надо сначала понять. Поэтому естественнонаучная парадигма сама по себе предполагает направленность исследования не только на

объяснение, но, прежде всего, на понимание. В связи с этим нет необходимости противопоставлять ей особую "гуманитарную" парадигму, которой приписывается специфическая направленность на понимание.

Литература:

1. Журавлев А.Л. Основные тенденции развития психологических исследований в институте психологии РАН //Психологический журнал. – 2007. – Т. 28. – № 6. – С. 5-18.

2. Корниенко А.Ф. Методология и методы психологического исследования: Учебное пособие. – Казань: Изд-во КГПУ, 2003. – 160 с.

3. Чуприкова Н.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки //Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 104-118.

4. Юревич А.В. Перспективы парадигмального синтеза //Вопросы психологии. – 2008. – № 1. – С. 3-15.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПОСТРОЕНИЯ ИНТЕГРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Интегративная психология: теория и практика /Материалы Международной научно-методической конференции. Ярославль, 22-26 апреля 2009 г.; под ред. В.В. Козлова. – Ярославль: МАПН, 2009. – С. 91-93.

В настоящее время в психологии наблюдается широкое внедрение понятий "интеграция", "интегративность" и образуемых на их основе словосочетаний "интегративный подход", "интегративность психики, сознания, личности", "интегративная психология", "интегративная психотерапия", "интегративная методология", "интегративные психотехнологии" и т.д. Введение и использование указанных понятий и словосочетаний обосновывается необходимостью в преодолении непрекращающегося в психологии методологического кризиса и углубляющегося психологического схизиса. Интегративная психология представляется как новая психологическая наука, которая позволит объединить две автономно развивающиеся в последнее время ветви психологии – теоретическую психологию и психологическую практику.

До последнего времени психологическая практика и психологическая наука жили да и сейчас живут, как отмечает Ф.Е. Василюк (1996), "параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности". Однако вряд ли стоит утверждать, что у них "нет взаимного интереса". Хотя они действительно поклоняются разным "богам", успех в развитии одной из них во многом определяется уровнем развития другой. Если взять теоретическую психологию, то в стремлении к постижению сущности психологической реальности в ее многообразных формах проявления ей никак не обойтись без результатов психологической практики. Именно психологическая практика является источником того многообразия психических явлений, описать, объяснить и предсказать которые призвана теоретическая психология. Содержание и смысл вводимых в психологической науке понятий и разрабатываемых теоретических концепций подлежат не только теоретическому, но и эмпирическому обоснованию, в частности, проверке в различных видах психологической практики. В свою очередь, психологическая практика,

будучи озабоченной оказанием практической психологической помощи каждому отдельному человеку "здесь и сейчас" (а заодно и решением финансовых проблем тех, кто ею занимается), не может не опираться на положения теоретической психологии. Любой практический психолог уже на стадии формулирования психологической проблемы, на решение которой должна быть направлена психологическая практика, вынужден использовать базовые термины и понятия, принятые в теоретической психологии, такие как психика, мышление, сознание, личность, сознательное и бессознательное, эмоция, переживание, деятельность и т.д. То, как они трактуются и насколько хорошо проработаны в теоретическом плане, существенным образом определяет и порядок организации психологической практики, и совокупность инструментально-методических средств ее реализации.

Однако теоретическая психология, как оказалось, не в состоянии предложить психологической практике необходимые для нее непротиворечивые и в достаточной степени операционализированные психологические понятия. Более того, среди психологов до сих пор нет общепринятых определений основных, как для теоретической, так и практической психологии понятий "психика" и "сознание". Все прекрасно понимают, что психика и сознание как психические явления существуют, но мало кто может дать внятный ответ на вопрос о том, что это такое. Всем известное определение психики как субъективного отражения объективной действительности, во-первых, тавтологично, во-вторых, излишне обще. В определении психики как особого свойства мозга недостаточно определенным оказывается "особость" этого свойства. Попытка Н.И. Чуприковой (2004) уточнить специфику психики и психического процесса не выходя за рамки материалистического монизма, свелась к тому, что она поделила мозговые нервные процессы на два класса и к одному из них отнесла психические процессы на том основании, что они выполняют функцию отражения. Так психические процессы в определении Н.И. Чуприковой стали, пусть и особыми, но все же нервными процессами. Точно также И.П. Павлов полагал, что психические явления – это всего лишь более сложные процессы высшей нервной деятельности, за что его, собственно, и критиковали.

Что касается сознания, то под ним обычно понимается высшая форма психического отражения, высший уровень развития психики. Однако, несмотря на то, что развитие психики обычно соотносится с развитием познавательных психических процессов (ощущение → восприятие → мышление), сознание как высший уровень развития психики оказывается вынесенным "за скобки" не только познавательных, но и вообще психических процессов. Оно рассматривается как некоторое интегративное образование, в котором особым образом интегрируются все психические процессы. Однако каким образом они "интегрируются" и в каком соотношении остается невыясненным. В результате понятие "сознание" часто используется просто как синоним понятия "психика".

К типичным в отношении сознания высказываниям можно отнести высказывание В.М. Аллахвердова (2003): "О чем, собственно, идет речь, когда мы говорим о сознании, на самом деле никому не известно". Аналогичного мнения придерживался и известный философ М.К. Мамардашвили (1982): "сознание есть нечто такое, о чем мы как люди знаем все, а как ученые не знаем ничего". Однако отсутствие научного определения понятия "сознание" не мешает психологам использовать его как в психологической практике, так и в науке, в том числе, при определении других психологических понятий. Показательным примером того, что из этого получается, может служить определение понятия "осознание", которое дается в работе А.Ю. Агафонова (2007). Полагая, что осознание есть "конечный результат, интегральный психический продукт активности сознания", А.Ю. Агафонов пишет: "любой осознаваемый эффект есть следствие неосознаваемой деятельности сознания". И деятельность эта, по мнению автора, заключается в принятии сознанием решения об осознании. Получается, что осознание есть результат деятельности сознания по принятию решения об осознании, которая осуществляется сознанием неосознанно!!! Как можно такое "научное" определение осознания использовать в психологическом исследовании или психологической практике?

Учитывая, что в психологии существуют проблемы в определении не только понятий "психика", "сознания" и "осознание", но и многих

других понятий, складывается ситуация, которую В.В. Козлов охарактеризовал следующим образом: "ничтожество наших научных психологических знаний, с одной стороны, и безбрежная область практической психологии, с другой". Что остается делать в такой ситуации практическим психологам? Конечно же, брать инициативу в свои руки и хоть как-то доопределять то, что не могут определить представители науки. Несомненно, получается далеко не лучшим образом, но зато можно начинать психологическую практику. Поскольку клиенты, которым оказывается психологическая помощь, не столь искушенные в тонкостях и проблемах научной психологии и они их, в общем-то, и не интересуют, то самобытных теоретических построений практического психолога, как правило, бывает вполне достаточно как для проведения психологической практики, так и для обеспечения положительного эффекта. Наличие у практического психолога теоретической модели придает ему уверенности в том, что он все делает правильно, а его уверенность порождает уверенность клиента в том, что психолог знает, что делает, и он ему поможет. Клиент не задумывается, например, о корректности представлений о "слоистом строении сознания", о "молекулах", "уровнях" или "регистрах" сознания, о том, что переживание, определяемое как деятельность, является одновременно и процессом, "протекающим по четырем связанным между собой каналам". Не будучи специалистом в области психологии, он доверяет психологу. Собственно, от него больше ничего и не требуется.

Вместе с тем, многие практикующие психологи хотят большего, они озабочены действительно научным, а не наукообразным обоснованием своей психологической практики. Они стремятся навести мосты между практической и теоретической психологией. Их искренне волнует судьба психологии как единой науки, в которой теория и практика должны гармонично сочетаться, взаимно дополняя друг друга. Однако современная академическая научная психология в силу ее разобщенности на отдельные научные школы, каждая из которых характеризуется высоким уровнем амбициозности, оказалась не готовой к такой интеграции. Да, собственно, и психологов, которых занимаются фундамен-

тальными методологическими проблемами научной психологии, становится все меньше и меньше. Уж очень это не благодарное занятие. Ведь нужно вступать в единоборство с теми, кто создавал и закладывал тот фундамент, на котором стоит и продолжает строиться здание современной психологической науки. А это С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, П.К. Анохин, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, К.К. Платонов, М.Г. Ярошевский, А.В. Петровский, Б.Ф. Ломов, Н.И. Чуприкова, В.П. Зинченко и многие другие. Одна мысль о том, что кто-то из них в чем-то может быть не прав, и уж тем более в фундаментальных методологических вопросах, в среде академических психологов априори будет расценено как кощунство. Поэтому выдвижение новых фундаментальных идей следовало бы ожидать со стороны представителей практической психологии. И эти идеи ими выдвигаются. Другое дело, каков их научный уровень и научный потенциал. Практический психолог, занимаясь психологической практикой, как правило, самодостаточен. У него нет особых обязательств перед академической наукой и академическими психологами. Будучи гуманитарием и не обременяя себя излишними знаниями естественных наук (физики, биологии, нейрофизиологии), а также математики и математической логики, он в доступной для себя и для клиента метафорической форме, или, выражаясь словами А. Маслоу, "в возвышенном поэтическом или свободно-ассоциативном стиле" излагает "новые", "альтернативные" подходы к пониманию психики, сознания, личности и методам психологического воздействия. Фактически в рамках практической психологии начинает развиваться своя теоретическая психология в дополнение, а может и в противовес традиционной академической. И за этой новой психологией закрепляется наименование "Интегративная психология".

Как же видят "Интегративную психологию" сами практические психологи? Как отмечает В.В. Козлов, понятие "интеграции" было введено в обиход европейской психологии К. Юнгом, который понимал под интеграцией осознание конфликта между фрагментами сознания и принятие конфликтующих сторон как равных по значимости. Понимание интеграции с позиции З. Фрейда означает, по мнению В.В. Козлова,

"принятие и осознание того материала психической реальности, который изгонялся из сферы Эго в бессознательное при помощи защитных механизмов". Как видим, данное понимание интеграции несколько отличается от того, что мы имели в виду, говоря о недопустимости психологического схизиса и необходимости восстановления единства теории и практики в психологии. Интеграция в понимании К. Юнга и З. Фрейда означает, скорее, расширение области психической реальности, изучаемой психологией, нежели объединение различных ее ветвей.

Иногда под флагом интеграции звучат призывы к установлению связей психологии с другими отраслями наук, занимающимися изучением человека и особенностей его жизнедеятельности, а также с парапсихологическими и мистическими учениями, с религией и различными духовными практиками. И такой конгломерат различных подходов, концепций и мировоззрений также предлагается обозначать понятием "Интегративная психология". Однако не является ли использование понятия "Интегративная психология" в данном случае лишь модной этикеткой, предназначенной для "завлекания" в ряды клиентов практических психологов более широких слоев населения? Показательным в этом плане является определение "Интегративной психологии" на сайте http://spb.samopoznanie.ru/. "Интегративная психология – это открытое пространство, которое создает уникальные условия для слияния воедино имеющихся на сегодняшний день психологических подходов к развитию и обогащению личности, пребывание в котором позволяет человеку обрести и поддерживать целостность своей жизни". Где здесь наука психология? Это не более чем рекламная эклектика.

Если психологи-практики и психологи-теоретики хотят взаимного сближения своих позиций, выхода психологии из кризиса, устранения схизиса и воссоздания единства науки, именуемой "Психология", зачем вводить новое наименование "Интегративная психология"? Может достаточно "интегративного подхода" и "интегративной методологии"? С другой стороны, чем плох системный подход или комплексный, или, например, "синергетический"?

ПРОБЛЕМЫ В ПРЕПОДАВАНИИ ПСИХОЛОГИИ В ВУЗЕ

Казанский педагогический журнал. – 2009. – № 2. – С. 48-56.

Известно, что психология существует в двух формах – как особая отрасль науки и как учебная дисциплина. Психология как наука представляет собой особый вид человеческой деятельности, направленной на получение новых знаний о психике и психических явлениях. Человек, который занимается данной наукой, называется психологом. Что касается психологии как учебного предмета, то это не деятельность психолога, а определенная совокупность уже имеющихся психологических знаний и, главное, предназначенных для передачи учащимся. Человек, который передает учащимся психологические знания, называется не психологом, а преподавателем психологии. Сама же деятельность по передаче знаний есть не что иное, как педагогическая деятельность.

Очевидно, что деятельность преподавателя психологии по передаче психологических знаний осуществляется на основе той совокупности знаний и тех методов преподавания, которыми он обладает. Но преподаватели бывают разные как по уровню психологического образования, так и по навыкам педагогической деятельности. В связи с этим в преподавании психологии выделяются две основные проблемы:

1) Что необходимо преподавать?

2) Как преподавать?

К проблемам в преподавании психологии иногда относят и вопрос о том, кто должен преподавать. В.Н. Карандашев [3] в историческом экскурсе опыта преподавания психологии в России указывает, что первыми преподавателями психологии назначались люди, имевшие богословское образование. В дальнейшем к преподаванию психологии привлекались учителя литературы, истории, биологии. Ну и, конечно же, преподаванием психологии занимались психологи. Так кто же *должен* преподавать психологию? Ответ на этот вопрос В.Н. Карандашева несколько обескураживает. Утверждается, что "психология может преподаваться не только психологами и не только в качестве отдельного учебного курса психологии" [3, с. 87]. Во-первых, раз уж мы говорим о

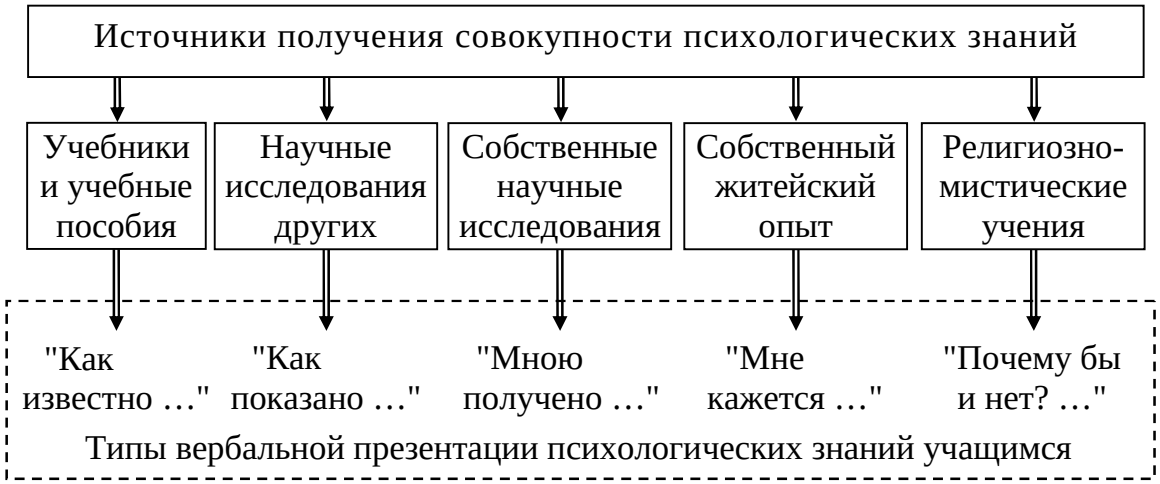
психологии как учебном предмете, то и преподавать ее, то есть психологию, необходимо в рамках отдельного учебного курса психологии. Во-вторых, тот, кто преподает и занимается педагогической деятельностью, по определению называется педагогом. Обучать и передавать знания – это профессиональные функции педагога. У психолога несколько иные профессиональные функции. Он должен получать, добывать, продуцировать знания о психике и психических явлениях. Конечно же, психолог может заниматься педагогической деятельностью, имея необходимые педагогические знания и навыки преподавания. Но тогда он берет на себя выполнение функций педагога и фактически становится педагогом – преподавателем психологии. Причем нет особой гарантии, что хороший психолог будет и хорошим преподавателем психологии. В психологических исследованиях психолог имеет дело с неперсонифицируемыми испытуемыми, судьба которых, в общем случае, его как психолога не должна волновать. Волновать его должны проблемы валидности используемых им средств и методов получения новых психологических знаний, а также достоверность выводов, которые он делает на основании результатов своего научного психологического исследования. Что касается педагогической деятельности, то здесь требуется устанавливать персональные межличностные отношения с каждым учащимся и нести ответственность за профессиональное психологическое и личностное развитие каждого из них, выполняя не только функцию обучения, но и функции воспитания и развития учащихся. И это в корне отличает педагогическую деятельность преподавателя психологии от научно-исследовательской деятельности психолога. Поэтому вопрос о том, кто *должен* преподавать психологию, не является проблемой. Несомненно, это должен быть педагог, имеющий необходимый объем психологических знаний, то есть знающий, что преподавать.

Решение проблемы "Что преподавать?" обычно связывается с разработкой стандартов образования, регламентирующих содержание знаний, которые преподаватель должен передать учащимся. На основе стандартов образования пишутся учебники, содержание которых, по

существу, и является для преподавателя руководством к действию. Однако преподаватель психологии в общем случае не ограничен знаниями учебников и учебных пособий по психологии. Источником его психологических знаний могут выступать монографии и другие научные публикации отечественных и зарубежных психологов. Он и сам может проводить психологические исследования, совмещая педагогическую деятельность с научно-исследовательской. Кроме того, у него есть определенный житейский опыт и знания из области, так называемой, "житейской психологии". Существенное влияние на стиль и характер педагогической деятельности преподавателя психологии могут оказывать знания различных религиозно-мистических учений. Совокупность различного рода психологических знаний, их источников и условная типология их вербальной презентации учащимся представлены на схеме 1.

Схема 1

Источники получения и типы вербальной презентации совокупности психологических знаний преподавателя психологии

Решение второй проблемы – "Как преподавать?" – связано, прежде всего, с разработкой общепедагогических принципов, подходов, методов и средств обучения учащихся. Однако в решении данной проблемы применительно к преподаванию психологии есть особые нюансы, которые обусловлены спецификой знаний, подлежащих передаче учащимся. Одним из таких нюансов и, пожалуй, наиболее существенным является

то, что до сих пор среди профессиональных психологов нет согласия относительно центрального для психологии понятия – понятия "психика". В одной из последних публикаций в журнале "Вопросы психологии" известный психолог и психофизиолог Н.И. Чуприкова пишет: "Психология всегда испытывала немалые трудности в определении своего предмета, они существуют и по сей день. …Однако все трудности начинаются тогда, когда поднимается вопрос о том, что же такое психика" [9, с. 104].

В учебниках психологии обычно говорится о том, что психика – это субъективное отражение или субъективный образ объективной действительности" и далее указываются ее функции, то есть для чего она нужна – это отражение действительности и регуляция поведения [6]. Но, во-первых, что значит "субъективный"? Это значит, что отражение или образ возникают у субъекта. Однако субъект – это не кто иной, как носитель психики. В результате получается тавтологическая конструкция: "Психика – это то, что возникает у носителя психики". Во-вторых, если психика, по определению, – это отражение действительности, то признание в качестве ее функции отражение действительности, опять же, приводит к тавтологии: "Психика – это отражение действительности для отражения действительности".

Не лучше обстоит дело и с пониманием психики как особого свойства мозга. Ни у кого не вызывает сомнения, что существуют психические процессы, и они протекают в психике. Но если психика – это свойство мозга, то как какие-то процессы могут протекать в свойстве? Чтобы сохранить возможность использования предлога "в" в сочетании с понятием "психика", необходимо либо вернуться к понятию о субстанциональности психики, что равноценно признанию религиозно-мистических концепций психики, либо рассматривать ее, то есть психику, как некоторое множество, например множество несубстанциональных субъективных образов. Но тогда возникает вопрос: "Как соотносятся процессы возникновения этих несубстанциональных образов в психике (в множестве образов) с материальными, то есть с субстанциональными процессами, протекающими в мозгу? Удовлетворительного решения этой проблемы, называемой "психофизиологической", ни в

психологии, ни в психофизиологии нет. Более того, некоторые ученые полагают, что эта проблема вообще не может быть решена в рамках естественно-научной парадигмы. Принимая участие в обсуждении статьи Е.Д. Хомской "О методологических проблемах современной психологии" [8], доктор психологических наук, профессор факультета психологии МГУ С.Д. Смирнов отмечает: "На мой взгляд, многие реальные проблемы психологии в статье излагаются как бы в сглаженном виде, представляются как решенные или почти решенные. Это относится, прежде всего, к проблеме соотношения психики и мозга. До сих пор никем не решенная психофизическая (или психофизиологическая) проблема вообще не упоминается. А именно она не может быть решена с позиций естественно- (т.е. природно) научной психологии" [7, с.129].

Неопределенность, многозначность и противоречивость определений присущи не только понятию "психика", но и другим базовым понятиям психологии, таким как "мышление", "сознание", "эмоция", "чувство", "переживание", "мотив", "воля", "субъект", "личность". Спрашивается, как преподавать психологию, не определившись с основными психологическими понятиями? Как в такой ситуации объяснить учащимся, например, специфику различных видов психических процессов (познавательных, эмоциональных и волевых) или чем отличается психическое развитие субъекта от развития личности? Очевидно, что решение проблемы "Как преподавать?" напрямую связано с разработкой концептуальных основ психологии как науки и, соответственно, с решением проблемы – "Что преподавать?".

Мы уже говорили о том, что деятельность преподавателя психологии по передаче учащимся психологических знаний есть не что иное, как педагогическая деятельность. Что касается деятельности учащихся по усвоению передаваемых им знаний, то это, как известно [1], есть учебная деятельность. Известно также, что характер педагогической деятельности Учителя, равно как и характер учебной деятельности Ученика, определяется не только совокупностью имеющихся у Учителя и Ученика знаний, но и наличием у них внешних и внутренних стимулов (мотиваций) к осуществлению соответствующих видов деятельно-

сти. Внешние стимулы (или внешняя мотивация) связаны с понятием "надо", внутренние стимулы (внутренняя мотивация) – с понятием "хочу". Последняя, то есть внутренняя мотивация, существенным образом зависит от особенностей межличностных отношений, которые складываются в процессе непосредственного взаимодействия Учителя и Ученика. Желание Учителя обучать того или иного Ученика в общем случае различно. Соответственно, и у Ученика может не быть достаточной внутренней мотивации к тому, чтобы учиться у того или иного Учителя. Отсюда следует, что в преподавании психологии в рамках общей проблемы "Как преподавать?" выделяется достаточно существенная частная проблема – "Как установить необходимые для эффективного преподавания благоприятные межличностные отношения с учащимися и тем самым повысить внутреннюю мотивацию учащихся к учебной деятельности и их познавательную активность?". Наличие мотиваций педагогической деятельности Учителя и, соответственно, учебной деятельности Ученика в их совместной деятельности по передаче и усвоению знаний представлено на рис. 1.

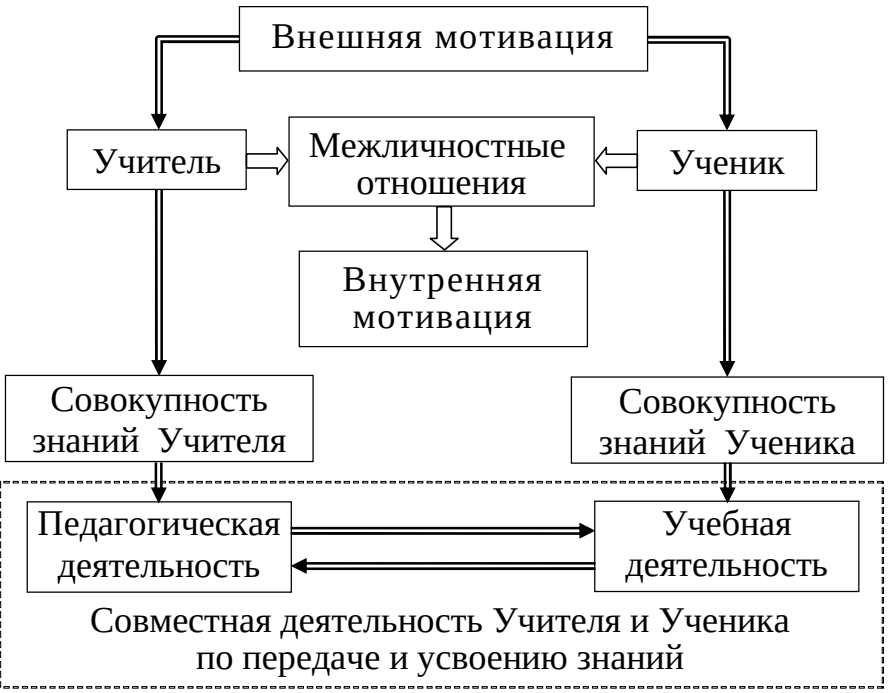

Рис. 1. Структура совместной деятельности Учителя и Ученика по передаче и усвоению знаний.

Как же разворачиваются педагогическая и учебная деятельности в целях передачи и, соответственно, усвоения передаваемых знаний?

В педагогике обычно принято считать, что Учитель должен объяснять, а Ученик – стараться понять то, что ему объясняют. С другой стороны, Ученик тоже должен уметь объяснить то, что он понял, а Учитель должен понимать то, что ему объясняет Ученик. Однако не менее важно, на наш взгляд, насколько сам Учитель понимает то, что он объясняет Ученику. Ведь объяснение это изложение собственного понимания. Нет понимания – нет и объяснения. Отсутствие понимания базовых, фундаментальных для психологии понятий, вынуждает преподавателей психологии не столько объяснять их суть, сколько излагать их разные интерпретации. В результате при изучении психологии основная нагрузка у учащихся ложится не на процессы мышления, обеспечивающие понимание, а на процессы памяти, обеспечивающие запоминание и последующее воспроизведение излагаемых преподавателем различных точек зрения и противоречивых концепций, которые предлагались в разное время разными психологами. С учетом вышеизложенного, общая схема взаимоотношений между Учителем и Учеником, связанных с передачей и усвоением психологических знаний, может быть представлена следующим образом (см. рис. 2)

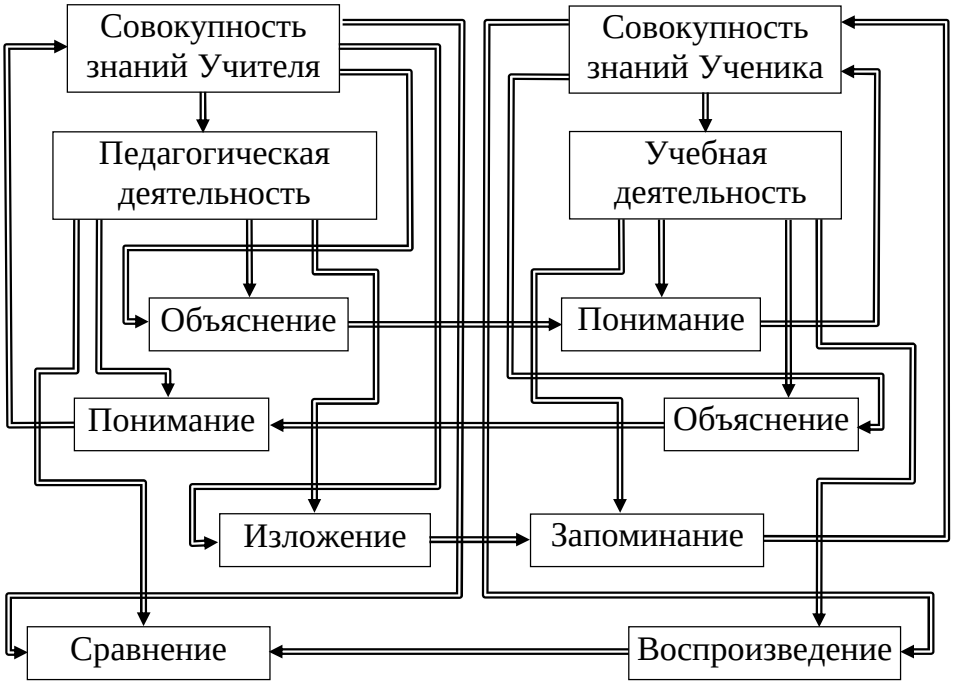

Рис. 2. Механизмы передачи и усвоения знаний в педагогической и учебной деятельностях Учителя и Ученика.

Излишняя нагрузка на память при отсутствии понимания теоретических аспектов учебного материала приводит к тому, что у учащихся пропадает интерес к психологии как науке. Окончив психологические факультеты, они чаще всего погружаются в сферу практической психологии и начинают заниматься психологическим консультированием, проведением различного рода тренингов и освоением разнообразных психотерапевтических техник.

В целях возрождения интереса учащихся к теоретическим основам психологии целесообразно в преподавании психологии, решая проблему "Как преподавать?", использовать, так называемый, "проблемный метод обучения" [5]. Коротко, суть данного метода состоит в следующем. Перед учащимися ставится определенная проблема, для решения которой имеющихся у них знаний недостаточно, но которая вызывает у них особый интерес. В силу отсутствия знаний, необходимых для решения проблемы, учащиеся испытывает некоторое затруднение, сопровождаемое соответствующим эмоциональным переживанием, которое, в свою очередь, обусловливает уровень субъективной трудности и субъективной значимости проблемы. Если значимость и необходимость решения проблемы учащимися осознается и содержательная сторона проблемы для них привлекательна, проблема в целом приобретает для них определенный личностный смысл. Если к тому же она оценивается как посильная для решения, она принимается. В результате у учащихся появляется внутреннее побуждение к поиску путей решения проблемы, и они активно включаются в ее решение.

Очевидно, что значимость, привлекательность проблемы и степень побуждения учащихся к ее решению во многом зависит от Учителя, от его умения организовать учебную деятельность учащихся. Используя проблемный метод обучения, Учитель может не только сам формулировать ту или иную проблему, но и оказывать помощь учащимся в самостоятельном формулировании проблем.

Процессы мотивационной и когнитивной поддержки, оказываемой учащимся со стороны Учителя, а также процессы и механизмы, лежащие в основе решения учащимися сформулированной проблемы, схематично представлены на рис. 3.

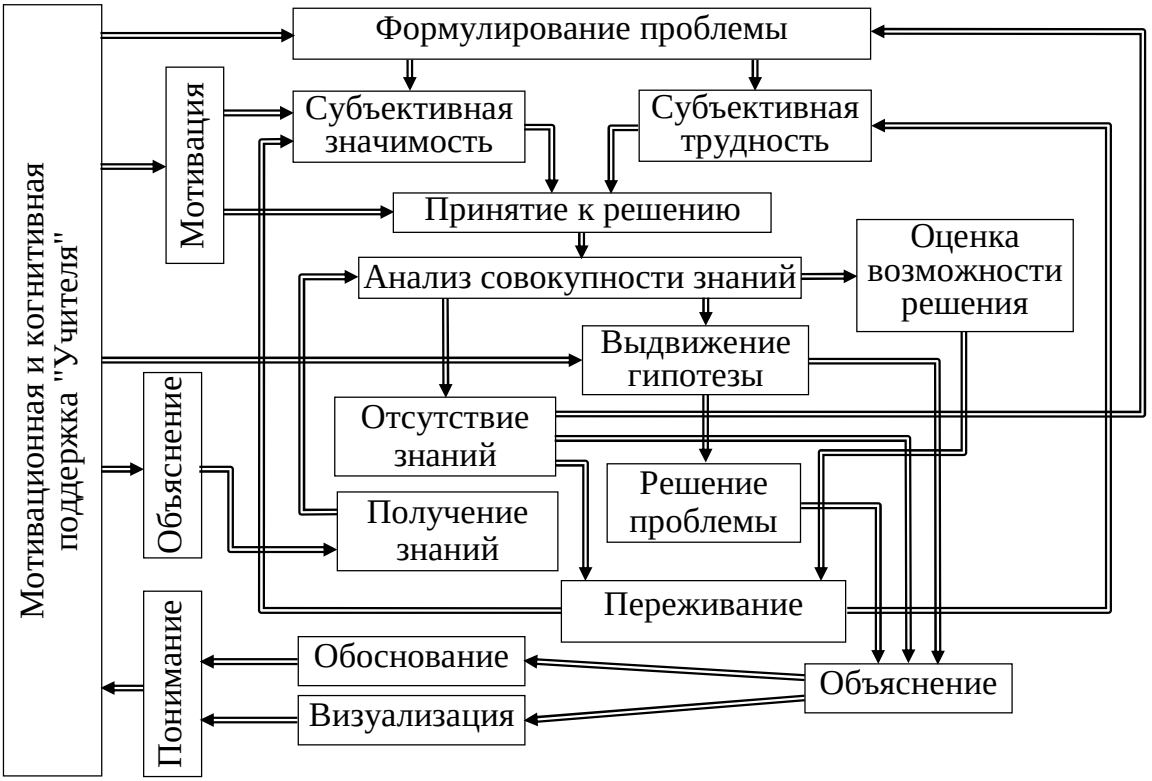

Рис. 3. Основные процессы и механизмы, лежащие в основе реализации Учителем проблемного метода обучения учащихся. (Пояснения в тексте).

Как показано на рис. 3, Учитель не только мотивирует учащихся на принятие проблемы к решению, но и оказывает помощь в выдвижении ими необходимых для решения проблемы гипотез. Кроме того, он оказывает помощь учащимся в получении знаний, которые необходимы для проверки гипотез и решения проблемы. Иногда в силу отсутствия достаточного объема знаний учащиеся пытаются переформулировать проблему так, как им более понятно и более доступно для решения. В этих случаях от Учителя требуется выдержка и умение тактично корректировать "творчество" учащихся, не снижая уровня их познавательной активности, но направляя ее на решение исходной проблемы.

Все стадии решения проблемы учащимися должны быть под контролем Учителя. Для этого необходимо, чтобы учащиеся объясняли Учителю:

а) каких знаний им не хватает для решения проблемы;

б) какую гипотезу и почему они выдвигают;

в) в чем суть найденного ими решения и насколько оно непротиворечиво.

Собственный опыт применения проблемного метода обучения в преподавании курса "Общая психология" показывает, что усвоение учащимися основных психологических понятий происходит более эффективно, если все объяснения, как со стороны Учителя, так и со стороны учащихся даются не только на традиционно вербальном уровне, но и дополняются построением схем и рисунков, визуализирующих вербальные высказывания.

В качестве примера на рис. 4 представлена визуализация решения центральной для психологии проблемы: "Что такое психика?". На вербальном уровне решение данной проблемы можно сформулировать двумя эквивалентными по сути выражениями:

1. Психика – это способность мозга и протекающих в нем нейрофизиологических процессов к изменениям, в которых отражаются особенности ближайшего будущего объективной действительности и возможные в нем формы поведения субъекта (носителя психики).

2. Психика – это субъективное (то есть принадлежащее субъекту как носителю психики) отражение особенностей ближайшего будущего объективной действительности в форме знаний (образов), на основе которых происходит регуляция приспособительного поведения субъекта.

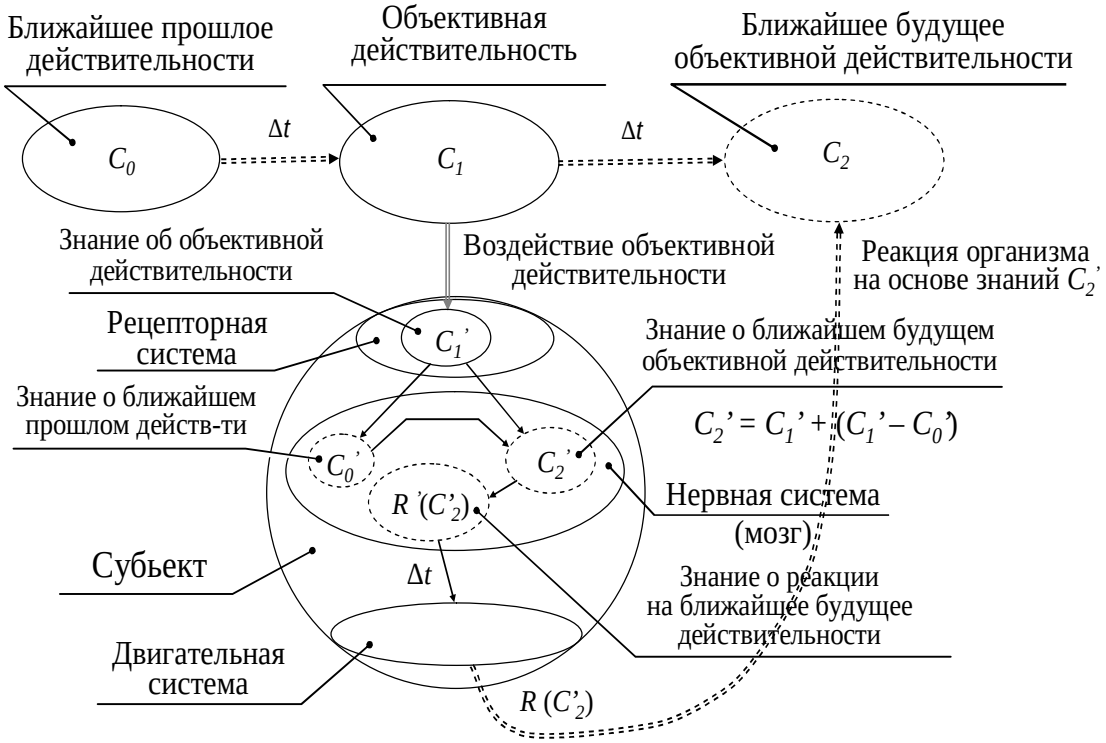

Рис. 4. Визуализированная форма решения проблемы: "Что такое "психика"?".

Литература:

1. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. – М.: Педагогика, 1986. – 240 с.

2. Журавлев А.Л. Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН //Психологический журнал. – 2007. – Т. 28. – № 6. – С. 5-18.

3. Карандашев В.Н. Методика преподавания психологии: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2007. – 250 с.

4. Корниенко А.Ф. Методология и методы психологического исследования: Учебное пособие. – Казань: Изд-во КГПУ, 2003. – 160 с.

5. Махмутов М.И. Теория и практика проблемного обучения. – Казань: Таткнигоиздат, 1972. – 345 с.

6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2001. – 720 с.

7. Смирнов С.Д. Возможна ли единая теория психического? //Вопросы психологии. – 1997. – № 3. – С. 129.

8. Хомская Е.Д. О методологических проблемах современной психологии //Вопросы психологии. – 1997. – № 3. – С. 112-125.

9. Чуприкова Н.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки //Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 104-118.

ПОНИМАНИЕ БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПСИХОЛОГА

Казанский педагогический журнал. – 2009. – № 9-10. – С. 81-89.

В любой сфере профессиональной деятельности имеются специалисты как с высоким, так и со средним и даже низким уровнем профессионального мастерства или, как сейчас принято говорить, уровнем профессиональной компетентности. Не является исключением и сфера профессиональной деятельности психолога. Однако, поскольку существует множество отраслей психологии (например, теоретическая, экспериментальная, практическая, социальная, педагогическая, медицинская, юридическая и т.д.), существуют разные виды деятельности психолога и разные, отличающиеся своей специализацией психологи, в частности, юридический психолог, медицинский, педагогический, социальный психолог, психолог-консультант, психолог-тренер и др. Поэтому говорить об уровнях профессионализма и профессиональной компетентности психолога без уточнения его специализации было бы некорректным. Вместе с тем, несмотря на различия в специализации, все эти разные психологи являются, прежде всего, психологами, и все они должны знать, что такое Психология и обладать не только специальными, но и общими психологическими знаниями, на которых, собственно, специальные знания и базируются. Не случайно профессиональная подготовка психологов любой специализации всегда начинается с усвоения студентами курса "Общая психология". Усвоение системы базовых психологических понятий, знакомство с основными общепсихологическими теориями и концепциями психики, мышления, сознания, личности, мотивации поведения и деятельности, межличностных отношений является залогом дальнейшего превращения студента-психолога в психолога-профессионала с высоким уровнем профессиональной ***компетентности***. Что касается самих психологических понятий, теорий и концепций, то они составляют центральную часть области профессиональной ***компетенции*** психолога.

Несмотря на достаточно широкое использование понятий "компетенция" и "компетентность", содержание этих понятий в научном плане до сих пор точно не определено (см., например, [1]). Нам более импонирует точка зрения В. Хутмахера (W. Hutmacher) [7], согласно которой смысловое поле понятия «компетенция» описывается не только выражением «знаю, что», но и выражением «знаю, как». Вместе с тем мы считаем целесообразным расширить смысловое поле понятия "компетенция", дополнив указанные "знания" соответствующими "пониманиями". Важно не просто что-то знать, но и понимать то, что знаешь.

Что касается "компетентности", то вслед за Л.А. Петровской [4] и Н.В. Кузьминой [3] мы склонны рассматривать ее как определенное свойство личности. Если компетенция – это область знаний и пониманий, подлежащая усвоению, то компетентность – это свойство личности, которое выражается в уровне усвоения знаний из области компетенции и определяет уровень эффективности деятельности, соответствующей данной компетенции.

В наглядной форме суть понятий "профессиональная компетенция" и "профессиональная компетентность" применительно к профессиональной деятельности психолога и преподавателя психологии отражена в схеме, представленной на рис. 1

В соответствии со схемой психолог является представителем психологии как особой отрасли науки, и его профессиональная деятельность состоит в том, чтобы, используя различные научные методы психологического исследования, либо уже известные в науке и определяемые понятием "научная парадигма", либо вновь предлагаемые, получать новые знания о психике и психических явлениях. В результате профессиональной деятельности психолога в психологии как науке накапливается определенная совокупность психологических знаний, часть которых становится содержанием учебного предмета, также именуемого "Психология".

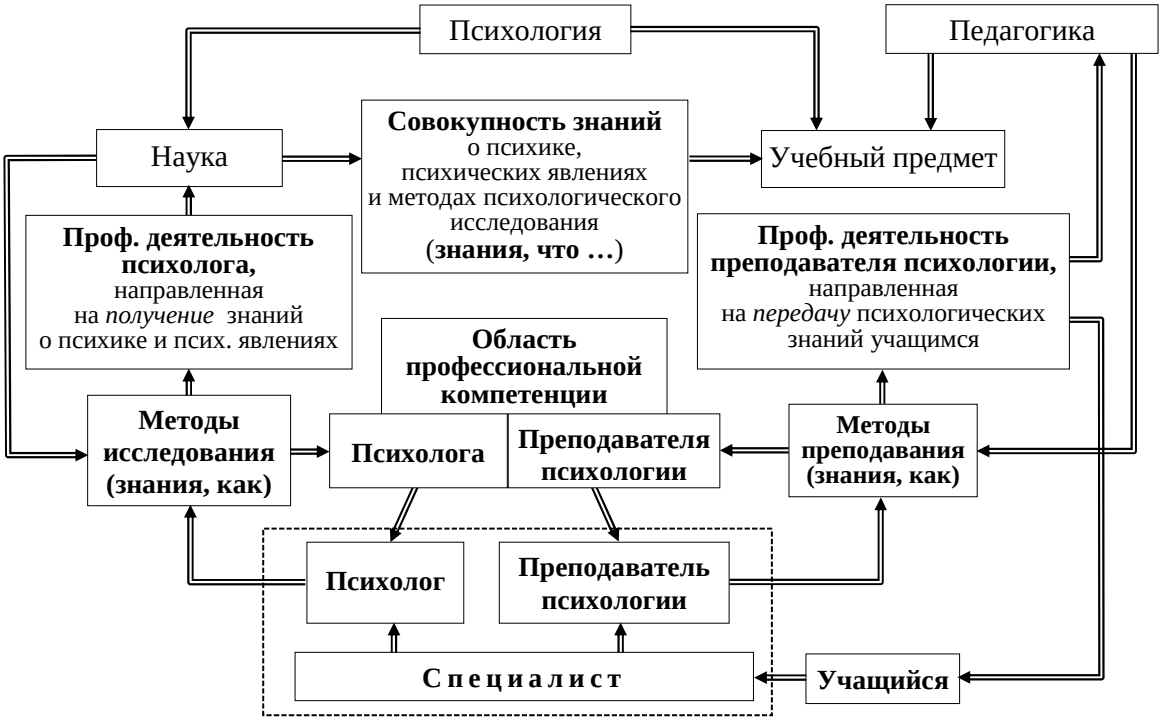

Рис. 1. Соотношение понятий "профессиональная компетенция" и "профессиональная компетентность" специалиста (психолога и преподавателя психологии). (Пояснения в тексте).

Основное содержание учебного предмета обычно излагается в форме учебников и учебных пособий и подлежит усвоению учащимися в процессе их профессиональной подготовки как будущих специалистов-психологов или преподавателей психологии. Профессиональной подготовкой и передачей учащимся необходимых психологических знаний занимаются, конечно же, педагоги, а точнее, преподаватели психологии, обладающие, с одной стороны, достаточным объемом психологических знаний, и, с другой стороны, знаниями по педагогике и навыками педагогической деятельности. В связи с этим очевидно, что не каждый хороший психолог может быть хорошим преподавателем психологии. Совокупность психологических знаний, составляющих содержание учебного предмета, должна быть достоянием, как психолога, так и преподавателя психологии. Следовательно, психология как учебный предмет имеет отношение не только к психологии, но и к педагогике, что отражено в схеме, представленной на рис. 1, наличием соот-

ветствующих связей блока "Учебный предмет" с блоками "Психология" и "Педагогика".

В принципе оба вида профессиональной деятельности – психологической по получению знаний о психике и психических явлениях и педагогической по передаче этих знаний учащимся – могут осуществляться одним и тем же человеком. Однако, занимаясь психологией как наукой, он выступает как психолог, как представитель Психологии, а преподавая психологию, он выступает уже как педагог, как представитель Педагогики.

Совокупность знаний, необходимых для успешной профессиональной деятельности психолога и преподавателя психологии составляет, как уже было отмечено, области их профессиональной компетенции.

Каждый психолог, в той или иной мере усвоив знания из области профессиональной компетенции психолога, включая знания о методах психологического исследования, в результате своей профессиональной деятельности получает какие-то новые психологические знания, которые обогащают психологическую науку (расширяют область профессиональной компетенции психолога) и могут быть использованы для обновления содержания учебного предмета.

Что касается преподавателя психологии, то он начинает заниматься педагогической деятельностью, усвоив знания из области своей профессиональной компетенции, включающей знания и психологии (содержание учебного предмета "Психология"), и педагогики (знания о методах преподавания). Результатом его педагогической деятельности, конечно же, могут быть и коррекция содержания учебного предмета, и совершенствование методов его преподавания. Однако наиболее важным результатом является степень усвоения учащимся содержания преподаваемого ему учебного предмета, достижение им высокого уровня профессионального развития и степень его готовности к самостоятельной работе либо в качестве психолога, либо в качестве преподавателя психологии. Уровень профессионального развития учащегося, степень усвоения знаний, относящихся к области профессиональной

компетенции психолога или преподавателя психологии, является его личностной профессиональной характеристикой, которая выражается в понятии "уровень профессиональной компетентности".

Следует отметить, что достижение высокого уровня профессиональной компетентности учащегося зависит не только от педагогического мастерства преподавателя, но и от способностей, и личностных качеств самого учащегося. Не секрет, что есть как сильные, так и слабые учащиеся. Но самое главное, на наш взгляд, это наличие взаимной внутренней мотивации – у учащегося учиться у данного преподавателя, а у преподавателя учить данного учащегося. О какой профессиональной подготовке специалиста можно говорить в случае, например, когда учащийся не хочет учиться, пропускает занятия, не читает специальную литературу, не готовится к семинарам и скачивает контрольные, курсовые и дипломные работы с Интернета, а преподаватель сводит свою педагогическую деятельность к дословному изложению текста учебника и к последующей проверке точности воспроизведения этого текста.

При наличии мотивации достижения успеха в профессиональной деятельности каждый специалист будет самостоятельно стремиться к повышению уровня своей профессиональной компетентности. Однако, как уже было сказано, важно не только расширение области своих профессиональных знаний, но и достижение их понимания. Без понимания человеком того, что, как и зачем он что-то делает, он превращает в робота. Понимание, в свою очередь, всегда предполагает возможность объяснения. Если человек что-то понял, он может это объяснить. То, что не понятно, объяснить невозможно – можно лишь повторить, изложить, пересказать. Отсюда следует, что повышение уровня профессиональной компетентности специалиста, равно как и Учащегося, возможно лишь при наличии как минимум двух человек, каждый из которых способен и понимать, и объяснять то, что он понял, другому.

И здесь мы вновь возвращаемся к ситуации межличностного взаимодействия Преподавателя и Учащегося, в ходе которого реализуются процессы передачи и усвоения профессиональных психологических знаний, составляющих содержание Учебного предмета. В схеме, приве-

денной на рис. 2, показано значение внутренней мотивации во взаимной педагогической и учебной деятельности Преподавателя и Учащегося.

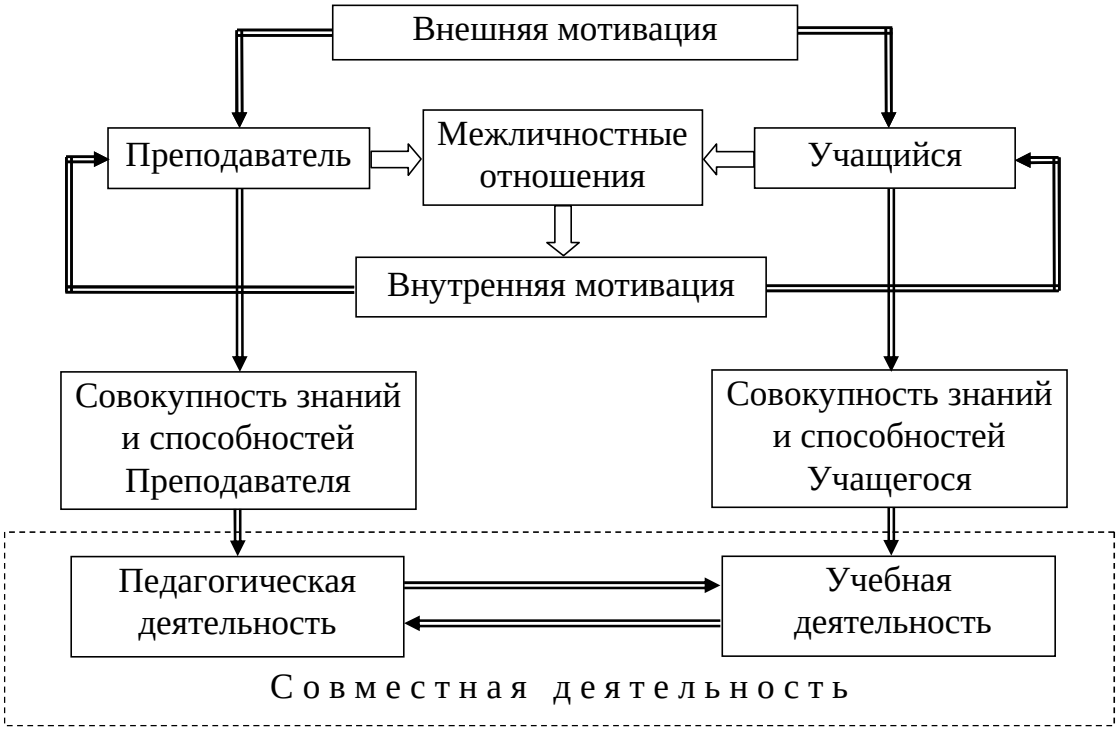

Рис. 2. Мотивация педагогической деятельности Преподавателя и учебной деятельности Учащегося в передаче и усвоении содержания Учебного предмета.

Соотношение процессов понимания и объяснения в педагогической деятельности Преподавателя и учебной деятельности Учащегося, необходимых для расширения области профессиональной компетенции, как Учащегося, так и Преподавателя, можно проиллюстрировать схемой, представленной на рис. 3.

Очевидно, чтобы что-то объяснить, надо, во-первых, иметь определенную совокупность знаний об этом "что-то" и, во-вторых, иметь достаточно высокий уровень понимания того, как эти знания получены и что они означают. Другими словами, необходимо знать, как одни знания связаны с другими и почему именно так, а не иначе. Естественно это требует обширных знаний и напряженной мыслительной деятельности, чего порой не хватает как учащимся, так и преподавателям.

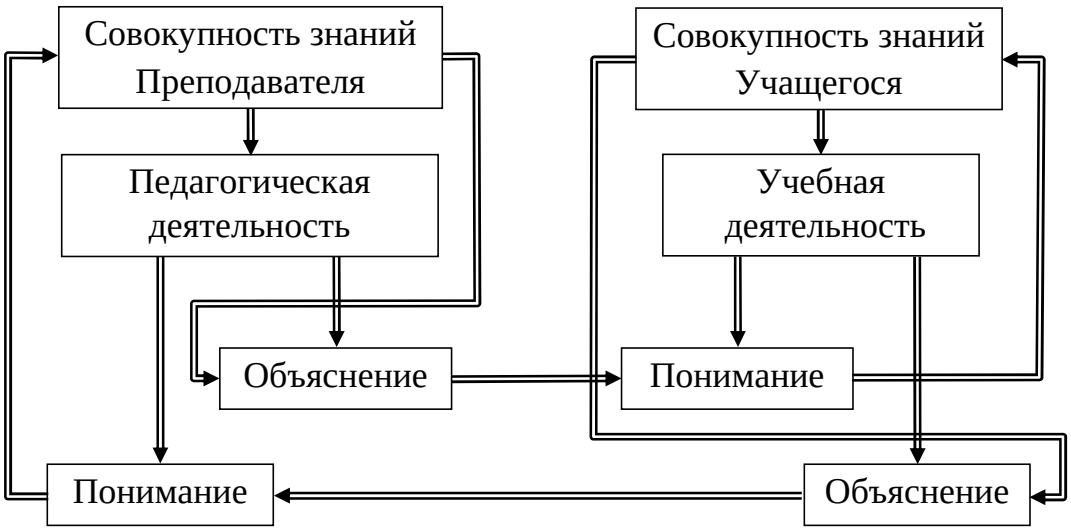

Рис. 3. Соотношение процессов понимания и объяснения в передаче и усвоении знаний.

Более простой вариант взаимодействия Преподавателя и Учащегося без процессов понимания и объяснения представлен на рис. 4.

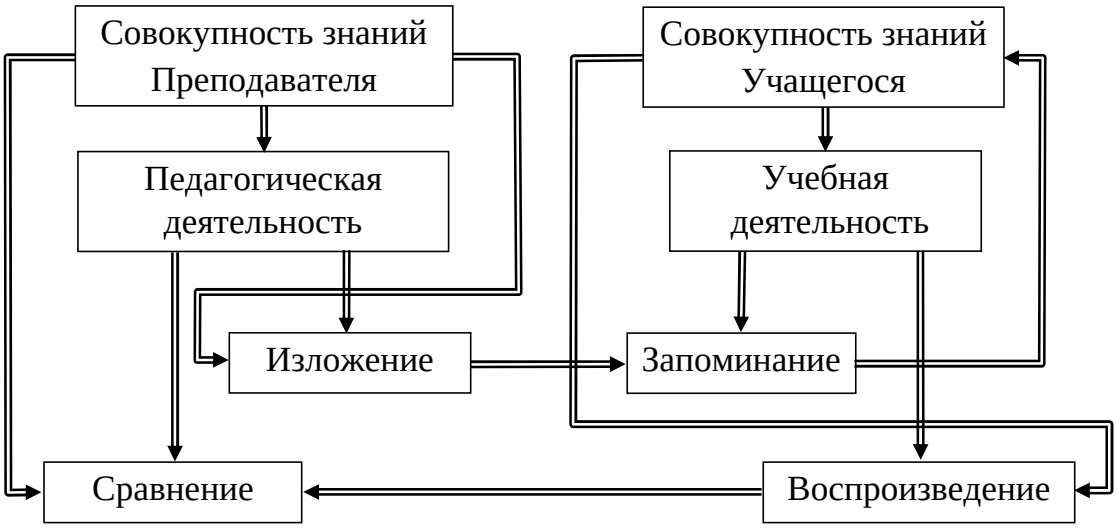

Рис. 4. Процессы передачи и усвоения знаний в отсутствии понимания.

Как видим, в данном варианте для Преподавателя достаточно иметь текст учебника или учебного пособия и умение грамотно изложить его содержание, а для Учащегося – хорошую память и умение по возможности более полно и точно воспроизвести ту часть учебника, которая была изложена преподавателем. Очевидно, что Учащийся может сделать то, что от него требуется, более успешно, если будет пользо-

ваться различного рода шпаргалками. Не менее очевидным является и то, что после такой "профессиональной подготовки" уровень профессиональной компетентности Учащегося и специалиста, который из него получится, будет не высоким, если не сказать крайне низким.

А теперь представим, что и Преподаватель психологии, и Учащийся имеют сильную мотивацию достижения успешности соответственно педагогической и учебной деятельности. Допустим также, что они имеют широкий кругозор знаний, высокий уровень способностей, хорошую память и замечательные личностные качества. Кроме того, в преподавании реализуются современные личностно ориентированные педагогические технологии и методы проблемного обучения. Можно ли сказать, что на сегодня этого было бы вполне достаточно для того, чтобы "на выходе" получить специалиста-Психолога с высоким уровнем профессиональной компетентности?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим, какие психологические понятия составляют "центральное ядро" или основу профессиональной компетенции психолога.

Первую группу понятий составляют базовые понятия общей психологии:

- сущность и природа психики;
- сущность сознания как высшего уровня развития психики;
- виды психических процессов и их особенности;
- механизмы эволюционного развития психики и психических процессов;
- сущность и природа личности;
- свойства личности и их особенности;
- механизмы развития личности и межличностных отношений.

В качестве второй группы можно выделить понятия, относящиеся к методологическим основам психологического исследования:

- объект и предмет исследования;
- гипотеза исследования;
- цель и задачи исследования;
- методы и процедуры исследования.

Анализ современной психологической литературы показывает, что практически все указанные понятия до сих пор не имеют четких научных определений. Существует великая разноголосица и противоречивость в их трактовках [2, 6]. А такие понятия, как "психика" и "сознание", а также особенности и механизмы соотношения "психики" и "мозга", "психического" и "физиологического" признаются некоторыми учеными многовековыми загадками, разрешение которых на современном уровне развития науки в рамках естественнонаучной парадигмы вообще не представляется возможным [5].

Спрашивается, как можно объяснять учащемуся основы общей психологии, если в самой психологии нет удовлетворительного понимания этих основ. Как можно подготовить психолога с высоким уровнем профессиональной компетентности, если ни Психологам, ни Преподавателям психологии не известно, что такое "психика" и "сознание", в чем специфика познавательных, эмоциональных и волевых психических процессов как процессов отражения и как особых свойств мозга. О какой профессиональной компетентности можно говорить, если среди профессиональных психологов до сих пор идут споры о том, что считать объектом и предметом психологии, как соотносятся объект и предмет психологического исследования с научной проблемой, целью и гипотезой исследования.

Несомненно, для получения специалиста-психолога с высоким уровнем профессиональной компетентности наличие соответствующей мотивации у преподавателя психологии и учащегося крайне необходимо. Необходимо и наличие у них широкого круга знаний и способностей, как необходимы и современные педагогические технологии. Но в первую очередь нужно достичь понимания базовых понятий общей психологии. Необходимо создать единую внутренне непротиворечивую систему психологических понятий путем их согласования на основе четкого разграничения их смысловых полей. Для достижения высокого уровня профессиональной компетентности, как психолога, так и преподавателя психологии знание и понимание основных понятий общей психологии является одним из самых необходимых условий.

Литература:

1. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования //Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34-42.

2. Корниенко А.Ф. Проблемы определения понятия "психика" //Российский психологический журнал. – 2008. – Т 5. – № 1. – С. 9-22.

3. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. – М.: Высшая школа, 1990.

4. Петровская Л.А. Компетентность в общении. – М.: Изд-во МГУ, 1989.

5. Смирнов С.Д. Возможна ли единая теория психического? //Вопросы психологии. – 1997. – № 3. – С. 129.

6. Чуприкова Н.И. Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности //Вопросы психологии. – 2007. – № 3. – С. 3-15.

7. Hutmacher Walo. Key competencies for Europe //Report of the Symposium Berne, Switzerland 27-30 March, 1996. Council for Cultural Cooperation (CDCC) //Secondary Education for Europe. – Strasburg, 1997.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СОЗНАТЕЛЬНАЯ ФОРМА ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Вестник ТГГПУ. – 2010. – № 2 (20). – С. 304-308.

Как известно [16], понятие "деятельность" в психологию было введено М.Я. Басовым, который предложил использовать его вместо понятия "поведение", прочно ассоциируемого в то время с бихевиоризмом и рефлексологией, чтобы подчеркнуть специфику поведения человека как активного деятеля во взаимодействии со средой в отличие от реактологических форм поведения животных, описываемых известным в бихевиоризме соотношением "S $\Rightarrow$ R".

Принципиальное отличие деятельности от других форм поведения состоит в том, что она представляет собой сознательную форму поведения человека и характеризуется наличием мотива и цели. "Немотивированной, так же как и нецеленаправленной, деятельности просто не может быть" – отмечает Б.Ф. Ломов [9, с. 205]. Обычно под мотивом понимается отражение в сознании человека потребности в деятельности (осознание ее необходимости), что выражается в наличии у него субъективно-переживаемого побуждения к этой деятельности. Цель есть не что иное, как осознаваемый результат деятельности, то есть то, что должно быть достигнуто в результате деятельности. Если в поведении человека отсутствует мотив и цель, то есть человек не осознает необходимости в данном поведении, и нет осознания того, что он хочет добиться или достичь в результате этого поведения, значит, это не та форма поведения, которая может быть названа деятельностью.

У животных в силу отсутствия сознания и, соответственно, процессов осознавания не может быть ни мотивов, ни целей поведения просто по определению. Следовательно, по определению, у них не может быть и деятельности. Хотя побуждение к определенной форме поведения за счет актуализации потребности и реализации побуждающей функции эмоциональных психических процессов у них может возникать, как может возникать в их психике и образ результатов поведения. Но без процессов осознавания это будет всего лишь интеллектуальная форма поведения.

Среди побуждений, которые лежат в основе любых форм поведения и являются их движущей силой, то можно выделить четыре особые формы:

1) потребности, в которых отражается то, что необходимо для существования и развития организма, субъекта, личности);

2) мотивы, представляющие собой осознаваемые потребности,

3) отражаемая в эмоциональных психических процессах субъективная значимость объектов и явлений действительности;

4) интересы, в которых сочетаются осознание познавательной потребности субъекта и субъективная значимость (эмоциональная привлекательность) того, что отражается в познавательных психических процессах.

Выделение потребностей и мотивов в качестве побуждений поведения и деятельности особых проблем не составляет – здесь мнение психологов практически единодушное. Однако хотелось бы обратить внимание на встречающуюся иногда в психологической литературе трактовку мотива как предмета внешней объективной действительности, который может удовлетворять потребность. Такое понимание мотива было сформулировано А.Н. Леонтьевым и до сих пор продолжает воспроизводиться. "Термин «мотив», – пояснял А.Н. Леонтьев, – мы употребляем не для обозначения переживания потребности, но как означающий то объективное, в чем эта потребность конкретизируется в данных условиях и на что направляется деятельность, как на побуждающее ее" [7, с. 243]. Л.И. Божович, определяя мотив как то, "ради чего осуществляется деятельность", добавляет, что "в качестве мотива могут выступать предметы внешнего мира…" [2, с. 53]. Поскольку любые предметы внешнего мира могут отражаться в психике человека и могут им осознаваться, на основе понятия мотива как предмета или объекта, удовлетворяющего потребность, возникает понятие об осознаваемых и неосознаваемых мотивах. Однако если считать, что "мотив" является одной из базовых категорией психологии [11], то следует признать, что он представляет собой явление субъективное. И поэтому предмет или объект внешнего мира как объективное материальное образование ни-

как не может быть мотивом. В лучшем случае речь может идти об отражении, об образе этого объекта в психике, на что, собственно, также обращается внимание в одном из высказываний А.Н. Леонтьева. "До своего первого удовлетворения, – пишет А.Н. Леонтьев, – потребность «не знает» своего предмета, он еще должен быть обнаружен. Только в результате такого обнаружения потребность приобретает свою предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет – свою побудительную и направляющую деятельность функции, т.е. становится мотивом" [7, с. 205].

Противоречивая трактовка мотива дается в работе С.Л. Рубинштейна [13]. Подчеркивая, что "всякое действие, направляясь на определенную цель, исходит из тех или иных побуждений", С.Л. Рубинштейном называет мотивом "более или менее адекватно осознанное побуждение" [13, с. 443] и буквально через несколько строк отмечает: "мотивы поведения, как они осознаются действующим субъектом, представляют собой отражение его побуждений". Но если мотив – это "осознанное побуждение", то зачем нужно еще раз осознавать то, что уже является осознанным?

Несмотря на существующие разногласия в научных определениях мотива, все психологи единодушны в том, что он является формой побуждения поведения или деятельности.

Не вызывает особых проблем выделение в качестве особой формы побуждения поведения эмоциональных процессов, точнее отражаемой в них субъективной значимости объектов и явлений действительности. Во-первых, потому, что понятие о субъективной значимости близко по смыслу понятию мотива в определении А.Н. Леонтьева. Во-вторых, положение о том, что эмоциональные психические процессы выполняют функцию побуждения, принимается многими психологами. По мнению А.А. Реан с соавторами, "эмоции не только сигнализируют о потребности или желании, но и с достижением ими определенной интенсивности они настоятельно побуждают субъекта их удовлетворить" [12, с. 115]. По глубокому убеждению В.К. Вилюнаса, "именно эмоции являются теми психологическими образованиями, которые «окрашивают» в об-

разе отражаемое содержание, как бы добавляясь к нему, выражая значимость этого содержания для субъекта (функция оценки) и определяя его к соответствующей деятельности (функция побуждения)" [3, с. 291].

Несколько сложнее дело обстоит с интересами. Как показано в работе Т.В. Шороховой, "проблема интереса очень широко исследовалась в современной педагогике и психологии, но, несмотря на это, интерес остается одной из «загадочных» категорий, поскольку множество исследований не проясняет сути данного явления психики, а скорее наоборот, ведет к еще большей путанице" [14]. В принципе, среди психологов нет особых возражений против того, что интересы являются формой побуждения. Проблемы возникают с указанием их специфики относительно других форм побуждений и с научным определением понятия "интерес".

Истоки указанных проблем кроются, на наш взгляд, в этимологии слова "интерес", которое в переводе с латинского "interesse" означает "иметь важное значение" [15]. С одной стороны, в этом слове отражается наличие важности (в смысле необходимости) чего-то для субъекта, что непосредственно соотносит интерес с потребностью субъекта, а при осознании потребности и с мотивом. Однако в силу отсутствия в психологической литературе четкой дифференциации понятий "мотив" и "потребность", интерес часто называется то потребностью, то мотивом, в результате чего теряется специфика интереса как особой формы побуждения. С другой стороны, наличие в смысловой структуре слова "интерес" понятия "значения" в смысле "значимости" обусловливает возможность соотнесения интереса с эмоциональными психическими процессами, функцией которых как раз и является отражение субъективной значимости объектов и явлений действительности.

В связи с этим появляется возможность уйти от непосредственного отождествления интереса с потребностями и мотивами и придать ему специфический оттенок, выделив в структуре интереса две составляющие – мотивационно-потребностную и эмоциональную. Так согласно С.Л. Рубинштейну, "интерес – это мотив, который действует в силу своей осознанной значимости и эмоциональной привлекательности"

[13, с. 526]. В определении И.А. Зимней интерес – это "эмоциональное переживание познавательной потребности" [5, с. 224]. Вместе с тем, следует отметить, что, несмотря на отражение в приведенных определениях двухкомпонентной структуры интереса, в этих определениях используются разные термины и формулировки, которые вряд ли можно назвать синонимами.

В нашем определении интерес выступает как форма побуждения, в которой сочетаются признаки мотива (осознание познавательной потребности) и субъективной значимости (эмоциональной привлекательности). Кроме того, мы полагаем, что на основе интересов происходит формирование у человека новых потребностей. Если в результате неоднократной реализации интереса к чему-либо у человека возникают устойчивые положительные эмоциональные реакции (положительные переживания), то интерес переходит в потребность.

Поскольку интерес может быть связан как с объектом действительности, ставшим эмоционально привлекательным для субъекта, так и с каким-то действием по отношению к нему, на основе интереса могут формироваться как предметные потребности, так и операциональные, то есть потребности в определенных действиях. Трансформация интереса в потребность представляет собой общий психологический механизм воспитания личности, выработки у нее социально приемлемых форм поведения и нормативной системы ценностей. Однако, если удовлетворение потребностей, образованных на основе интересов, сопряжено с переживанием состояния эйфории, то возможно развитие и негативных форм поведения, в частности, различного рода зависимостей, например, наркотической или игровой [6]. Спонтанно возникающие или специально формируемые у человека интересы играют очень существенную роль в регуляции его поведения и деятельности.

Учитывая, что интересы связаны с процессами осознавания познавательной потребности, их можно рассматривать, с этой точки зрения, в качестве особой разновидности мотивов.

Выделенные нами формы побуждения поведения и деятельности и их соотношение представлены в виде схемы на рисунке 1.

Рис. 1. Формы побуждений, лежащих в основе поведения и деятельности человека, и их соотношение.

При разработке теории деятельности как сознательной формы поведения человека и психологических механизмов ее регуляции следует учитывать, на наш взгляд, три фундаментальных положения.

Во-первых, это положение Б.Ф. Ломова о том, что "мотив и цель образуют своего рода «вектор» деятельности, определяющий ее направление, а также величину усилий, развиваемых субъектом при ее выполнении" [9, с. 205]. При этом мотив "побуждает к деятельности", а цель "«конструирует» конкретную деятельность, определяя ее характеристики и динамику. Мотив относится к потребности, побуждающей к деятельности, цель – к предмету, на который деятельность направлена" [Там же, с. 207].

Второе положение сформулировано в работе В.А. Орлова [10] и было использовано нами при разработке общепсихологической модели формирования психологической зависимости [6]. Суть его состоит в том, что "побуждение к определенным действиям обусловливается у человека не столько необходимостью в удовлетворении определенной

потребности, сколько ожиданием положительных переживаний, которые он может испытать в результате предполагаемых действий" [6, с. 133].

Третье положение касается динамичности условий, в которых осуществляется поведение и деятельность человека, и необходимости в связи с этим непрерывной коррекции реализуемых форм поведения и выбора предполагаемых действий сообразно изменяющимся условиям.

Учитывая указанные положения, мы попытались представить внутреннюю психологическую структуру и механизмы регуляции деятельности как сознательной формы поведения человека в виде схемы, доступной для наглядного обозрения. То, что у нас получилось, показано на рис. 2.

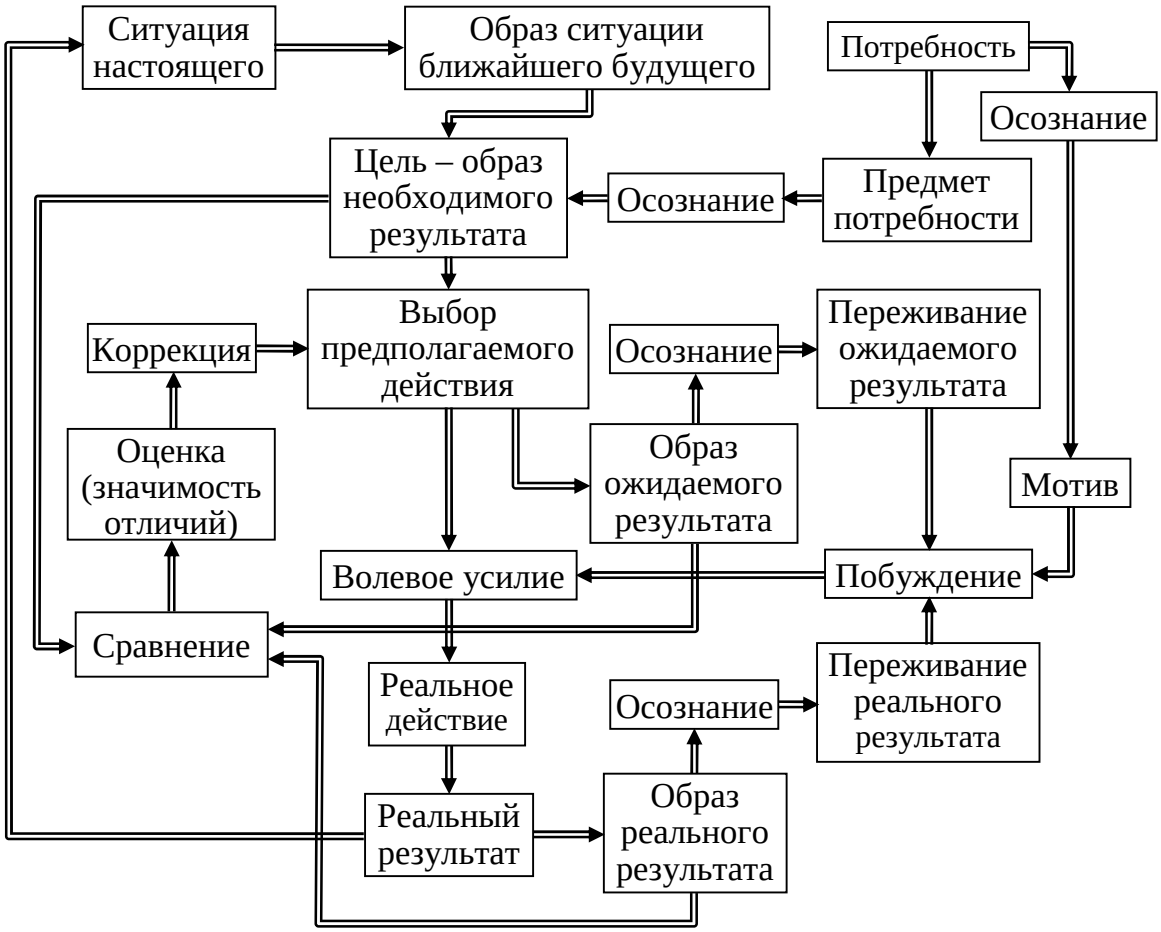

Рис. 2. Внутренняя психологическая структура и механизмы регуляции деятельности как сознательной формы поведения человека.

Рассматривая деятельность как сознательную форму поведения, мы не должны забывать о том, что исходное понятие "поведение" определяется как внешне проявляемая форма двигательной активности ор-

ганизма. Однако в психологии кроме внешне проявляемых форм активности и внешне-предметных действий рассматриваются, так называемые, "внутренние умственные действия" (в концепции П.Я. Гальперина [4]) и "внутренняя психическая деятельность" (в концепции А.Н. Леонтьева [15). При определении "действий" и "деятельности" как внешних форм двигательной активности использование их в сочетании с прилагательным "внутренний" было бы не корректным. Тем не менее, поскольку явления, описываемые и П.Я. Гальпериным, и А.Н. Леонтьевым все же существуют, и они действительно являются внутренними, их необходимо как-то обозначить. Наиболее подходящим, на наш взгляд, может быть использование понятия "процесс", тем более что сам А.Н. Леонтьев часто употреблял выражения "умственные процессы", "мозговые процессы", а также "психические процессы". Поэтому вместо понятий "внутренние умственные действия" и "внутренняя психическая деятельность" лучше использовать понятия "умственные процессы" и "психические процессы". При этом нет необходимости добавлять прилагательное "внутренние", так как эти процессы, протекая в психике, и так уже являются внутренними.

Вместе с тем в психике человека как субъекта, обладающего сознанием, могут протекать психические процессы, инициируемые не только внешними, но и какими-то внутренними факторами. Например, когда человеку для чего-то нужно что-то вспомнить или что-то понять, он запускает процессы памяти и мышления. При этом человек осознает не только причину запуска процессов – "для чего", но и необходимый результат, который должен быть достигнут. Следовательно, есть и мотив, и цель, но не внешней, а внутренней активности, поведенческие проявления которой могут быть и скрыты. Очевидно, в этом случае также имеет смысл говорить о деятельности, но не о "внутренней психической деятельности", а просто об умственной деятельности, как деятельности, протекающей в умственном или мысленном плане на основе определенной совокупности психических процессов. И тогда можно говорить как о процессах памяти или мышления, так и о мнемической или мыслительной деятельности человека. Причем в осуществлении и

мнемической, и мыслительной деятельностях могут принимать участие не только процессы памяти и, соответственно, мышления, но и все другие психические процессы – и познавательные, и эмоциональные, и волевые. Как указывал Б.Ф. Ломов, вектор "мотив – цель" "выступает в роли системообразующего фактора, который организует всю систему психических процессов и состояний, формирующихся и разворачивающихся в ходе деятельности" [9, с. 206].

Появление у человека сознания и сознательных форм поведения, конечно же, не означает, что у него не могут проявляться формы поведения, присущие животным. Новые, более сложные формы поведения, которые возникли на высшей стадии развития психики, не исключают возможность реализации тех формы поведения, которые стали возможны на каждой из предшествующих стадий. Каждые новые формы поведения надстраиваются над предыдущими, обогащая общую совокупность форм поведения и образуя определенную иерархическую многоуровневую структуру, в которой формы поведения ниже лежащего уровня оказываются подчиненными формам поведения более высокого уровня. Как отмечал Н.А. Бернштейн, "ведущий уровень (*построения движений – А.К.*) явно распространяет свой контроль на все нижележащие, фоновые уровни, участвующие в данном движении, так что каждый из последних исполняет свою партию в оркестре движения, но уже теряя в какой-то мере свое индивидуальное лицо и звуча только из-под палочки уровня-дирижера" [1, с. 53].

Литература:

1. Бернштейн Н.А. О построении движений. – М.: Медгиз, 1947. – 255 с.

2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности /под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 352 с.

3. Вилюнас В.К. Эмоции и деятельность // Вилюнас В. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2004. – С. 285-302.

4. Гальперин П.Я. Введение в психологию. – М.: Университет, 2000. – 336 с.

5. Зимняя И.А. Педагогическая психология. – М.: Университетская книга; Логос, 2008. – 384 с.

6. Корниенко А.Ф. Общепсихологическая модель формирования психологической зависимости //Вестник КГПУ. – 2003. – № 1. – С. 131-140.

7. Леонтьев А.Н. Возникновение и эволюция психики //Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I. – М.: Педагогика, 1983. – С. 143-279.

8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность // Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II. – М.: Педагогика, 1983. – С. 94-231.

9. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 445 с.

10. Орлов Ю. М. Восхождение к индивидуальности: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1991. – 287 с.

11. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. М.: Издательский центр "Академия", 2003. – 496 с.

12. Реан А., Бордовская Н., Розум С. Психология и педагогика: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2000. – 432 с.

13. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2001. – 720 с.

14. Шорохова Т.В. Проблема определения категории «интерес» в современной отечественной психологии и педагогике //Интернет-журнал "Эйдос". 2004. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.eidos.ru/journal/2004/0205.htm (дата обращения: 9.03.2010).

15. Этимологический словарь. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.onlinedics.ru/slovar/fasmer.html (дата обращения: 9.03.2010)

16. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX в. – М.: Мысль, 1996. – 416 с.

НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА В РЕШЕНИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ПСИХОЛОГИИ

Доклад на методологическом семинаре "Парадигмальный строй современной психологии", проведенном в рамках международной научно-методической конференции "Интегративная психология: теория и практика". Ярославль, 21-25 апреля 2010 года.

К фундаментальным проблемам психологии, решение которых имеет принципиальное значение для всей психологии, относятся проблемы определения сущности психики и сознания и механизмов их возникновения. На протяжении всей истории развития психологии как науки эти проблемы не давали покоя ни психологам, ни философам.

В наше время актуальность этих проблем остается столь же высокой по той простой причине, что они до сих пор не получили удовлетворительного решения. Анализируя проблему соотношения психики и мозга, Н.И. Чуприкова отмечает: "В настоящее время вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что психика животных и человека является функцией их мозга. Вопрос, однако, состоит в том, какова природа этой функции" [31, с. 104]. Однако следует отметить, что не выясненной остается не только природа функции психики, но и сущность самой функции психики. Традиционное указание на отражательную и регулирующую функции психики явно недостаточно, поскольку существуют и непсихические формы отражения, в частности, биохимическая, физиологическая, нейрофизиологическая, которые также обеспечивают выполнение регуляторной функции, в том числе, в отношении двигательной активности организма.

Фактическое игнорирование специфики непсихических форм отражения и регуляции поведения живых организмов привело А.Н. Леонтьева к признанию в качестве элементарной формы психического отражения одну из форм раздражимости, называемую чувствительностью [20]. Однако, как было нами показано [14, 16], для реализации свойства организма, называемого А.Н. Леонтьевым чувствительностью, вполне достаточно физиологических или нервных процессов, и нет необходимости называть чувствительность элементарной формой психики, то есть ощущением. Да, психические процессы являются процессами от-

ражения, но это особые формы отражения. Не всякая форма отражения является психической. "Как известно, – указывал К.К. Платонов, – исходя из того, что «логично предположить, что вся материя обладает свойством... отражения», различают три основные формы отражения: физическую, физиологическую и психическую" [23, с. 36].

Отсутствие должного внимания к дифференциации психических и непсихических форм отражения имеет место и в рассуждениях Н.И. Чуприковой. Решая проблему соотношения психики и мозга, Н.И. Чуприкова полагает, что "если деятельность мозга – это отражение действительности и регуляция на этой основе поведения и деятельности, то это и есть психика… И логика, и фактическое положение дел требуют квалифицировать отражательную и регулирующую деятельность мозга как деятельность психическую, как психику" [31, с. 111]. В итоге она приходит к заключению, что психический процесс – это не что иное, как нервный процесс "определенного класса", и нет никакого дуализма в понимании психики: деятельность психики – это деятельность мозга, а психические процессы – это нервные процессы. Будучи последовательной в своих рассуждениях, Н.И. Чуприкова считает, что "одной из фундаментальных задач нейронаук должно стать нахождение обоснованных критериев для фактического естественнонаучного разграничения собственно психических и непсихических нервных процессов" [31, с. 112].

Аналогичная, по существу, позиция по отношению к психике и психическим процессам была у И.П. Павлова, который сводил деятельность психики к высшей нервной деятельности, утверждая при этом: "Какая важность в том, как называть их (*имеются в виду психические процессы – А.К.*): психическими или сложно-нервными, в отличие от простых физиологических..." [22, с. 346].

Что касается проблемы с определением сознания, то здесь можно привести высказывание В.М. Аллахвердова, в котором утверждается: "Природа сознания неведома. Никто не знает, как и почему оно возникает, не знает, как грубая материя порождает нечто идеальное и эфемерное, именуемое душой" [4, с. 44]. По мнению В.М. Аллахвердова,

никто не знает и чтó такое "сознание". "О чем, собственно, идет речь, когда мы говорим о сознании, – утверждает Виктор Михайлович, – на самом деле никому не известно" [Там же, с. 52]. В предисловии к русскому изданию книги Г. Ханта "О природе сознания" В.П. Зинченко констатирует, что "к сожалению, философия и наука не могут похвастаться тем, что они за тысячи лет своего существования и развития пришли к сколько-нибудь однозначному определению сознания. Живое сознание, при всей своей очевидности, упорно сопротивляется любым концептуализациям" [9, с. 11].

В то же время все прекрасно понимают, что дальнейшее развитие психологии без внутренне непротиворечивых и согласованных между собой определений базовых понятий, к которым относятся понятия "психика" и "сознание", крайне затруднительно. Как отмечает В.М. Аллахвердов, "психология, не понимающая природы сознания, в принципе не может рассчитывать на успех" [4, с. 12]. Эта же мысль высказывалась в свое время Л.С. Выготским: "вопрос о психике, сознательном и бессознательном имеет определяющее методологическое значение для всякой психологической системы. В зависимости от того, как решается этот основной для нашей науки вопрос, находится и самая судьба нашей науки" [8, с. 132].

Однако желающих посвятить себя решению фундаментальных теоретических проблем психологии среди нового поколения психологов становится все меньше. Во-первых, не так-то просто предложить решение проблем, которые потому и стали фундаментальными, что их не удалось решить ни древнегреческим мыслителям, ни многим психологам и философам, которые пытались сделать это после них. Во-вторых, поскольку для решения фундаментальных проблем психологии нужны принципиально новые подходы и новые идеи, возникает возможность обострения межличностных отношений с последователями и сторонниками традиционных, общепринятых подходов и концепций. Как отмечает Т. Кун, "нормальная наука (*имеется в виду наука с устоявшимися, общепринятыми базовыми научными положениями и методологическими установками – А.К.*)… часто подавляет фундаменталь-

ные новшества, потому что они неизбежно разрушают ее основные установки… Ученые в русле нормальной науки не ставят себе цели создания новых теорий, обычно к тому же они нетерпимы и к созданию таких теорий другими" [19, с. 7].

По мнению В.М. Аллахвердова, причина избегания фундаментальных проблем психологии в наше время состоит в том, что просто "никто не знает, как их решать. Даже самые глубокие мыслители честно признаются, что вообще не ясно, как думать об этих проблемах" [4, с. 12]. И вот здесь можно поставить вопрос: "Можно ли в современной психологии выделить какие-либо научные парадигмы, придерживаясь которых можно все-таки добиться решения этих фундаментальных проблем, или ни одна из известных на сегодня парадигм бессильна и неприемлема?". О кризисах, тупиках, коллапсах и прочих безвыходных состояниях, в которых находится современная психология, кто только не пишет. В 1997 году, принимая участие в обсуждении на страницах журнала "Вопросы психологии" статьи Е.Д. Хомской "О методологических проблемах современной психологии", С.Д. Смирнов заметил, что в статье многие реальные проблемы психологии излагаются как бы в сглаженном виде, представляются как решенные или почти решенные. Однако вообще не упоминается до сих пор никем не решенная психофизическая (или психофизиологическая) проблема, которая, как полагает С.Д. Смирнов, "не может быть решена с позиций естественно- (т.е. природно) научной психологии" [27]. Так что, неужели на самом деле все так плохо и "гносеологический пессимизм" в существовании действенной естественнонаучной парадигмы, способной обеспечить решение фундаментальных проблем психологии, оправдан?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо для начала определиться с понятием "парадигма", которое, как отмечает А.В. Юревич [35], используется в психологическом сообществе достаточно вольно. Что касается "вольности", то, к сожалению, приходится констатировать, что для многих психологов "вольность" становится синонимом "вольнодумия", "креатива" и "научного творчества", и, пожалуй, нет в современной психологии такого психологического понятия, в

трактовке которого эта "вольность" не проявлялась бы. К.К. Платонов в свое время с горечью отметил: "ни одна наука не относится так небрежно (*читай "вольно" – А.К.*) к своим понятиям, так мало делает попыток для их уточнения и согласования, как психология. Ни в одной науке нет такой замены научных, взаимосвязанных терминов образными словами, как в психологии" [23, с. 10]. Поэтому вряд ли стоит объяснять вольную трактовку понятия "парадигма" упрекая Т. Куна, который ввел его в обиход, что он "не определил введенное им понятие достаточно четко".

Согласно определению Т. Куна, парадигма – это "признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений" [19, с. 2]. "Любое научное сообщество, – отмечает Т. Кун, – не могло бы заниматься своей деятельностью без некоторой системы общепринятых представлений" [Там же, с. 6]. Таким образом, парадигма, в понимании Т. Куна, это та система общепринятых представлений, в которых отражаются основные научные достижения, признаваемые всеми членами научного сообщества. Применительно к психологии в качестве парадигмы может выступать совокупность признаваемых большинством психологов научных достижений, как в самой психологии, так и в смежных областях наук, которые, так или иначе, касаются сущности психики и психических явлений, а также методов их исследования.

Поскольку любые научные достижения фиксируются в науке в различных определениях, положениях, постулатах, принципах, теориях, концепциях и т.п., парадигма – это та теоретическая база или база знаний, достоверность которых не подвергается сомнению, и, опираясь на которую, исследователь может выдвигать новые идеи, формулировать новые проблемы, ставить новые цели и задачи нового исследования. Данное определение парадигмы позволяет утверждать, что любое индивидуальное научное исследование, в том числе и психологическое, не может быть *вне*парадигмальным, то есть не основанном на какой-то системе общепринятых научных положений. В то же время относительно науки в целом можно допустить, что она может находиться на *до*пара-

дигмальном уровне развития или же характеризоваться *мульти-* или *поли*парадигмальностью.

Поскольку в современной психологии до сих пор идут дебаты относительно определений психики и сознания и механизмов их возникновения, ряд психологов справедливо полагают, что психология как наука находится на *до*парадигмальном уровне развития. С другой стороны, поскольку в психологии есть разные психологические школы, в рамках которых наблюдается относительное единство исходных теоретических представлений и методологических установок, есть основания полагать, что современная психология *мульти-* или *поли*парадигмальна. Именно эта вторая позиции, как отмечает А.В. Юревич [35], и доминирует в психологическом сообществе. Но независимо от *до-* или *мульти*парадигмальности психологии любое индивидуальное и даже групповое психологическое исследование, как уже было отмечено выше, всегда является парадигмальным. Вопрос лишь в том, какая парадигма положена в основу того или иного исследования.

В связи с этим интересно было бы показать, например, какой исследовательской парадигмы придерживался А.Н. Леонтьев, когда формулировал положение о том, что в качестве простейшей формы психики, под которой однозначно понималось ощущение, следует рассматривать особую форму раздражимости, называемую чувствительностью. Интересно также, какой парадигмы придерживалась Н.И. Чуприкова, утверждая, что психический процесс – это нервный процесс, а деятельность мозга – это и есть деятельность психики. Не менее интересным представляется выяснение, какой парадигмы придерживались В.М. Аллахвердов [4] и А.Ю. Агафонов [1], полагая, что сознание, которое по общему признанию является высшим уровнем развития психики, – это механизм, который принимает решение о том, что надо осознавать, а что не надо, и при этом делает это неосознанно? Очевидно, что и А.Н. Леонтьев, и Н.И. Чуприкова, и В.М. Аллахвердов с А.Ю. Агафоновым придерживались разных парадигм, и те научные положения, которые они сформулировали, следуя своим парадигмам, у них тоже разные.

В связи с различиями в подходах к решению одних и тех же фундаментальных проблем психологии возникает вопрос: "Какие общепризнанные научные достижения и по каким критериям выделяются тем или иным исследователем в качестве парадигмальных и на каком основании игнорируются другие?". Ведь если научное достижение является общепризнанным или даже признаваемым не всеми, но большинством специалистов в исследуемой области, то для того, чтобы его игнорировать, необходимы очень веские основания. Отвергать, как это делает, например, В.М. Аллахвердов, общепринятые представления об отражательных и регулирующих функциях психики и сознания, на том основании, что они "банальные" и что, возможно, из-за них психология находится в глубоком кризисе, конечно же, можно, но вряд ли это будет корректным. Наверное, все же, должна быть какая-то научная аргументация их несостоятельности. Точно также некорректным, например, следует признать игнорирование Н.И. Чуприковой без какой-либо аргументации признаваемого большинством психологов положения о том, что сознание выполняет функцию интеграции всех психических процессов, и приписывание этой функции воле. Как отмечает Г.В. Акопов, "трактовка сознания как интеграции психических процессов достаточно распространенный способ определения сознания в психологии" [2, с. 21]. Тем не менее, Н.И. Чуприкова полагает, что "согласование, интеграция и синтез процессов отражения, имеющих разные источники… вся эта сложнейшая система интеграционных процессов … может быть обозначена традиционным термином *воля*" [32, с. 8]. Сознание же в предложенной Н.И. Чуприковой "рациональной системе психологических понятий" вообще никак не представлено.

Затрагивая проблему формирования исследовательской парадигмы, Т. Кун отмечает, что "формообразующим ингредиентом убеждений, которых придерживается данное научное сообщество в данное время, всегда являются личные и исторические факторы – элемент по видимости случайный и произвольный" [19, с. 6]. Допуская произвольность в выборе исходных научных положений, Т. Кун, тем не менее, указывает на один из принципов отбора научных положений и научных

теорий в качестве парадигмальных. "Принимаемая в качестве парадигмы теория, – пишет Т. Кун, – должна казаться лучшей, чем конкурирующие с ней другие теории" [Там же, с. 12]. Отказ же от парадигмы должен, согласно Т. Куну, включать "как сопоставление обеих парадигм с природой, так *и* сравнение парадигм друг с другом" [Там же, с. 44]. Как видим, речь не идет о том, чтобы отбросить все известные теории и начинать строить новую теорию с "чистого листа". Предполагается предварительный анализ наиболее часто используемых теорий и выявление той, которая расценивается как более эффективная. В этом плане абсолютно прав В.М. Аллахвердов, утверждая, что "в той мере, в какой психология претендует на статус науки и не хочет быть теоретически бесплодной, она должна опираться хоть на какие-то исходные базовые утверждения" [4, с. 13].

Какие же научные утверждения и положения, которые касаются сущности психики и сознания, являются на сегодня общепризнанными и какие из них, безусловно, можно и даже необходимо использовать в качестве парадигмы для решения фундаментальных проблем психологии? На наш взгляд, к ним относятся следующие:

1) *Признание факта существования и психики, и сознания*. Иначе, как отмечает Д.А. Теплых, "… нет смысла дальнейшего разговора о психологии: ведь не может же наука изучать нечто-не-сущее (ничто)" [29, с. 87]. Принятие данного положения в качестве парадигмы можно рассматривать как проявление здравого смысла и рационализма. Сам же метод здравого смысла можно принять в качестве особой методологической парадигмы и обозначить ее понятием "*смысловая или рационалистическая парадигма*".

2) *Психика и сознание возникают естественным образом, а не создаются кем-то и как-то*. Данное положение является прямым следствием естественнонаучного мировоззрения и позволяет выделить в качестве методологической парадигмы *естественнонаучную парадигму*.

3) *Психика есть свойство материи, то есть сама по себе психика не является материальной субстанцией, но и никак не отделима от материи*. Данное положение формулировалось В.М. Бехтеревым сле-

дующим образом: "Психические явления везде и всюду находятся в теснейшем соотношении с материальными процессами, происходящими в определенных частях мозга… Нет ни одного психического процесса, который бы являлся только субъективным или духовным в философском значении этого слова и не сопровождался бы определенными материальными процессами" [6, с. 7-8]. Введением понятия "невропсихика" В.М. Бехтерев прямо указывает на то, что вне материальных процессов, происходящих в нервной системе организма, психика не существует. В методологическом плане это означает необходимость выделения *материалистической парадигмы*.

4) *Психика есть свойство живой материи, которое возникает на высших ступенях ее эволюционного развития*. Занимая материалистическую позицию в вопросе о возникновении психики, А.Н. Леонтьев, в частности, считал, что "психика – это такое свойство материи, которое возникает лишь на высших ступенях ее развития – на ступени органической, живой материи" [20, с. 144]. Принятие данного положения позволяет выделить *биопсихическую и эволюционную парадигмы*.

5) *Возникновение психики происходит в процессе адаптивного взаимодействия живого организма с внешней средой*. Данное положение принимается всеми практически безоговорочно и служит отправной точкой многих психологических теорий, в том числе, теории возникновения психики А.Н. Леонтьева [20] и эволюционной теории развития психики А.Н. Северцева [25]. Оно же послужило основой для формулирования С.Л. Рубинштейном одного из основных принципов психологии – принципа развития психики в деятельности [24], хотя сам принцип вследствие замены понятия "взаимодействие" на "деятельность" оказывается крайне уязвимым для критики в силу неоднозначности и противоречивости понимания сущности "деятельности" [28]. Принятие данного положения в качестве парадигма позволяет ввести понятие об *адаптационной парадигме*.

6) *Психика есть свойство мозга. Материальным носителем психики и психических процессов является мозг и протекающие в мозге нейрофизиологические процессы*. Данное положение утвердилось во

многом благодаря психофизиологическим исследованиям И.М. Сеченова [26], В.М. Бехтерева [6] и И.П. Павлова [22]. Немалая заслуга в этом принадлежит и исследованиям Н.И. Чуприковой [30]. В связи с принятием данного положения правомерным представляется выделение *психофизиологической парадигмы*.

7) *Психическая форма отражения действительности – это особая форма отражения, отличающаяся от других, в частности, физической, биохимической, физиологической, нейрофизиологической*. "Являясь свойством материи, функцией мозга, психика выступает как особая форма отражения", – подчеркивает Б.Ф. Ломов [21, с. 139]. Различение форм отражение и характеристика специфичности психической формы отражения в методологическим плане можно обозначить понятием "*сопоставительно-дифференциальная парадигма*".

8) *Психика не только возникает в результате эволюции живой материи, но и способна к дальнейшему эволюционному развитию.* Соответственно, психика характеризуется разными уровнями развития. Низший уровень развития психики характеризуется как уровень ощущений, высшим уровнем считается сознание. Принятие данного положения можно соотнести с *эволюционно-уровневой парадигмой*.

9) *Психика обеспечивает: а) функцию отражения, то есть получение организмом знаний об особенностях окружающей среды, которые необходимы для регуляции поведения организма соответственно условиям, в которых оно осуществляется, и б) функцию регуляцию поведения.* Несмотря на попытку В.М. Аллахвердова подвергнуть сомнению и отвергнуть данное положение, оно, по его же собственному признанию, является общепринятым. Выделение функций психики в данном положении свидетельствует о возможности и необходимости выделения *функциональной парадигмы*.

10) *Среди психических процессов выделяются познавательные, эмоциональные и волевые, каждый из которых имеет свою специфику*. Данное положение мы выделили в качестве парадигмального, учитывая его глубокие исторические корни, распространенность в учебной психологической литературе, и отсутствие супротивной научной аргумен-

тации. Хотя В.М. Аллахвердов, например, считает, что "классификация психических процессов теоретически никак не обоснована и является типичным примером эмпирической классификации" [4, с. 158]. Признание наличия в структуре психики различных психических процессов обусловливает правомерность выделения *структурной парадигмы.*

11) *Психика и сознание имеют системный характер и системное строение*. Данное положение, восходящее своими корнями к исследованиям Аристотеля, занимает прочную позицию в отечественной психологии. "Нам представляется, – пишет Б.Ф. Ломов, – что природа психического может быть понята только на основе системного подхода, т.е. рассмотрения психического в том множестве внешних и внутренних отношений, в которых оно существует как целостная система" [21, с. 88]. Положение о системности психики и сознания предполагает рассмотрение их как целостных образований (систем), имеющих определенную структуру и функции (системные качества), обусловленные не только их целостностью, но и включенностью в систему более высокого уровня [13, с. 88]. Принятие системного подхода в качестве парадигмального соответствует выделению *системной парадигмы.*

12) *Более высокий уровень развития психики и психических процессов обеспечивает отражение более сложных особенностей объектов и явлений действительности и регуляцию более сложных форм поведения*. В сочетании с представлением о системном характере психики данное положение позволяет говорить о *системно-эволюционной парадигме*. В настоящее время системно-эволюционный подход интенсивно и достаточно плодотворно разрабатывается в психофизиологии на основе теорий функциональных систем, разработанных П.К. Анохиным [5] и В.Б. Швырковым [33, 34], а также системной психофизиологии Ю.И. Александрова [3].

13) *Сознание соотносится с рефлексией*. Как отмечает А.В. Карпов, "исторически сложилось так, что в вопросе о соотношении сознания и рефлексии варианты ответа на него варьируют в очень широком диапазоне" [10, с. 5]. Однако, наряду с неопределенностью "истинных отношений сознания и рефлексии" А.В. Карпов подчеркивает и "несо-

мненность существования этих отношений". Принятие данного положения в качестве парадигмального можно обозначить понятием "*рефлексивная парадигма*".

14) *Возникновение сознания в онтогенезе является социально обусловленным процессом*. Данное положение известно в психологии как одно из положений культурно-исторической теории развития психики человека, разработанной Л.С. Выготским [8], в рамках которой рассматривается социальная обусловленность не только сознания, но и других психических процессов, называемых высшими психическими функциями. Данное положение соответствует понятию о *культурно-исторической парадигме*.

Несомненно, предложенный перечень общепринятых научных положений можно было бы и продолжить. Возможно, кто-то может оспорить включение того или иного положения в приведенный перечень. Но не это главное. Главное, что, в принципе, такой перечень составить можно, то есть можно сформулировать такую научную исследовательскую парадигму на основе общепризнанных или признаваемых большинством психологов научных положений, которой следует руководствоваться в решении фундаментальных проблем психологии. Следование такой научной парадигме должно обязывать исследователя, взявшегося за решение фундаментальных проблем психологии, согласовывать выдвигаемые им новые идеи с каждым из научных положений, принятых в качестве парадигмальных. Если новая идея с каким-то из парадигмальных положений не согласуется, то она либо должна быть признана несостоятельной, либо автор идеи должен привести веские аргументы, на основании которых несогласующееся научное положение подлежит исключению из числа парадигмальных. Очевидно, что в любом случае возникает состояние научной конфронтации между автором новой идеи и большинством психологов, придерживающихся традиционных, общепринятых взглядов, на что обращал внимание Т. Кун.

Анализируя наиболее известную концепцию возникновения и развития психики, разработанную А.Н. Леонтьевым, можно заметить, что в его исследовательскую парадигму вошла большая часть из перечислен-

ных нами научных положений, чего не скажешь о парадигме любого другого психолога, когда-либо предпринимавшего попытку решения той же проблемы. Потому концепция А.Н. Леонтьева заслуженно считается наиболее удачной и является действительно общепризнанной. Однако, называя чувствительность простейшей формой психики, А.Н. Леонтьев фактически проигнорировал положения № 6 о том, что психика есть свойство мозга, и не уделил должного внимания отличию психической формы отражения от других форм отражения: биохимической, физиологической и нейрофизиологической (положение № 7). В результате в соответствие с его концепцией обладателями психики стали простейшие живые организмы, не обладающие ни мозгом, ни нервной системой. Одним из известных современных психологов, кто разделяет данную точку зрения, является Е.А. Климов, который призывает нас "расстаться … с привычным пониманием дела, что психика – это не что иное, как функция только нервной системы, мозга". "Нервная система, – утверждает Е.А. Климов, – о б е с п е ч и в а е т, но не предопределяет психическую активность… Мы знаем, что существует и донервная ступень развития психики у простейших животных" [11, с. 166]. В целом можно сказать, что приписывание психики простейшим организмам и сознания животным довольно часто встречающееся явление среди психологов разного уровня научной квалификации.

К наиболее существенным ошибкам, допущенным А.Н. Леонтьевым в формулировании исходных научных положений и в последующих рассуждениях, можно, на наш взгляд, отнести следующие:

1. *Понимание любых форм живой материи, способных к проявлению активности во взаимодействии с неживыми объектами, как субъектов.*

А.Н. Леонтьев полагает, что "переход от тех форм взаимодействия, которые свойственны неорганическому миру, к формам взаимодействия, присущим живой материи, находит свое выражение в факте ***выделения субъекта***, с одной стороны, ***и объекта*** – с другой" [20, с. 165]. Однако при определении живого объекта в отличие от неживого доста-

точно было ограничиться понятием "организм". Прямым следствием признания любого живого объекта (организма) субъектом является признание наличия у него (в том числе и у простейшего) способности к субъективному отражению действительности, что напрямую ассоциируется с психической формой отражения.

2. *Расширение смыслового значения понятия "деятельность" до значения понятия "процесс" и "активное отношение к действительности".*

"Те специфические процессы, которые осуществляют то или иное жизненное, т.е. активное отношение субъекта к действительности, – пишет А.Н. Леонтьев, – мы будем называть, в отличие от других процессов, процессами деятельности" [20, с. 168]. И далее "свойство организмов приходить под влиянием воздействий среды в состояние деятельности, т.е. свойство раздражимости, есть фундаментальнее свойство всякой живой материи" [Там же, с. 170].

Что означает "активное отношение субъекта"? Разве у "субъекта", как его понимает А.Н. Леонтьев, может быть не активное отношение? Активность уже заложена А.Н. Леонтьевым в понятие субъекта!

Называя "активное отношение субъекта" "процессом деятельности", а раздражимость – свойством организма приходить в "состояние деятельности", А.Н. Леонтьев фактически определяет раздражимость как деятельность. Следствием такого расширительного толкования понятия "деятельность" является утрата его специфичности и в связи с этим целесообразности его использования. Если любая форма активности организма, даже раздражимость, есть деятельность, то зачем то, что называется раздражимостью и активностью, называть еще и деятельностью?

3. *Признание в качестве простейшей формы психики, то есть ощущения, особую форму раздражимости, называемую чувствительностью.*

А.Н. Леонтьев утверждает: "функция процессов, опосредствующих деятельность организма, направленную на поддержание его жизни, и

есть не что иное, как функция чувствительности, т.е. способность ощущения" [20, с. 173].

Следствием понимание чувствительности как ощущения является, как было отмечено выше, признание наличия у простейших живых организмов, не имеющих даже нервной системы, способности к психическим формам отражения действительности и, соответственно, к психическим формам регуляции поведения.

Придавая чувствительности статус психического процесса в форме ощущения, А.Н. Леонтьев допускает не только ошибку по существу, но и ошибку формально-логического характера, которая проявляется в его следующем утверждении: "Возникновение чувствительности связано с переходом организмов из гомогенной среды, из «среды-стихии» в вещнооформленную – в среду дискретных предметов. Теперь приспособление организмов, которое всегда, разумеется, является своеобразным отражением ими свойств среды, приобретает также форму отражения воздействующих свойств среды в их объективных связях и отношениях. Это и есть специфическая для психики форма отражения, отражение предметное" [Там же, с. 176]. В данном утверждении чувствительность соотносится не с отражением отдельных свойств предмета, а с предметным отражением, то есть отражением совокупности свойств предмета "в их объективных связях и отношениях". Но в таком случае чувствительность – это уже не ощущение, а, как минимум, восприятие. В качестве подтверждения тому в Большом психологическом словаре под редакцией Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко в статье "Восприятие" читаем: "В *филогенезе* переход от ощущения к восприятию был обусловлен переходом живых существ от жизни в гомогенной, вещно (предметно) неоформленной среде к жизни в среде, вещно оформленной".

Так что же понимать под чувствительностью, если следовать логике А.Н. Леонтьева, – ощущение, как способность к отражению отдельных, в том числе, абиотических воздействий, или восприятие, как предметное отражение? В принципе возможен и более экстравагантный вариант – соотнести чувствительность с мышлением. "Задача мышления, – указывает С.Л. Рубинштейн, – заключается в том, чтобы выявить

существенные, необходимые связи, основанные на реальных зависимостях, отделив их от случайных совпадений по смежности в той или иной частной ситуации… Выявляя взаимосвязи и постигая действительность в этих ее взаимосвязях, мышление глубже познает ее сущность" [24, с. 309]. Но ведь именно опосредованность отражения жизненно важных особенностей действительности и отражение этих особенностей в их объективных связях и отношениях и подчеркивается А.Н. Леонтьевым при характеристике чувствительности!

Как видим, теоретические позиции А.Н. Леонтьева и его попытка решить проблему возникновения психики путем декларативного, по существу, отождествления ее простейшей формы (ощущения) с чувствительностью оказываются крайне уязвимыми. Впрочем, это понимал и сам А.Н. Леонтьев. Оценивая свою гипотезу, как возможный вариант решения проблемы возникновения простейшей формы психики, он писал: "Как и судьба всякого научного предположения, являющегося результатом чисто теоретического анализа, судьба выдвигаемой нами гипотезы определяется тем, в какой мере она способна служить основой для экспериментального исследования, могущего опровергнуть ее или конкретизировать и развить дальше. Пока же мы должны принять ее лишь как первую попытку, подготовляющую возможность проникнуть конкретным исследованием в эту до сих пор еще загадочную и темную проблему, ибо мы не имеем права отказываться по отношению к таким проблемам даже от самых предварительных объяснительных гипотез, хотя бы первоначально они и были очень далеки от той меры фактической обоснованности, которая возвышает гипотезу до уровня научно обоснованного положения" [20, с. 183]. Данное признание дорого стоит! Оно характеризует А.Н. Леонтьева как действительно великого ученого.

В заключении хотелось бы обратить особое внимание на крайне существенный момент в формулировке научного положении № 9 из приведенного нами перечня парадигмальных положений, которому никто из психологов не придает должного значения. Речь идет о регуляции поведения организма "соответственно условиям, в которых оно осу-

ществляется". Данная формулировка была дана Б.Ф. Ломовым, который писал: "логика развития психологической науки ведет к пониманию психических процессов как процессов субъективного отражения объективной действительности, обеспечивающих регуляцию поведения соответственно условиям, в которых оно осуществляется" [21, с. 134].

Все дело в том, что поведение организма осуществляется не в тех условиях, знания о которых он получает путем непосредственного отражения объективной действительности, а в новых, поскольку пока знания получаются, перерабатываются и на их основе формируются управляющие поведением потоки нервных импульсаций, передаваемых в двигательную систему, старые условия уходят в прошлое, и наступают новые. Чтобы поведение организма действительно было "соответственно условиям", он должен обладать способностью к отражению не только объективной действительности, непосредственно воздействующей на органы чувств, но и ближайшего будущего этой действительности, которого еще нет. Для обеспечения именно этой способности у живых организмов в процессе их эволюционного развития появляется мозг и его особое свойство, именуемое психикой. Мысль о том, что под психикой следует понимать свойство мозга, которое обеспечивает организму возможность отражения ближайшего будущего объективной действительности и регуляцию поведения на основе результатов именно этого отражения, впервые была изложена нами в 2000 году в работе "Теория и практика психологического исследования" [12], и затем обосновывалась и дорабатывалась в последующих публикациях [14-18].

Литература:

1. Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания или как сознание неосознанно принимает решение об осознавании. – Самара: ИД "Бахрах-М", 2007.

2. Акопов Г.В. Проблема сознания в российской психологии: Учеб. пособие. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО "МОДЕК", 2004.

3. Александров Ю.И. Введение в системную психофизиологию //Психология XXI века. – М.: Пер Се, 2003. – С. 39-85.

4. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб.: Издательство "Речь", 2003.

5. Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем. – М.: Наука, 1978.

6. Бехтерев В.М. Объективная психология. – М.: Наука, 1991.

7. Выготский Л.С. Психика, сознание, бессознательное //Собр. соч.: В 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. – М.: Педагогика, 1982. – С. 132-148.

8. Выготский Л.С. История развития высших психических функций //Собр. соч.: В 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики. – М.: Педагогика, 1983. – С. 5-328 с.

9. Зинченко В.П. Предисловие к русскому изданию //Хант Г. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. – М.: ООО "Издательство АСТ и др., 2004. – С. 11-15.

10. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. – М.: Изд-во "Институт психологи РАН", 2004.

11. Климов Е.А. Общая психология. Общеобразовательный курс: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.

12. Корниенко А.Ф. Теория и практика психологического исследования: Учебное пособие. – Казань: Изд-во КГПУ, 2000.

13. Корниенко А.Ф. Методология и методы психологического исследования: Учебное пособие. – Казань: Изд-во КГПУ, 2003.

14. Корниенко А.Ф. Чувствительность организма и "зачаточная форма психики" //Вестник КГПУ. – 2006. – № 5. – С. 186-194.

15. Корниенко А.Ф. Проблемы определения понятия "психика" //Российский психологический журнал. – 2008. – Т 5. – № 1. – С. 9-22.

16. Корниенко А.Ф. Специфика психической формы отражения действительности //Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – № 2. – С. 5-19.

17. Корниенко А.Ф. Зачем живому организму нужна психика и что это такое //Российский научный журнал. – 2009. – № 3 (10). – С. 47-60.

18. Корниенко А.Ф. Психика и психические процессы: единая система психологических понятий // Российский научный журнал. – 2009. – № 4 (11). – С. 78-89.

19. Кун Т. Структура научных революций. – М.: "Прогресс", 1975.

20. Леонтьев А.Н. Возникновение и эволюция психики //Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I. – М.: Педагогика, 1983. – С. 143-279.

21. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984.

22. Павлов И.П. Мозг и психика //Избранные психологические труды. – М.: Изд-во "Институт практической психологии"; Воронеж: НПО "МОДЭК", 1996.

23. Платонов К.К. О системе психологии. – М.: Наука, 1972.

24. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2001.

25. Северцев А.Н. Эволюция и психика //Психологический журнал. – 1982. – № 4. – С. 149-159.

26. Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. – М.: Изд. АН СССР, 1961.

27. Смирнов С.Д. Возможна ли единая теория психического? // Вопросы психологии. – 1997. – № 3. – С. 129.

28. Талызина Н.Ф. Сущность деятельностного подхода в психологии //Методология и история психологии. – 2007. – Том 2. – Вып. 4. – С. 157-162.

29. Теплых Д.А. Концепция предметности психологии в контексте типов научной рациональности //Методология и история психологии. – 2006. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 85-99.

30. Чуприкова Н.И. Психика и сознание как функция мозга. – М.: Наука, 1985.

31. Чуприкова Н.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки //Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 104-118.

32. Чуприкова Н.И. Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности //Вопросы психологии. – 2007. – № 3. – С. 3-15.

33. Швырков В.Б. Теория функциональных систем в психофизиологии //Теория функциональных систем в физиологии и психологии. – М.: Наука, 1978. – С. 11-46.

34. Швырков В.Б. Основные этапы развития системно-эволюционного подхода в психофизиологии //Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – № 3. – С. 15-27.

35. Юревич А.В. Перспективы парадигмального синтеза //Вопросы психологии. – 2008. – № 1. – С. 3-15.

Возникновение
и развитие
психики

ПЕРВИЧНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Социально-психологические проблемы молодежи: Сборник статей /под ред. А.О. Прохорова. – Казань: Изд-во КГПУ, 2000. – С. 32-42.

В исследовании механизмов познавательной активности мы будем исходить из того, что познание это не просто процесс получения знаний, а определенная форма активности объекта, которую он может проявлять по отношению к другим объектам или явлениям с целью получения о них необходимой ему совокупности знаний. Применительно к объектам живой природы, познавательная активность которых нас интересует, мы будем использовать понятие "организм".

Допустим, что в некоторой области действительности, обладающей определенными пространственно-временными характеристиками, имеется активный объект – организм ***O*** – и другие объекты из его ближайшего и более отдаленного окружения, с которыми он как-то взаимодействует. Находясь в окружении различных объектов, организм ***O*** вступает с ними в определенные взаимодействия. Однако и между самими объектами, входящими в его окружение, также имеются некоторые взаимодействия. Можно ли сказать, что организм ***O*** знает о существовании объектов, в окружении которых он находится, об их свойствах и о характере взаимодействий между ними? Насколько нужны ему эти знания? В чем должно выражаться наличие у организма такого рода знаний? Какие процессы и механизмы внутри организма обеспечивают получение знаний? Чтобы ответить на все эти вопросы, необходимо прежде всего определиться с пониманием "знания".

Очевидно, что знание есть "нечто", присущее организму, которое формируется в его внутренних структурах как следствие его познавательной активности в отношении чего-то, находящегося вне его. По определению В.И. Гинецинского, "знание в целом может быть охарактеризовано как определенная форма (способ) отражения (воспроизведения) свойств и признаков познаваемого объекта в сознании познаю-

щего субъекта"[3]. Если заменить в этом определении ссылку на "сознание познающего субъекта" общей ссылкой на внутренние структуры организма, то из него следует, что процесс познания, как процесс получения знаний, предполагает:

- во-первых, наличие некоторого внешнего объекта (явления), на который могла бы быть направлена познавательная активность организма;
- во-вторых, наличие определенных причин или каких-то оснований, направляющих активность организма на этот внешний объект с целью получения о нем каких-либо знаний;
- в-третьих, наличие специального механизма познания, обеспечивающего возможность воспроизведения (отражения) свойств и признаков познаваемого объекта во внутренних структурах организма.

Если в окружении организма ***O*** имеется, например, объект *A*, то так или иначе он себя проявляет – либо непосредственно во взаимодействии с организмом ***O***, либо во взаимодействиях с другими объектами. Причем во взаимодействиях с разными объектами, в принципе, могут проявляться разные свойства объекта *A*. Обозначим свойства объекта *A*, которые проявляются во взаимодействиях с организмом ***O***, через AO_i, где i – индекс проявляемого свойства. Тогда свойства, проявляемые объектом *A* при взаимодействиях с другими объектами, можно обозначить как AX_i, где X – объект взаимодействия. Очевидно, что сами по себе свойства объектов и особенности их проявления знаниями не являются. Знание есть отражение этих свойств и их проявлений, которое возникает во внутренних структурах организма и которое организм использует в построении своего поведения, в реализации своей двигательной и познавательной активности. Чтобы получить знания обо всей совокупности свойств объекта *A*, равно как и других объектов из своего окружения, организм ***O*** должен обладать двумя механизмами познания:

[3] Гинецинский В.И. Предмет психологии. Дидактический аспект. – М.: Изд. корпорация "Логос", 1994. – С. 44.

– механизмом непосредственного познания, который обеспечивает познание свойств AO_i;

– механизмом опосредованного познания, обеспечивающим познание свойств AX_i.

У достаточно развитых живых организмов первый механизм представлен механизмом чувственного познания (ощущение и восприятие), второй – механизмом рационального или интеллектуального познания (мышление и сознание). Простейшим живым организмам приходиться довольствоваться лишь простейшей или первичной формой познавательной активности. Однако при описании этой формы познавательной активности следует иметь в виду, что она должна обладать таким механизмом, который, в принципе, обеспечивал бы ее преемственность и дальнейшее эволюционирование в направлении к указанным выше чувственным и интеллектуальным формам познания.

Учитывая, что во взаимодействии происходит проявление свойств взаимодействующих объектов, мы можем рассматривать отдельное взаимодействие как некоторое *явление* (или *событие*), а последовательность взаимодействий – как последовательность явлений (или событий). Использование понятия "явление" в связи с взаимодействием позволяет подчеркнуть тот факт, что взаимодействие между объектами не просто происходит само по себе, но и "является" другим объектам, оказывая на них своего рода "информационное" воздействие. Согласно, например, концепции Э. Канта, вещи, из которых состоит мир, существуют "в себе", совершенно независимо от того, знаем мы о них или нет, но "в себе" они нам, людям, не явлены. Мир, вещи и процессы мира "являются" людям, и именно это "явление" может фиксироваться в нашем сознании и в наших знаниях. Обобщая эту мысль, можно сказать, что, в принципе, взаимодействие между любыми двумя объектами "является" всем другим объектам. При наличии у этих других объектов достаточно развитых познавательных возможностей то, что "является", может быть ими познано.

Итак, мы имеем различные объекты, которые, находясь в едином пространственно-временном континууме, определенным образом взаи-

модействуют между собой, проявляя свои свойства. Вместе с тем, в силу непрерывности пространства и времени, между объектами устанавливаются определенные пространственные и временные связи по типу "рядом – не рядом", "ближе – дальше", "одновременно – не одновременно", "раньше – позже", а также их последовательности. Все эти пространственные и временные связи и их последовательности также становятся своеобразными "объектами" познания.

Очевидно, что для разных организмов в зависимости от условий обитания существенными, имеющими жизненно важное значение, оказываются разные явления и разные пространственно-временные связи и последовательности. Проблема существенности явлений, их связей и последовательностей непосредственно порождается проблемой выживаемости организмов, необходимостью в их адекватном приспособительном поведении. Для того, чтобы выжить и иметь возможность для дальнейшего существования и развития, каждый организм должен был научиться выделять и как-то дифференцировать те явления (события) действительности, которые были для него наиболее существенными и имели определенный биологический смысл. С другой стороны, являясь порождением проблемы выживаемости организмов, проблема существенности, жизненной значимости явлений породила для организмов новую специфическую проблему – проблему познания. С самого начала организмы вынуждены были научиться получать знания о той области действительности, в рамках которой осуществлялась их жизнедеятельность.

Наибольшую сложность для организмов в плане познания представляли, конечно же, те явления (события), которые относились к категории будущих. Вместе с тем, как мы знаем, каждое из явлений будущего в силу непрерывности течения времени рано или поздно переходит в категорию настоящих и начинает оказывать непосредственное воздействие на организм. В связи с этим вполне можно полагать, что для развития организмов именно категория будущих явлений оказывалась не только наиболее сложной для познания, но и наиболее значимой!

Среди наиболее значимых аспектов или характеристик будущих явлений, которые во многом и определяли развитие первичных форм приспособительного поведения организмов и эволюцию первичных форм их познавательной активности, можно выделить следующие:

- *Характер и степень воспроизводимости явлений*. (Чем меньше частота и степень регулярности в воспроизведении явления – тем меньше возможностей у организма для последующей корректировки и совершенствования своих реакций на такое явление).
- *Скорость возникновения и протекания явлений*. (Чем выше скорость возникновения и протекания явления, тем меньше шансов у организма его зафиксировать и адекватно на него отреагировать. Для быстрого и адекватного реагирования на быстро протекающие явления организму нужны не менее быстро протекающие познавательные и ответные двигательные процессы).
- *Характер взаимосвязи явлений с другими явлениями*, в частности, с явлениями настоящего, прошлого или с другими явлениями будущего. (Чем более ярко выражена взаимосвязь между явлениями и чем более она носит характер причинно-следственных отношений, тем проще организму их обнаружить, предвидеть появление значимых явлений и заранее к ним подготовиться).

В плане развития приспособительных, а также познавательных возможностей организма наиболее простыми можно считать явления достаточно длительные, регулярно и достаточно часто повторяющиеся и имеющие закономерную, т.е. причинно-следственную детерминацию. Значение такого типа явлений для развития процессов познания на уровне первичных организмов изложены в концепции опережающего отражения действительности П.К. Анохина[4].

В основе концепции П.К. Анохина лежат, по существу, следующие три утверждения:

[4]Анохин П.К. Опережающее отражение действительности //Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем. – М.: Наука, 1978. – С. 7-26.

1. Наиболее существенной чертой пространственно-временной структуры мира, определяющей *временное отношение* первичных организмов к внешнему неорганическому миру, является последовательность воздействий внешнего мира на эти организмы.

2. Повторяемость последовательно развивающихся внешних воздействий, существенных в том или другом отношении для жизни организма, смогла создать непрерывную и последовательную цепь химических реакций в протоплазме организма.

3. Появление первичных белковых тел, приобретших в дальнейшем ферментативную функцию, создало возможность развития цепей химических реакций с избирательным каталитическим ускорением, в результате чего стало возможным *быстрое* (в цепных химических реакциях) отражение *медленно* развертывающихся событий внешнего мира.

Исходя из этих утверждений, П.К. Анохин в итоге приходит к выводу, что "… универсальным принципом приспособления всех форм живого является опережающее отражение последовательно и повторно развивающихся событий внешнего мира". Признавая наличие у простейших организмов механизма опережающего отражения, П.К. Анохин фактически рассматривает этот механизм как первичный, определяющий динамику эволюционного развития всех форм и механизмов познавательной активности.

Логика рассуждений П.К. Анохина состояла в следующем. Допустим, что во внешнем мире имеет место последовательный ряд явлений – *А, Б, В, Г, Д,* которые оказывают определенное воздействие на организм ***О*** и вызывают в протоплазме организма соответствующий ряд химических превращений, обозначаемых как *а, б, в, г, д* (см. рис.1).

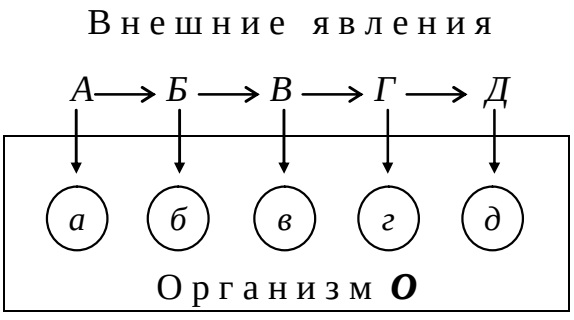

Рис. 1. Соответствие протоплазматических реакций *а, б, в, г, д* в организме внешним воздействиям *А, Б, В, Г, Д* (по П.К. Анохину).

Допускается далее, что этот ряд внешних воздействий регулярно повторяется на протяжении многих лет и имеет существенное положительное значение для обменных процессов организма. В результате многократного воспроизведения этого ряда воздействий в протоплазме живого существа между отдельными звеньями соответствующего ряда химических реакций устанавливается органическая связь, делающая весь ряд превращений "*а–б–в–г–д*" непрерывной и быстро развертывающейся цепью химических реакций (см. рис. 2).

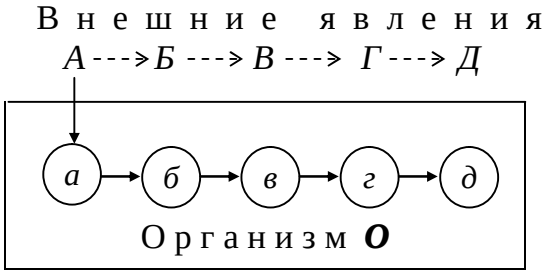

Рис. 2. Опережающее отражение в состоянии протоплазмы последовательности событий внешнего мира (по П.К. Анохину).

Как утверждает П.К. Анохин, "… теперь уже действие только одного первого фактора (*А*) способно начать и привести в активное состояние всю последовательную цепь химических реакций". Полагая, что действие фактора (*А*) не только запускает реакцию "*а*", но и приводит в активное состояние реакцию "*б*" до наступления соответствующего события или фактора (*Б*), П.К. Анохин делает заключение о наличии опережения в реакции и, соответственно, о наличии у первичных организмов механизма опережающего отражения. Однако здесь им допускается существенная логическая ошибка. Между реакциями *а, б, в, г, д* причинно-следственные отношения, которые имеют место между соответствующими явлениями *А, Б, В, Г, Д*, не устанавливаются. Реакция "*б*", например, сама по себе не следует с необходимостью за реакцией "*а*" и не является причиной возникновения реакции "*в*". Являясь отражением явления *Б*, реакция "*б*" может протекать лишь с момента наступления именно этого явления. Если бы она и все последующие реакции наступали раньше, то все они были бы неадекватны ситуации, ибо возникали

бы не вовремя. Другое дело, что возможность этой реакции уже подготовлена предшествующими случаями формирования аналогичных реакций, и будучи вновь вызванной, она с каждым разом будет все более совершенной и будет протекать гораздо быстрее, приобретая, как отмечает П.К. Анохин, "каталитическое ускорение".

Одновременно с каталитическим ускорением реакций на значимые воздействия в организме происходит выделение морфологических структур, в которых, собственно, и происходят эти ускоренные реакции. По мере развития эти морфологические структуры образуют специализированные органы чувств, а процессы каталитического ускорения биохимических процессов, протекающих в них, со временем трансформируются в механизм формирования нервных импульсов. Таким образом, в динамике эволюционного развития происходят изменения, как в структурной организации организма, так и в механизмах его функционирования. Однако появление процессов опережающего отражения, как нам представляется, может происходить лишь с появлением в организме достаточно развитой нервной системы, обеспечивающей возможность формирования "образов" внешних явлений.

При формировании образов во внутренних структурах организма возможно образование внутренних временных связей, с одной стороны, между образом явления и соответствующей биохимической реакцией организма, которая вызывалась действием отражаемого в образе явления, и, с другой стороны, между самими образами. При этом связи между образами устанавливаются в соответствии с теми связями, которые существуют между отражаемыми в них реальными явлениями.

При наличии образов внешних явлений, появление события *А* вызывает появление соответствующей реакции "*а*" и активизирует соответствующий образ $А'$. В силу взаимосвязи образов активизация образа $А'$ может вызвать активизацию и другого образа – образа $Б'$, который, в свою очередь, может выступить в качестве сигнала к запуску реакции "*б*". В общем случае реакция "*б*" может быть запущена либо событием *Б,* когда оно действительно наступит, либо, независимо от него, образом $Б'$,

когда произойдет его активизация. Вопрос лишь в том, когда будет активизирован образ $Б'$. И вот здесь действительно может наступить ситуация опережающего отражения внешнего воздействия (события), которая имелась в виду в концепции П.К. Анохина. Для этого необходимо, чтобы образ $Б'$ активизировался несколько раньше, чем произойдет реальное наступление соответствующего события *Б*. Очевидно, что в силу принципа целесообразности, это опережение не может быть значительным. Забежав в отражении действительности слишком далеко вперед и запустив опережающие, но возможно неадекватные реакции, организм может не успеть во время вернуться назад и перестроить свои реакции. В итоге он может "не вписаться" в структуру пространственно-временных событий, которые будут разворачиваться на самом деле.

Исходя из выше изложенного, мы полагаем, что первичным механизмом познавательной активности, который проявляется у простейших организмов, следует считать не процессы опережающего отражения, а отмеченные П.К. Анохиным процессы каталитического ускорения биохимических реакций в ответ на значимые воздействия.

Возможность и готовность к воспроизведению в структурах организма каталитически ускоренных биохимических реакций можно рассматривать как форму проявления организмом знаний о существенных, жизненно важных для организма явлениях внешней среды. Однако эти знания не являются результатом собственно познавательной активности организма. Они являются результатом совершенствования ответной двигательной активности, направляемой на обеспечение адекватности приспособительного поведения в условиях конкретной среды обитания. Сама по себе познавательная активность организма является вторичной по отношению к двигательной активности и имеет по отношению к ней специфический характер. Если двигательная активность направлена, главным образом, на обеспечение адекватности поведения, то познавательная активность – на достижение адекватности отражения. Тем не менее, несмотря на специфичность функций, в своих проявлениях во взаимодействиях организма с внешней средой эти две формы активности неразрывно связаны (см. рис. 3).

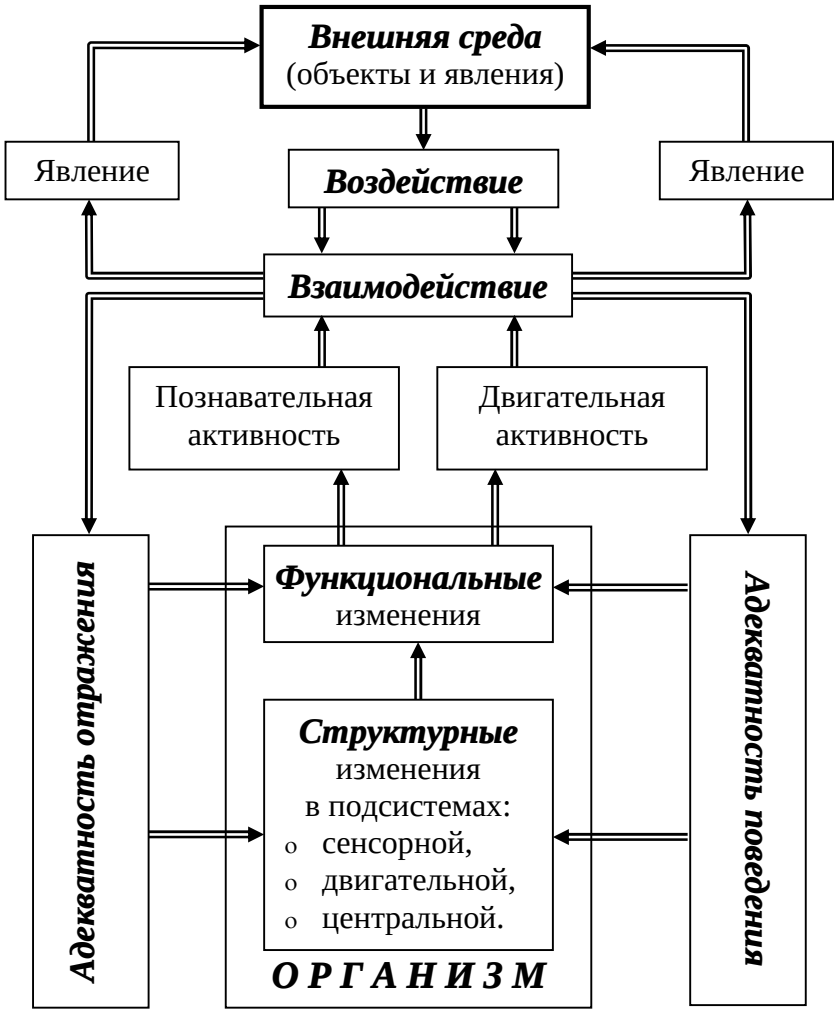

Рис. 3. Взаимосвязь познавательной и двигательной активности во взаимодействии организма с внешней средой.

В схеме взаимодействия организма с внешней средой, представленной на рис. 3, следует особо обратить внимание на два момента:

- во-первых, на то, что в силу наличия познавательной и двигательной активности организм, как относительно автономное образование, способен не только вовлекаться во взаимодействие воздействием со стороны внешней среды, но и выступать в качестве инициатора этого взаимодействия. При инициации взаимодействия активность организма может быть направлена не только на познание, но и на преобразование внешней среды.
- во-вторых, поскольку при взаимодействии имеет место проявление свойств взаимодействующих объектов (т.е. образование "явлений"), свойства организма "являются" не только внешней среде, но и самому

организму, который, несмотря на свою автономность, является все же частью этой среды. В свою очередь это обеспечивает принципиальную возможность познания организмом не только свойств внешней среды, но и своих собственных, т.е. возможен процесс самопознания, который, собственно, и возникает с появлением у организмов особого механизма познавательной активности, а именно механизма сознания.

УСЛОВИЯ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО (ПСИХИЧЕСКОГО) ОТРАЖЕНИЯ

Теоретическая психология в России на пороге XXI века / Материалы Всероссийской научно-практической конференции". – Пенза, 2000. – С. 24-26.

В работах П.К. Анохина процессы опережающего отражения рассматриваются в качестве "универсального принципа приспособления всех форм живого", включая простейших организмов. Признавая наличие у простейших организмов механизма опережающего отражения, П.К. Анохин фактически связывал понятие "опережение" не с познавательными процессами, которые обеспечивают отражение действительности, а с ответными двигательными реакциями организма, с "предупредительным приспособлением" к предстоящим изменениям внешних условий. Однако у простейших организмов "предупредительные" формы реагирования являются всего лишь "слепым" воспроизведением последовательности прошлых ответных реакций, т.е. являются проявлением механизма памяти. Для того чтобы в ответ на внешние воздействия (события) действительно возникали опережающие реакции, организм кроме механизма памяти должен обладать еще как минимум двумя механизмами:

1) механизмом формирования, так называемых, "образов" внешних воздействий, которые способны активизировать двигательные реакции независимо от наличия самих внешних воздействий;

2) механизмом формирования образов ближайшего будущего, в которых отражается возможная, наиболее вероятная динамика предстоящих изменений внешних воздействий. (Наличие именно этого механизма свидетельствует о наличии механизма опережающего отражения действительности как особой формы психического отражения).

При наличии образов внешних явлений появление некоторого события "*A*" вызывает появление соответствующей реакции "*a*" и активизирует соответствующий образ "Ã". Наличие механизма построения образа ближайшего будущего, т.е. механизма опережающего отражения, приводит к появлению некоторого образа "Õ", опережающего ре-

альные события на время Δt и способного активизировать соответствующую реакцию "*o*". В рассматриваемом нами случае реакция "*o*" может быть запущена либо реальным событием "O", если оно действительно наступит через время Δt, либо, независимо от него, сформированным образом "Õ". И вот здесь действительно может наступить ситуация опережающего реагирования на внешние воздействия (события), которая имелась в виду в концепции П.К. Анохина. Для этого необходимо, чтобы образ "Õ" активизировал реакцию "*o*" несколько раньше, чем произойдет реальное наступление соответствующего события "O". Однако в силу принципа целесообразности, это опережение не может быть значительным. Более того, оно может быть лишь очень незначительным. Иначе, забежав в отражении действительности далеко вперед в отдаленное будущее и запустив соответствующие, но возможно неадекватные реакции, организм может просто не "вписаться" в структуру пространственно-временных событий, которые на самом деле начнут разворачиваться в настоящем.

В общем случае время опережения, которое может обеспечиваться механизмом опережающего отражения, ограничивается, как минимум, двумя факторами:

а) скоротечностью внешних явлений, подлежащих отражению (чем более динамично протекает отражаемое явление, тем короче должно быть время опережения);

б) скоротечностью тех процессов, которые протекают во внутренних структурах организма и лежат в основе, как процессов познания (отражения), так и ответных двигательных реакций (чем более динамичны эти процессы, тем большее время опережения может позволить себе организм).

Если минимально возможный интервал времени между двумя ответными реакциями организма составляет δt, а период относительной стабильности в динамике внешних воздействий составляет γt, то время опережения, которое доступно организму и которое он может себе позволить, составляет не более $\Delta t \acute{a} (\gamma t - \delta t)$. При скоротечности внешних событий и малой скорости внутренних механизмов ответного реагиро-

вания ($\gamma t < \delta t$), имеющих место у простейших организмов, ни о каком опережающем отражении не может быть и речи.

Появление механизма опережающего отражения знаменует собой появление психической формы отражения и становится возможным лишь в связи с образованием в структурах организма нервной системы и организацией сенсорных систем и систем регуляции двигательной активности на основе нейронных структур со сравнительно быстро протекающими нервными процессами.

ДОПСИХИЧЕСКИЕ ФОРМЫ РЕГУЛЯЦИИ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЖИВОГО ОРГАНИЗМА

Психологические исследования на факультете психологии ТГГПУ: Сборник статей /под ред. О.Г. Лопуховой. – Казань: ТГГПУ, 2007. – С. 7-21.

Рассмотрение первичных допсихических форм регуляции двигательной активности и жизнедеятельности организмов имеет весьма существенное значение для понимания сути и механизмов становления более сложных форм поведения живых систем, регуляция которых связана с понятиями о "психике" и "сознании". Как это ни странно, но выделение и анализ допсихических форм регуляции активности живых организмов представляет собой довольно сложную проблему. Основная причина и суть проблемы состоит в том, что изначально способность "живого" тела в отличие от "неживого" проявлять различные формы двигательной активности объяснялась не чем иным, как наличием "психики" ("души"). Способность тела реагировать на внешние воздействия и осуществлять какие-либо движения принимались за проявления жизни, которая, в свою очередь, считалась обусловленной психикой. Психика, таким образом, оказывалось напрямую связанной с понятиями "реакция" и "движение". Возможно, именно в силу этого обстоятельства в начале XIX века известный эволюционист Жан Батист Ламарк [6] предложил классифицировать уровни психической организации живых существ в зависимости от форм поведения. Создавая свою теорию эволюции, он полагал, что организмы изменяются не вследствие прямого на них воздействия среды, а вследствие того, что среда изменяет психику животного. В соответствии с этим им была предложена первая классификация психических актов, то есть форм двигательной активности организмов, которые могут быть отнесены к категории психических. Самым простым психическим актом он считал раздражимость, более сложным – чувствительность и самым совершенным – сознательность.

Однако не только во времена Ж. Ламарка все виды реагирования организма на внешние воздействия соотносили с психическими актами. Уже в наше время А.Н. Северцев в известной работе "Эволюция и пси-

хика" к основным типам психической деятельности у животных наряду с деятельностью "разумного типа" относил и рефлекторную, и инстинктивную деятельность как «чрезвычайно важные для организма наследственные механизмы приспособления» [10]. Наличие психической активности у простейших животных, у которых нет нервной системы и мозга, допускается известным психологом, доктором психологических наук, академиком РАО Е.А. Климовым, который призывает нас "расстаться … с привычным пониманием дела, что психика – это не что иное, как функция только нервной системы, мозга" [3, с. 166]. "Нервная система, – утверждает Е.А. Климов, – о б е с п е ч и в а е т, но не предопределяет психическую активность… Мы знаем, что существует и донервная ступень развития психики у простейших животных" [Там же, с. 167].

Представление о том, что не любую форму реагирования организма на внешнее воздействие следует соотносить с понятием "психического", отстаивал А.Н. Леонтьев. Он, как и Ж. Ламарк, исходил из того, что жизнь следует рассматривать, прежде всего, как процесс взаимодействия организма и окружающей его среды. Он также считал, что всюду, где мы встречаемся с явлениями жизни, мы имеем дело с подвижностью, и что раздражимость является общим свойством всех живых тел "приходить в состояние деятельности под влиянием внешних воздействий" [7, с. 148]. Однако А.Н. Леонтьев не склонен был рассматривать раздражимость как психический акт или связывать данное свойство живого организма с понятием психики. Допущение о том, что всякая живая материя обладает хотя бы простейшей психикой, он считал противоречащим современным научным знаниям о простейшей живой материи. По мнению А.Н. Леонтьева, "психика может быть лишь продуктом дальнейшего развития живой материи, дальнейшего развития самой жизни" [7, с. 143], и он связывал ее появление с появлением у животных нервной системы и способности к "чувствительности". В отличие от раздражимости, которая характеризует способность организма реагировать на жизненно важные, биотические воздействия и связана с понятием "безусловного рефлекса", под "чувствительностью" А.Н. Леонтьев понимал способность организма к реагированию на абиоти-

ческие воздействия и выработку соответствующих условных рефлексов. Именно чувствительность, а не раздражимость предлагал рассматривать А.Н. Леонтьев в качестве простейшей формы психики. Он считал, что именно эта способность как "фундаментальная биологическая функция, функция ориентации и отражения, без которой не может идти дальше процесс биологической эволюции в предметной среде", есть не что иное, как "зачаточная форма психики" [7, с. 48-52].

Наличие чувствительности и связанных с ней ориентировочных форм поведения, позволяет организму не только выделять и избирательно реагировать на воздействия, выполняющие сигнальную функцию, но и приобретать индивидуальный опыт реагирования в специфических условиях окружающей среды. Поведение организма, обладающего чувствительностью, начинает существенным образом зависеть от прошлого индивидуального опыта, приобретенного им в процессе своей жизнедеятельности. Именно в связи с появлением этих новых возможностей, с возможностью реагировать на внешние воздействия с учетом прошлого индивидуального опыта чувствительность обычно рассматривается как объективный признак или критерий возникновения психики [7, 8].

Формы поведения организма, которые строятся на основе индивидуально приобретенного прошлого опыта, относил к категории психических известный русский ученый, основатель первой в России психологической лаборатории В.М. Бехтерев, который писал: "Всюду, где прошлый опыт дает себя знать, мы имеем уже не простой рефлекс, а психорефлекс, или невропсихику в настоящем смысле слова" [2, с. 15].

Несомненно, чувствительность, способность к условно-рефлекторным формам поведения являются более сложной формой двигательной активности организма, чем раздражимость. Однако, насколько целесообразно эту форму двигательной активности связывать с понятием "психика"?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим механизмы безусловно- и условно-рефлекторного реагирования организма на биотические и абиотические воздействия, связанные, соответственно, с понятиями "раздражимость" и "чувствительность".

Возможность реализации любой рефлекторной реакции предполагает наличие в организме трех механизмов:

1) сенсорного или рецепторного механизма, обеспечивающего получение знаний о жизненно важных параметрах воздействия;

2) механизма формирования двигательной реакции ("мышечного движения"), обеспечивающего осуществление собственно самой реакции на воздействие;

3) механизма передачи знаний о параметрах воздействия в форме возбуждения рецепторных клеток к мышцам двигательной системы.

С точки зрения физиологии рефлекторная реакция может быть представлена следующим простым соотношением:

$$S \Rightarrow \Delta V \Rightarrow R \qquad (1)$$

где: S – внешнее воздействие, имеющее для организма определенную биологическую значимость;

ΔV – изменения в физиологических процессах, возникающие в сенсорной (рецепторной) системе организма, которые представляют собой физиологическую форму отражения наиболее существенных параметров воздействия;

R – двигательная реакция организма на воздействие.

Если изменения в физиологических процессах ΔV, соответствующие воздействию S, рассматривать как физиологическую форму отражения или физиологическую форму знания $S_V^{'}$ о воздействии S и считать, что поведение R строится на основе именно этих знаний, то приведенное выше соотношение может быть преобразовано в соотношение

$$S \Rightarrow \Delta V \Rightarrow S_V^{'} \Rightarrow R \qquad (2)$$

Изменения, постоянно происходящие в организме вследствие непрерывного потока биотических воздействий, постепенно приводят к тому, что организм приобретает такую структуру и такие механизмы функционирования, которые обеспечивают возможность его существования и развития в тех условиях, в которых он оказывается. По выражению А.Н. Северцева [10], эволюционный процесс имеет "*эктогенетический*" характер, т.е. происходит под влиянием изменений внешней среды, в которой живут животные.

В результате адаптации к условиям внешней среды в организме происходят соответствующие процессы реорганизации его структуры и выработки механизмов функционирования, необходимых для обеспечения его жизнедеятельности. Для простейших организмов, эволюционное развитие которых определяется наличием способности к раздражимости, указанные адаптационные процессы схематично можно представить следующим образом (см. рис. 1):

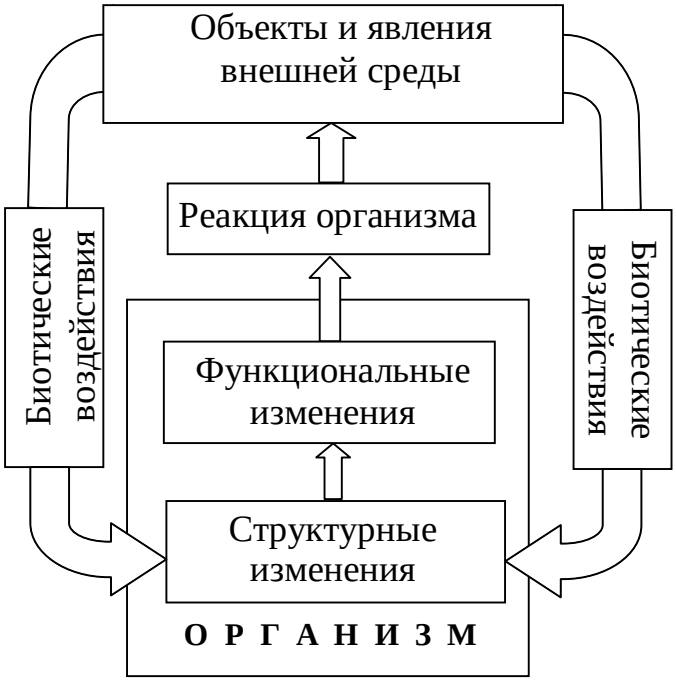

Рис. 1. Механизм адаптации простейшего организма к условиям внешней среды на основе раздражимости.

Происходящие в организмах структурные изменения и особенности их функционирования в специфических для них условиях среды в силу наличия генетических механизмов передаются последующим поколениям организмов данного вида. В результате организмы нового поколения появляются на свет с уже имеющимися знаниями о том, какие воздействия являются для них биотическими и как на них нужно реагировать. Совокупность этих знаний является врожденной и их можно рассматривать как врожденные знания. Однако врожденные знания – это знания о потенциальных воздействиях и соответствующих им потенциальных реакциях. Чтобы в определенных условиях среды из мно-

жества потенциальных реакций была реализована наиболее адекватная из них, в организме должен быть особый механизм выделения и идентификации внешнего воздействия как биотического, а также механизм последующего запуска соответствующей этому воздействию двигательной реакции. Указанные механизмы и их соотношение в схематичной форме могут быть представлены следующим образом:

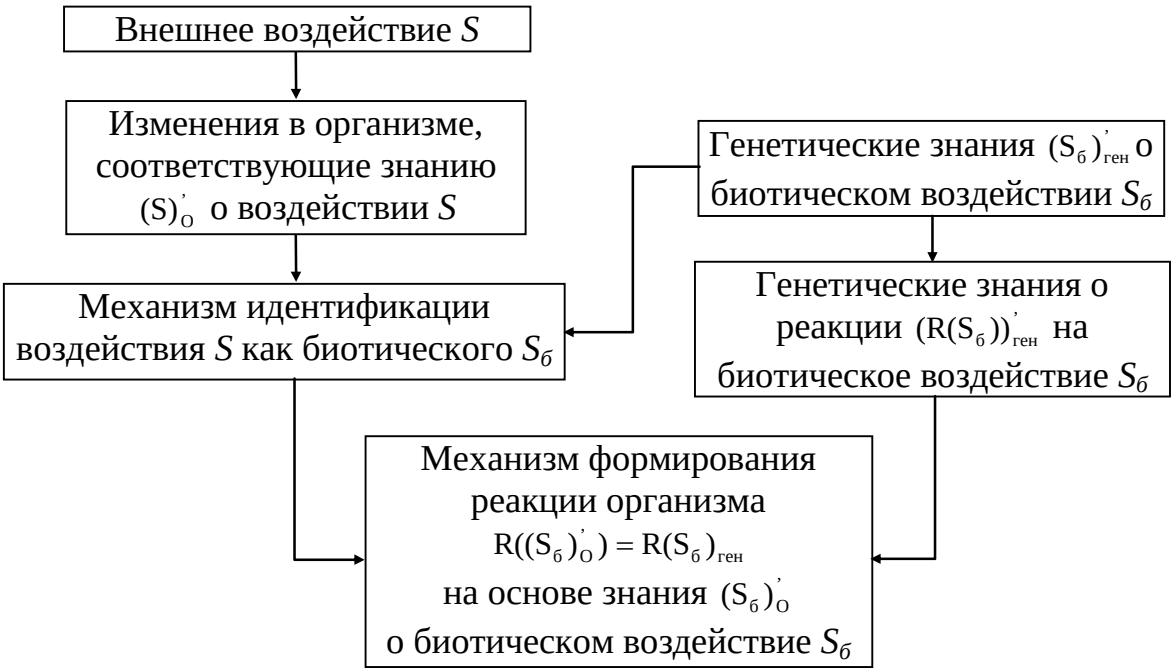

Рис. 2. Внутренние механизмы в организме, обеспечивающие идентификацию биотического воздействия $S_б$ и реализацию соответствующей генетически обусловленной двигательной реакции $R((S_б)'_{О}) = R(S_б)_{ген}$.

Представленная на рис. 2 схема отражает механизмы формирования безусловно-рефлекторной формы двигательной активности организма, связанной с понятием "раздражимости".

С появлением "чувствительности" у организмов помимо механизмов генетической памяти начинается развитие механизмов индивидуальной памяти, обеспечивающих им возможность приобретать индивидуальный опыт реагирования в условиях окружающей среды, отличных от тех, знания о которых отражены в их генетической памяти. Двигательная активность организма, обладающего чувствительностью и ин-

дивидуальной формой памяти, начинает существенным образом зависеть от прошлого индивидуального опыта, приобретенного им в процессе своей жизнедеятельности.

Внутренние механизмы, обеспечивающие наличие у организма способности к чувствительности, как способности к формированию условно-рефлекторных реакций на абиотические воздействия, представлены на рис. 3.

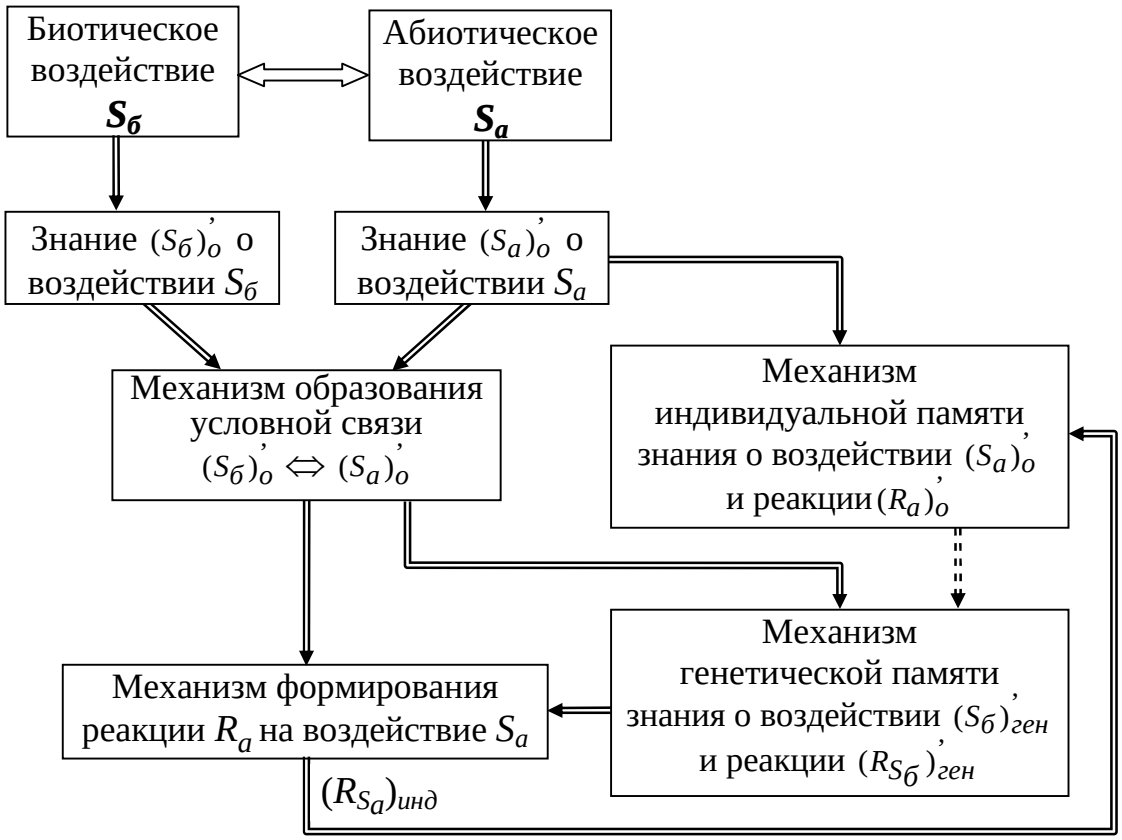

Рис. 3. Внутренние механизмы формирования условно-рефлекторной реакции организма в ответ на абиотическое воздействие.

Многократное воздействие на организм абиотического раздражителя S_a одновременно с биотическим $S_б$ приводит к тому, что в сенсорной системе организма постепенно образуется клеточная структура, которая может активизироваться сигналами, поступающими как от рецепторов, обеспечивающих получение знаний $(S_б)'_o$ о биотическом воздействии, так и от рецепторов, обеспечивающих получение знаний $(S_a)'_o$ о воздействии абиотическом. Возможность образования такого

рода клеточных структур рассматривается в известной концепции "ассоциативных клеточных ансамблей" Д. Хебба [11], согласно которой две клетки или системы клеток при одновременной активации начинают связываться так, что активность одной способствует активности другой. При наличии в организме нервной системы и, в частности, нервной клетки с "возбуждающими" дендритами, выполняющими функцию суммации поступающих на них нервных импульсов, образование связи между рецепторами, активизируемыми биотическим и абиотическим воздействиями, может быть представлено следующей простой схемой:

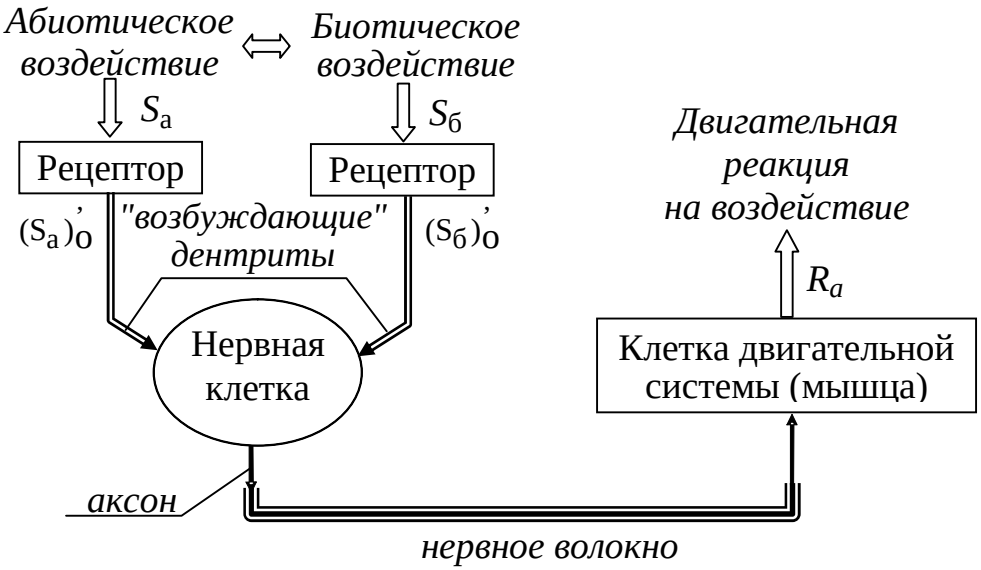

Рис. 4. Механизм реализации условно-рефлекторной реакции организма на абиотическое воздействие при наличии нервной системы.

Как видно из схемы, представленной на рис. 4, формирование условного рефлекса на абиотическое воздействие $S_а$, связанное по времени с биотическим воздействием $S_б$, обеспечивается за счет образования связей между соответствующими рецепторными клетками посредством "связующей" нервной клетки и ее возбуждающих дендритов. Образование клеточной структуры такой конфигурации позволяет, с одной стороны, полностью сохранить механизмы и возможности безусловных рефлексов, с другой – обеспечить возможность образования и реализации условных рефлексов на различные абиотические воздей-

ствия, связанные по времени с определенным биотическим воздействием.

Однако наиболее важным, пожалуй, является то, что, благодаря наличию у нервных клеток как возбуждающих, так и тормозных дендритов и возможности образования дополнительных связей между разными нервными клетками, значительно расширяются функциональные возможности регуляции двигательной активности организма. Направляя нервные импульсы на тормозные дендриты "связующих" нервных клеток, можно полностью блокировать проявление как условных, так и безусловных рефлексов. Подача нервных импульсов на другие возбуждающие дендриты, наоборот, позволяет повысить чувствительность организма к воздействиям и облегчить проявление указанных рефлексов.

Условно-рефлекторная реакция, хотя и вызывается действием абиотического раздражителя, является все-таки реакцией по своему содержанию и характеру ориентированной на биотическое воздействие. Если абиотическое воздействие на организм возникает вне связи с биотическим (либо слишком поздно, либо слишком рано), рассмотренные нами клеточные структуры не образуются, а те, которые были образованы, дезорганизуются и переструктурируются. Данное явление известно в физиологии как "угасание" выработанного ранее условного рефлекса в отсутствие подкрепления абиотического воздействия биотическим [9].

Более интересный эффект возникает в случае, когда подкрепляющее биотическое воздействие не прекращается, но начинает несколько задерживаться или запаздывать по отношению к абиотическому. В этом случае возникает эффект опережающей реакции организма на биотическое воздействие и создается иллюзия наличия у организма, обладающего чувствительностью, опережающей формы отражения действительности, которая считается одним из основных признаков наличия психики [1]. На самом деле организм реагирует не на то, что будет, а на то, что было. У организма не образуются знания о будущем, которые действительно позволили бы ему строить реакцию на опережение. Он всего лишь воспроизводит реакцию, приобретенную в прошлом инди-

видуальном опыте, в расчете на ту связь между абиотическим и биотическим воздействиями, которая была в прошлом и знания о которой зафиксированы в соответствующей клеточной структуре. Для получения знаний о будущем, которого еще нет, рассмотренных выше механизмов чувствительности явно недостаточно, поскольку они работают только при наличии реальных воздействий. Раз будущее еще не наступило – значит, нет и воздействий от этого будущего. Имея лишь механизмы, реализующие свойства "чувствительности", организм получить знания о будущем и о воздействиях, которых нет, никак не может.

Полагая, что наличие способности к опережающему отражению действительности или, что тоже самое, способности к получению знаний о будущем, является одним из основных признаков психики, можно сделать следующий вывод: "чувствительность", как и "раздражимость" не относится к категории психических актов, и ее следует рассматривать как более сложную, но, тем не менее, допсихическую форму регуляции двигательной активности организма.

Следующим кандидатом на получения статуса допсихической формы регуляции двигательной активности организма является навык.

Двигательный навык, как и условный рефлекс, не является врожденным образованием и приобретается организмом в ходе его жизнедеятельности как специфическая индивидуальная форма реагирования на абиотическое воздействие, которое, однако, не имеет прямой связи с воздействием биотическим. При условном рефлексе реакция организма хотя и инициируется абиотическим воздействием, но, по сути, эквивалентна врожденной реакции на связанное с ним биотическое воздействие, то есть $R_a = R(S_б)$. При формировании двигательного навыка происходит не запуск врожденной реакции, а выработка и последующее закрепление способности организма к новой двигательной реакции, соответствующей особенностям реальной ситуации, в которой оказывается организм. При этом особенности ситуации, которые характеризуются определенной совокупностью абиотических воздействий, и сами эти воздействия приобретают для организма особую форму зна-

чимости, которую можно назвать "ситуативной". На основе знаний о совокупности ситуативно-значимых воздействий в организме образуется определенный "образ" ситуации и вырабатываются в соответствии с ним определенные формы двигательной активности, которые затем по мере повторения закрепляются. Эти вновь выработанные и закрепленные формы двигательной активности и есть двигательные навыки. По существу навык – это индивидуально выработанная организмом способность к осуществлению определенной двигательной активности в соответствии с определенными особенностями ситуации. Будучи воспроизведенными в других сходных ситуациях, навыки выступают как определенные "динамические стереотипы" двигательной активности.

Схематично механизм формирования и реализации двигательного навыка представлен на рис. 5.

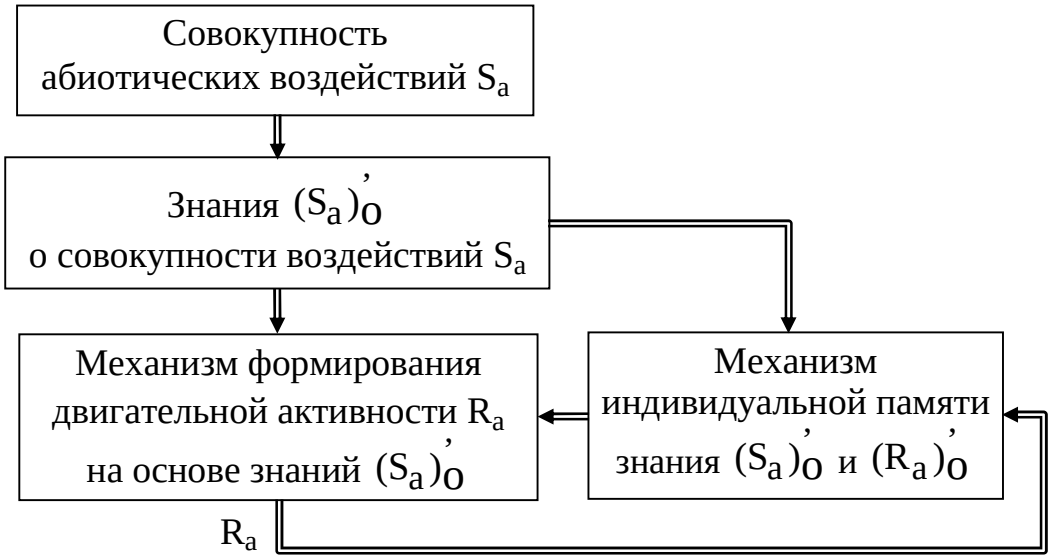

Рис. 5. Схема формирования двигательного навыка на основе механизма индивидуальной памяти.

Анализ схемы, представленной на рис. 5, позволяет соотнести механизм проявления навыка с механизмом проявления безусловного рефлекса. Если в случае безусловного рефлекса двигательная активность организма обусловливается врожденными знаниями о воздействии $(S_б)'_{ген}$ и соответствующей реакции $(R(S_б))'_{ген}$, то в случае навыка она

обусловливается аналогичными, но индивидуально приобретенными знаниями $(S_a)'_O$ и $(R_a)'_O$. В первом случае знания о воздействии и реакции обеспечивается механизмами генетической памяти, во втором случае – механизмами индивидуальной памяти. Навык, как и безусловный рефлекс, может запускаться автоматически при наличии соответствующих данному навыку особенностей ситуации и ситуативно-значимых воздействий. При сочетании множества воздействий, имеющих ситуативную значимость, могут образовываться навыки более сложные по структуре и функциям, которые могут обеспечивать достаточно адекватное поведение организма в более сложных многопараметрических условиях окружающей среды.

Однако при всей сложности двигательной активности, связанной с понятием навыка, эта активность реализуется на основе знаний исключительно о тех воздействиях, которые есть в настоящем или были в прошлом, но никак не о воздействиях, которые будут в будущем. У организмов, находящихся на эволюционной лестнице развития на уровне "раздражимости", "чувствительности" и даже "навыка", нет тех механизмов, которые обеспечивают возможность получения знаний о будущих воздействиях. У них нет механизмов антиципации или опережающего отражения действительности, которые по праву считаются признаками "психического". В лучшем случае они способны к опережающим реакциям. Однако появление этих реакций не является заслугой организма. Их появление обусловливается всего лишь задержкой, запаздыванием тех воздействий, которые были в аналогичных ситуациях ранее. В связи с этим все вышеперечисленные свойства организма – и раздражимость, и чувствительность, и способность к образованию навыков – следует рассматривать как свойства, обеспечивающие допсихические формы регуляции двигательной активности.

Во всех допсихических формах активности организма отражение параметров внешнего воздействия в сенсорной системе следует за воздействием, укладываясь в схему взаимодействия реактивного типа $S \Rightarrow R$. Возникающее при этом "субъективное" отражение воздействия в форме соответствующих изменений в физиологических или нейрофизиологических процессах может быть достаточно адекватным, но все же оно

является отражением уже прошедшего воздействия. Изменения в сенсорной системе пусть в небольшой степени, но все же запаздывают относительно изменений в параметрах внешнего воздействия, и уж тем более запаздывают соответствующие изменения, происходящие в двигательной системе, поскольку на передачу знаний, получаемых в сенсорной системе, и формирование ответной двигательной реакции организма требуется дополнительное время.

Самая простая психическая форма двигательной активности в отличие от непсихической характеризуется тем, что она реализуется не на основе знаний о настоящем или прошлом, а на основе знаний о ближайшем будущем того настоящего, в котором находится организм [4, 5]. При этом, конечно же, для получения знаний о ближайшем будущем используются и знания о настоящем, и знания о недалеком прошлом этого настоящего. Регуляция двигательной активности организма на основе механизмов памяти и опережающего (психического) отражения действительности показана на рис. 6.

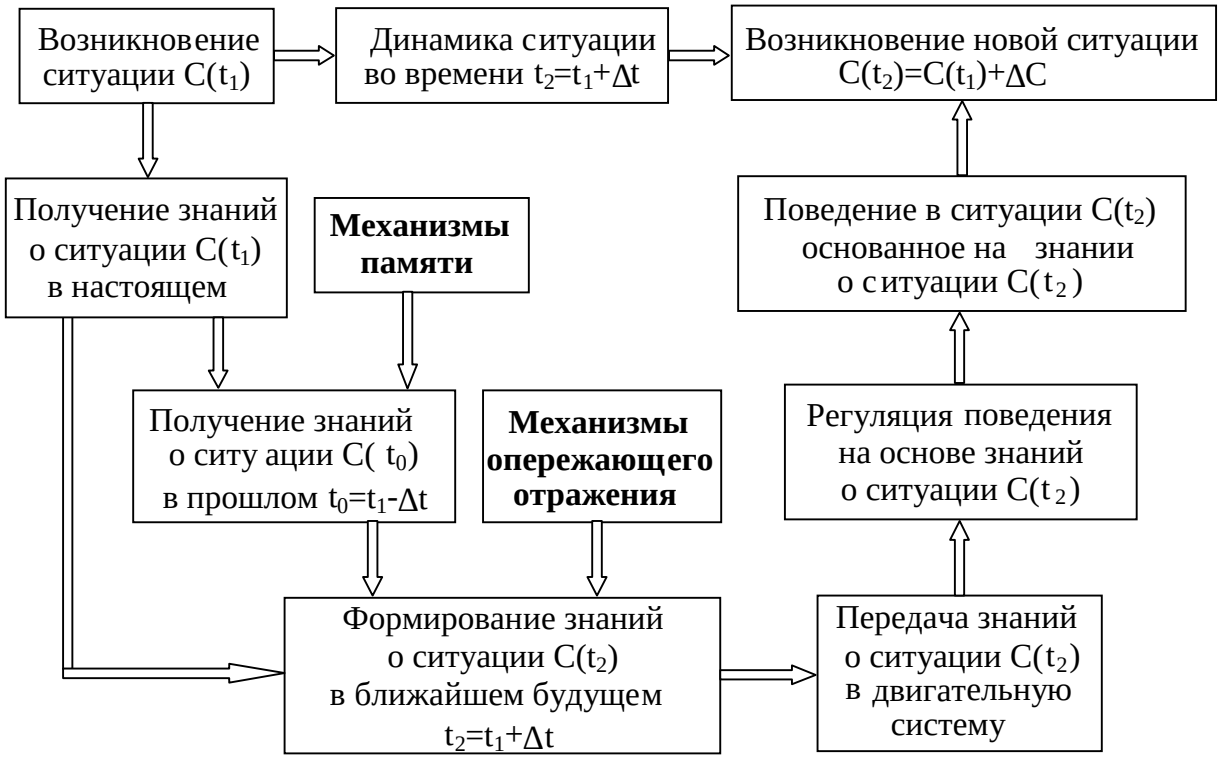

Рис. 6. Схема реализации психической формы регуляции двигательной активности организма на основе механизмов памяти и опережающего отражения.

Литература:

1. Анохин П.К. Опережающее отражение действительности //Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем. М., 1978, с. 7-26.

2. Бехтерев В.М. Объективная психология. – М.: Наука, 1991.

3. Климов Е.А. Общая психология. Общеобразовательный курс: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.

4. Корниенко А.Ф. Проблема возникновения "психического" //Психологические исследования на кафедре практической психологии: Сборник статей. Вып.1. – Казань, 2005. – С. 16-28.

5. Корниенко А.Ф. Чувствительность организма и "зачаточная форма психики" //Вестник КГПУ. – 2006. – № 5. – С. 186-194.

6. Ламарк Ж.Б. Философия зоологии. Т. 1. – М.; Л.: Биомедгиз, 1935.

7. Леонтьев А.Н. Возникновение и эволюция психики //Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I. – М.: Педагогика, 1983.

8. Лурия А.Р. Эволюционное введение в общую психологию. – М., 1975.

9. Павлов И.П. Мозг и психика //Избранные психологические труды. – М.: Изд-во "Институт практической психологии"; Воронеж: НПО "МОДЭК", 1996.

10. Северцев А.Н. Эволюция и психика //Психологический журнал. – 1982. – № 4. – С. 149-159.

11. Hebb D.O. The organization of behavior: A neurophysiological theory. – New York: Wiley, 1949.

СТРУКТУРА ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. С.-Петербург, 25-28 июня 2003 года: В 8 т. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – Т. IV. – С. 383-387.

В психологии в области исследования психических процессов до сих пор существует большая проблема, которая в общих чертах сформулирована Л.М. Веккером (2000) при попытке создания им единой теории психических процессов. Суть проблемы, по словам Л.М. Веккера, состоит в том, что "…практически все психологические теории (*психических процессов – А.К.*) неизбежно оказываются дробными. Дробность эта и соответствующая ей теоретическая «рыхлость» выражаются не только во внутренней несвязности теорий, относящихся к разным психическим процессам, но и в том, что возникает по несколько теорий, пытающихся объяснить один и тот же психический процесс".

Рассмотрим в качестве небольшого примера структуру познавательных психических процессов, которая приводится в большинстве учебников общей психологии.

В число познавательных психических процессов предлагается включать "… ощущение, восприятие, представление, память, воображение, мышление, речь и внимание". "Благодаря данным процессам, – отмечает А.Г. Маклаков (2000), – человек получает сведения об окружающем его мире и о себе". Возникает вопрос: всякий ли процесс, благодаря которому "человек получает сведения об окружающем его мире и о себе", является познавательным психическим процессом? Эмоциональные процессы тоже обеспечивают получение сведений "об окружающем его мире и о себе", поскольку в них отражаются такие свойства объектов и явлений действительности, как их значимость для субъекта. Тем не менее, они не относятся к категории познавательных процессов. Очевидно, речь должна идти не просто о получении сведений, а о получении особых сведений. Причем, на наш взгляд, при рассмотрении психических процессов целесообразнее использовать не понятие "сведения", а понятие "знания". Любой психический процесс, являясь процессом отражения, обеспечивает получение тех или иных знаний о действительности. По определению С.Л. Рубинштейн (1946),

"всякий психический процесс есть отражение, образ вещей и явлений мира, знание о них …".

Что касается "внимания", то, как отмечает А.Г. Маклаков, оно "… представляет собой психологический феномен, в отношении которого до настоящего времени среди психологов нет единого мнения". Определение внимания как "направленности и сосредоточенности психической деятельности или сознания на чем-либо", которое приводится во многих учебниках, характеризует внимание скорее как свойство процесса, нежели сам процесс. Более того, все чаще в психологической литературе высказывается мнение о том, что внимание не является самостоятельным психическим процессом, и есть все основания рассматривать его как психическое состояние, которое характеризуется определенной формой организации психических процессов.

Сомнение вызывает и включение "речи" в число познавательных психических процессов. Отмечаемая и признаваемая всеми связь речи с процессами мышления и сознания сама по себе не может служить для этого достаточным основанием. Речь – это вид деятельности, причем человеческой деятельности, которой присущи понятия "цели" и "мотива". "Психические процессы" в отличие от "деятельности" такими понятиями не характеризуются.

Не совсем понятно выделение "представления" в качестве самостоятельного психического процесса наряду с процессами "памяти" и "воображения". С одной стороны, определение представления, как "… процесса отражения предметов или явлений, которые в данный момент не воспринимаются, но воссоздаются на основе нашего прошлого опыта", приводимое А.Г. Маклаковым, по существу, дублирует определения процессов памяти и воображения. С другой стороны, при выделении двух типов представлений: представлений памяти и представлений воображения, происходит, по существу, отождествление понятия "представление" с понятием "образа".

Наиболее существенным, однако, следует признать тот факт, что за пределами познавательных психических процессов и психических процессов, вообще, оказалось "сознание", которое является "…высшим

уровнем психического отражения объективной действительности". Не сознание, а мышление называется "… высшим уровнем познавательных психических процессов".

Противоречивые взгляды приводятся и относительно процессов мышления. С одной стороны, мышление выделяется как "особый психический процесс", с другой стороны, утверждается, что "… на практике мышления как отдельного психического процесса не существует" и оно "… присутствует во всех других познавательных психических процессах, в том числе в восприятии, внимании, воображении, памяти, речи". Может, более правильным было бы говорить не о "присутствии мышления в других познавательных психических процессах", а о том, что мышление, являясь особым процессом, протекает одновременно и в неразрывной связи с другими психическими процессами. Тем более что обычно мышление рассматривается как "процесс, неразрывно связанный с речью". Что касается "неразрывной связи" мышления и речи, то здесь, например, возникает следующий вопрос: могут ли в таком случае существовать процессы мышления при отсутствии речи (например, у животных)?

Теоретическая "рыхлость", которая наблюдается в описании и интерпретации познавательных психических процессов, имеет место и в исследовании эмоциональных и волевых психических процессов, что в полной мере отражено в фундаментальных работах Е.П. Ильина "Эмоции и чувства" (2001) и "Психология воли" (2000).

В свете вышеизложенного не вызывает сомнений, что в психологии действительно назрела необходимость в разработке общей или единой теории психических процессов.

При решении данной задачи необходимо учитывать, на наш взгляд, следующие общепризнанные положения:

1. Психические процессы составляют основу психики человека и животных и обеспечивают регуляцию их поведения и деятельности. Следует лишь уточнить, что психические процессы не просто обеспечивают регуляцию поведения и деятельности, а обеспечивают их адекватность в условиях непрерывно изменяющейся действительности. И

именно это обусловливает необходимость рассмотрения психических процессов, как процессов опережающего отражения действительности.

2. Психические процессы являются процессами субъективного отражения объектов и явлений действительности, в результате которых возникают субъективные образы действительности или знания о действительности. Из этого положения следует, что структура психических процессов самым непосредственным образом должна соотноситься со структурой свойств объектов и явлений действительности. Каждый психический процесс должен рассматриваться как процесс, в котором отражается что-то из окружающей действительности.

3. Психические процессы, как и психика в целом, являются функцией мозга (нервной системы). Мозг (нервную систему) можно рассматривать как материальный субстрат психики и психических процессов. Данное положение следует иметь в виду, всякий раз, когда речь заходит о механизмах того или иного психического процесса.

Вопрос о специфике и механизмах "психического процесса" в отличие от "непсихического" связан с анализом процессов опережающего отражения и рассмотрен нами в работе "Методология и методы психологического исследования" (2003). Здесь же мы рассмотрим общую структуру психических процессов.

Прежде всего, еще раз подчеркнем, что любой психический процесс – это процесс отражения, в результате которого в психике формируется определенный образ, в котором представлено знание о чем-то, что характеризует объекты или явления действительности. Деление психических процессов на познавательные, эмоциональные и волевые предполагает выделение в объектах и явлениях действительности особых свойств или их совокупностей, которые, собственно, и отражаются в соответствующих психических процессах. С нашей точки зрения, в познавательных процессах отражаются объективные свойства объектов или явлений, в эмоциональных процессах – их субъективная значимость для носителя психики, в волевых процессах – действия, допустимые в отношении их со стороны субъекта (носителя психики).

В структуре познавательных процессов можно выделить четыре процесса, отличающиеся по уровню сложности, которые, по существу, характеризуют уровни эволюционного развития психики. Это – ощущение, восприятие, мышление и сознание.

В процессах ощущения отражаются отдельные свойства объектов или явлений действительности при их непосредственном воздействии на органы чувств. В восприятии отражаются отдельные объекты или явления действительности в совокупности их свойств и качеств при условии непосредственного воздействия на органы чувств. Ощущения и восприятия образуют группу познавательных процессов непосредственного чувственного познания.

В процессах мышления отражаются связи между объектами и явлениями действительности. Обозначив совокупность взаимосвязанных объектов и явлений понятием "ситуация", можно сказать, что мышление – это психический процесс отражения отдельных ситуаций, в совокупности взаимосвязанных объектов и явлений действительности. Возможность отражения связей и получения знаний об объектах и явлениях через их связи с другими объектами и явлениями характеризует мышление как процесс опосредованного отражения.

Сознание, являясь высшим уровнем развития психики, представляет собой познавательный психический процесс, который обеспечивает отражение наличия в действительности не только отдельных свойств (это – ощущение), отдельных объектов (это – восприятие) и отдельных ситуаций (это – мышление), но и отдельных субъектов, как носителей психики, и, прежде всего, самого себя. Другими словами, в результате процессов сознания субъект получает знания о том, что наряду с другими объектами и явлениями в окружающей действительности присутствует и он сам, как особый отдельный объект, и явления, с ним связанные. В связи с этим возникает возможность направить все психические процессы на познание этого особого объекта и его свойств, проявляемых при взаимодействии с другими объектами действительности. В результате в психике субъекта, как бы "выныривая" из общего образа

действительности, возникает отдельный образ самого себя или образ "Я".

К познавательным психическим процессам следует отнести еще два процесса. Это – процессы памяти и воображения. Возникая как психические процессы вместе с процессами ощущения, они занимают в структуре познавательных процессов положение, так называемых, "сквозных" психических процессов, т.е. присутствуют и реализуются на каждом из обозначенных уровней психики. В совокупности процессы памяти и воображения образуют группы процессов, которые можно назвать процессами представления.

В структуре эмоциональных процессов выделяются два процесса: эмоции и чувства. В отличие от эмоций, в которых отражается значимость объектов и явлений, представленных в психике в форме образов ощущений и восприятий, в чувствах отражается значимость объектов и явлений, представленных в форме образов представлений.

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ "ПСИХИЧЕСКОГО"

Психологические исследования на кафедре практической психологии: Сборник статей. Вып. 1 /под ред. А.Ф. Корниенко. – Казань: ТГГПУ, 2005. – С. 16-28.

Центральной проблемой психологии на протяжении всего периода ее развития была и остается проблема "психического" как особого образования, отличного от "непсихического". По существу, суть проблемы сводится к достаточно простым, можно сказать, банальным вопросам о том, что такое "психика" (или "душа"), каков механизм ее возникновения в филогенезе и какова динамика ее дальнейшего развития.

В самых первых философских учениях о душе доминировали представления, согласно которым душа – это некоторая субстанция, отличающаяся от "тела" и способная существовать независимо от него. Взаимодействие двух субстанций – тела и души – порождало, по мнению античных философов, возникновение явлений, называемых психическими. Соответственно, психические явления и психические процессы рассматривались ими как проявления действий души ("псюхе").

Однако, как показала история развития научного познания, ни идеалистическая, ни материалистическая точка зрения на субстациональную сущность души не могла быть состоятельной по той простой причине, что душа вообще не является субстанцией. Согласно современным представлениям, субстанцией является мозг, а то, что называется душой (или психикой), есть лишь особое свойство этой субстанции, которое само по себе субстанцией не является.

Одним из тех, кто разрабатывал и отстаивал эту идею, был, в частности, известный русский ученый В.М. Бехтерев. "Психические явления, – писал В.М. Бехтерев, – везде и всюду находятся в теснейшем соотношении с материальными процессами, происходящими в определенных частях мозга … Все психические процессы суть не только субъективные переживания, но одновременно и материальные процессы. Иначе говоря, нет ни одного психического процесса, который бы являлся только субъективным или духовным в философском значении этого слова и не сопровождался бы определенными материальными процессами" [2, с. 8]. "Во избежание всяких недоразумений и для

устранения издавна установившегося противопоставления духовного материальному, – пишет далее В.М. Бехтерев, – мы вправе и должны говорить ныне не о душевных или психических процессах в настоящем смысле слова, а о процессах нервно-психических, и везде, где мы имеем дело с психикой, нужно иметь в виду собственно нервно-психические процессы, иначе – невропсихику" [Там же].

Введением понятия "невропсихика" В.М. Бехтерев прямо указывает на то, что вне организма, вне материальных процессов, происходящих в нервной системе организма, психика не существует.

Однако, для определения сути "психического" одних лишь указаний на материальную природу психики, равно как и на ее функцию, явно не достаточно. Необходимо уточнить, какое именно свойство материальных структур следует соотносить с понятием психики. По существу, ответ на этот вопрос и будет критерием "психического", определяющим, что такое психика и чем "психическое" отличается от "непсихического".

Следует признать, что в современной психологии до сих пор нет удовлетворительного ответа на этот вопрос. По мнению Л.М. Веккера [3], между психическими и непсихическими (допсихическими) процессами существуют принципиальные отличия, и имеется резкая граница, которую трудно преодолеть. Трудности в преодолении указанной границы, как считает Л.М. Веккер, обусловливают основные тайны психофизической и психофизиологической проблем. Та же мысль высказывается и В.И. Гинецинским [4], который отмечает, что наличие демаркационной границы между живыми существами, обладающими психикой, и живыми существами, не обладающими ею, и ее обнаружение, составляет одну из фундаментальных проблем психологии.

Рассмотрим простейший случай регуляции поведения организма в ситуации, когда на него оказывает непосредственное воздействие некоторый раздражитель, характеризующийся параметрами S_1. В момент действия раздражителя в рецепторной системе организма образуются потоки нервных импульсов с частотой f_1, соответствующей параметрам

раздражителя на момент воздействия. Далее нервные импульсы поступают в двигательную систему, и в результате на действие раздражителя возникает ответная двигательная реакция организма. Это может быть реакция типа безусловного или условного рефлекса или навыка. Но в любом случае, если раздражитель на момент воздействия имел одни пространственные или энергетические параметры, то к моменту ответной реакции эти параметры могут измениться, поскольку ответная реакция возникает с задержкой на некоторое время Δt, равное времени передачи информации о раздражителе из рецепторной системы в двигательную. В результате реакция организма, рассчитанная на раздражитель с параметрами S_1, реализуется в ситуации, когда раздражитель имеет другие параметры $S_2 = S_1 + \Delta S$, где ΔS – изменение в параметрах раздражителя, произошедшее за время Δt. Если это изменение незначительное, что имеет место при относительно стабильных условиях окружающей среды, то степень неадекватности ответной реакции также будет незначительной. Но когда отдельные воздействия среды, особенно жизненно важные, изменяются достаточно быстро, ситуация за время Δt изменяется значительно. В этом случае ответная реакция, реализуемая в значительно измененных условиях, будет явно неадекватной. А неадекватность поведения может стоить организму жизни.

Что же нужно, чтобы поведения организма в новых измененных условиях было адекватным? Ответ довольно прост: надо заранее (за время Δt) получить знания об этих условиях и строить поведение в расчете именно на эти условия. Если в момент времени t_1, когда $S = S_1$, организму удастся получить знания о предстоящей через время Δt ситуации, когда $S = S_2 = S_1 + \Delta S$, и направить эти знания в двигательную систему, то к моменту реализации ответной реакции, то есть через время Δt, эта ситуация как раз и возникнет.

В качестве примера рассмотрим следующую ситуацию. На некотором расстоянии от организма ***O*** находится объект ***A***, который способен

удовлетворить потребность организма в пище. Объект ***A*** движется мимо организма ***O*** по прямолинейной траектории (см. рис. 1).

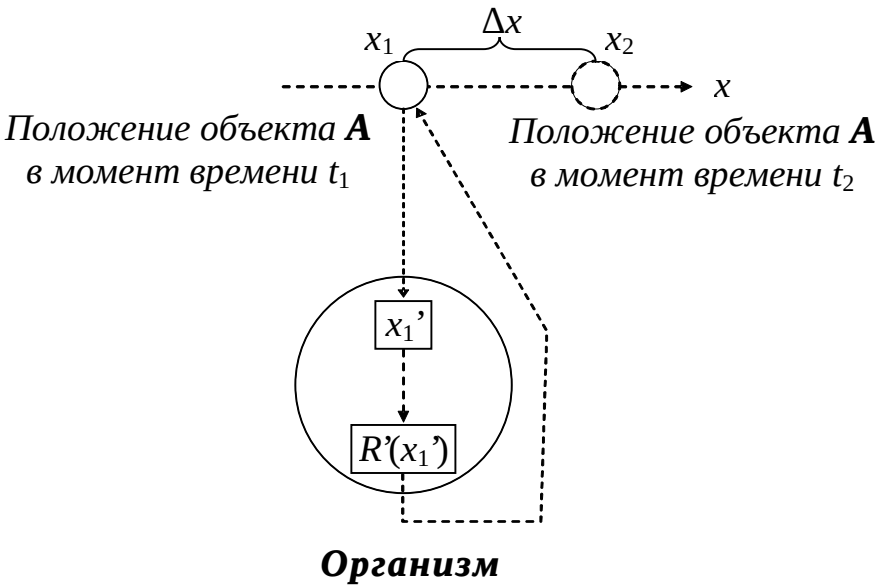

Рис. 1. Реакция организма на движущийся объект. (Пояснения в тексте).

Допустим, что в момент времени $t = t_1$ объект ***A*** находится в точке x_1, и рецепторная система организма обеспечивает получение знаний x_1' о положении объекта на данный момент. Чтобы удовлетворить потребность в пище организму необходимо совершить движение R по направлению к объекту ***A***, то есть в точку x_1. Если организм будет строить свое поведение на основе знаний x_1', передаваемых из рецепторной системы в двигательную, то к моменту реализации движения $R(x_1')$ пройдет некоторое время Δt и объект ***A***, переместившись на расстояние Δx, окажется в точке x_2. В итоге движение, рассчитанное на положение объекта ***A*** в момент времени $t = t_1$, по отношению к реальному положению объекта на момент времени $t_2 = t_1 + \Delta t$ будет неадекватным.

Чтобы движение оказалось адекватным положению объекта ***A*** на момент времени $t = t_2$, организм должен был строить свое поведение не на основе знаний x_1', а на основе знаний x_2' об ожидаемом положении объекта. В этом случае к моменту реализации движения $R(x_2')$ как раз и возникала бы ситуация, соответствующая ожидаемой, и совершаемое движение было бы адекватным (см. рис. 2.).

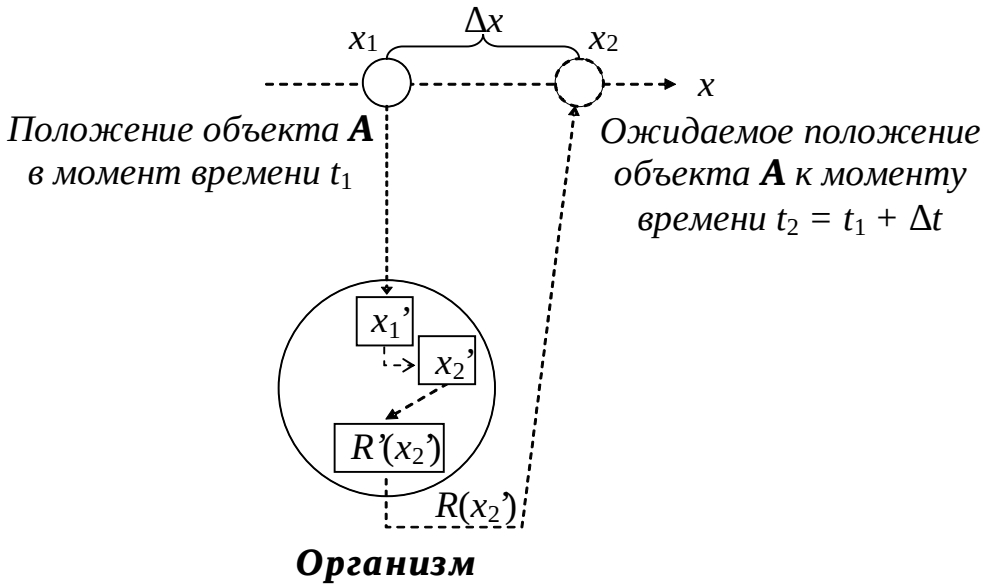

Рис. 2. Условие формирования адекватной реакции организма на движущийся объект.

Фактически реакция организма на объект ***A***, пространственное положение которого изменяется, должна начинаться с некоторым опережением на время Δt в расчете на предстоящее его положение. Следует, однако, отметить, что сама ответная реакция организма $R(x_2')$ не является опережающей. Опережающим является знание о предстоящей ситуации x_2', а также знание о той реакции, которую необходимо совершить в этой ситуации $R'(x_2')$. Можно добавить также то, что необходимость получения знаний о ближайшем будущем для построения адекватного поведения в условиях изменяющейся среды, касается не только изменений в пространственных параметрах объектов, но и изменений в их энергетических характеристиках.

Возвращаясь к рассматриваемому нами примеру (рис. 2), следует признать, что в рецепторной системе в момент времени $t = t_1$ не может быть знаний x_2', поскольку ситуация с положением объекта ***A*** в точке x_2 еще не наступила. Как же организм может получить знания о предстоящей ситуации (ситуации ближайшего будущего), если для получения этих знаний обычные рецепторные механизмы не пригодны? И вот тут мы подошли к тому, чтобы дать определение психики.

Психика – это особое свойство нервной системы, обеспечивающее получение знаний о ближайшем будущем объектов и явлений действительности, которое возникает в процессе эволюции живых организмов для приспособления к изменяющимся условиям жизнедеятельности.

Для психологов-гуманитариев, не интересующихся нейрофизиологическими основами и механизмами психики, можно предложить следующее определение. Психика – это субъективное отражение или субъективный образ ближайшего будущего объективной действительности. От традиционного определения, приводимого в учебниках психологии, данное определение отличается тем, что речь идет не просто об образе объективной действительности, а об образе ближайшего будущего этой действительности.

Получение знаний о ближайшем будущем обеспечивается особыми процессами, происходящими в нервной системе. Но это вовсе не означает, что рецепторные механизмы не принимают в этом никакого участия. Процесс получения знаний о параметрах ситуации в будущем осуществляется с использованием знаний о параметрах этой ситуации в настоящем, но не ограничивается этим.

Рассмотрим механизм реализации в нервной системе особого свойства, именуемого психикой, на примере получения знаний о ближайшем будущем интенсивности отдельного внешнего воздействия. То есть мы рассмотрим самый простейший вариант психики, который в психологии обычно обозначается понятием "ощущение" и который связан с отражением изменений энергетического параметра внешнего воздействия.

В своих рассуждениях мы будем исходить из того, что информация об интенсивности внешнего воздействия кодируется в периферических отделах нервной системы в виде потоков нервных импульсов определенной частоты [5, 7, 8]. Данное свойство нервной системы эмпирически установлено и неоднократно подтверждалось в многочисленных нейрофизиологических исследованиях. Было установлено, что в

первом приближении частота нейронной импульсации пропорциональна логарифму интенсивности внешнего воздействия:

$$f_i = a_i * \log J + b_i \qquad (1)$$

где: f_i – частота нервных импульсов на выходе отдельного *i*-го элемента нервной системы;

J – интенсивность внешнего воздействия;

a_i и b_i – некоторые константы, численные значения которых определяются особенностями соответствующих элементов нервной системы.

Такое же соотношение между интенсивностью воздействия и частотой нейронных импульсаций имеет место и в центральных отделах нервной системы. В работе известного нейрофизиолога Р. Гранит указывается, в частности, что "… трансформированные частотные комплексы, хотя они, возможно, и теряют некоторые свои особенности, рассматриваемые как первичное отражение интенсивности раздражителя в виде частоты импульсов, могут тем не менее сохранить это соотношение между интенсивностью и частотой в общей форме" [5, с. 227]. А.Н. Леонтьев, анализируя нейрофизиологические механизмы психики, также же приходит к выводу, что сохранение частотного кода нервных процессов на всем их пути "… составляет необходимое условие деятельности коры. Иначе взаимодействие нервных процессов, отвечающих разнокачественным раздражителям, было бы невозможно" [6, с. 192].

Соотношение (1) показывает, что для получения знаний о ближайшем будущем интенсивности J_1 некоторого воздействия в нервной системе должны быть сформированы потоки нервных импульсов частотой $f_2 = a * \log J_2 + b$. Однако поскольку воздействия интенсивностью J_2 нет, для получения импульсаций частотой f_2 рецепторные механизмы не пригодны.

Для поиска других механизмов учтем, что при изменении интенсивности воздействия на величину ΔJ частота нервных импульсов так-

же будет изменяться на некоторую величину Δf . В связи с этим для определения f_2 можно записать другое соотношение

$$f_2 = f_1 + \Delta f \qquad (2)$$

из которого следует, что нейронные импульсации с необходимой частотой f_2 можно получить путем добавления к импульсациям частотой f_1, возникающим в рецепторной системе в ответ на внешнее воздействие интенсивностью J_1, импульсаций частотой Δf. Причем частота этих дополнительных импульсаций должна быть равной $\Delta f = f_2 - f_1$, поскольку только в этом случае сумма $f_1 + \Delta f$ будем равна f_2. Но здесь сразу же возникает вопрос: "Как получить импульсации частотой Δf, если значение f_2 не известно?". Несмотря на кажущуюся сложность, данная проблема решается довольно просто.

Если интенсивность внешнего воздействия изменяется, но не очень быстро, то в пределах достаточно короткого времени это изменение можно считать равномерным. Это означает, что интенсивность воздействия изменится в ближайшем будущем (через время Δt) по сравнению с настоящим примерно настолько же, насколько она изменилась за этот же период времени по сравнению с ближайшим прошлым. Соответственно, можно записать:

$$(J_{\text{бл. буд.}} - J_{\text{н}}) \approx (J_{\text{н}} - J_{\text{бл. пр.}}) = \Delta J \qquad (3)$$

Поскольку изменение интенсивности воздействия ΔJ вызывает в нервной системе соответствующее изменение частоты нейронных импульсаций Δf, соотношение (3) можно записать следующим образом

$$\Delta f = f_{\text{н}} - f_{\text{бл. пр.}} \qquad (4)$$

Подставляя найденное значение Δf в соотношение (2) и учитывая, что $f_1 = f_{\text{н}}$, а $f_2 = f_{\text{бл. буд.}}$, окончательно получаем

$$f_{\text{бл. буд.}} = f_{\text{н}} + (f_{\text{н}} - f_{\text{бл. пр.}}) \qquad (5)$$

Если в нервной системе существуют механизмы, позволяющие проделывать с нейронными импульсациями операции, указанные в соотношении (5), и таким образом получать знания о ближайшем будущем, которого еще нет, то, по определению, данная нервная система обладает свойством, называемым психикой.

Соотношение (5) представляет собой своеобразную формулу психики, написанную на языке нейронных импульсаций. С использованием понятий "знание", "субъективный образ", более принятых в психологии, формула психики будет выглядеть следующим образом:

$$C'_{бл.буд.} = C'_{наст.} + (C'_{наст.} - C'_{бл.пр.}) \qquad (6)$$

где $C'_{бл.буд.}$, $C'_{наст.}$, $C'_{бл.пр.}$ – знания или субъективные образы ситуаций ближайшего будущего, настоящего и ближайшего прошлого.

Какие же механизмы в нервной системе могут обеспечивать получение знаний о ближайшем будущем внешнего воздействия $J_н$ и проявлять, таким образом, наличие особого свойства, которое мы назвали психикой?

Прежде всего, это, конечно же, механизм рецепции, рассмотренный нами выше. Благодаря этому механизму в рецепторной системе (периферических отделах нервной системы) осуществляется преобразование энергии внешнего воздействия $J_н$ в частоту нейронных импульсаций $f_н$.

В качестве второго механизма следуют указать механизм кратковременной памяти, благодаря которому нейронные импульсации $f_н$ могут сохраняться в нервной системе и затем по истечение времени Δt воспроизводиться, но уже в статусе импульсаций, соответствующих прошлому, то есть $f_{бл.пр}$. Реализация данного механизма может осуществляться с использованием специальных "тормозных нейронов", выполняющих функцию линии задержки. Нервные импульсы, поступающие на вход тормозного нейрона с частотой f, появляются на его выходе с такой же в среднем частотой, но с задержкой на некоторое время Δt. Очевидно, что при воспроизведении через время Δt задержанные нейронные импульсации по отношению к новым импульсациям, поступающим в это время на вход тормозного нейрона, будут уже импульсациями прошлого.

Третьим механизмом является механизм определения разницы Δf в частотах нейронных импульсаций, образующихся, с одной стороны, в

рецепторной системе и соответствующих $f_{н}$, и, с другой стороны, на выходе тормозных нейронов, которые соответствуют $f_{бл.пр}$. Реализация данного механизма может осуществляться благодаря наличию у нейронов двух типов дендритов – возбуждающих и тормозных. При поступлении нервных импульсов на возбуждающие дендриты активность нервной клетки увеличивается, то есть увеличивается частота нейронных импульсаций на ее выходе. Если нервные импульсы поступают на тормозные дендриты, то активность нервной клетки снижается, и чем больше частота поступающих импульсов, тем ниже активность нервной клетки, то есть тем ниже частота нервных импульсов на ее выходе. При одновременном поступлении на возбуждающие дендриты нервных импульсов частотой $f_{н}$ и на тормозные дендриты нервных импульсов частотой $f_{бл.пр}$ частота нейронной импульсации на выходе нервной клетки будет соответствовать разнице Δf, определяемой соотношением (4).

Ну и, наконец, четвертый механизм – это механизм суммирования нейронных импульсаций частотой $f_{н}$ и частотой Δf, который может быть реализован путем одновременной подачи этих импульсаций на возбуждающие дендриты нервной клетки. Благодаря этому механизму обеспечивается получение нейронных импульсаций частотой $f_{бл.буд}$, соответствующей знанию $J'_{бл.буд}$ о ближайшем будущем интенсивности внешнего воздействия $J_{н}$.

Использование организмом нейронных импульсаций $f_{бл.буд}$ для формирования ответной реакции на внешнее воздействие $J_{н}$ в расчете на ближайшее будущее этого воздействия представляет собой психическую форму регуляции поведения организма, принципиально отличающуюся от таких форм поведения как раздражимость, чувствительность и навык.

Общая схема реализации механизмов психики, как особого свойства нервной системы получать знание о ближайшем будущем внешнего воздействия, и использование этих знаний в регуляции поведения организма представлена на рис. 3.

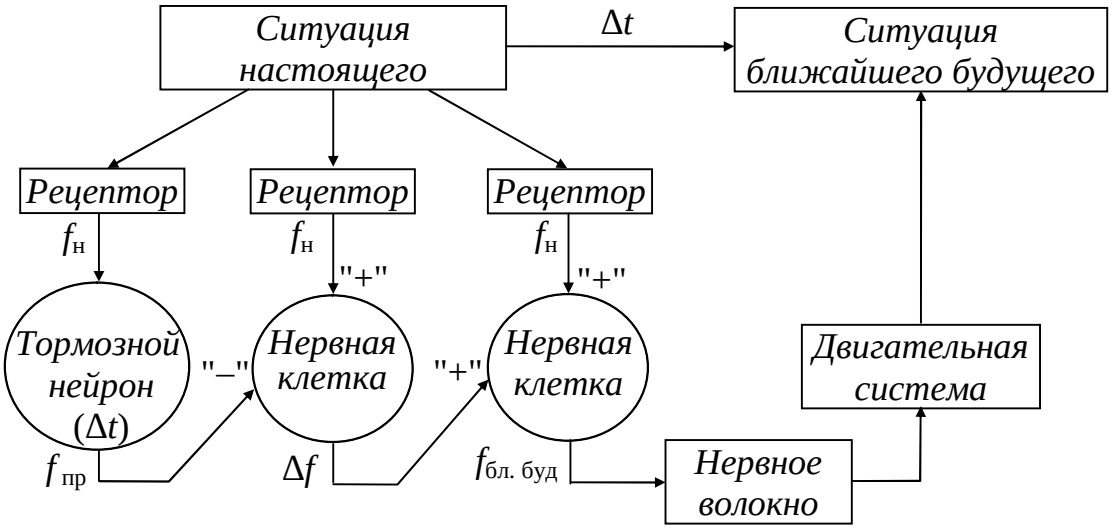

Рис. 3. Схема реализации механизмов психики и психической формы регуляции поведения организма.

Учитывая своеобразие механизмов регуляции поведения организма в ответ на внешнее воздействие, все формы поведения, включая психическую, можно выстроить в единую последовательность, отражающую динамику развития и усложнения форм поведения живых организмов в процессе их эволюции.

Наиболее простой и первичной формой реагирования организмов на внешнее воздействие является ***раздражимость***. Обычно раздражимость рассматривается как врожденная, безусловно-рефлекторная форма поведения организма, возникающая в ответ на непосредственное воздействие биологически значимого (биотического) раздражителя. Однако раздражимостью называют и свойство или способность организма к этой безусловно-рефлекторной форме поведения. Определенные совокупности безусловно-рефлекторных форм поведения образуют такие более сложные поведенческие комплексы как инстинкты.

Следующей по уровню сложности и времени возникновения формой поведения можно назвать ***чувствительность***. Понятием "чувствительность" также обозначается и особая форма поведения, и особое свойство организма. Как форма поведения чувствительность отличается тем, что это не врожденная, а индивидуально приобретаемая, условно-рефлекторная форма поведения, инициируемая абиотическим воз-

действием. Однако, будучи инициируемой абиотическим воздействием, данная форма поведения, тем не менее, является реакцией на биотическое воздействие, с которым абиотическое воздействие имеет достаточно жесткую временнỳю связь. В пределах небольшого интервала времени данная форма поведения позволяет реагировать на биотическое воздействие с некоторым упреждением. Однако это упреждение в реакции не является проявлением способности организма к опережающему отражению, как полагал П.К. Анохин [1], или проявлением психики, как считал А.Н. Леонтьев [6].

Третьей формой поведения в эволюционном ряду является ***навык***. Навык, как и чувствительность, является индивидуально приобретаемой формой поведения. Однако в навыке проявляется реакция организма на воздействие в общем случае не связанное с биотическими воздействиями, но имеющее для организма так называемую ситуативную значимость. Данная форма поведения обеспечивает приспособление организма к условиям жизнедеятельности, не связанным непосредственно с удовлетворением биологических потребностей. Примером такой формы поведения могут служить различные формы ориентировочной активности организма, обеспечивающие получение знаний об условиях окружающей среды и возможность выработки в этих условиях адекватного поведения.

Более сложной формой поведения, которая возникает на более поздней стадии эволюции живых организмов, является ***психическая*** форма поведения. Она отличается тем, что представляет собой индивидуально приобретаемую форму реагирования не на непосредственно воздействующий ситуативно-значимый раздражитель, а на ближайшее будущее этого раздражителя. Данная форма поведения позволяет организму приспосабливаться к условиям окружающей среды с учетом тех изменений в среде, которые могут возникать в ближайшем будущем, и соответственно реагировать на эти изменения с упреждением. Именно психическая форма поведения строится на основе опережающего (или психического) отражения действительности.

Более сложные формы психической регуляции поведения связаны с тем, что в них нет жесткой привязки к условиям наличной ситуации, знания о которых обеспечивается процессами ощущения и восприятия, то есть процессами непосредственного чувственного познания. Они могут осуществляться с ориентаций на другие ситуации, которые были в прошлом индивидуальном опыте (с использованием образов памяти), либо абсолютно новые, которых еще не было в прошлом опыте (с использованием образов воображения и результатов процесса мышления).

Литература:

1. Анохин П.К. Опережающее отражение действительности //Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем. – М.: Наука, 1978. – С. 7-26.

2. Бехтерев В.М. Объективная психология. – М.: Наука, 1991. – 480 с.

3. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл; Per Se, 2000. – 685 с.

4. Гинецинский В.И. Предмет психологии. Дидактический аспект. – М.: Изд. корпорация "Логос", 1994. – 214 с.

5. Гранит Р. Электорофизиологическое исследование рецепции /Пер. с англ. – М.: Иностр. лит-ра, 1957. – 340 с.

6. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 3-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 575 с.

7. Прибрам К. Языки мозга /Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1975. – 464 с.

8. Сомьен Дж. Кодирование сенсорной информации в нервной системе млекопитающих /Пер. с англ. – М.: Мир, 1975. – 415 с.

ПОДХОД В.М. БЕХТЕРЕВА К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ "ПСИХИЧЕСКОГО"

Бехтерев В.М. и современная психология: Материалы докладов на Российской научно-практической конференции. Казань, КГУ, 29-30 сентября 2005 года. Вып. 3. Т. 1. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – С. 51-58.

Центральной проблемой психологии на протяжении всего периода ее развития была и остается проблема "психического" как особого образования, отличного от "непсихического". По существу, суть проблемы сводится к достаточно простым, можно сказать, банальным вопросам о том, что такое "психика" (или "душа"), каков механизм ее возникновения в филогенезе и какова динамика ее дальнейшего развития.

В самых первых философских учениях о душе доминировали представления, согласно которым душа – это некоторая субстанция, отличающаяся от "тела" и способная существовать независимо от него. Взаимодействие двух субстанций – тела и души – порождало, по мнению античных философов, возникновение явлений, называемых психическими. Соответственно, психические явления и психические процессы рассматривались ими как проявления действий души ("псюхе").

Однако, как показала история развития научного познания, ни идеалистическая, ни материалистическая точка зрения на субстанциональную сущность души не могла быть состоятельной по той простой причине, что душа вообще не является субстанцией. Субстанцией является мозг, а то, что называется душой (или психикой), есть лишь особое свойство этой субстанции, которое само по себе субстанцией не является. Одним из тех, кто разрабатывал и отстаивал эту идею, был В.М. Бехтерев, который в исследовании психических явлений опирался на учение И.М. Сеченова о рефлекторных механизмах психики.

К тому времени положение о том, что психика и психические процессы играют важную роль в жизни человека и животных, обеспечивая регуляцию их поведения и деятельности, практически ни у кого не вызывало сомнений. Однако в этом положении отражалась, прежде всего, функционально-феноменологическая сторона "психического". Собственно понятие "псюхе" и было введено для объяснения феноменов,

связанных с регуляции поведения. Вместе с тем следует признать, что утверждения, касающиеся роли, значения и функций психики, отвечают на вопрос "Зачем нужна психика?", но не содержат ответа на вопрос "Что такое психика?".

Учение И.М. Сеченова о физиологических основах психических процессов (а именно так первоначально называлась известная его работа "Рефлексы головного мозга" [5]) и опирающиеся на это учение работы В.М. Бехтерева [1], а также И.П. Павлова [6] послужили основой для выдвижения другого принципиально важного для материалистического естественнонаучного понимания сущности "психического" положения – психические процессы, как и психика в целом, являются функцией или свойством мозга.

Значимость данного положения состоит в том, что в нем психика рассматривается не как субстанция, а как свойство субстанции, каковой является мозг. Мозг (нервная система) составляет материальную основу психики и является ее материальным субстратом.

"Психические явления, – писал В.М. Бехтерев, – везде и всюду находятся в теснейшем соотношении с материальными процессами, происходящими в определенных частях мозга" [2, с. 7]. И далее, "… все психические процессы суть не только субъективные переживания, но одновременно и материальные процессы. Иначе говоря, нет ни одного психического процесса, который бы являлся только субъективным или духовным в философском значении этого слова и не сопровождался бы определенными материальными процессами" [Там же, с. 8].

Как программное, определяющее научное кредо В.М. Бехтерева, можно рассматривать следующее его утверждение: "Мы должны твердо держаться той точки зрения, что дело идет в этом случае не о двух параллельно протекающих процессах, а об одном и том же процессе, который выражается одновременно материальными или объективными изменениями мозга и субъективными проявлениями … Поэтому во избежание всяких недоразумений и для устранения издавна установившегося противопоставления духовного материальному мы вправе и должны говорить ныне не о душевных или психических процессах в насто-

ящем смысле слова, а о процессах нервно-психических, и везде, где мы имеем дело с психикой, нужно иметь в виду собственно нервно-психические процессы, иначе – невропсихику, а у простейших, лишенных нервной системы, – биопсихику" [2, с. 15].

Введением понятия "невропсихика" В.М. Бехтерев прямо указывает на то, что вне организма, вне материальных процессов, происходящих в нервной системе организма, психика не существует. Психика – это особое свойство материальных структур организма, в частности, мозга и протекающих в нем нервных процессов. Однако, обращение В.М. Бехтерева к понятию "биопсихика" и признание возможности существования психики у простейших организмов, лишенных нервной системы, говорит о том, что для определения сути "психического" указаний на материальную природу психики, равно как и на ее функцию, явно не достаточно. Необходимо уточнить, какое именно свойство материальных структур следует соотносить с понятием психики. Только тогда будет понятно, насколько целесообразно говорить о наличии данного свойства у простейших организмов, лишенных нервной системы. По существу, ответ на этот вопрос и будет критерием "психического", определяющим, что такое психика и чем "психическое" отличается от "непсихического".

Следует сразу оговориться, что в современной психологии до сих пор нет удовлетворительного ответа на этот вопрос. По мнению Л.М. Веккера [3], предпринявшего попытку создания единой теории психических процессов, между психическими и непсихическими (допсихическими) процессами существуют принципиальные отличия и имеется резкая граница, которую трудно преодолеть, и эти трудности в преодолении обусловливают основные тайны психофизической и психофизиологической проблем. Рассматривая ощущение, как простейший процесс, в котором проявляются все основные "парадоксально-специфические характеристики психического", Л.М. Веккер подчеркивает, что понять природу ощущений и тем самым "навести мосты через пропасть, зияющую у рубежа между психическим и непсихическим", задача крайне сложная и требует "титанических усилий философской

мысли". По мнению В.И. Гинецинского [4], наличие "демаркационной границы между живыми существами, обладающими психикой, и живыми существами, не обладающими ею", и ее обнаружение, составляют "одну из фундаментальных проблем психологии".

Тем более интересно узнать, что же думал по этому поводу В.М. Бехтерев более чем сто лет тому назад. "Очевидно, – пишет В.М. Бехтерев, – что и в объективной психологии должен быть установлен известный критерий для определения нервно-психических процессов и для отличия их от процессов непсихических resp. чисто нервных. В этом отношении мы можем ограничить понятие невропсихики с объективной стороны такими отношениями организма к окружающему миру, которые предполагают переработку внешнего воздействия на основании прошлого индивидуального опыта. Всюду, где прошлый опыт дает себя знать, мы имеем уже не простой рефлекс, а психорефлекс, или невропсихику в настоящем смысле слова" [2, с. 15].

В представлении В.М. Бехтерева нервно-психический процесс, устанавливающий соотношение между раздражением и реакцией организма в наиболее простом виде состоит из следующих процессов: 1) центростремительного проведения, 2) впечатления или образования отпечатка, 3) отложение следа от этого отпечатка, 4) сочетания его с прежними следами путем оживления последних и 5) центробежного проведения, обусловленного оживлением этих следов" [2, с. 34].

Величайшая, на наш взгляд, заслуга В.М. Бехтерева в разработке понятия "психического" состоит в том, что он не только отстаивал наличие материальных основ психического процесса как свойства мозга (нервной системы), но и сформулировал общие положения, раскрывающие нейрофизиологические механизмы этого процесса. В качестве центральных, детерминирующих понятие "психического" в концепции В.М. Бехтерева, из пяти перечисленных им процессов можно особо выделить следующие: 1) образование следов от непосредственно воздействующих раздражений и 2) сочетание образующихся следов с прежними следами путем оживления последних. Выделяя сочетание следов в нервной системе как механизм регуляции поведения на основе прошлого индивидуального опыта, который, в свою очередь, рассматрива-

ется как критерий "психического", В.М. Бехтерев, однако, не раскрывает некоторые существенные нюансы самого механизма сочетания следов. В частности, не ясным оказывается, как происходит оживление прежних следов и из насколько отдаленного прошлого? Чем определяется, какие из следов прошлого будут сочетаться со следами настоящего в случае, например, простейшего нервно-психического процесса? В силу преувеличения значимости неврологических и рефлексологических исследований В.М. Бехтереву не удалось сделать следующего шага в разрешении проблемы "психического". Для этого нужно было рассмотреть "психическое" не только как свойство мозга, но и как механизм субъективного отражения действительности, точнее как механизм опережающего отражения действительности.

Идея опережающего отражения как первичного механизма познания и универсального принципа приспособления всех форм живого была выдвинута позже П.К. Анохиным [1]. Однако, ход рассуждений, которым воспользовался П.К. Анохин при интерпретации опережающего отражения, не прояснил понимание "психического". Анализируя протекание биохимических процессов в простейших организмах, П.К. Анохин фактически рассмотрел те же механизмы "оживления следов прошлого опыта", что и В.М. Бехтерев. В результате, если у В.М. Бехтерева простейшие организмы оказались наделенными биопсихикой, у П.К. Анохина они наделяются процессами опережающего отражения, которые в действительности следует рассматривать как механизмы "психического".

Вариант решения проблемы "психического", который вытекает из рассмотрения соотношения представлений В.М. Бехтерева о "невропсихике" и понятия П.К. Анохина об "опережающем отражении" выглядит следующим образом.

В общем случае время опережения должно быть согласованным со скоростью тех процессов, которые протекают во внутренних структурах организма и которые лежат в основе формирования и регулирования ответных двигательных реакций. Чем больше скорость внутренних регуляторных процессов, тем меньше должно быть время опережения.

Допустим, что в момент времени t_1 появляется некоторая ситуация C_1, в которой должно осуществляться поведение или двигательная реакция организма. Допустим, далее, что к моменту времени t_1 организм уже имеет полное и адекватное знание о ситуации C_1 в форме некоторого образа $(C_1)'$ (см. рис. 1).

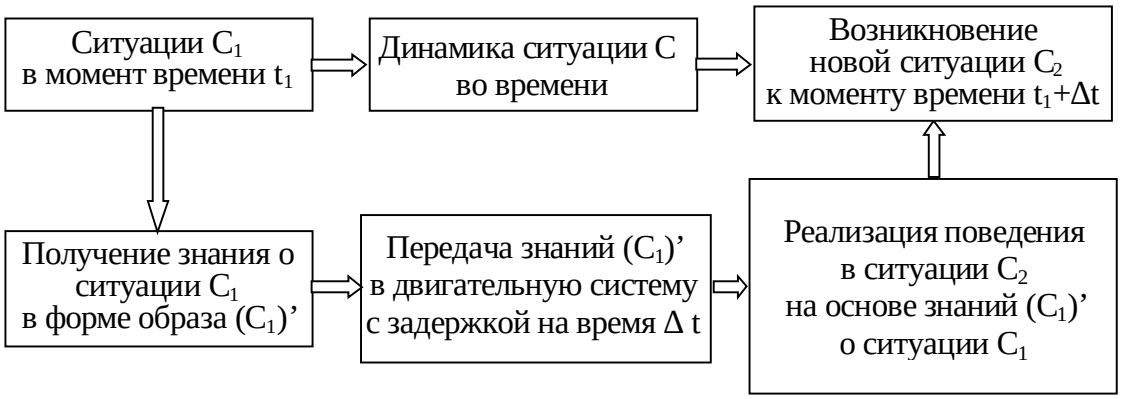

Рис. 1. Формирование неадекватного поведения в ситуации C_2 на основе адекватных знаний о ситуации C_1.

Очевидно, что использование полученных знаний в осуществлении двигательной реакции предполагает протекание в организме определенных внутренних регуляторных процессов. Очевидно также, что на инициацию и протекание этих регуляторных процессов потребуется определенное время Δt. Это означает, что реакция организма на ситуацию C_1 на основе соответствующего знания $(C_1)'$ реализуется лишь к моменту $(t_1+\Delta t)$.

Однако к этому моменту исходная ситуация C_1 может измениться, и организм может оказаться в новой ситуации C_2, по отношению к которой его двигательная реакция будет неадекватной.

Адекватность поведения в ситуации C_2 будет обеспечена лишь в том случае, если, находясь еще в ситуации C_1, организм будет строить свое поведение не на основе образа $(C_1)'$, а на основе образа $(C_2)'$, опережающего возникновение ситуации C_2 на время Δt, т.е. на время, определяемое скоростью внутренних регуляторных процессов в организме.

При быстрой динамике внешних ситуаций и малой скорости внутренних регуляторных процессов, имеющих место у простейших

организмов, ни о каком опережающем отражении, обеспечивающем адекватность поведения (двигательной реакции) не может быть и речи. Механизм каталитического ускорения реакций в ответ на внешнее воздействие, конечно же, уменьшает задержку в реагировании и повышает степень адекватности реакций, но для появления опережающего отражения этого механизма недостаточно. Необходим новый механизм – механизм, обеспечивающий построение образа того, чего еще нет, но что может появиться в течение ближайшего времени. Появление и развитие этого механизма знаменует становление особой, психической формы отражения, которая становится возможной лишь в связи с выделением во внутренних структурах организма особой специализированной системы регуляции поведения – нервной системы. С появлением нервной системы не только повышается скорость протекания внутренних регуляторных процессов, но и появляется возможность опережающего отражения особенностей внешних воздействий.

Опережающее отражение следует рассматривать не как опережение в ответных двигательных реакциях организма, а как опережение в построении образов внешних событий, т.е. в процессах познания.

Литература:

1. Анохин П.К. Опережающее отражение действительности //Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем. – М.: Наука, 1978. – С. 7-26.

2. Бехтерев В.М. Объективная психология. – М.: Наука, 1991. – 480 с.

3. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл; Per Se, 2000. – 685 с.

4. Гинецинский В.И. Предмет психологии. Дидактический аспект: Пособие для преподавателей. – М.: Изд. корпорация "Логос", 1994. – 214 с.

5. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. – М.: Изд. АН СССР, 1961. – 100 с.

6. Павлов И.П. Мозг и психика //Избранные психологические труды. – М.: Изд-во "Московский психолого-социальный институт", 2004. – 359 с.

ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗМА И "ЗАЧАТОЧНАЯ ФОРМА ПСИХИКИ"

Вестник ТГГПУ. – 2006. – № 5. – С. 186-194.

На начальных этапах эволюции живые организмы приобретают способность избирательно реагировать на жизненно важные (биотические) воздействия внешней среды. Механизм, позволяющий организму выделять из множества воздействий те, которые имеют для него биологическую значимость, и соответствующим образом реагировать на них, носит название раздражимости. Однако в общем случае организм оказывается подверженным не только биотическим, но и другим воздействиям, которые образуют с биотическими определенные пространственные и временные связи. Эти воздействия, которые сами по себе не являются биотическими, тем не менее, в силу наличия непосредственных связей с биотическими, также приобретают для организма существенное значение. В частности, они начинают выполнять функцию сигнала о наличии или возможном присутствии в зоне ближайшего окружения организма или в зоне его ближайшего будущего определенных биотических воздействий. Такого рода воздействия получили название абиотических, а способность организма выделять эти абиотические воздействия и специфическим образом реагировать на них была названа чувствительностью [4].

Как отмечает А.Р. Лурия [5], с появлением чувствительности в эволюции живых организмов начинается новый этап – переход к животной жизни. Возникает новая форма взаимодействия организма с объектами и явлениями внешней среды, при которой организм начинает проявлять простейшие формы двигательной активности, обеспечивающие ему возможность ориентации в пространстве и поиска воздействий, имеющих жизненную или биологическую значимость.

Наличие чувствительности и связанных с ней ориентировочных форм поведения, позволяет организму не только выделять и избирательно реагировать на воздействия, выполняющие сигнальную функцию, но и приобретать индивидуальный опыт реагирования в специфических условиях окружающей среды. С появлением чувствительности у организмов начинается развитие механизмов индивидуальной памяти. Поведение организма, обладающего чувствительностью и индивиду-

альной формой памяти, начинает существенным образом зависеть от прошлого индивидуального опыта, приобретенного им в процессе своей жизнедеятельности.

Многократное воздействие на организм абиотического раздражителя $S_А$ одновременно с биотическим $S_Б$ приводит к тому, что в организме постепенно образуются структуры клеток, активность которых определяется активностью рецепторных клеток, которые обеспечивают получение знаний о раздражителях $S_А$ и $S_Б$. Механизм образования такого рода клеточных структур хорошо описывается концепцией Хебба [8], согласно которой две клетки или система клеток, которые всякий раз активизируются одновременно, будут связываться так, что активность одной способствует активности другой. Посредством суммирования совпадающих по времени входных сигналов клетки связываются друг с другом, образуя так называемые "клеточные ансамбли" Хебба, которые способны активизироваться любым из входных сигналов, даже если они поступают не одновременно.

Поскольку образование ассоциативных "клеточных ансамблей" Хебба, по существу, фиксирует получение организмом знаний о наличии связи между биотическими и абиотическими воздействиями, данный процесс можно рассматривать как механизм развития индивидуальной памяти организма, а сами "клеточные ансамбли" как структурно-функциональные единицы памяти. Активизация этих "клеточных ансамблей" приводит к реакции организма, которая направлена на биотическое воздействие $S_Б$. Причем эта реакция может возникать как при непосредственном воздействии биотического раздражителя $S_Б$, так и при воздействии абиотического раздражителя $S_А$ при получении о них соответствующих знаний $S'_А$ или $S'_Б$ в рецепторных структурах организма. В первом случае эта реакция есть не что иное, как врожденный безусловный рефлекс, во втором – приобретенный условный рефлекс. Но в обоих случаях мы имеем дело с реакцией, предполагающей наличие биотического воздействия и, в конечном счете, направленной именно на него.

Внутренние механизмы, обеспечивающие наличие чувствительности как особой формы реагирования и как особого свойства организма, можно представить следующим образом (см. рис. 1).

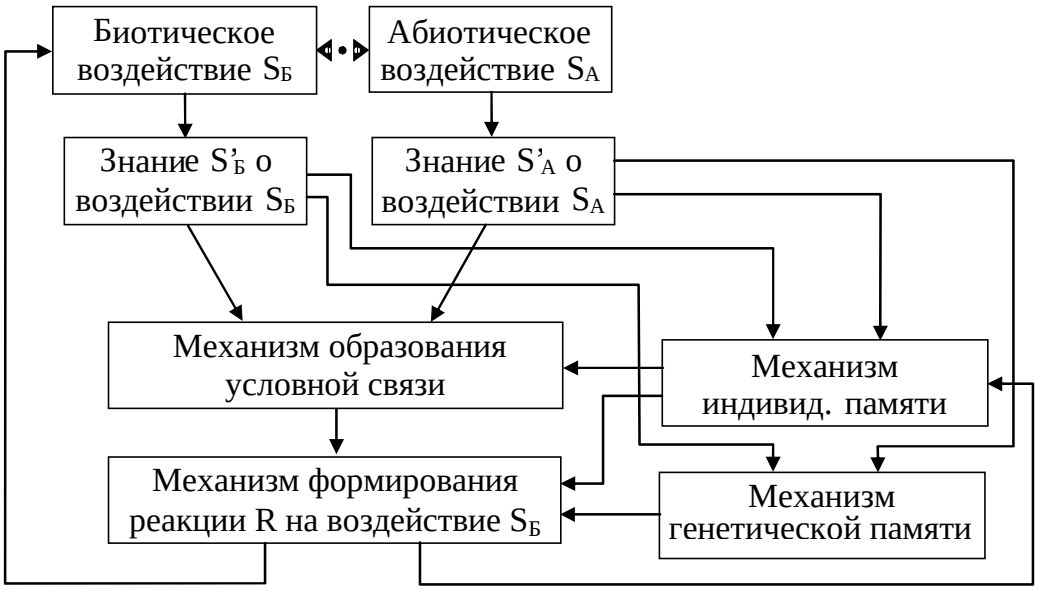

Рис. 1. Внутренние механизмы в организме, лежащие в основе чувствительности.

Очевидно, что если абиотическое воздействие на организм возникает вне связи с биотическим, то есть не одновременно (либо слишком поздно, либо слишком рано), то ассоциативные "клеточные ансамбли" Хебба не образуются. Однако, что будет, если клеточный ансамбль уже образовался, и затем возникновение абиотического воздействия будет сдвигаться по времени относительно биотического?

Если абиотическое воздействие будет с каждым разом все больше и больше запаздывать по отношению к биотическому, то, как показывают исследования [1], реакция типа условного рефлекса будет затухать и, в конце концов, перестанет проявляться. Происходит дезорганизация и переструктурирование ранее образованной клеточной структуры, обеспечивающей возможность реализации условного рефлекса.

Более интересен случай, когда абиотическое воздействие начинает опережать биотическое. Во-первых, возникает эффект опережающей реакции организма на жизненно важное воздействие внешней среды и создается иллюзия наличия у организма, обладающего чувствительностью, опережающей формы отражения действительности, которая обычно соотносится с понятием психики. На самом деле организм реагирует не на то, что будет, а на то, что было. У организма не образуются знания о будущем, которые действительно позволили бы ему стро-

ить реакцию на опережение. Он всего лишь воспроизводит реакцию, приобретенную в прошлом индивидуальном опыте, в расчете на ту связь между абиотическим и биотическим воздействиями, которая была в прошлом и знания о которой зафиксированы в структуре соответствующего ассоциативного клеточного ансамбля.

Однако, как показывают исследования процессов формирования условных рефлексов, если абиотическое воздействие начинает значительно опережать биотическое, то выработанная ранее реакция на это воздействие, как и в случае с его значительным запаздываем, начинает угасать. Отсутствие подкрепления со стороны биотического воздействия в пределах определенного времени означает отсутствие объективной связи между абиотическим и биотическим воздействиями, что и приводит к угасание у организма выработанных условно-рефлекторных типов реагирования.

Наличие чувствительности, условно-рефлекторных типов реагирования, в том числе с опережающим эффектом, и возможность организма в связи с этим реагировать на внешние воздействия с учетом прошлого индивидуального опыта обычно рассматривается как объективный признак или критерий возникновения психики [4, 5]. При определении отличий психических, а точнее нервно-психических процессов, от непсихических или просто нервных В.М. Бехтерев, например, указывал, что "мы можем ограничить понятие невропсихики с объективной стороны такими отношениями организма к окружающему миру, которые предполагают переработку внешнего воздействия на основании прошлого индивидуального опыта. Всюду, где прошлый опыт дает себя знать, мы имеем уже не простой рефлекс, а психорефлекс, или невропсихику в настоящем смысле слова" [2, с. 15].

А.Н. Леонтьев, рассматривая чувствительность как особую форму раздражимости на абиотические воздействия, показывает, что благодаря чувствительности организм способен к ориентированию в окружающей среде и к отражению существующих в ней объективных связей. По мнению А.Н. Леонтьева, именно эта способность как "фундаментальная биологическая функция, функция ориентации и отражения, без

которой не может идти дальше процесс биологической эволюции в предметной среде", есть не что иное, как "зачаточная форма психики" [4, с. 48]. Чувствительность в представлении А.Н. Леонтьева есть ощущение. Соответственно, ощущение как элементарная, простейшая или "зачаточная" форма психики и есть чувствительность. При этом А.Н. Леонтьев уточняет, что в первоначальной форме "… чувствительность в смысле "ощущения" и чувствительность в смысле "чувствования" слиты друг с другом", и "… дифференциация функций чувствительности на гностическую (собственно познавательную) чувствительность и чувствительность в смысле эмоционального состояния медленно происходит на протяжении всей биологической эволюции" [4, с. 51]. Справедливо полагая, что "психические явления по своей природе всегда есть явления отражательные", А.Н. Леонтьев относит к ним и явления, связанные с чувствительностью, на том лишь основании, что они тоже отражательные. Однако не все явления, связанные с процессами отражения, могут называться психическими. В живой природе существуют и непсихические формы отражения (например, биохимическая, физиологическая), на основе которых также может осуществляться регуляция активности организма. Правда, здесь все зависит от определения понятий "отражение" и "психика". Если приравнять эти понятия, то чувствительность можно рассматривать как форму психики. Однако, если психику рассматривать как особую форму отражения, то вопрос о соотношении чувствительности и психики требует более детального рассмотрения.

Гипотеза и соответствующая концепция А.Н. Леонтьева о чувствительности как простейшей формы психики, именуемой ощущением, воспроизводятся практически во всех современных учебниках общей психологии. Однако, хотя чувствительность по сравнению с раздражимостью и обеспечивает более сложную форму взаимодействия организма с объектами и явлениями внешней среды, на наш взгляд, ее следует отнести к категории непсихических процессов и непсихических свойств организма. Что же касается психики и психических процессов, то в основу их определения может быть положен иной критерий, нежели просто зависимость поведения от прошлого индивидуального опыта.

Рассматривая психику как особое свойство мозга, мы считаем, что это такое его свойство, которое обеспечивает получение знаний о *ближайшем будущем* объектов и явлений действительности. Данное свойство возникает на определенной стадии эволюции живых организмов, когда необходимость в приспособлении к *изменяющимся* условиям жизнедеятельности и выработки в этих условиях адекватных способов поведения привела к существенным изменениям в их структурно-функциональной организации, в частности, к появлению достаточно развитой нервной системы.

Для психологов, использующих термины "отражение" и "субъективный образ", определение психики может быть дано в более привычной редакции. Психика – это субъективное отражение или субъективный образ *ближайшего будущего* объективной действительности. От традиционного определения, приводимого в учебниках психологии, данное определение отличается тем, что речь идет не просто об образе объективной действительности, а об образе ближайшего будущего этой действительности. Формирование же этого образа или получение знаний о ближайшем будущем действительности обеспечивается особыми процессами, происходящими в нервной системе, специфика и динамика которых составляют нейрофизиологические механизмы психики.

Необходимость в появлении психических форм познавательной активности обусловлена потребностью организма в своевременной и адекватной реакции на жизненно важные, значимые внешние воздействия, но возникающие и протекающие достаточно быстро. В случае непсихической формы познавательной активности соответствующее отражение параметров внешнего воздействия в сенсорных процессах следует за воздействием, укладываясь в схему взаимодействия реактивного типа $I \Rightarrow f$. Возникающее при этом "субъективное" отражение воздействия в форме соответствующих сенсорных процессов может быть достаточно адекватным, но все же оно является отражением уже прошедшего воздействия. Изменения в сенсорных процессах пусть в небольшой степени, но все же запаздывают относительно изменений во внешнем воздействии, и уж тем более запаздывают изменения в процессах, протекающих в двигательной системе, когда на основе инфор-

мации, получаемой в сенсорной системе, формируется ответная реакция организма на воздействие.

Психическая форма познавательной активности, в отличие от непсихической, характеризуется тем, что изменения в сенсорных процессах, возникающих при отражении внешнего воздействия, опережают реальные изменения в параметрах этого воздействия. Формирующееся при этом "субъективное" отражение в силу его опережающего характера есть отражение не прошедшего, а еще не наступившего воздействия. В случае стационарных условий жизнедеятельности (при отсутствии существенных изменений и временной динамики внешних воздействий) необходимость в опережающем отражении явлений действительности отпадает. Соответственно, в этих условиях отпадает и необходимость в психической форме познавательной активности.

Схема, иллюстрирующая механизм формирования адекватного поведения организма в изменяющихся условиях жизнедеятельности, представлена на рис. 2.

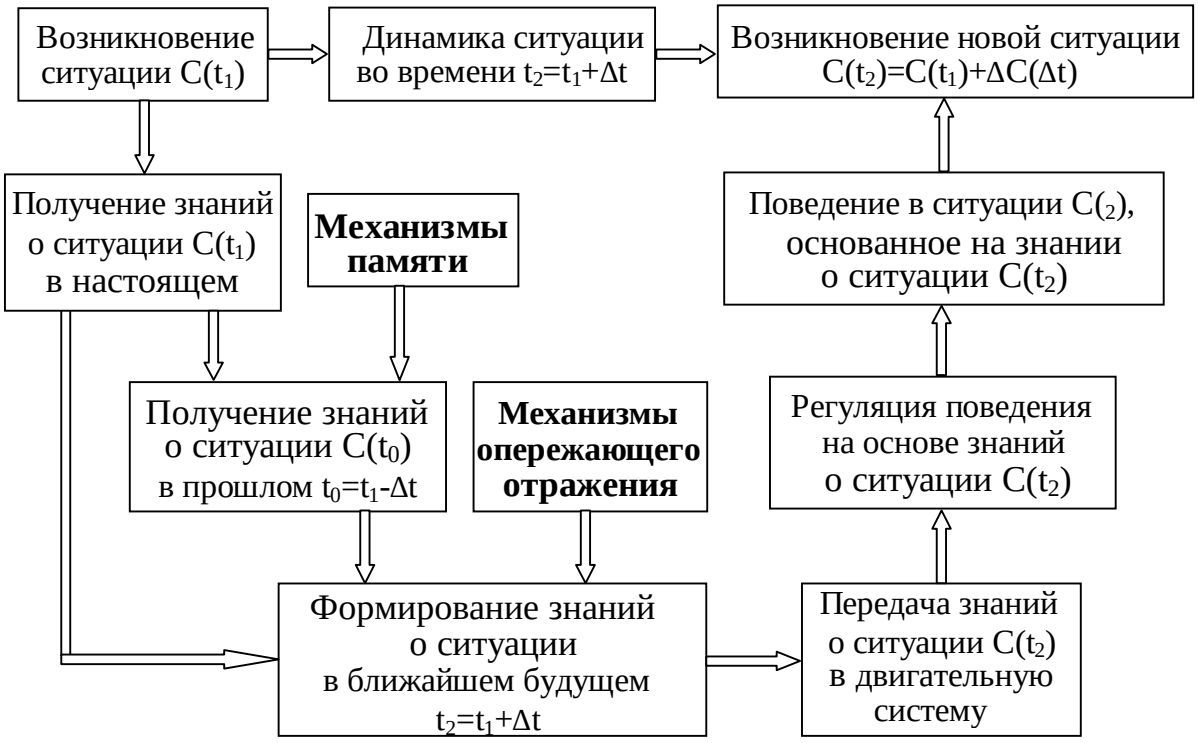

Рис. 2. Обеспечение адекватности поведения в изменяющейся ситуации за счет формирования знаний о ближайшем будущем ситуации посредством механизма опережающего отражения.

При рассмотрении психических процессов, связанных с опережающим отражением действительности, возникает вопрос о возможных механизмах их реализации в сенсорной системе организма.

В данной работе мы рассмотрим механизм реализации простейшего психического процесса, который в психологии обычно обозначается понятием "ощущение" и который связан с отражением изменений энергетического параметра внешнего воздействия, в частности, его интенсивности.

В качестве отправной точки в рассуждениях мы возьмем хорошо известные и неоднократно проверенные в различных нейрофизиологических исследованиях данные о том, что информация об интенсивности внешнего воздействия кодируется в периферических отделах нервной системы в виде потоков нервных импульсов определенной частоты [3, 6, 7].

В первом приближении частота f нервных импульсов, вызванных наличием внешнего воздействия, пропорциональна логарифму интенсивности J этого воздействия:

$$f = a*\log J + b, \qquad (1)$$

где a и b – некоторые константы, численные значения которых определяются индивидуальными особенностями нервной системы отдельного организма.

Такое же соотношение между интенсивностью воздействия и частотой нейронных импульсаций имеет место и в центральных отделах нервной системы. В работе известного нейрофизиолога Р. Гранит указывается, в частности, что "… трансформированные частотные комплексы, хотя они, возможно, и теряют некоторые свои особенности, рассматриваемые как первичное отражение интенсивности раздражителя в виде частоты импульсов, могут, тем не менее, сохранить это соотношение между интенсивностью и частотой в общей форме" [3, с. 227].

Соотношение (1) показывает, что для получения знаний о ближайшем будущем интенсивности J_1 некоторого воздействия в нервной системе должны быть сформированы потоки нервных импульсов частотой $f_2 = a*\log J_2 + b$. Однако, поскольку воздействия интенсивностью J_2

нет, для получения импульсаций частотой f_2 рецепторные механизмы не пригодны.

Для поиска других механизмов учтем, что при изменении интенсивности воздействия на величину ΔJ частота нервных импульсов также будет изменяться на некоторую величину Δf . В связи с этим для определения f_2 можно записать другое соотношение

$$f_2 = f_1 + \Delta f\,, \qquad (2)$$

из которого следует, что нейронные импульсации с необходимой частотой f_2 можно получить путем добавления к импульсациям частотой f_1, возникающим в рецепторной системе в ответ на внешнее воздействие интенсивностью J_1, импульсаций частотой Δf. Причем частота этих дополнительных импульсаций должна быть равной $\Delta f = f_2 - f_1$, поскольку только в этом случае сумма $f_1 + \Delta f$ будет равна f_2. Но здесь сразу же возникает вопрос: "Как получить импульсации частотой Δf, если значение f_2 не известно?". Несмотря на кажущуюся сложность, данная проблема решается довольно просто.

Если интенсивность внешнего воздействия изменяется, но не очень быстро, то в пределах достаточно короткого времени это изменение можно считать равномерным. Это означает, что интенсивность воздействия изменится в ближайшем будущем (через время Δt) по сравнению с настоящим примерно настолько же, насколько она изменилась за этот же период времени по сравнению с ближайшим прошлым. Соответственно, можно записать:

$$(J_{\text{бл.буд.}} - J_{\text{н}}) \approx (J_{\text{н}} - J_{\text{бл.пр.}}) = \Delta J \qquad (3)$$

Поскольку изменение интенсивности воздействия ΔJ вызывает в нервной системе соответствующее изменение частоты нейронных импульсаций Δf, соотношение (3) можно записать следующим образом

$$\Delta f = f_{\text{н}} - f_{\text{бл.пр}} \qquad (4)$$

Подставляя найденное значение Δf в соотношение (2) и учитывая, что $f_1 = f_{\text{н}}$, а $f_2 = f_{\text{бл.буд}}$, окончательно получаем

$$f_{\text{бл.буд}} = f_{\text{н}} + (f_{\text{н}} - f_{\text{бл.пр}}) \qquad (5)$$

Полученное соотношение показывает, как в нервной системе на уровне нейрофизиологических процессов могут получаться знания о

ближайшем будущем, которого еще нет. Если нервная система достаточно развита и в ней существуют механизмы, позволяющие проделывать с нейронными импульсациями операции, указанные в соотношении (5), то, по определению, данному нами выше, такая нервная система обладает свойством, называемым психикой.

Соотношение (5) можно рассматривать как своеобразную формулу психики, написанную на языке нейронных импульсаций. Если воспользоваться понятиями "знание", "субъективный образ", более принятыми в психологии, то формулу психики можно записать следующим образом:

$$C'_{бл.буд} = C'_{наст} + (C'_{наст} - C'_{бл.пр}), \qquad (6)$$

где $C'_{бл.буд}$, $C'_{наст}$, $C'_{бл.пр}$ – знания или субъективные образы ситуаций, соответственно, ближайшего будущего, настоящего и ближайшего прошлого.

Какие же механизмы в нервной системе могут обеспечивать получение знаний о ближайшем будущем внешнего воздействия $J_н$ и проявлять, таким образом, наличие особого свойства, которое мы назвали психикой?

Прежде всего – это механизм рецепции, рассмотренный нами выше. Благодаря этому механизму в рецепторной системе (периферических отделах нервной системы) осуществляется преобразование энергии внешнего воздействия $J_н$ в частоту нейронных импульсаций $f_н$.

В качестве второго следуют указать механизм кратковременной памяти, благодаря которому нейронные импульсации $f_н$ могут сохраняться в нервной системе и затем по истечение времени Δt воспроизводиться, но уже в статусе импульсаций, соответствующих прошлому, то есть $f_{бл.пр.}$. Реализация данного механизма может осуществляться с использованием специальных "тормозных нейронов", выполняющих функцию линии задержки. Нервные импульсы, поступающие на вход тормозного нейрона с частотой f, появляются на его выходе с такой же в среднем частотой, но с задержкой на некоторое время Δt. Очевидно, что при воспроизведении через время Δt задержанные нейронные им-

пульсации по отношению к новым импульсациям, поступающим в это время на вход тормозного нейрона, будут уже импульсациями прошлого.

Третьим является механизм определения разницы Δf в частотах нейронных импульсаций, образующихся, с одной стороны, в рецепторной системе и соответствующих $f_{н}$, и, с другой стороны, на выходе тормозных нейронов, которые соответствуют $f_{бл.пр}$. Реализация данного механизма может осуществляться благодаря наличию у нейронов двух типов дендритов – возбуждающих и тормозных. При поступлении нервных импульсов на возбуждающие дендриты активность нервной клетки увеличивается, то есть увеличивается частота нейронных импульсаций на ее выходе. Если нервные импульсы поступают на тормозные дендриты, то активность нервной клетки снижается, и чем больше частота поступающих импульсов, тем ниже активность нервной клетки, то есть тем ниже частота нервных импульсов на ее выходе. При одновременном поступлении на возбуждающие дендриты нервных импульсов частотой $f_{н}$ и на тормозные дендриты нервных импульсов частотой $f_{бл.пр}$ частота нейронной импульсации на выходе нервной клетки будет соответствовать разнице Δf , определяемой соотношением (4).

Четвертый механизм – это механизм суммирования нейронных импульсаций частотой $f_{н}$ и Δf, который может быть реализован путем одновременной подачи этих импульсаций на возбуждающие дендриты нервной клетки. Благодаря этому механизму обеспечивается получение нейронных импульсаций частотой $f_{бл.буд}$, соответствующей знанию $J'_{бл.буд}$ о ближайшем будущем интенсивности внешнего воздействия $J_{н}$.

Использование организмом нейронных импульсаций $f_{бл.буд}$ для формирования ответной реакции на внешнее воздействие $J_{н}$ в расчете на ближайшее будущее этого воздействия представляет собой психическую форму регуляции поведения организма, принципиально отличающуюся от таких форм поведения как раздражимость, чувствительность и навык.

Общая схема реализации механизмов психики, как особого свойства нервной системы получать знание о ближайшем будущем внешне-

го воздействия, и использование этих знаний в регуляции поведения организма представлена на рис. 3.

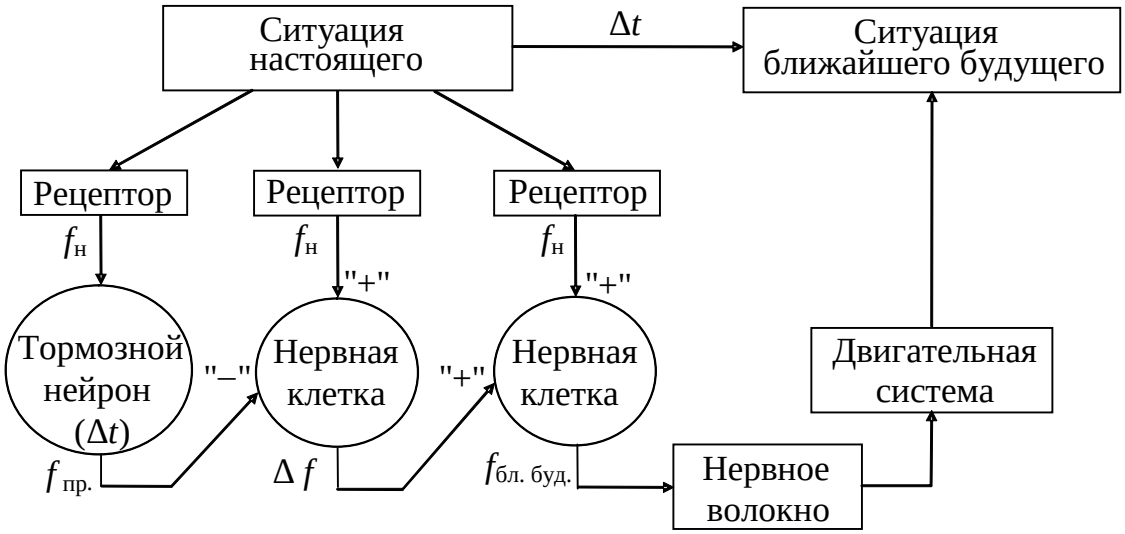

Рис. 3. Схема реализации механизмов психики и психической формы регуляции поведения организма.

Литература:

1. Батуев А.С. Высшая нервная деятельность. – СПб., 2002.
2. Бехтерев В.М. Объективная психология. – М., 1991.
3. Гранит Р. Электорофизиологическое исследование рецепции /Пер. с англ. – М., 1957.
4. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 3-е изд. – М., 1972.
5. Лурия А.Р. Эволюционное введение в общую психологию. – М., 1975.
6. Прибрам К. Языки мозга /Пер. с англ. – М., 1975.
7. Сомьен Дж. Кодирование сенсорной информации в нервной системе млекопитающих /Пер. с англ. – М., 1975.
8. Hebb D.O. The organization of behavior. – N.Y., 1949.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И ЕЕ РЕШЕНИЕ

Вестник ТГГПУ. – 2007. – № 8. – С. 125-131.

Психофизиологическую проблему обычно рассматривают как частный случай проблемы психофизической, которая на протяжении многих веков приковывала к себе внимание и философов, и психологов, и физиологов, и которая неоднократно признавалась либо трудноразрешимой, либо вообще неразрешимой в рамках имеющихся в науке знаний. Достаточно напомнить широко известное высказывание крупного нейрофизиолога XIX в., основателя электрофизиологии Э. Дюбуа-Реймон (см. [3, 16]) о том, что психофизиологическая проблема относится к числу тех, решение которых мы «не знаем и никогда не узнаем». Он не сомневался в том, что психические процессы непосредственно связаны с работой мозга и являются его производными, но он не находил логического объяснения тому, как они возникают в результате деятельности мозга, и что они собой представляют с естественнонаучной точки зрения. Границу между "психическим" и "непсихическим" Э. Дюбуа-Реймон считал одной из самых принципиально непреодолимых границ естествознания.

В 1997 году, принимая участие в обсуждении на страницах журнала "Вопросы психологии" статьи Е.Д. Хомской "О методологических проблемах современной психологии", С.Д. Смирнов (доктор психологических наук, профессор факультета психологии МГУ) отметил следующее: "На мой взгляд, многие реальные проблемы психологии в статье излагаются как бы в сглаженном виде, представляются как решенные или почти решенные. Это относится, прежде всего, к проблеме соотношения психики и мозга. До сих пор никем не решенная психофизическая (или психофизиологическая) проблема вообще не упоминается. А именно она не может быть решена с позиций естественно- (т.е. природно) научной психологии" [15].

С позиции естественных наук, в частности физиологии, не вызывает сомнения, что в основе любого поведенческого (двигательного) акта человека и животного лежат определенные материальные процессы, протекающие в нервной системе. Сокращение мышц и возникновение

движения любой части организма обусловлено исключительно физиологическими, то есть материальными процессами. Именно физиологические, нейрофизиологические процессы являются непосредственной причиной двигательной активности организма. Естественно возникает вопрос, какое отношение к регуляции поведения (движения) организма имеет психика и психические процессы, которые по определению не являются физиологическими. Если психика действительно способна регулировать поведение (а это настолько очевидно, что не вызывает сомнения), то каков механизм этой регуляции? Как психическое, будучи не физиологическим и, соответственно, не материальным, может оказывать воздействие на физиологическое, то есть на материальное? Собственно говоря, в это и состоит суть психофизической и психофизиологической проблем.

Чтобы разобраться в сути и подходах к решению указанных проблем, проанализируем различные варианты регуляция поведения организма (R) в ответ на внешнее воздействие (S).

С точки зрения физиологии данный процесс может быть представлен следующим простым соотношением:

$$S \Rightarrow V \Rightarrow R \qquad (1)$$

согласно которому внешнее воздействие *S* приводит к изменению характера протекания в организме определенных физиологических процессов *V*, которые в свою очередь обусловливают возникновение определенной двигательной реакции *R*.

Если изменения в физиологических процессах *V*, соответствующие воздействию *S*, рассматривать как физиологическую форму знания $S_V^{'}$ о воздействии *S* и считать, что поведение *R* строится на основе именно этих знаний, то приведенное выше соотношение может быть преобразовано в соотношение

$$S \Rightarrow V \Rightarrow S_V^{'} \Rightarrow R \qquad (2)$$

При введении понятия психического отражения, как субъективного образа действительности или как особого знания о действительности $S_\Psi^{'}$, получаемого в результате особых психических процессов ν,

для психической формы регуляции поведения можно записать следующее соотношение

$$S \Rightarrow \text{v} \Rightarrow S'_{\Psi} \Rightarrow R \qquad (3)$$

Соотношения (2) и (3) показывают, что в одном случае знания о воздействии соотносятся с физиологическими процессами *V*, в другом – с процессами психическими v. В данной ситуации правомерно поставить следующий вопрос: "Если в обоих случаях мы имеет одно и то же воздействие *S* и одну и ту же реакцию *R*, то можем ли мы считать, что знания о воздействии в форме физиологических процессов S'_V и в форме психических процессов S'_{Ψ} являются одинаковыми?".

С одной стороны, если изначально полагать, что физиологические и психические процессы разные и даже особые, то и результаты их должны быть разными. С другой стороны, если и S'_V, и S'_{Ψ} являются знаниями об одном и том же воздействии *S*, и на основе этих знаний строится одно и то же поведение *R*, то почему они должны быть разными, и какую роль в построении поведения могут играть каждое из этих знаний?

Рассмотрим возможные пути решения указанных проблем.

Прежде всего, нам следует согласиться с тем, что воздействие *S* может непосредственно воздействовать лишь на определенные рецепторные системы организма, вызывая появление в них определенных физиологических (нейрофизиологических) процессов, которые можно обозначить как R_e. Признание возможности прямого воздействия *S* на психику или психические процессы v, минуя рецепторные системы организма, было бы признанием субстанциальности психики и возвратом к первоначальным донаучным представлениям о психике и о душе.

Учитывая наличие рецепторных процессов R_e, соотношения (2) следует записать в виде

$$S \Rightarrow R_e \Rightarrow V \Rightarrow S'_V \Rightarrow R \qquad (4)$$

Что касается соотношения (3), то здесь возникает следующая проблема. Несомненно, в качестве начального этапа в получении знания S'_{Ψ} должно быть указано соотношение $S \Rightarrow R_e$. Однако дальше возможны разные варианты.

1. Вариант линейного детерминизма

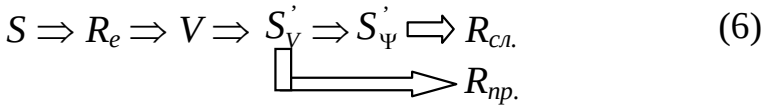
В данном случае психическая форма знания $S_{\Psi}^{'}$ представляется как результат последовательного преобразования нейрофизиологической формы знания $S_{V}^{'}$, то есть $S_{\Psi}^{'}$ выступает как особый продукт "нейрофизиологического". Данное преобразование можно представить следующим образом:

$$S \Rightarrow R_e \Rightarrow V \Rightarrow S_{V}^{'} \Rightarrow S_{\Psi}^{'} \qquad (5)$$

Вопрос о том, каким образом из "нейрофизиологического" возникает "психическое" и как они соотносятся между собой, составляет суть, так называемой, психофизиологической проблемы. Попытки решения данной проблемы с позиций "линейного детерминизма" обычно приводили исследователей к тем или иным формам нейрофизиологического редукционизма – сведению психических процессов к процессам нейрофизиологическим. Психические процессы рассматривались ими как более сложные формы нейрофизиологических процессов. Ярким примером тому могут служить соответствующие представления И.П. Павлова, который настаивал на отказе от использования понятий "психика" и "психический процесс" и замене их на понятие "формы высшей нервной деятельности". Полагая, что психические явления отличаются от физиологических лишь по степени сложности, он отмечает: "Какая важность в том, как называть их: психическими или сложнонервными, в отличие от простых физиологических…" [13, с. 346].

Из общей концепции "линейного детерминизма" и концепции И.П. Павлова, в частности, следует, что простые физиологические процессы и соответствующие физиологические формы знания $S_{V}^{'}$ принимают участие в регуляции простых форм поведения, сложные же формы поведения регулируются более сложными физиологическими процессами, которые называются "психическими".

Схематично процессы регуляции поведения на основе физиологических $S_{V}^{'}$ и психических $S_{\Psi}^{'}$ форм знания в концепции "линейного детерминизма" (или "нейрофизиологического редукционизма") можно представить следующим образом:

(6)

Центральной в данной концепции становится проблема соотношения разных форм физиологических знаний S'_V и S'_Ψ по степени сложности: какова должна быть степень сложности физиологической формы знания S'_Ψ, чтобы ее можно было отнести к категории "психических"? Смещая внимание со сложности форм знания на сложность форм поведения, вопрос можно поставить и другим образом: насколько сложным должно быть поведение $R_{сл}$, чтобы считать, что в основе его регуляции лежат не простые физиологические формы знания S'_V, а сложные или "психические", то есть S'_Ψ?

Ответы на эти вопросы мы можем найти в работах Н.И. Чуприковой [16], И.П. Павлова [13], В.М. Бехтерева [2], А.Н. Леонтьева [11]. Основным критерием, по которому поведение может быть отнесено к категории "психических", И.П. Павлов, например, считал наличие в нем признаков условного или более сложного "сочетательного" рефлекса. В.М. Бехтерев полагал, что к психическим формам поведения относятся те, которые строятся на основе индивидуально приобретенного прошлого опыта. А.Н. Леонтьев признавал в качестве психического чувствительность или способность организма реагировать на абиотические воздействия, выполняющие "сигнальную" функцию. По мнению Н.И. Чуприковой психическими являются любые ответные реакции организма, которые согласованы с параметрами вызывающих их воздействий. "И логика, и фактическое положение дел, – пишет Н.И. Чуприкова, – требуют квалифицировать отражательную и регулирующую поведение деятельность мозга как деятельность психическую, как психику. При этом речь не идет о том, чтобы "свести" психику к деятельности мозга или "вывести" ее из этой деятельности. Речь идет о том, что там, где долгое время видели две разные сущности, две разные реальности, на самом деле существует одна сущность, одна реальность" [16 , с. 362].

В качестве критики варианта "линейного детерминизма" "психического" можно привести высказывание Б.Ф. Ломова, который утверждал

"… неверно представлять дело так, что сначала развертывается физиологический процесс, а потом возникает психическое отражение, что последнее есть результат первого. "Психическое" возникает и развивается не в конце нейрофизиологических процессов, а в ходе их развития. Каждый момент нейрофизиологического процесса есть вместе с тем и момент психического процесса. Одно не существует без другого" [12, с. 156].

2. Вариант "психофизиологического параллелизма"

Данный вариант решения психофизиологической проблемы является альтернативой варианту "линейного детерминизма". В этом случае признается, что психические и нейрофизиологические процессы, будучи процессами отличными друг от друга, протекают параллельно, находясь в определенной взаимосвязи. Схематично взаимосвязь психических и нейрофизиологических процессов в концепции "психофизиологического параллелизма" можно представить следующим образом:

$$S \Rightarrow R_e \begin{cases} \mathrm{V} \Rightarrow S'_{\Psi} \Rightarrow R_{сл.} \\ \Updownarrow \\ \mathrm{V} \Rightarrow S'_{V} \Rightarrow R_{пр.} \end{cases} \qquad (7)$$

В качестве примера соответствия представленной схеме могут послужить представления В.М. Бехтерева, который, признавая самостоятельный статус психических процессов, рассматривал их в неразрывной связи с нервными процессами. "Психические явления, – писал В.М. Бехтерев, – везде и всюду находятся в теснейшем соотношении с материальными процессами, происходящими в определенных частях мозга… Нет ни одного психического процесса, который бы являлся только субъективным или духовным в философском значении этого слова и не сопровождался бы определенными материальными процессами… Мы вправе и должны говорить ныне не о душевных или психических процессах в настоящем смысле слова, а о процессах нервно-психических, и везде, где мы имеем дело с психикой, нужно иметь в виду собственно нервно-психические процессы, иначе – невропсихику" [2, с. 15]. На необходимость рассматривать психические и физиологические процессы в единстве, "как две стороны одной медали", указывал

Л.С. Выготский [4]. Для обозначения этого единства он предлагал использовать термин "психологическое".

Наиболее слабым местом в данной схеме и в соответствующих представлениях о механизмах образования психической формы знания S'_{Ψ} является процесс перехода от рецепторных процессов R_e к психическим Ψ. Поскольку рецепторные процессы – суть процессы физиологические, здесь возникает та же психофизиологическая проблема – как из "физиологического" возникает "психическое", и чем это "психическое" отличается от "физиологического", на основе которого оно возникает. Частично решение данной проблемы дается в той же работе В.М. Бехтерева. Введением понятия "невропсихика" В.М. Бехтерев прямо указывает на то, что вне материальных процессов, происходящих в нервной системе организма, психика не существует. Не сводя психические процессы к физиологическим, он рассматривает психику как особое свойство мозга и протекающих в нем нервных процессов.

Собственно эта идея была предложена ранее И.М. Сеченовым в его работе "Рефлексы головного мозга" [14]. Значимость учения И.М. Сеченова и последующего развития его положений в работах В.М. Бехтерева и И.П. Павлова состоит в том, что психика стала рассматриваться не как некая самостоятельная субстанция, а как свойство субстанции, каковой является мозг. Именно мозг и нервная система, в целом, были признаны материальной основой психики и ее материальным субстратом.

Если обозначить свойство мозга, связываемое с понятием психики, символом V_{V} , то соотношение (7) можно представить следующим образом:

$$S \Rightarrow R_e \begin{cases} V_{\mathrm{V}} \Rightarrow S'_{\Psi} \Rightarrow R_{сл.} \\ \Updownarrow \\ V \Rightarrow S'_{V} \Rightarrow R_{пр.} \end{cases} \qquad (8)$$

Очевидно, что соотношение (8) соответствует не только определению В.М. Бехтерева, но и представлениям о психических процессах И.П. Павлова и Н.И. Чуприковой. Целесообразность и высокая прогностическая значимость введения понятия о нейрофизиологических экви-

валентах психического была показана нами при проведении теоретического и экспериментального исследования механизмов формирования зрительных ощущений [8].

Рассмотрение психического процесса не в противопоставлении физиологическому, а как его особого свойства позволяет, сохранив специфику "психического", уйти от классического картезианского дуализма и перевести суть психофизиологической проблемы в иную, естественнонаучную плоскость. В этом случае она предстает в форме вопроса о том, каким особым свойством должны обладать физиологические процессы, чтобы они могли получить статус "психических". Как отмечает Н.И. Чуприкова, "в настоящее время вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что психика животных и человека является функцией их мозга. Вопрос, однако, состоит в том, какова природа этой функции…" [16, с. 359].

Суть психофизиологической проблемы в данной редакции была сформулирована еще Л.С. Выготским, который писал: "Как известно, две основные проблемы до сих пор еще не разрешены для старой психологии: проблема биологического значения психики и выяснения условий, при которых мозговая деятельность начинает сопровождаться психологическими явлениями" [4].

Вариант решения указанных проблем был предложен нами в работе [9] и более детально изложен в работах [6, 7, 10]. За основу нами было принято следующее определение психики. Психика – это такое свойство мозга, которое обеспечивает получение знаний о ближайшем будущем объектов и явлений действительности. В несколько иной редакции, более привычной для психологов гуманитарного склада мышления, можно дать следующее определение. Психика – это субъективное отражение или субъективный образ ближайшего будущего объективной действительности. От традиционного определения, приводимого практически во всех современных учебниках психологии, данное определение отличается тем, что речь идет не просто об образе объективной действительности, а об образе ближайшего будущего этой действительности.

Сразу хотелось бы отметить, что мысль о том, что психика непосредственно связана с процессами опережающего отражения, была высказана еще П.К. Анохиным [1]. Однако, как нами было показано ранее [9], в его рассуждениях речь идет не о получении знаний о будущем,

которого еще не было в прошлом опыте организма (для чего нужна достаточно развитая нервная система), а о подготовке реакции, упреждающей наступление событий, знание о которых уже имелось в памяти организма и в его прошлом опыте. Анализируя протекание биохимических процессов в простейших организмах, П.К. Анохин фактически рассматривал не механизмы опережающего отражения, а те же механизмы "оживления следов прошлого опыта", что и В.М. Бехтерев. В результате, если у В.М. Бехтерева простейшие организмы оказались наделенными биопсихикой, у П.К. Анохина они также приобрели признаки психического, но уже в форме способности к опережающему отражению.

На самом деле возникновение у живых организмов способности к опережающему отражению действительности требует появления у них в процессе эволюционного развития достаточно сложной структурно-функциональной организации, в том числе появления центральной нервной системы (мозга). Психика – это свойство мозга; нет мозга – нет и психики.

Чтобы раскрыть смысл введенного нами определения психики и обозначить ее биологическое значение, рассмотрим проблемы, которые могут возникать у организма, не имеющего психики.

В случае непсихических (физиологических) форм познавательной активности отражение параметров внешнего воздействия в сенсорной системе организма следует за воздействием, укладываясь в схему взаимодействия реактивного типа $S \Rightarrow R_e \Rightarrow V \Rightarrow S_V^{'}$. Возникающее в результате "субъективное" отражение воздействия (или знание о воздействии) в форме сенсорных процессов $S_V^{'}$ может быть достаточно адекватным, но все же оно является отражением уже прошедшего воздействия. Изменения в сенсорных процессах пусть в небольшой степени, но все же запаздывают относительно изменений во внешней среде, и уж тем более запаздывают изменения в процессах, протекающих в двигательной системе, когда на основе информации, получаемой в сенсорной системе, формируется ответная реакция организма на внешне воздействие.

Допустим, что в момент времени t_1 появляется некоторая ситуация C_1, в которой должно осуществляться поведение или двигательная реакция организма. Допустим, далее, что к моменту времени t_1 организм уже имеет полное и адекватное знание о ситуации C_1 в форме некоторого образа $(C_1)'$ (см. рис. 1).

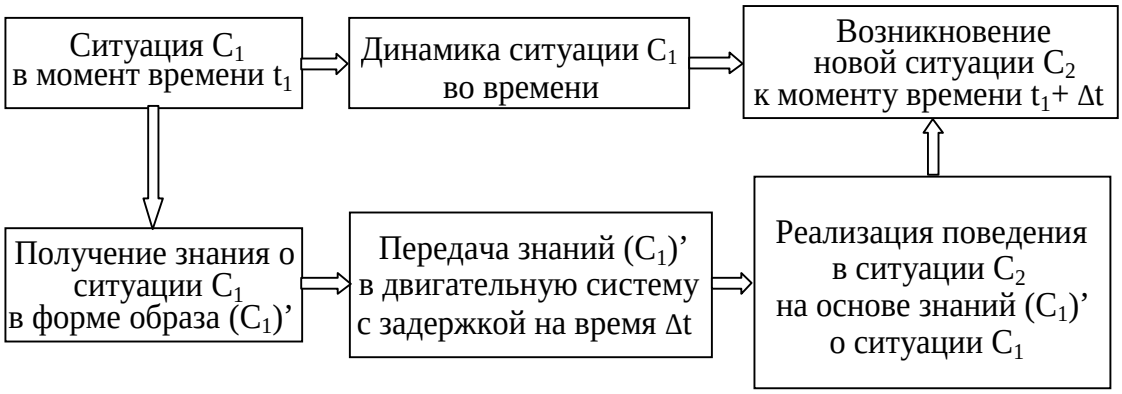

Рис. 1. Механизм возникновения неадекватного поведения организма в изменяющейся ситуации при отсутствии психической формы регуляции поведения.

Очевидно, что использование полученных знаний в осуществлении двигательной реакции предполагает протекание в организме определенных внутренних регуляторных процессов. Очевидно также, что на инициацию и протекание этих регуляторных процессов потребуется определенное время Δt. Это означает, что реакция организма на ситуацию C_1 на основе соответствующего знания $(C_1)'$ реализуется лишь к моменту $(t_1+\Delta t)$. Однако к этому моменту исходная ситуация C_1 может существенно измениться, и организм может оказаться в новой ситуации C_2, по отношению к которой его двигательная реакция будет неадекватной, а это чревато для организма печальными последствиями.

Адекватность поведения организма в условиях изменяющейся ситуации будет обеспечена лишь в том случае, если, находясь в ситуации C_1, организм будет строить свое поведение не на основе знаний настоящего $(C_1)'$, а на основе знаний $(C_2)'$ о ситуации ближайшего будущего этого настоящего, которое должно наступить через время Δt – время, определяемое скоростью внутренних регуляторных процессов в организме.

По нашему определению, психическая форма познавательной активности, в отличие от непсихической, характеризуется именно тем, что на основе изменений в рецепторной системе, возникающих при непосредственном воздействии внешнего раздражителя на органы чувств и являющихся знанием о "настоящем", в нервной системе начинают протекать такие нервные процессы, параметры которых соответствует знанию о "будущем", об изменениях воздействия, которых еще нет, но которые будут в ближайшее время (через время Δt). Для получения знаний о характере воздействия в ближайшем будущем в нервной системе организма должны протекать нервные процессы, которые, как нами было показано [6], реализуют следующую функцию:

$$C'_{бл.буд.} = C'_{наст.} + (C'_{наст.} - C'_{бл.прош.}) \qquad (9)$$

Схема, иллюстрирующая механизм получения знаний о ситуации ближайшего будущего C'(t_2) на основе знаний о настоящем C'(t_1) и его недалеком прошлом C'(t_0), представлена на рис. 2.

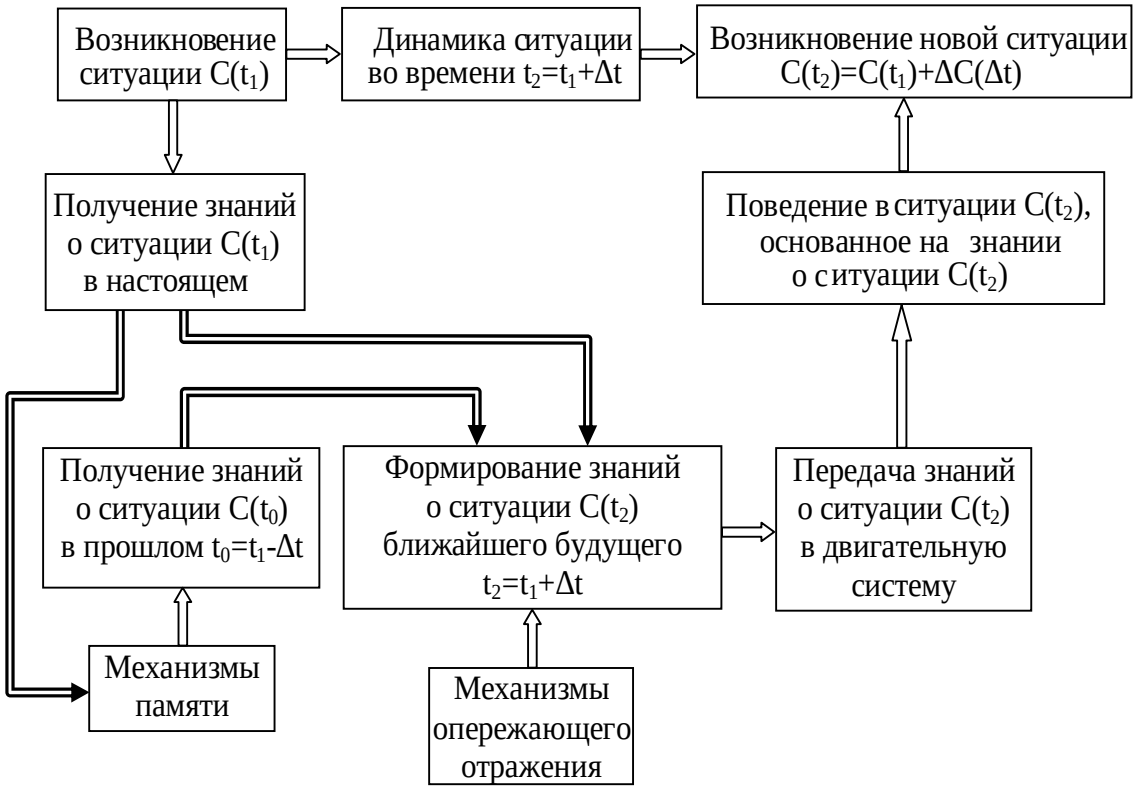

Рис. 2. Механизм получения знаний о ситуации ближайшего будущего и формирования адекватного поведения организма в изменяющейся ситуации.

Нейрофизиологические механизмы реализации функции (9), характеризующей свойство нервных процессов, которое по определению называется психикой, для простейшего случая, соответствующего ощущению, рассмотрены нами в работах [7, 10].

Используя определение психики как свойства мозга обеспечивать получение знаний о ближайшем будущем объективной действительности и рассмотренные механизмы реализации этого свойства, мы можем представить решение психофизиологической проблемы в виде следующей схемы:

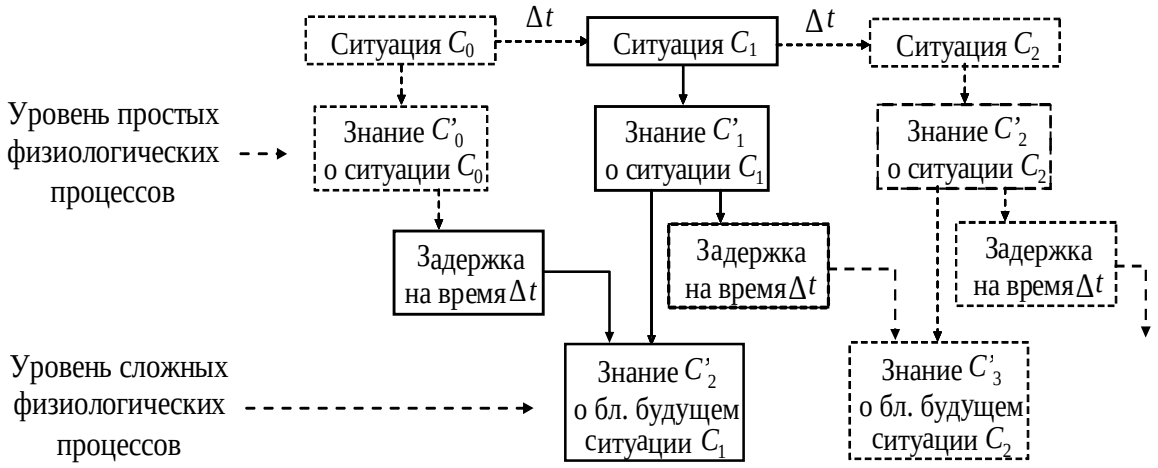

Рис. 3. Соотношение простых и сложных физиологических процессов, протекающих в мозгу, при реализации механизма опережающего (психического) отражения действительности.

На схеме, представленной на рис. 3, обозначены, с одной стороны, уровень простых физиологических процессов, протекающих в мозгу и обеспечивающих отражение "настоящего", и, с другой стороны, уровень более сложных физиологических процессов, соответствующих понятию "психика", протекание которых обеспечивает получение знаний о ближайшем будущем этого настоящего.

При анализе представленной схемы следует иметь в виду, что сами по себе сложные физиологические процессы психическими не являются, как не является психическими и результаты этих процессов, которые, как указывает, например, Д.И. Дубровский [5], могут соотноситься с понятием "информация". Какими бы не были сложными физиологические процессы – они остаются физиологическими. Признание обрат-

ного было бы проявлением классического психофизиологического редукционизма. Другое дело – свойство этих процессов. Если физиологические процессы, протекающие в мозгу, обеспечивают получение знаний о ближайшем будущем, значит, они обладают свойством, которое называется психическим или просто психикой. Психическим является не знание о ближайшем будущем, которое получается в результате физиологических процессов, а свойство и способность физиологических процессов получать эти знания.

Очевидно, что простой физиологический процесс и физиологический процесс, обладающий психикой, протекают параллельно, каждый на своем уровне. Вместе с тем они тесно связаны. Характер протекания сложных физиологических процессов, связанных с получением знаний о ближайшем будущем объектов и явлений действительности, то есть особенность психики, самым непосредственным образом зависит от состояния мозга и протекающих как в нем, так и в организме в целом многочисленных физиологических процессов, и не только связанных с получением знаний, но и с обеспечением правильной работы других систем жизнеобеспечения организма. Любые нарушения и изменения в характере протекания мозговых физиологических процессов с неизбежностью будут связаны с изменением отражательной способности или функции мозга, называемой психикой. В свою очередь, любые изменения в психике – есть не что иное, как изменения в протекании сложных материальных физиологических процессов, и в силу этого они способны оказывать воздействие на другие материальные физиологические процессы, протекающие в организме.

В заключении можно сделать вывод, что предложенный нами вариант решения психофизиологической проблемы, основанный на определении психики как свойства мозга получать знания о ближайшем будущем объектов и явлений действительности, снимает основные противоречия проблемы, отвечая на вопросы и о биологическом значении возникновения психики в эволюционном развитии организмов, и о механизмах взаимодействия "физиологического" и "психического" при сохранении специфики последнего. Можно также отметить, что исход-

ные положения, которые были приняты нами в качестве основы решения проблемы, в целом не противоречат данным современной научной психологии, психофизиологии и физиологии центральной нервной системы.

Литература:

1. Анохин П.К. Опережающее отражение действительности //Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем. – М., 1978. – С. 7-26.

2. Бехтерев В.М. Объективная психология. – М., 1991.

3. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М., 2000.

4. Выготский Л.С. Психика, сознание, бессознательное //Собрание сочинений. – М., 1982.

5. Дубровский Д.И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследований //Психологический журнал. – 1990. – Т. 11. – № 6. – С. 3-15.

6. Корниенко А.Ф. Подход В.М. Бехтерева к решению проблемы "психического" //Бехтерев В.М. и современная психология: Материалы докладов на Российской научно-практической конференции. Казань, КГУ, 29-30 сентября 2005 года. Вып. 3. Т. 1. – Казань, 2005. – С. 51-58.

7. Корниенко А.Ф. Проблема возникновения "психического" //Психологические исследования на кафедре практической психологии: Сборник статей. Вып.1. – Казань, 2005. – С. 16-28.

8. Корниенко А.Ф. Психофизическое исследование процессов формирования зрительных ощущений: Дисс. … канд. психол. наук. – М., 1982.

9. Корниенко А.Ф. Теория и практика психологического исследования: Учебное пособие. – Казань, 2000.

10. Корниенко А.Ф. Чувствительность организма и "зачаточная форма психики" //Вестник КГПУ. – 2006. – № 5. – С. 186-194.

11. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 3-е изд. – М., 1972.

12. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1984.

13. Павлов И.П. Мозг и психика //Избранные психологические труды. – М.; Воронеж, 1996.

14. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. – М., 1942.

15. Смирнов С.Д. Возможна ли единая теория психического? //Вопросы психологии. – 1997. – № 3. – С. 129.

16. Чуприкова Н.И. Объект, предмет и метод психологической науки //Труды Ярославского методологического семинара. Том 3: Метод психологии /под ред. В.В. Новикова, И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. – Ярославль. – 2005. – С. 359-369.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ "ПСИХИКА"

Российский психологический журнал. – 2008. – Т. 5. – № 1. – С. 9-22.

Актуальность и значимость проблемы определения психики отмечается в психологии с завидной регулярностью, начиная с формулирования Декартом так называемой "психофизической проблемы". На наличие и особую важность данной проблемы указывал, в частности, Л.С. Выготский, который писал: "вопрос о психике, сознательном и бессознательном имеет определяющее методологическое значение для всякой психологической системы. В зависимости от того, как решается этот основной для нашей науки вопрос, находится и самая судьба нашей науки" [4, с. 132].

В качестве одного из последних высказываний на эту тему можно привести слова Н.И. Чуприковой: "Психология всегда испытывала немалые трудности в определении своего предмета, они существуют и по сей день. …Однако все трудности начинаются тогда, когда поднимается вопрос о том, что же такое психика" [18, с. 104].

Изначально понятие о психике было ведено в связи с определением понятия "жизни". Психика рассматривалась как некоторая субстанция, наличие которой в теле обусловливало возможность проявления у данного тела признаков жизни. В качестве же признаков жизни принималось способность тела реагировать на внешние воздействия либо в двигательной форме (в форме движения), либо в форме ощущения. Поскольку движение тела принималось за проявление жизни, которое в свою очередь считалось обусловленным психикой, понятие "психика" напрямую оказывалось связанным с такими понятиями, как "реакция" и "движение". Возможно, именно в силу этого обстоятельства в начале XIX века Жан Батист Ламарк [11] предложил классифицировать уровни психической организации живых существ в зависимости от форм поведения. Создавая свою теорию эволюции, он полагал, что в основе эволюции живого мира лежит психологическая реакция организма на воздействие внешней среды. Главным фактором изменчивости организмов он считал их способность реагировать на внешние воздействия, затем путем упражнения развивать и совершенствовать те из реакций, кото-

рые являются наиболее жизненно важными, и, наконец, передавать приобретенные и усовершенствованные реакции по наследству. Ж. Ламарк полагал, что организмы изменяются не вследствие прямого на них воздействия среды, а вследствие того, что среда изменяет психику животного. В соответствии с этим им была предложена первая классификация психических актов. Самым простым психическим актом он считал раздражимость, более сложным – чувствительность и самым совершенным – сознательность.

Интересно отметить, что не только Ж. Ламарк соотносил все виды реагирования организма на внешние воздействия с психическими актами. А.Н. Северцев в известной работе "Эволюция и психика" к основным типам психической деятельности у животных наряду с деятельностью разумного типа относил рефлекторную и инстинктивную деятельность как "чрезвычайно важные для организма наследственные механизмы приспособления" [15].

Наличие психической активности у простейших животных, у которых нет нервной системы и мозга, допускается и сейчас. Е.А. Климов, например, призывает нас "расстаться … с привычным пониманием дела, что психика – это не что иное, как функция только нервной системы, мозга" [6, с. 166]. "Нервная система, – утверждает Е.А. Климов, – о б е с п е ч и в а е т , но не предопределяет психическую активность… Мы знаем, что существует и донервная ступень развития психики у простейших животных" [Там же, с. 167].

Представление о том, что не любую форму реагирования организма на внешнее воздействие следует соотносить с понятием "психического", отстаивал А.Н. Леонтьев. Он, как и Ж. Ламарк, исходил из того, что жизнь следует рассматривать, прежде всего, как процесс взаимодействия организма и окружающей его среды. Он также считал, что всюду, где мы встречаемся с явлениями жизни, мы имеем дело с подвижностью, и что раздражимость является общим свойством всех живых тел "приходить в состояние деятельности под влиянием внешних воздействий" [12, с. 148]. Однако А.Н. Леонтьев не склонен был рассматривать раздражимость как психический акт или связывать данное

свойство живого организма с понятием психики. Допущение о том, что всякая живая материя обладает хотя бы простейшей психикой, он считал противоречащим современным научным знаниям о простейшей живой материи. По мнению А.Н. Леонтьева, "психика может быть лишь продуктом дальнейшего развития живой материи, дальнейшего развития самой жизни" [12, с. 143], и он связывал ее появление с появлением у животных нервной системы и способности к "чувствительности". Именно чувствительность, а не раздражимость предлагал рассматривать А.Н. Леонтьев в качестве простейшей формы психики. При этом он напрямую соотносил понятие чувствительности с понятием ощущения, ставя между ними знак равенства. "Мы будем считать, – пишет А.Н. Леонтьев, – элементарной формой психики ощущение, отражающее внешнюю объективную действительность, и будем рассматривать вопрос о возникновении психики в этой конкретной форме как вопрос о возникновении «способности ощущения», или, что то же самое, собственно чувствительности" [Там же, с. 145]. В результате анализа особенностей взаимодействия организма с окружающей его средой А.Н. Леонтьев приходит к утверждению, что "функция процессов, опосредствующих деятельность организма, направленную на поддержание его жизни, и есть не что иное, как функция чувствительности, т.е. способность ощущения" [Там же, с. 172].

Иного мнения относительно процессов, опосредствующих деятельность организма, придерживался. И.П. Павлов [14]. Когда он анализировал и описывал явления, связанные с выработкой и проявлением условных рефлексов различной степени сложности у животных и человека, он пришел к мысли о том, что понятие психики можно вообще исключить, заменив его понятием "высшая нервная деятельность". "Деятельность, обеспечивающая нормальные и сложные отношения целого организма с внешней средой, – пишет он, – законно считать и называть вместо прежнего термина «психическая» – высшей нервной деятельностью" [14, с. 473]. И.П. Павлов полагал, что психические явления отличаются от физиологических лишь по степени сложности.

Надо сказать, что придание И.П. Павловым понятию условного рефлекса чрезмерного значения и фактическое приравнивание его к понятию психического процесса в сочетании с представлениями А.Н. Леонтьева о том, что зачаточной формой психики является чувствительность, которая также напрямую соотносится с понятием условного рефлекса, во многом определяло стратегическое направление в исследовании "психического". Возможность описания и объяснения достаточно сложных форм поведения, как животных, так и человека, на основе чувствительности, простых и сложных (сочетательных) условных рефлексов, значительно тормозила поиск альтернативных вариантов определения психики. Для того же, чтобы поднять человека над животными и не сводить поведение человека пусть и к более сложным, но все же условным рефлексам, исследователи прибегали к использованию понятия о сознании, как о высшем уровне развития психики. В результате формировалось представление о том, что если у животных поведение регулируется на основе условно-рефлекторных механизмов, то у человека поведение строится на основе механизмов сознательной регуляции. Однако, вопрос о том, что это за механизм и как он реализуется в нервной системе, учитывая, что и психика, и ее высший уровень – сознание – это все-таки определенные свойства мозга, оставался без ответа. Более того, выступая на I Всероссийской конференции по психологии сознания, проходившей летом 2007 года в Самаре, и на недавно прошедшем в Ростове-на-Дону IV съезде психологов РПО, В.М. Аллахвердов – один из ведущих специалистов в области сознания – отмечал, что мы до сих пор не знаем, ни что такое психика, ни что такое сознание.

Конечно, здесь Виктор Михайлович несколько сгущает краски. Что-то все-таки нам известно и о сознании, и о психике. Практически общепринятым является представление о психике как особом свойстве организма, которое возникает на более поздней стадии эволюционного развития живых систем. Более того, признается, что этим свойством обладает не весь организм, а его особая часть, которая называется мозгом. Как отмечает Н.И. Чуприкова, "в настоящее время вряд ли кто-

нибудь сомневается в том, что психика животных и человека является функцией их мозга. Вопрос, однако, состоит в том, какова природа этой функции, выраженная на языке работающего мозга, и как непротиворечиво соотнести эту функцию с тем, что на языке психологии описывается как ощущение, восприятие, память, чувство, мышление и т.д." [18, с. 104].

Предлагая путь, следуя которому можно разрешить эту проблему, Н.И. Чуприкова пишет: "… понятие психики должно раскрываться и определяться как система специфических процессов отражательной и регулирующей поведение деятельности мозга" [18, с. 111]. Боле того, именно эту отражательную и регулирующую поведение деятельность мозга она и предлагает обозначать понятием "психика". "Если деятельность мозга – это отражение действительности и регуляция на этой основе поведения и деятельности, то это и есть психика" [Там же].

В связи с высказыванием Н.И. Чуприковой напрашивается выдержка из работы уже упоминавшегося нами В.М. Аллахвердова [1], содержание которой фактически указывает на то, в каком плачевном состоянии находится наша современная отечественная психология в попытках решения проблемы определения психики. Разрабатывая в качестве альтернативы традиционной психологии новую науку – психологику, В.М. Аллахвердов пишет: "… практически все – даже во всем остальном не совместимые друг с другом – психологические школы предполагают, что психика … предназначена для отражения действительности и регуляции деятельности… Логика обычной позиции понятна: если психика и сознание не влияют на деятельность, то они вроде бы и не нужны, а если влияют, но при этом не отражают реальность, то их существование абсурдно. Но, может быть, все-таки именно эта привычная банальность и неверна? Психологика отказывается от этого привычного взгляда, полагая, что как отражение, так и регуляция деятельности осуществляются организмом автоматически, и психика для этого вовсе не нужна" [1, с. 5]. Мало того, что психологи до сих пор не могут определиться с понятием психики, так еще ставится по сомнение вообще наличие психической формы отражения и психической формы

регуляции поведения. Можно, конечно, и в психологии "пойти другим путем", разрушив "все до основания, а затем…". Но стоит ли это делать?

Вместе с тем, и определение психики как отражательной и регуляторной деятельности мозга, предлагаемое Н.И. Чуприковой, нуждается в существенной корректировке. Прежде всего, по той причине, что отражение действительности и регуляция поведения – это не деятельность мозга, а его функции, определяющие то, для чего нужен мозг. Но разве эти функции – функции отражение действительности и регуляция поведения – не реализуются в простейших организмах, не обладающих мозгом и развитой нервной системой?

Регуляция активности любого живого организма даже в случае проявления раздражимости всегда осуществляется на основе отражения организмом специфических параметров воздействующего раздражителя. Прежде чем будет запущена та или иная форма реагирования, организм должен получить определенные знания об особенностях раздражителя: его модальности, интенсивности, пространственной ориентации. Без получения этих знаний, то есть без отражения жизненно важных параметров внешнего воздействия, реакция организма на воздействие будет неадекватной. Следовательно, можно сделать вывод, что, определяя психику как общую способность организма к отражению действительности и регуляции поведения, мы фактически приписываем наличие психики любому организму, а не только обладающему мозгом. В связи с этим было бы более правильным рассматривать психику как такое свойство мозга, которое обеспечивает ***особую*** форму отражения и, соответственно, ***особую*** форму регуляции поведения, причем такую, которая принципиально не возможна без мозга. И тогда вопрос о том, что такое психика, трансформируется в вопрос о том, что это за особое свойство мозга, которое обеспечивает особое отражение и особую форму регуляции поведения.

Рассматривая указанное требование к определению психики с эволюционной точки зрения, уместно поставить вопрос о том, зачем организму в его жизнедеятельности нужно такое особое отражение и такая

особая форма регуляции поведения, для реализации которых необходимы высоко развитая нервная система и наличие мозга.

С позиции естественных наук, в частности физиологии, не вызывает сомнения, что в основе любого двигательного акта и человека, и животных лежат определенные материальные процессы, протекающие в нервной системе. Сокращение мышц и возникновение движения любой части организма обусловлено исключительно физиологическими, то есть материальными процессами. В этом отношении В.М. Аллахвердов, несомненно, прав. Конечно же, без физиологических процессов, обеспечивающих иннервацию отдельных групп мышц, никакой двигательной активности быть не может. Но зачем же лишать психику функции отражения и регуляции поведения?!

Вопрос о том, какое отношение к регуляции двигательной активности организма имеет психика и психические процессы, и, главное, неразрешимость проблемы соотношения "мозг и психика" возникают исключительной по той причине, что психику изначально пытаются рассматривать как образование нематериальное и не сводимое к физиологическим процессам. Поэтому и возникает проблема: "Каким образом психическое, будучи нефизиологическим и, соответственно, нематериальным, может оказывать воздействие на физиологическое, то есть на материальное и тем самым регулировать двигательную активность?". В качестве альтернативного варианта определения психики обычно предлагается рассматривать психику и психические процессы как образования физиологические, но более сложные. Оба варианта, как показывает анализ, являются тупиковыми. В первом случае психика отрывается от мозга и наделяется специфической и самостоятельной сущностью, во втором – психика лишается своей специфичности и, приобретая статус физиологического, фактически оставляет науку психологию без объекта и предмета исследования.

Вместе с тем, существует и третий вариант в определении психики, который хотя и обозначен и считается общепринятым, однако практически не разрабатывается. Это определение психики как особого свойства мозга, а точнее как особого свойства нейрофизиологических

процессов, протекающих в нем. При таком подходе психика не сводится к физиологическим процессам, даже очень сложным, и, с другой стороны, не может рассматриваться в отрыве от них, поскольку является их особым свойством. Вопрос, каким свойством? Вот на этот вопрос нам и предстоит ответить.

Указанный нами выше механизм регуляции двигательной активности на основе физиологических процессов, протекающих в организме в ответ на внешнее воздействие, может быть представлен следующим простым соотношением:

$$S \Rightarrow V \Rightarrow R \qquad (1)$$

согласно которому внешнее воздействие *S* приводит к изменению характера протекания в организме определенных физиологических процессов *V*, которые в свою очередь обусловливают возникновение определенной двигательной реакции *R*.

Если изменения в физиологических процессах *V*, соответствующие воздействию *S*, рассматривать как физиологическую форму знания $S_V^{'}$ о воздействии *S* и считать, что поведение *R* строится на основе именно этих знаний, то приведенное выше соотношение может быть преобразовано в соотношение

$$S \Rightarrow V \Rightarrow S_V^{'} \Rightarrow R \qquad (2)$$

При введении понятия психического отражения, как субъективного образа действительности или как особого знания о действительности $S_\Psi^{'}$, получаемого в результате особых психических процессов v, для психической формы регуляции поведения можно записать следующее соотношение

$$S \Rightarrow \mathsf{v} \Rightarrow S_\Psi^{'} \Rightarrow R \qquad (3)$$

Соотношения (2) и (3) показывают, что в одном случае знания о воздействии соотносятся с физиологическими процессами *V*, в другом – с процессами психическими v. В данной ситуации правомерно поставить следующий вопрос: "Если в обоих случаях мы имеет одно и то же воздействие *S* и одну и ту же реакцию *R*, то можем ли мы считать, что

знания о воздействии в форме физиологических процессов $S_V^{'}$ и в форме психических процессов $S_\Psi^{'}$ являются одинаковыми?".

С одной стороны, если изначально полагать, что физиологические и психические процессы разные и даже особые, то и результаты их должны быть разными. С другой стороны, если и $S_V^{'}$, и $S_\Psi^{'}$ являются знаниями об одном и том же воздействии *S*, и на основе этих знаний строится одно и то же поведение *R*, то почему они должны быть разными? Но если они одинаковы, то зачем тогда вообще вводить понятие "психического"? Или их отличие не содержательное, а функциональное и выражается в том, что в построении поведения они играют разные роли?

Рассмотрим возможные пути решения указанных проблем.

Прежде всего, нам следует согласиться с тем, что воздействие *S* может непосредственно воздействовать лишь на определенные рецепторные системы организма, вызывая появление в них определенных физиологических (нейрофизиологических) процессов, которые можно обозначить как R_e. Признание возможности прямого воздействия *S* на психику или психические процессы V, минуя рецепторные системы организма, было бы признанием субстанциальности психики и возвратом к первоначальным донаучным представлениям о психике и о душе.

Учитывая наличие рецепторных процессов R_e, соотношения (2) следует записать в виде

$$S \Rightarrow R_e \Rightarrow V \Rightarrow S_V^{'} \Rightarrow R \qquad (4)$$

Что касается соотношения (3), то здесь возникает следующая проблема. Несомненно, в качестве начального этапа в получении знания $S_\Psi^{'}$ должно быть указано соотношение $S \Rightarrow R_e$. Однако дальше возможны разные варианты.

1. Вариант линейного детерминизма

В данном случае психическая форма знания $S_\Psi^{'}$ представляется как результат последовательного преобразования нейрофизиологической

формы знания $S_V^{'}$, то есть $S_\Psi^{'}$ выступает как особый продукт "нейрофизиологического". Данное преобразование можно представить следующим образом:

$$S \Rightarrow R_e \Rightarrow V \Rightarrow S_V^{'} \Rightarrow S_\Psi^{'} \qquad (5)$$

Вопрос о том, каким образом из "нейрофизиологического" возникает "психическое" и как они соотносятся между собой, составляет суть, так называемой, психофизиологической проблемы. Попытки решения данной проблемы с позиций "линейного детерминизма" обычно приводили исследователей к тем или иным формам нейрофизиологического редукционизма – сведению психических процессов к процессам нейрофизиологическим. Психические процессы рассматривались ими как более сложные формы нейрофизиологических процессов. Ярким примером тому могут служить соответствующие представления И.П. Павлова, который настаивал на отказе от использования понятий "психика" и "психический процесс" и замене их на понятие "формы высшей нервной деятельности". Полагая, что психические явления отличаются от физиологических лишь по степени сложности, он отмечает: "Какая важность в том, как называть их: психическими или сложнонервными, в отличие от простых физиологических…" [14, с. 346].

Из общей концепции "линейного детерминизма" и концепции И.П. Павлова, в частности, следует, что простые физиологические процессы и соответствующие физиологические формы знания $S_V^{'}$ принимают участие в регуляции простых форм поведения, сложные же формы поведения регулируются более сложными физиологическими процессами, которые называются "психическими".

Схематично процессы регуляции поведения на основе физиологических $S_V^{'}$ и психических $S_\Psi^{'}$ форм знания в концепции "линейного детерминизма" (или "нейрофизиологического редукционизма") можно представить следующим образом:

$$S \Rightarrow R_e \Rightarrow V \Rightarrow S_V^{'} \Rightarrow S_\Psi^{'} \Rightarrow \begin{matrix} R_{сл.} \\ \Rightarrow R_{пр.} \end{matrix} \qquad (6)$$

Центральной проблемой в данной концепции становится проблема соотношения разных форм физиологических знаний $S_V^{'}$ и $S_\Psi^{'}$ по степени сложности: какова должна быть степень сложности физиологической формы знания $S_\Psi^{'}$, чтобы ее можно было отнести к категории "психических"? Смещая внимание со сложности форм знания на сложность форм поведения, вопрос можно поставить и другим образом: насколько сложным должно быть поведение $R_{сл}$, чтобы считать, что в основе его регуляции лежат не простые физиологические формы знания $S_V^{'}$, а сложные или "психические", то есть $S_\Psi^{'}$?

Ответы на эти вопросы предлагаются в тех же работах Н.И. Чуприковой [17, 18], И.П. Павлова [14], В.М. Бехтерева [3], А.Н. Леонтьева [12]. Основным критерием, по которому поведение может быть отнесено к категории "психических", И.П. Павлов, например, считал наличие в поведении признаков условного или более сложного "сочетательного" рефлекса. В.М. Бехтерев полагал, что к психическим формам поведения относятся те, которые строятся на основе индивидуально приобретенного прошлого опыта. А.Н. Леонтьев признавал в качестве психического чувствительность или способность организма реагировать на абиотические воздействия, выполняющие "сигнальную" функцию. По мнению Н.И. Чуприковой психическими являются любые ответные реакции организма, которые согласованы с параметрами вызывающих их воздействий. "И логика, и фактическое положение дел, – пишет Н.И. Чуприкова, – требуют квалифицировать отражательную и регулирующую поведение деятельность мозга как деятельность психическую, как психику. При этом речь не идет о том, чтобы «свести» психику к деятельности мозга или «вывести» ее из этой деятельности. Речь идет о том, что там, где долгое время видели две разные сущности, две разные реальности, на самом деле существует одна сущность, одна реальность" [17, с. 362].

В качестве критики варианта линейного детерминизма психического можно привести высказывание Б.Ф. Ломова, который утверждал

"… неверно представлять дело так, что сначала развертывается физиологический процесс, а потом возникает психическое отражение, что последнее есть результат первого. «Психическое» возникает и развивается не в конце нейрофизиологических процессов, а в ходе их развития. Каждый момент нейрофизиологического процесса есть вместе с тем и момент психического процесса. Одно не существует без другого" [13, с. 56].

2. Вариант "психофизиологического параллелизма"

В концепции психофизиологического параллелизма признается, что психические и нейрофизиологические процессы, будучи процессами отличными друг от друга, протекают параллельно, находясь в определенной взаимосвязи.

Схематично это можно представить следующим образом:

$$S \Rightarrow R_e \quad \begin{matrix} \mathrm{v} \Rightarrow S'_{\Psi} \Rightarrow R_{сл.} \\ \Updownarrow \\ \mathrm{V} \Rightarrow S'_{V} \Rightarrow R_{пр.} \end{matrix} \qquad (7)$$

В качестве примера соответствия представленной схеме могут послужить представления В.М. Бехтерева, который, признавая самостоятельный статус психических процессов, рассматривал их в неразрывной связи с нервными процессами. "Психические явления, – писал В.М. Бехтерев, – везде и всюду находятся в теснейшем соотношении с материальными процессами, происходящими в определенных частях мозга… Нет ни одного психического процесса, который бы являлся только субъективным или духовным в философском значении этого слова и не сопровождался бы определенными материальными процессами… Мы вправе и должны говорить ныне не о душевных или психических процессах в настоящем смысле слова, а о процессах нервно-психических, и везде, где мы имеем дело с психикой, нужно иметь в виду собственно нервно-психические процессы, иначе – невропсихику" [3, с. 15]. На необходимость рассматривать психические и физиологические процессы в единстве, "как две стороны одной медали", указывал

Л.С. Выготский [4]. Для обозначения этого единства он предлагал использовать термин "психологическое".

Наиболее слабым местом в данной схеме и в соответствующих представлениях о механизмах образования психической формы знания S'_{Ψ} является процесс перехода от рецепторных процессов R_e к психическим Ψ. Поскольку рецепторные процессы – суть процессы физиологические, здесь возникает та же психофизиологическая проблема – как из "физиологического" возникает "психическое", и чем это "психическое" отличается от "физиологического", на основе которого оно возникает. Частично решение данной проблемы дается в той же работе В.М. Бехтерева [3]. Введением понятия "невропсихика" В.М. Бехтерев прямо указывает на то, что вне материальных процессов, происходящих в нервной системе организма, психика не существует. Не сводя психические процессы к физиологическим, он рассматривает психику как особое свойство мозга и протекающих в нем нервных процессов. Собственно эта идея была предложена ранее И.М. Сеченовым в его работе "Рефлексы головного мозга" [16]. Значимость учения И.М. Сеченова и последующего развития его положений в работах В.М. Бехтерева и И.П. Павлова состоит в том, что психика стала рассматриваться не как некая самостоятельная субстанция, а как свойство субстанции, каковой является мозг. Именно мозг и нервная система, в целом, были признаны материальной основой психики и ее материальным субстратом.

Если обозначить свойство мозга, связываемое с понятием психики, символом V_{v} , то соотношение (7) можно представить следующим образом:

$$S \Rightarrow R_e \begin{cases} V_{\mathrm{v}} \Rightarrow S'_{\Psi} \Rightarrow R_{сл.} \\ \Updownarrow \\ V \Rightarrow S'_{V} \Rightarrow R_{пр.} \end{cases} \qquad (8)$$

Очевидно, что соотношение (8) соответствует не только определению В.М. Бехтерева, но и представлениям о психических процессах И.П. Павлова и Н.И. Чуприковой.

Рассмотрение психического процесса не в противопоставлении физиологическому, а как его особого свойства позволяет, сохранив специфику "психического", уйти от классического картезианского дуализма и перевести проблему соотношения "мозг и психика" в иную, естественнонаучную плоскость. В этом случае она предстает в форме вопроса о том, каким особым свойством должны обладать физиологические процессы, чтобы они могли получить статус "психических".

Впервые решение данной проблемы было предложено нами в работе [7] и более детально изложено в работах [8, 9, 10]. За основу нами было принято следующее определение психики. Психика – это такое свойство мозга, которое обеспечивает получение знаний о ближайшем будущем объектов и явлений действительности. В несколько иной редакции, более привычной для психологов гуманитарного склада мышления, можно дать следующее определение. Психика – это субъективное отражение или субъективный образ ближайшего будущего объективной действительности. От традиционного определения, приводимого практически во всех современных учебниках психологии, данное определение отличается тем, что речь идет не просто об образе объективной действительности, а об образе ближайшего будущего этой действительности.

Сразу хотелось бы отметить, что мысль о том, что психика непосредственно связана с процессами опережающего отражения, была высказана еще П.К. Анохиным [2]. Однако, как нами было показано ранее [7], в его рассуждениях речь идет не о получении знаний о будущем, которого еще не было в прошлом опыте организма (для чего нужна достаточно развитая нервная система), а о подготовке реакции, упреждающей наступление событий, знание о которых уже имелось в памяти организма, в его прошлом опыте. Анализируя протекание биохимических процессов в простейших организмах, П.К. Анохин фактически рассматривал не механизмы опережающего отражения, а те же механизмы "оживления следов прошлого опыта", что и В.М. Бехтерев. В результате, если у В.М. Бехтерева простейшие организмы оказались наделенными биопсихикой, у П.К. Анохина они также приобрели при-

знаки психического, но уже в форме способности к опережающему отражению.

Чтобы раскрыть смысл введенного нами определения психики и обозначить ее биологическое значение, рассмотрим проблемы, которые могут возникать при выработке форм двигательной активности, адекватных постоянно изменяющимся условиям жизнедеятельности, у организма, не обладающего психикой.

В случае непсихических (физиологических) форм познавательной активности отражение параметров внешнего воздействия в сенсорной системе организма следует за воздействием, укладываясь в схему взаимодействия реактивного типа, описываемого соотношением (4). Возникающее в результате "субъективное" отражение воздействия (или знание о воздействии) в форме сенсорных процессов $S_V^{'}$ может быть достаточно адекватным, но все же оно является отражением уже прошедшего воздействия. Изменения в сенсорных процессах пусть в небольшой степени, но все же запаздывают относительно изменений во внешней среде, и уж тем более запаздывают изменения в процессах, протекающих в двигательной системе, когда на основе информации, получаемой в сенсорной системе, формируется ответная реакция организма на внешне воздействие.

Допустим, что в момент времени t_1 появляется некоторая ситуация C_1, в которой должно осуществляться поведение или двигательная реакция организма. Допустим, далее, что к моменту времени t_1 организм уже имеет полное и адекватное знание о ситуации C_1 в форме некоторого образа $(C_1)'$.

Очевидно, что использование полученных знаний в осуществлении двигательной реакции предполагает протекание в организме определенных внутренних регуляторных процессов. Очевидно также, что на инициацию и протекание этих регуляторных процессов потребуется определенное время Δt. Это означает, что реакция организма на ситуацию C_1 на основе соответствующего знания $(C_1)'$ реализуется лишь к

моменту (t_1+Δt). Однако к этому моменту исходная ситуация C_1 может существенно измениться, и организм может оказаться в новой ситуации C_2, по отношению к которой его двигательная реакция будет неадекватной (см. рис. 1), а это чревато для организма печальными последствиями.

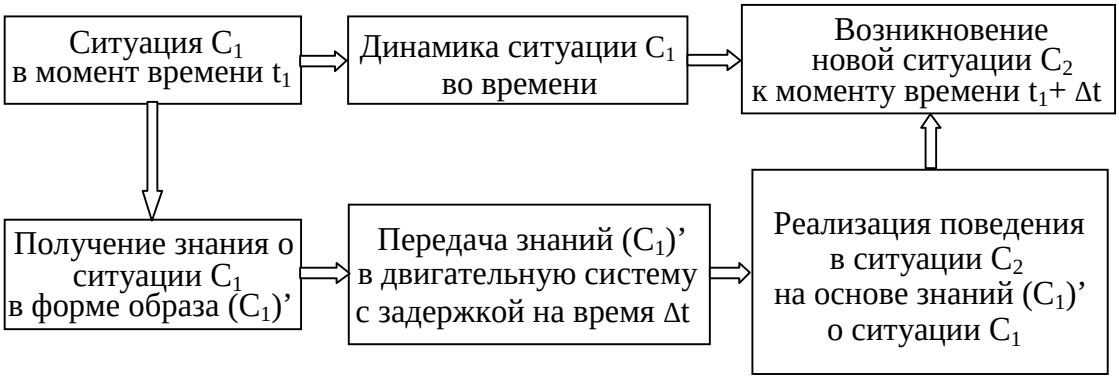

Рис. 1. Механизм возникновения неадекватного поведения организма в изменяющейся ситуации при отсутствии психической формы регуляции поведения.

Адекватность поведения организма в условиях изменяющейся ситуации будет обеспечена лишь в том случае, если, находясь в ситуации C_1, организм будет строить свое поведение не на основе знаний настоящего $(C_1)'$, а на основе знаний $(C_2)'$ о ситуации ближайшего будущего этого настоящего, которое должно наступить через время Δt – время, определяемое скоростью внутренних регуляторных процессов в организме.

По нашему определению, психическая форма познавательной активности, в отличие от непсихической, характеризуется именно тем, что на основе изменений в рецепторной системе, возникающих при непосредственном воздействии внешнего раздражителя на органы чувств и являющихся знанием о "настоящем", в нервной системе начинают протекать такие нервные процессы, параметры которых соответствует знанию о "будущем", об изменениях воздействия, которых еще нет, но которые будут в ближайшее время (через время Δt). Для получения знаний о характере воздействия в ближайшем будущем в нервной системе организма должны протекать нервные процессы, которые, как нами было показано [9], реализуют следующую функцию:

$$C'_{бл.буд} = C'_{наст} + (C'_{наст} - C'_{бл.прош}) \qquad (9)$$

Нейрофизиологические механизмы реализации функции (9), характеризующей свойство нервных процессов, которое по определению называется психикой, для простейшего случая, соответствующего ощущению, рассмотрены нами в работах [8, 9, 10].

Схема, иллюстрирующая механизм получения знаний о ситуации ближайшего будущего C'(t_2) на основе знаний о настоящем C'(t_1) и его недалеком прошлом C'(t_0), представлена на рис. 2.

Рис. 2. Механизм получения знаний о ситуации ближайшего будущего и формирования адекватного поведения организма в изменяющейся ситуации.

Используя определение психики как свойства мозга обеспечивать получение знаний о ближайшем будущем объективной действительности и рассмотренные механизмы реализации этого свойства, мы можем представить соотношение "физиологического" и "психического" в виде следующей схемы:

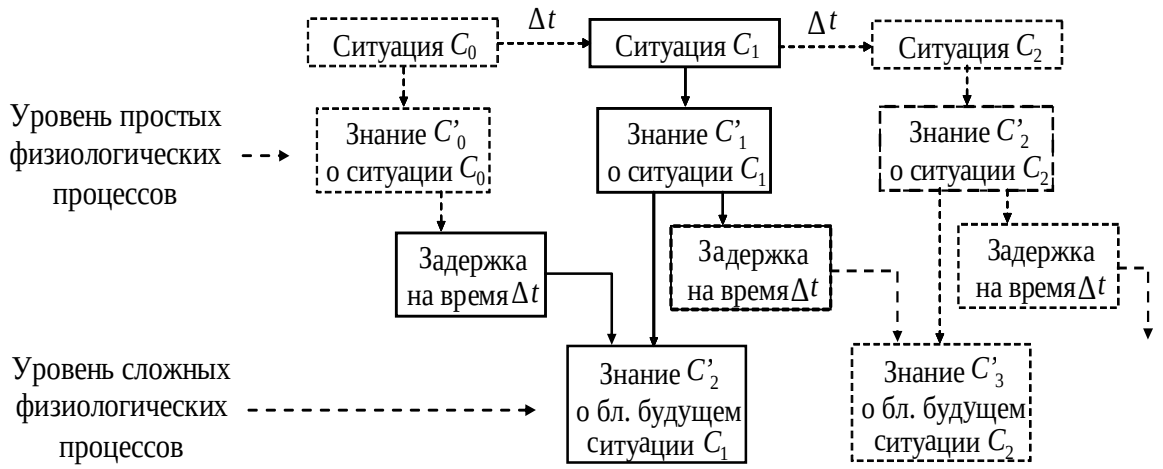

Рис. 3. Соотношение простых и сложных физиологических процессов, протекающих в мозгу при реализации механизма психического (опережающего) отражения действительности.

На схеме, представленной на рис. 3, обозначены, с одной стороны, уровень простых физиологических процессов, протекающих в мозгу и обеспечивающих отражение "настоящего", и, с другой стороны, уровень более сложных физиологических процессов, обладающих свойством обеспечивать опережающее отражение действительности, которое обозначается понятием "психика". Наличие физиологических процессов в первом и во втором случаях непосредственно соотносится с понятием "физиологическое". "Психическое" выступает как особое свойство сложных физиологических процессов, благодаря которому обеспечивается опережающее отражение действительности.

При анализе представленной схемы следует иметь в виду, что сами по себе сложные физиологические процессы психическими не являются, как не является психическими и результаты этих процессов, которые, как указывает, например, Д.И. Дубровский [5], могут соотноситься с понятием "информация". Какими бы не были сложными физиологические процессы – они остаются физиологическими. Признание обратного было бы проявлением классического психофизиологического редукционизма. Другое дело – свойство этих процессов. Если физиологи-

ческие процессы, протекающие в мозгу, обеспечивают получение знаний о ближайшем будущем действительности, значит, они обладают свойством, которое по определению называется психическим или просто психикой. Психическим является не знание о ближайшем будущем действительности, которое получается в результате физиологических процессов, а свойство и способность физиологических процессов получать эти знания.

Очевидно, что простой физиологический процесс и физиологический процесс, обладающий психикой, протекают параллельно, каждый на своем уровне. Вместе с тем они тесно связаны. Характер протекания сложных физиологических процессов, связанных с получением знаний о ближайшем будущем объектов и явлений действительности, то есть особенность психики, самым непосредственным образом зависит от состояния мозга и протекающих как в нем, так и в организме в целом многочисленных физиологических процессов, и не только связанных с получением знаний, но и с обеспечением правильной работы других систем жизнеобеспечения организма. Любые нарушения и изменения в характере протекания мозговых физиологических процессов с неизбежностью будут связаны с изменением отражательной способности или функции мозга, называемой психикой. В свою очередь, любые изменения в психике – есть не что иное, как изменения в протекании сложных материальных физиологических процессов, и в силу этого они способны оказывать воздействие на другие материальные физиологические процессы, протекающие в организме.

Предложенный нами вариант определения психики, как свойства мозга получать знания о ближайшем будущем объектов и явлений действительности, снимает основные противоречия психофизиологической проблемы, отвечая на вопросы и о биологическом значении возникновения психики в эволюционном развитии организмов, и о механизмах взаимодействия "физиологического" и "психического" при сохранении специфики последнего.

Литература:

1. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб.: Издательство "Речь", 2003.

2. Анохин П.К. Опережающее отражение действительности //Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем. – М.: Наука, 1978. – С. 7-26.

3. Бехтерев В.М. Объективная психология. – М.: Наука, 1991.

4. Выготский Л.С. Психика, сознание, бессознательное //Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1982. – С. 132-133.

5. Дубровский Д.И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследований //Психологический журнал. – 1990. – Т. 11. – № 6. – С. 3-15.

6. Климов Е.А. Общая психология. Общеобразовательный курс: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.

7. Корниенко А.Ф. Теория и практика психологического исследования: Учебное пособие. – Казань: Изд-во КГПУ, 2000.

8. Корниенко А.Ф. Подход В.М. Бехтерева к решению проблемы "психического" //Бехтерев В.М. и современная психология: Материалы докладов на Российской научно-практической конференции. Казань, КГУ, 29-30 сентября 2005 года. Вып. 3. Т. 1. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – С. 51-58.

9. Корниенко А.Ф. Проблема возникновения "психического" //Психологические исследования на кафедре практической психологии: Сборник статей. Вып. 1 /под ред. А.Ф. Корниенко. – Казань: ТГГПУ, 2005. – С. 16-28.

10. Корниенко А.Ф. Чувствительность организма и "зачаточная форма психики" // Вестник КГПУ. – 2006. – № 5. – С. 186-194.

11. Ламарк Ж.Б. Философия зоологии. Т. 1. – М.; Л.: Биомедгиз, 1935.

12. Леонтьев А.Н. Возникновение и эволюция психики //Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I. – М.: Педагогика, 1983.

13. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984.

14. Павлов И.П. Мозг и психика // Избранные психологические труды. – М.: Изд-во "Институт практической психологии"; Воронеж: НПО "МОДЭК", 1996.

15. Северцев А.Н. Эволюция и психика //Психологический журнал. – 1982. – № 4. – С. 149-159.

16. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. – М.: Изд-во АН СССР, 1942.

17. Чуприкова Н.И. Объект, предмет и метод психологической науки //Труды Ярославского методологического семинара. Том 3: Метод психологии /под ред. В.В. Новикова, И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. – Ярославль: МАПН, 2005. – С. 359-369.

18. Чуприкова Н.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки //Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 104-118.

ЗАЧЕМ ЖИВОМУ ОРГАНИЗМУ НУЖНА ПСИХИКА И ЧТО ЭТО ТАКОЕ

Российский научный журнал. – 2009. – № 3 (10). – С. 47-60.

В свое время Л.С. Выготский писал: "Как известно, две основные проблемы до сих пор еще не разрешены для старой психологии: проблема биологического значения психики и выяснения условий, при которых мозговая деятельность начинает сопровождаться психологическими явлениями" [2, с. 139]. Сегодня, несмотря на значительные достижения в исследовании мозга и протекающих в нем нейрофизиологических процессов, мы не можем сказать, что решения этих проблем уже найдены. Как отмечает Н.И. Чуприкова, "в настоящее время вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что психика животных и человека является функцией их мозга. Вопрос, однако, состоит в том, какова природа этой функции" [15, с. 104].

Вместе с тем, вопрос о природе психики, несмотря на всю его сложность, не является самым главным. Прежде чем говорить о природе психики, необходимо дать ответ на вопрос о том, что такое психика. И вот тут-то и возникает самая большая проблема, на что указывает, в частности, и Н.И. Чуприкова. Считая, что психология всегда испытывала немалые трудности в определении своего предмета, она отмечает: "все трудности начинаются тогда, когда поднимается вопрос о том, что же такое психика" [15, с. 104].

То, что психика существует, а точнее то, что существует нечто, обозначаемое понятием "психика", особых сомнений не вызывает. Иначе, как отмечает Д.А. Теплых, "… нет смысла дальнейшего разговора о психологии: ведь не может же наука изучать нечто-не-сущее (ничто)" [14, с. 87]. Вопрос в том, что это за "нечто".

Обращение к истории психологии показывает, что изначально понятие о "psyche" (трактуемое как "душа") было ведено в связи с необходимостью объяснения явлений жизни и смерти. Как отмечает Ю.Б. Гиппенрейтор [4, с. 23], согласно учению Аристотеля душа есть сущность живого тела. Главная функция души – реализация биологического существования организма. Соответствующие учения о душе, по-

лучили название общее название "анимизм". В различных вариантах анимизма психика (душа) рассматривалась как некоторая субстанция, наличие которой в теле обусловливало возможность проявления у данного тела признаков жизни. В качестве же признаков жизни принималось способность тела реагировать на внешние воздействия либо в двигательной форме (в форме движения), либо в форме ощущения, которое интроспективно фиксировалось человеком. Поскольку движение тела принималось за проявление жизни, которая, в свою очередь, считалась обусловленной наличием в теле психики, понятие "психика" напрямую оказывалось связанным с такими понятиями, как "реакция" и "движение".

Возможно, в связи с этим в начале XIX века Ж.Б. Ламарк [9] предложил классифицировать уровни психической организации живых существ в зависимости от формы их поведения. Самой простой формой поведения и, соответственно, простейшим психическим актом он считал раздражимость, более сложным – чувствительность и самым совершенным – сознательность. Аналогичный подход к классификации типов психической деятельности животных на основе форм поведения мы находим у А.Н. Северцева. "Мы знаем, – указывает А.Н. Северцев, – три основных типа психической деятельности у животных, а именно, рефлекторную деятельность, инстинктивную и деятельность, которую мы условно обозначим как "деятельность разумного типа" [13, с. 151]. Рассматривая рефлексы и инстинкты как наследственные, разные по уровню сложности приспособительные реакции организма на специфические воздействия, он все их относит к "психическим типам деятельности". В качестве критерия "психического" выступает для А.Н. Северцева наличие в реакции организма приспособительного эффекта.

Вместе с тем, по мнению А.Н. Леонтьева [10], допущение о том, что любые живые существа могут обладать хоть какой-то формой психики, является противоречащим современным научным знаниям. Признавая простейшей формой реагирования на внешние воздействия, присущей всем живым существам, раздражимость (которая соотносится с понятием безусловного рефлекса), А.Н. Леонтьев не склонен был рас-

сматривать ее как психический акт. Он считал, что психика и психические формы регуляции поведения организма возникают на более поздних стадиях развития живой материи. Появление психики он связывал с появлением у организмов способности к "чувствительности" – способности реагировать на абиотические воздействия. При этом он напрямую соотносил понятие чувствительности с простейшей формой психики – ощущением. "Мы будем считать, – пишет А.Н. Леонтьев, – элементарной формой психики ощущение, отражающее внешнюю объективную действительность, и будем рассматривать вопрос о возникновении психики в этой конкретной форме как вопрос о возникновении «способности ощущения», или, что то же самое, собственно чувствительности" [10, с. 146]. Однако под чувствительностью А.Н. Леонтьев понимал не только особую, более сложную, чем раздражимость форму отражения действительности, но и как особую форму раздражимости. "Чувствительность (способность к ощущению), – отмечает А.Н. Леонтьев, – есть генетически не что иное, как раздражимость по отношению к такого рода воздействиям среды, которые соотносят организм с другими воздействиями" [10, с. 173]. Но если принимается, что раздражимость не является психической формой отражения, то и любая форма раздражимости простая или сложная также должна рассматриваться как непсихическая форма отражения.

Аналогичная логическая и терминологическая ошибка в определении психики и психического процесса допускается Н.И. Чуприковой. Полагая, что психика есть отражательная и регулирующая деятельность мозга, она утверждает: "к процессам психическим, согласно определению, должны быть отнесены только нервные процессы одного определенного класса…" [15, с. 104]. В этом утверждении психический процесс фактически приравнивается к нервному процессу. Но какой бы класс нервных процессов мы не рассматривали, нервный процесс остается нервным процессом. Представление Н.И. Чуприковой о сущности психического процесса мало чем отличается от соответствующих представлений И.П. Павлова. Полагая, что психические явления – это всего лишь более сложные процессы высшей нервной деятельности,

И.П. Павлов отмечал: "Какая важность в том, как называть их: психическими или сложно-нервными, в отличие от простых физиологических…" [12, с. 346].

Необычную позицию в отношении функций психики занимает В.М. Аллахвердов, полагая, что "как отражение, так и регуляция деятельности осуществляются организмом автоматически, и психика для этого вовсе не нужна" [1, с. 5]. При этом он обычно добавляет, что на самом деле мы не знаем, что такое психика.

Так что же такое "психика" и для чего она возникает?

Поскольку существование и возникновение психики обычно признается лишь у живых организмов, причем достигших достаточно высокого уровня эволюционного развития, имеет смысл начать поиск ответа на вопрос о сущности психики с рассмотрения специфических особенностей "живого организма" и механизмов, определяющих динамику его эволюционного развития. Как появление простейших биохимических и физиологических форм отражения, так и появление более сложных психических форм отражения у живого организма должны иметь веские биологические основания.

Понятие "живого организма"

Как уже было отмечено выше, первые представления о "живом" были самым непосредственным образом связаны с понятием "психика", а точнее с его житейским эквивалентом в виде понятия "душа". "Живое" рассматривалось как некоторое материальное образование (тело), в котором находится нечто, именуемое "псюхе" или "душа". Это "нечто" по представлениям древних мыслителей представляло собой некую "субстанцию" материальной или нематериальной природы, способную проникать в тело и тем самым давать ему жизнь. Не трудно убедиться, что определение "живого" через понятие о душе, которая сама определяется как причина "живого", представляют собой тавтологическую конструкцию. Чтобы устранить тавтологию, необходимо развести понятия о "живом" и о "душе", и дать им независимые определения.

Самое общее научное определение "живого" дается в известном утверждении Ф. Энгельса о том, что жизнь – это "форма существования

белковых тел, существенным моментом которого является постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой" [16, с. 29]. В данном определении можно выделить два центральных момента: во-первых, что живое – это тело или некоторое целостное образование, состоящее из белковых соединений, и, во-вторых, что оно имеет определенный механизм существования, благодаря которому, собственно, и сохраняется его целостность.

Несколько иное определение жизни дается в работе одного из современных представителей биологической науки Б.М. Медникова: "Жизнь – это активное, идущее с затратой энергии поддержание и воспроизведение специфической структуры" [11, с. 8]. Сравнивая два определения нетрудно заметить, что формально в силу отсутствия ссылки на класс объектов, которые "поддерживают и воспроизводят свою специфическую структуру", определение Б.М. Медникова является более широким. Вместе с тем, раскрывая суть своего определения, Б.М. Медников рассматривает не что иное, как именно белковые соединения. Что же касается самого словосочетания "поддержание и воспроизведение специфической структуры", то его можно рассматривать как уточняющее форму или способ существования белковых тел. Если объединить два рассмотренных определения, то получится примерно следующее: жизнь – это форма (способ) существования белковых тел путем активного поддержания и воспроизведения своей специфической структуры с затратой энергии, получаемой за счет постоянного обмена веществ с окружающей их внешней средой. К этому определению можно было бы добавить, что возникновение жизни, как способа существования белковых тел, составляет одно из звеньев общего процесса эволюционного изменения материи. Как психика возникает на определенной стадии эволюционного развития живого организма, так и сам живой организм должен возникать в процессе эволюции, в частности, в процессе эволюции органической материи. Только в этом случае будет соблюдено единство естественнонаучной парадигмы в исследовании физического (среды), биологического (тела) и психического (души).

Анализ механизмов возникновения живого организма в рамках общего эволюционного подхода к изучению материальных явлений дается в работе академика Э.М. Галимова. "Эволюция материи по тому пути, который мы называем эволюцией живого, – пишет Э.М. Галимов, – не замкнута в пределах органического мира… Когда мы говорим об эволюции живого, речь идет об очень общем свойстве материи, а не свойстве собственно биологических систем" [3, с. 17].

Согласно точке зрения Э.М. Галимова, возникновение "живого" в процессе эволюции связано, с одной стороны, с возникновением биосинтеза особых белковых соединений, называемых полипептидами, которые выполняют функцию катализаторов, фиксирующих определенный характер или "путь прохождения" биохимических реакций, и, с другой стороны, с возникновением других белковых соединений – полинуклеотидов, способных к репликации (воспроизведению) соответствующих полипептидов. "Производство структур, обладающих каталитическими свойствами, есть способ достижения условия устойчивости стационарных систем и, следовательно, эволюции жизни" – пишет Э.М. Галимов [3, с. 109].

Очевидно, что между полипептидами и воспроизводящими их полинуклеотидами существует самая тесная связь – они взаимно дополняют друг друга, выступая как две стороны единой биологической структуры. Соответствие между элементами полипептидов и полинуклеотидов известно в биологии как генетический код. По мнению Э.М. Галимова, сложная биологическая структура, обладающая определенным генетическим кодом, в которой протекают каталитические и репликационные процессы, и есть тот самый организм, который можно назвать живым. Вид организма, специфика его структуры и характер функционирования определяется тем генетическим кодом, который складывается в нем в процессе и в результате его взаимодействия с окружающей средой.

Не вызывает сомнения и тот факт, что возникновение генетического кода и самого организма как некоторого устойчивого многокомпонентного белкового образования непосредственно связано с процесса-

ми сохранения изменений, происходящих в развивающемся организме. Любые изменения в организме, которые повышают его жизнестойкость, его адаптивные способности, должны быть сохранены. Сохранение же или фиксация каких-либо изменений есть не что иное, как проявление механизма памяти. Следовательно, условием эволюционного развития живого организма является не только наличие органических соединений и особых форм их взаимодействия, но и наличие особых механизмов памяти, обеспечивающих сохранение полезных для организма структурных и функциональных изменений. Поскольку изменения происходят в организме на уровне биохимических процессов речь, очевидно, должна идти о биохимических формах памяти. У простейших организмов соответствующие биохимические формы памяти проявляются в наличии каталитических (связанных с фиксацией) и репликационных (связанных с воспроизведением) биохимических процессов.

Соотношение каталитических и репликационных биохимических процессов в организме как основа его жизнедеятельности

Между биохимическими процессами, которые в живом организме приобретают каталитический характер, и условиями окружающей среды, в которых осуществляется жизнедеятельность организма, существует прямая зависимость. Каталитическими становятся те биохимические процессы, которые являются реакцией на многократно и регулярно повторяющиеся внешние воздействия, имеющие для организма жизненное значение или, по-другому, биологическую значимость. Можно сказать, что информация о значимых для организма воздействиях окружающей среды определенным образом отражается в характере протекающих в нем каталитических процессов. Появление каталитических процессов в организме можно рассматривать как возникновение у организма специфических механизмов получения знаний об особенностях окружающей его среды.

Однако прямая связь существует не только между каталитическими процессами и внешними воздействиями. Она, как уже отмечалось выше, наблюдается и между каталитическими и репликационными

процессами, протекающими в организме. Репликации подлежат те белковые соединения, которые способствуют возникновению необходимых для организма каталитических процессов. В данном случае можно сказать, что информация о каталитических процессах, формирующихся в организме, определенным образом отражается в характере протекающих в нем репликационных процессов. Если каталитические процессы мы связывали с процессами получения знаний о внешних воздействиях, имеющих существенное значение для жизнедеятельности организма, то репликационные процессы можно рассматривать как процессы использования этих знаний.

Схематично механизм формирования реакции простейшего живого организма на внешнее воздействие посредством каталитических и репликационных биохимических процессов может быть представлен следующим образом (см. рис. 1)

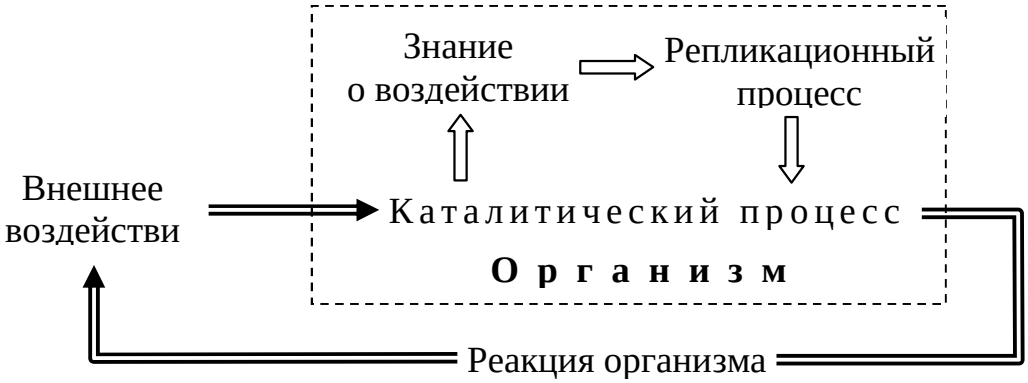

Рис. 1. Механизм формирования реакции простейшего организма на внешнее воздействие.

Взаимосвязь и согласованность каталитических и репликационных процессов, протекающих в организме, обеспечивают ему возможность более или менее адекватного взаимодействия с окружающей средой и адаптации (приспособления) к условиям существования. И вот здесь важно отметить следующее. Уже на уровне простейшего организма для анализа особенностей его структуры и механизмов функционирования в качестве своеобразной "единицы анализа" выделяется единый акт взаимодействия организма с внешней средой, в котором в качестве его

отдельных составляющих рассматриваются два разных процесса: каталитический и репликационный. Каждый из процессов имеет свою специфику, но в рамках акта взаимодействия организма с внешней средой они выступают вместе, образуя своеобразный "тандем" и взаимно дополняя друг друга.

Формы активности живого организма

Поведение живого организма при его взаимодействии с окружающей средой детерминируются или инициируются не только внешними воздействиями, но и внутренними потребностями организма, прежде всего, потребностью в существовании (сохранении своей биологической структуры и возможности ее функционирования и дальнейшего развития). Собственно именно этим живой организм и отличается от неживых объектов. Наличие внутренних факторов, детерминирующих поведение живого организма, характеризует его как активного объекта действительности. Активность живого организма во взаимодействии со средой противопоставляется пассивному или реактивному типу взаимодействия, существующему между объектами неживой природы.

Вследствие наличия у организма механизмов активности, позволяющих ему вступать в особые взаимодействия с другими объектами среды, в организме с течением времени происходят определенные структурные и функциональные изменения, необходимые для приспособления к условиям внешней среды. Способность к такого рода изменениям, которые могут фиксироваться и затем передаваться последующим поколениям организмов, А.Н. Северцев предложил обозначить термином "пластичность организма". Очевидно, что "пластичность" в понимании А.Н. Северцева и необходимость в приспособлении к условиям внешней среды характерно для любого живого организма, находящегося на любом уровне эволюционного развития. В связи с этим становится очевидным, что наличие приспособительного эффекта в поведении живого организма не может служить критерием "психического". Это общий принцип, одно из основных условий эволюции живых организмов.

Приспособление организма к условиям внешней среды или соответствие его поведения имеющимся условиям среды может достигаться лишь при наличии у организма:

а) способности к получению знаний об особенностях воздействий, источником которых является внешняя среда и которые представляют для организма определенную биологическую значимость (то есть являются, по терминологии А.Н. Леонтьева, "биотическими" или связанными с ними "абиотическими");

б) способности к осуществлению определенных реакций на воздействия с учетом полученных знаний. (В качестве реакций могут выступать приспособительные структурные и функциональные изменения в организме, а также внешне проявляемые двигательные реакции).

Способность организма к получению знаний есть не что иное, как способности к проявлению познавательной активности, а возможность регулировать поведение в соответствие с получаемыми знаниями есть проявление двигательной активности. Несомненно, что обе формы активности при взаимодействии организма с внешней средой, также как и ранее рассмотренные каталитические и репликационные процессы, взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга.

Поскольку знания, получаемые организмом, используются им в регуляции поведения, существенное значение приобретает степень адекватности знаний, их соответствие тем особенностям воздействий и тем реальным свойствам объектов действительности, отражением которых они являются. От степени адекватности получаемых знаний во многом зависит и степень адекватности поведения или двигательной активности организма.

Несмотря на согласованность и взаимодополняемость, познавательная и двигательная формы активности существенным образом отличаются по своим внутренним механизмам функционирования. Для реализации познавательной активности в структуре организма формируется необходимые виды органов чувств и специализированная сенсорная система, а для реализации двигательной активности – необходимые органы движения и особая двигательная система. Общая струк-

турно-функциональная схема, иллюстрирующая механизм взаимодействия организма с внешней средой посредством познавательной и двигательной форм активности, представлена на рис. 2.

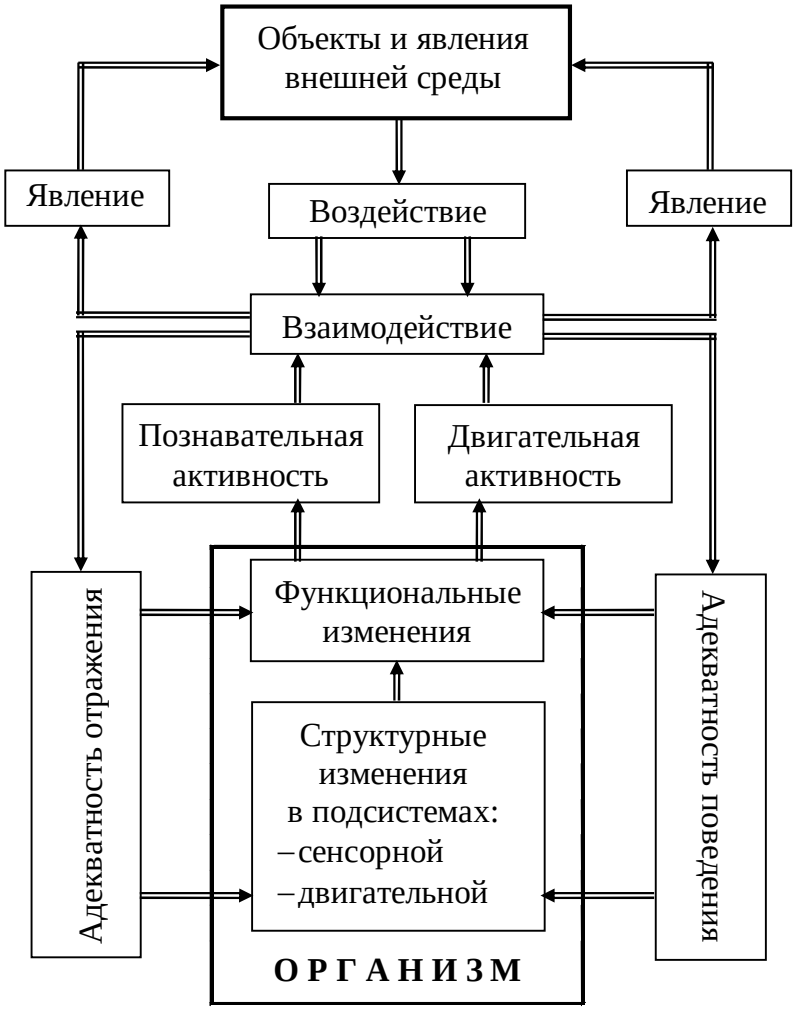

Рис. 2. Механизм взаимодействия организма с внешней средой посредством двигательной и познавательной форм активности.

Понятие о "психике" и необходимости ее возникновения

Как было отмечено выше, основным принципом и необходимым условием эволюционного развития живых организмов является достижение в поведении организмов при их взаимодействии с внешней средой приспособительного эффекта (адаптации). Процесс адаптации организмов к условиям внешней среды осложняется, если эти условия не являются стабильными и изменяются с течением времени. Как отмечает А.Н. Северцев, "совершенно очевидно, что скорость изменения самих

животных, которые в каждом отдельном случае приспособляются к биологически важному для них изменению среды, должна быть ни в коем случае не меньше, чем скорость изменений среды: если животное при своей эволюции отстает от изменений среды, то получается дисгармония между организацией животного и средой (или определенными сторонами среды), т.е. животное очутится в длительно неблагоприятных условиях существования, и данный вид начнет вымирать" [13, с. 151]. Данное обстоятельство чрезвычайно важно для понимания биологического значения появления у организмов психики. Несомненно, усложнение форм отражения действительности и регуляции поведения организма обусловлено необходимостью в обеспечении его приспособительных возможностей. Однако важно не просто добиться приспособительного эффекта в поведении – важно обеспечить своевременность и адекватность поведения, причем по отношению к тем условиям, в которых это поведение должно быть реализовано. Рассмотрим в связи с этим адаптационные возможности простейших форм познавательной и двигательной активности организмов.

Допустим, что в некоторой области действительности имеется организм *О*, и другие объекты *А* и *Б*, с которыми он как-то взаимодействует (см. рис. 3).

Рис. 3. Образование в организме *О* изменений ΔO_A и $\Delta O_Б$ и соответствующих им знаний A_O' и $Б_O'$ об объектах *А* и *Б*, образуемых в результате воздействий этих объектов на организм.

Воздействия объектов *А* и *Б* на организм *О* приводят к тому, что в организме начинают происходить соответствующие этим воздействиям изменения, которые условно можно обозначить как $\Delta O_А$ и $\Delta O_Б$. Поскольку изменения $\Delta O_А$ и $\Delta O_Б$ различны и вызваны воздействием разных объектов *А* и *Б*, их можно рассматривать как знания организма *О* об объектах *А* и *Б*. В символьной форме это можно выразить следующим образом: $\Delta O_А = А'_О$ и $\Delta O_Б = Б'_О$.

Для того чтобы организм мог использовать получаемые знания, одновременно с развитием познавательной формы активности в организме должны развиваться соответствующие механизмы регуляции двигательной активности. Причем, чтобы двигательная активность организма в определенных условиях окружающей среды была адекватной этим условиям, у организма должна быть возможность, во-первых, как можно более быстро получать достаточно адекватные знания об особенностях этих условий и, во-вторых, как можно более быстро и более точно использовать получаемые знания в процессах регуляции двигательной активности. Собственно в совершенствовании скорости и точности (адекватности) познавательных и двигательных форм активности и выражается динамика эволюционного развития живых организмов.

Однако, как было отмечено выше, проблема построения быстрого и адекватного поведения живого организма усугубляется тем, что условия, в которых он находится, постоянно изменяются. Получив знания об особенностях ситуации C_1 на момент времени t_1, организм к моменту их использования в соответствующей двигательной реакции (то есть к моменту времени t_2) оказывается в условиях новой ситуации C_2. Поскольку двигательная реакция организмом строилась на основе знаний о ситуации C_1 по отношению к этим новым условиям его реакция оказывается неадекватной. Изменения в сенсорных процессах и уж тем более изменения в процессах, протекающих в двигательной системе, пусть в небольшой степени, но все же запаздывают относительно изменений во внешней среде.

Допустим, что в некоторый момент времени t_1 в объективной действительности создается ситуация C_1, в которой оказывается организм

и в которой должно осуществляться его поведение или его двигательная реакция *R*. Воздействие ситуации C_1 на организм приводит к возникновению в физиологических процессах *V* сенсорной системы организма соответствующих изменений ΔV_{C_1} и к образованию соответствующих знаний $(C_1)_V^{'}$ о ситуации C_1. Однако знание о ситуации – это еще не двигательная реакция на нее. Для осуществления двигательной реакции на ситуацию в организме должны быть сформированы и инициированы определенные физиологические процессы непосредственно в двигательной системе. Но на это требуется определенное время.

В результате получается, что двигательная реакция организма, построенная на основе знания $(C_1)_V^{'}$ о ситуации C_1 будет реализовываться лишь по истечение времени Δt после возникновения ситуации C_1. Однако за это время исходная ситуация C_1 может существенным образом измениться, и организм может оказаться уже в другой ситуации $C_2 = C_1 + \Delta C$, где ΔC – степень изменения ситуации C_1 . Чем сильнее в течение времени Δt будет изменяться ситуация C_1, тем больше будет степень неадекватности поведения организма в новой ситуации C_2, в которой он будет постоянно оказываться.

Адекватность поведения организма в новой ситуации C_2 будет обеспечена лишь в том случае, если организм будет строить свое поведение не на основе знаний о ситуации C_1, а на основе знаний о ситуации C_2. Однако, когда организм находится в ситуации C_1 , ситуации C_2 еще нет, и она не может оказывать на организм какого-либо воздействия. Значит, получить о ней знания благодаря процессам, протекающим в сенсорной системе, невозможно. Отсюда следует, что у организмов в процессе их эволюционного развития для получения знаний о ситуации ближайшего будущего и обеспечения адекватности поведения в условиях изменяющейся действительности с необходимостью должна была появиться более сложная по сравнению с сенсорной системой центральная нервная система (мозг).

Способность мозга обеспечивать получение знаний о ближайшем будущем объективной действительности и регулировать на основе этих

знаний поведение организма – это и есть то, что можно соотнести с понятием "психика". Психика, таким образом, это не какой-то материальный субстрат, появляющийся и находящийся в какой-то части организма, и не какие-то более сложные физиологические процессы, протекающие в мозге. Психика – это свойство мозга и протекающих в нем физиологических процессов, благодаря которому в организме (в частности, в мозге) образуются знания о ближайшем будущем объективной действительности (то есть о ситуации C_2).

Как было показано нами ранее [6], эти знания получаются на основе знаний о "настоящем" и "ближайшим прошлом" в соответствии с алгоритмом, описываемым соотношением

$$C'_{буд} = C'_{наст} + (C'_{наст} - C'_{пр}), \qquad (1)$$

где $C'_{буд}$, $C'_{наст}$, $C'_{пр}$ – знания или субъективные образы ситуаций, соответственно, ближайшего будущего, настоящего и ближайшего прошлого.

Виды и специфика психических процессов

Для осуществления адекватного поведения в ситуации ближайшего будущего получение знаний лишь о содержании этой ситуации недостаточно. Для этого организм должен иметь возможность получать три типа знаний [8]:

1) знания об объектах, которые будут в этой ситуации, их свойствах и взаимосвязях, то есть знания о содержании ситуации;

2) знания о степени значимости для субъекта отражаемого содержания ситуации, то есть содержания того, что отражено в знаниях первого типа;

3) знания о действиях, которые субъект может осуществить в этой ситуации по отношению к тому, что для него является значимым.

Очевидно, что все типы знаний, связанные с отражением ближайшего будущего объективной действительности, могут быть представлены в субъекте лишь в форме соответствующих физиологических процессов. К тому же они должны быть достаточно хорошо согласованными и синхронизированными как между собой, так и с физиологическими процессами, протекающими в сенсорной системе, в которых отра-

жаются особенности самой объективной действительности. Такая согласованная и синхронизированная совокупность физиологических процессов, обеспечивающих получение знаний о ближайшем будущем действительности, представляет собой своеобразную "функциональную систему". Каждый из процессов, входящих в систему, выполняя свою специфическую функцию, вносит свой вклад в достижение общего результата функционирования системы. С другой стороны, поскольку речь идет о получении знаний о ближайшем будущем объективной действительности, каждый из процессов, составляющих функциональную систему, имеют прямое отношение к понятию "психика". Конечно, сами по себе эти процессы являются физиологическими, но они обладают особым свойством – обеспечивать получение знаний об определенных аспектах ближайшего будущего отражаемой действительности. Фактически каждый физиологический процесс в рамках указанной функциональной системы содержит две составляющие: материальную (собственно, физиологическую) и информационную. И вот эту информационную составляющую физиологического процесса, в которой представлены знания о ближайшем будущем объективной действительности, имеет смысл назвать психическим процессом. Таким образом, физиологический процесс, протекающий в мозге и выполняющий функцию отражения определенных особенностей ближайшего будущего объективной действительности, предстает в единстве "физиологического" и "психического".

Психический процесс, как и психика в целом, представляет собой определенное свойство мозга, благодаря которому обеспечивается получение знаний о тех или иных особенностях ситуации ближайшего будущего объективной действительности. Очевидно, что специфика отражаемых особенностей ситуации и тип получаемых при этом знаний определяет специфику соответствующего психического процесса. Учитывая традиционное деление психических процессов на познавательные, эмоциональные и волевые, приведем их частные определения, согласованные с новым пониманием психики и психического процесса.

Познавательные психические процессы – это психические процессы, обеспечивающие получение знаний об особенностях ситуации ближайшего будущего объективной действительности, присущих ей объективно (то есть независимо от особенностей психики субъекта). Как указывалось нами ранее [7], к ним относятся четыре процесса, отличающиеся по уровню сложности и, соответственно, по уровню эволюционного развития: ощущение, восприятие, мышление и сознание, а также два процесса, которые, пользуясь терминологией Л.М. Веккера, можно назвать "сквозными" – это память и воображение.

Познавательный психический процесс как процесс субъективного отражения в психике Ψ субъекта *A* определенного свойства x_i некоторой ситуации *C* ближайшего будущего объективной действительности можно описать функцией отражения f

$$f : x_i \in C \to (x_i)'_A \in \Psi_A \qquad (2)$$

где $\in$ – символ принадлежности, принятый в теории множеств.

Очевидно, что соотношение (2) справедливо для случая "идеального" или абсолютно адекватного отражения. Однако в силу зависимости результатов отражения от особенностей субъекта, всегда имеет место определенное нарушение или искажение адекватности отражения. При наличии у субъекта A некоторой особенности $¢_A$, влияющей на адекватность отражения, можно записать

$$f(x_i, ¢_A) = [x_i + \Delta x_i(¢_A)]'_A \qquad (3)$$

где $\Delta x_i(¢_A)$ характеризует степень искажения свойства x_i в отражении субъекта *A*, которое обусловлено наличием у него такой особенности, как $¢_A$.

Фактически в психике субъекта возникает образ другого свойства – свойства $y_i = x_i + \Delta x_i$, которое приписывается ситуации *C* вместо действительного свойства x_i . Для описания процедуры приписывания ситуации *C* нового свойства y_i можно ввести понятие о функции *φ* объективации свойства y_i, которая является обратной по отношению к функции отражения

$$¨ : (y_i)'_A \in \Psi_A \to y_i \in C \qquad (4)$$

Эмоциональные психические процессы – это психические процессы, благодаря которым происходит отражение субъективной значимости объектов и явлений ближайшего будущего объективной действительности. К ним относятся эмоции, чувства и переживания [5]. В эмоциях отражается субъективная значимость того, что отражается в образах ощущения и восприятия; в чувствах – субъективная значимость представляемого (то есть того, что отражается в образах памяти и воображения); в переживаниях – субъективная значимость того, что осознается, что составляет область "сознательного".

Принимая во внимание, что в ходе познавательных психических процессов происходит приписывание ситуации *C* новых свойств, можно сказать, что в психике отражается значимость для субъекта не действительного свойства x_i ситуации *C*, а свойства y_i , приписываемого данной ситуации. Другими словами, в результате эмоционального психического процесса в психике образуется знание о субъективной значимости не объективной реальности, а ее субъективного образа, который в общем случае может быть и неадекватным.

Волевые психические процессы обеспечивают получение знаний о возможных или допустимых действиях субъекта в ситуации ближайшего будущего объективной действительности. Очевидно, что возможные действия *R* субъекта *A* в ситуации *C* определяются по отношению лишь к тем особенностям ситуации, которые являются для субъекта значимыми, то есть в нашем случае по отношению к $\ddot{}\left((y_i)'_A\right) = y_i$. Поскольку субъективная значимость определенного фрагмента ситуации оказывается непосредственно связанной с возможными действиями субъекта, можно говорить о том, что эмоциональные психические процессы выполняют не только функцию отражения, но и функцию побуждения – побуждения к определенному действию, к определенному поведению.

Результат волевого процесса, протекающего в психике субъекта *A*, можно представить как знание $(R_A(y_i))'_A$ о действии (поведении) *R* субъекта *A* по отношению к особенности y_i , приписываемой ситуации на основе ее субъективного отражения. Если субъективное отражение си-

туации, в которой будет осуществляться поведение субъекта, неадекватно, то и поведение субъекта, основанное на неадекватном отражении ситуации будет, соответственно, неадекватным.

Среди волевых психических процессов можно выделить два вида: простые и сложные. Простые волевые процессы обеспечивают получение знаний о возможном продолжении действия (поведения) в ближайшем будущем в ходе его непосредственного выполнения; сложные – о возможных действиях (формах поведения) в ситуации ближайшего будущего без их непосредственного выполнения. При наличии процессов сознания и осознания сложные волевые психические процессы позволяют получать знания о возможных действиях (формах поведения) в любых мыслимых и осознаваемых ситуациях.

Итак, мы показали, что "живое" и "психическое" – это два разных понятия. Живой организм образуется в процессе эволюции органической материи и представляет собой сложную самоорганизующуюся биологическую структуру, в которой протекают процессы биосинтеза полипептидов и полинуклеотидов, выполняющих каталитические и репликационные функции, благодаря которым сохраняется целостность данной структуры, ее существование и развитие как живого организма. Более развитые живые организмы отличаются более эффективными механизмами взаимодействия с объектами окружающей среды и приспособления к существующим условиям обитания за счет развития познавательных и двигательных форм активности, к которым можно отнести раздражимость и чувствительность.

Психика представляет собой особую форму познавательной активности живых организмов, которая возникает у них в силу необходимости в своевременной и адекватной реакции на жизненно важные внешние воздействия и ситуации, возникающие и протекающие достаточно быстро. Возникновение психики связано с появлением и развитием у живых организмов нервной системы и мозга. По мере эволюционного развития нервная система и мозг организма приобретают особую структуру и особое свойство, которое мы обозначаем понятием "психика" и которое обеспечивает организму возможность получения знаний о

явлениях действительности и своих возможностях с некоторым упреждением. Вследствие этого, у организма появляется возможность более эффективно и более адекватно регулировать свою двигательную активность в условиях непрерывно изменяющейся внешней среды.

Развитие психики, которое выражается в развитии познавательных, эмоциональных и волевых психических процессов, существенным образом расширяет адаптационные возможности организма. Взаимодействие организма, обладающего психикой, с внешним миром приобретает более сложные формы, и сам организм, а точнее субъект как носитель психики, становится более активным в этом взаимодействии. Несомненно, что появление сознания как высшего уровня развития психики и человека, как его носителя, также было связано в процессе филогенеза с необходимостью дальнейшего совершенствования адаптационных возможностей субъекта. Однако это была необходимость не просто приспособиться к непрерывно усложняющимся условиям существования, но преобразовать их в соответствии со своими нуждами и нуждами других субъектов. Но это стало возможным, как показал А.Н. Леонтьев [10], лишь благодаря появлению у субъектов потребности в совместной трудовой деятельности.

Литература:

1. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб.: Издательство "Речь", 2003.

2. Выготский Л.С. Психика, сознание, бессознательное //Собр. соч.: В 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. – М.: Педагогика, 1982. – С. 132-148.

3. Галимов Э.М. Феномен жизни: между равновесием и нелинейностью. Происхождение и принципы эволюции. – М.: Едиториал УРСС, 2001.

4. Гиппенрейтор Ю.Б. Введение в общую психологию. Курс лекций. – М.: "ЧеРо", при участии издательства "Юрайт", 2002.

5. Корниенко А.Ф. Общая теория эмоциональных психических процессов. – Казань: Изд-во ТГГПУ, 2005.

6. Корниенко А.Ф. Проблема возникновения "психического" //Психологические исследования на кафедре практической психологии: Сборник статей. Вып. 1 /под ред. А.Ф. Корниенко. – Казань: ТГГПУ, 2005. – С. 16-28.

7. Корниенко А.Ф. Структура психических процессов //Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. С.-Петербург, 25-28 июня 2003 года: В 8 т. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – Т. IV. – С. 383-387.

8. Корниенко А.Ф. Чувствительность организма и "зачаточная форма психики" //Вестник КГПУ. – 2006. – № 5. – С. 186-194.

9. Ламарк Ж.Б. Философия зоологии. Т. 1. – М.; Л.: Биомедгиз. 1935.

10. Леонтьев А.Н. Возникновение и эволюция психики //Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I. – М.: Педагогика, 1983. – С. 143-279.

11. Медников Б.М. Аксиомы биологии. – М.: Знание. 1982.

12. Павлов И.П. Мозг и психика //Избранные психологические труды. – М.: Изд-во "Институт практической психологии"; Воронеж: НПО "МОДЭК". 1996.

13. Северцев А.Н. Эволюция и психика //Психологический журнал. – 1982. – № 4. – С. 149-159.

14. Теплых Д.А. Концепция предметности психологии в контексте типов научной рациональности //Методология и история психологии. – 2006. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 85-99.

15. Чуприкова Н.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки //Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 104-118.

16. Энгельс Ф. Диалектика природы. Изд. 6-е. – М.: Партиздат, 1934.

СПЕЦИФИКА ПСИХИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2008. – № 2. – С. 5-19.

Понимание психики как особой формы отражения действительности является в психологии практически общепризнанным. Анализируя методологические и теоретические проблемы психологии, Б.Ф. Ломов писал: "являясь свойством материи, функцией мозга, психика выступает как особая форма отражения" [13, с. 139]. По утверждению Б.Ф. Ломова, "логика развития психологической науки ведет к пониманию психических процессов как процессов субъективного отражения объективной действительности, обеспечивающих регуляцию поведения соответственно условиям, в которых оно осуществляется" [13, с. 134].

В традиционном и общепринятом понимании "психика" представляется как субъективное отражение объективной действительности и как особое свойство или функция мозга (нервной системы).

Выражение "субъективное отражение" означает, что "отражение" принадлежит или присуще "субъекту". "Психическое отражение, – пишет Н.И. Чуприкова, – субъективно лишь в том смысле, что принадлежит определенному субъекту, зависит от органов его восприятия и познания, от условий, задач и целей деятельности" [16, с. 7].

Однако для понимания психического отражения как отражения, принадлежащего субъекту, очень важно, какой смысл вкладывается в понятие "субъект". В психологии в силу ее излишней антропоцентричности данное понятие обычно используется для характеристики человека. В работе Б.Ф. Ломова, например, указывается, что "субъект и субъективное в своей развитой форме относятся к человеку" [13, с. 145]. А.В. Брушлинский, определяя понятие "субъект" в "узком" смысле, отмечает: "Субъектом является не психика человека, а человек, обладающий психикой, не те или иные психические свойства, формы активности и т.д., а сам человек, осуществляющий деятельность, поведение, общение и т.д." [3, с. 32].

Если под "субъектом" понимать человека, обладающего психикой, значит, психика – это то, что есть у субъекта. Но что это такое "психика", которая есть у субъекта?

Наличие психики означает наличие психической формы отражения. В связи с этим можно сказать, что психическое отражение присуще любому носителю психики независимо от того, как мы будем его называть – "субъектом" или как-то по-другому. Если называть носителя психики "субъектом" и вместе с этим определять психику и психическое отражение субъекта как субъективное отражение, то мы фактически образуем тавтологическую конструкцию: "Психика – это то, что есть у носителя психики".

Называя носителя психики "субъектом", мы должны иметь в виду, что не только человек, но и другие виды животных являются носителями психики. В связи с этим возникает вопрос: "Почему нельзя распространить понятие «субъект», в смысле «носитель психики», и на животных, обладающих психикой?".

Проблему с определением и использованием понятия "субъект" можно разрешить, если признать, что данное понятие может использоваться в двух различных смыслах: 1) в более широком – как "носитель психики" и 2) в более узком – как "человек, осуществляющий какую-либо деятельность". В первом случае использование понятия "субъект" допустимо, как по отношению к человеку, так и животным в связи с рассмотрением процессов психического отражения действительности. Во втором случае понятие "субъект" может использоваться только по отношению к человеку, выполняющему какую-либо внешне предметную деятельность. Использование понятия "субъект" в данном случае позволяет подчеркнуть сущность человека, как активного начала во взаимодействии с "объектами", которые рассматриваются как пассивные и не проявляющие активности образования.

Так в чем же суть психического отражения, присущего субъекту?

Признавая общее философское понимание отражения как всеобщего свойства материи, заключающегося в воспроизведении признаков, свойств и отношений одних объектов (отражаемых) в других (отражающих) в результате их взаимодействия, Н.И. Чуприкова отмечает, что "понятие психического отражения вполне подпадает под это широкое философское определение и хорошо вписывается в представление об эволюционном развитии форм и механизмов отражения" [17, с. 108]. Однако не любое отражения является психическим. В зависимости от природы и уровня сложности взаимодействующих объектов можно выделить и другие формы отражения, например: физическую, биохимическую, физиологическую, социальную.

Если мы хотим определить специфику психического отражения, не следует ограничиваться общим понятием отражения. Недостаточным является и указание на то, что психическое отражение – это отражение объективной действительности. Регуляция активности любого живого организма, даже в случае проявления ее простейшей формы – раздражимости всегда осуществляется на основе отражения организмом специфических параметров воздействующего раздражителя, т.е. отражением объективной действительности. Без получения знаний о воздействии, без отражения его наиболее важных параметров, реакция организма на воздействие будет неадекватной.

Определяя психику как общую способность живого организма к отражению действительности и регуляции на основе отражения своего поведения, мы, по существу, приписываем наличие психики любому живому организму. Ссылка на то, что психическое отражение необходимо для обеспечения более адекватного отражения действительности, мало что проясняет, ибо неясно, насколько отражение должно быть "более адекватным", чтобы его можно было назвать "психическим"? Не раскрывает сущность психического отражения и введение в определение психики указания на то, что это особое свойство или функция мозга (нервной системы). Да, это позволяет ограничить круг организмов, ко-

торые могут обладать психикой. Но чем отличается отражение действительности у организма, обладающего мозгом, по сравнению с более простыми организмами?

Представление о том, что не любой организм обладает психикой, разделял и отстаивал А.Н. Леонтьев. Он связывал ее появление с появлением у животных нервной системы и способности к "чувствительности" [10]. При этом он напрямую соотносил понятие чувствительности с понятием ощущения как простейшей формы психики. Благодаря чувствительности, полагал А.Н. Леонтьев, организм способен выделять из окружающей среды, так называемые, "абиотические" воздействия, отражать существующие в ней объективные связи между "биотическими" и "абиотическими" воздействиями и на этой основе осуществлять более сложные и более адекватные формы поведения. И именно это отражение он предложил называть психическим.

Несомненно, чувствительность более сложная форма и отражения, и двигательной активности организма по сравнению с раздражимостью. Однако, как было показано нами ранее [7], и раздражимость, и чувствительность следует рассматривать как допсихические, а именно физиологические формы отражения.

Механизмы раздражимости и чувствительности

С точки зрения физиологии реакция *R*, возникающая у организма в ответ на раздражающее воздействие S, может быть представлена следующим простым соотношением:

$$S \Rightarrow \Delta V_S \Rightarrow R_S \qquad (1)$$

где: S – внешнее воздействие; ΔV_S – изменения в физиологических процессах организма вследствие воздействия S; R_S – двигательная реакция организма на воздействие S.

Изменения в физиологических процессах организма, соответствующие воздействию, можно рассматривать как физиологическую форму отражения воздействия или как соответствующую физиологическую

форму знания об этом воздействии. Для обозначения знания организма о воздействии S введем символ $S_V^{'}$. Если записать $\Delta V_S = S_V^{'}$ и считать, что реакция организма R_S на воздействие S строится на основе знаний $S_V^{'}$, то соотношение (1) может быть приведено к виду

$$\begin{array}{c} S_V^{'} \\ \| \\ S \Rightarrow \Delta V_S \Rightarrow R_S \end{array} \qquad (2)$$

Однако необходимо учесть, что получение знаний $S_V^{'}$ *о* воздействии S и осуществление реакций R_S выполняются в организме разными структурами или разными "функциональными системами". Первую можно назвать "сенсорной", вторую – "двигательной". Изменения ΔV_S, возникающие в сенсорной системе, соответствуют знанию о воздействии S, но не о реакции R_S, которую нужно совершить организму в ответ на это воздействие. Соответствующие знания $R_S^{'}$ должны возникать в системе, функционально располагающейся между "сенсорной" и "двигательной" и которую мы можем назвать "центральной". Причем для того, чтобы на основе знаний $R_S^{'}$ могла возникнуть реакция R_S, эти знания должны быть представлены в "центральной системе" в форме определенных изменений ΔV_{Rs} в протекающих в ней физиологических процессах. В связи с этим соотношение (2) преобразуется в соотношение

$$\begin{array}{ccc} & S_V^{'} \Rightarrow & (R_S)_V^{'} \\ & \| & \| \\ S \Rightarrow & \Delta V_S \Rightarrow & \Delta V_{R_S} \Rightarrow R_S \end{array} \qquad (3)$$

Анализ соотношения (3) позволяет выделить две формы взаимодействия организма с окружающей его внешней средой: а) физиологическую, связанную с изменениями ΔV_S и ΔV_{R_S} в физиологических процессах, и б) информационную, связанную с получением и преобразованием знаний $S_V^{'}$ и $(R_S)_V^{'}$.

Как уже отмечалось выше, раздражимость обычно соотносится с врожденными, безусловно-рефлекторными реакциями организма на "биотические" воздействия. Однако для того, чтобы организм мог адекватным образом отреагировать на биотическое воздействие, он должен обладать определенной системой врожденных знаний $(S_б)'_{ген}$ и $(R_{S_б})'_{ген}$ о том, какие воздействия являются биотическими и какие реакции необходимо совершать в ответ на те или иные воздействия. Кроме того, следует признать и наличие механизма идентификации внешнего воздействия S как воздействия биотического $S_б$. Внутренние механизмы, обусловливающие реакцию организма на биотическое воздействие на основе раздражимости, представлены нами в виде схемы на рис. 1.

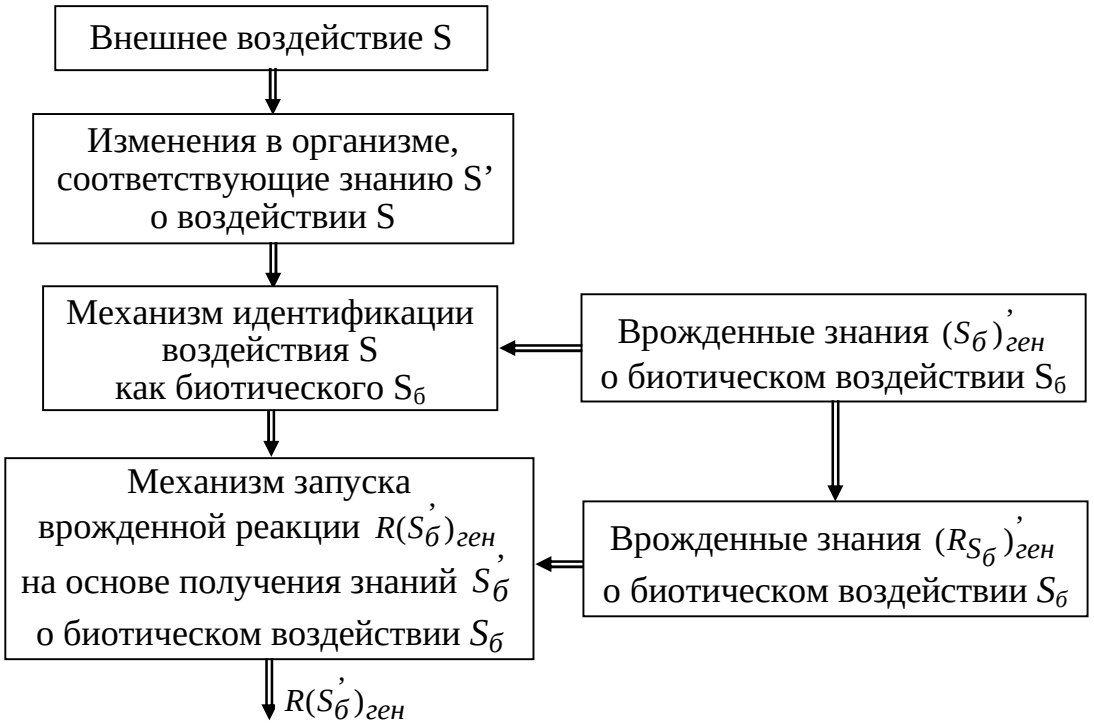

Рис. 1. Механизмы раздражимости как врожденной, генетически обусловленной формы реагирования организма на биотические воздействия.

Механизмы, обеспечивающие регуляцию поведения организма на основе чувствительности как более сложной формы отражения, представлены на рис. 2.

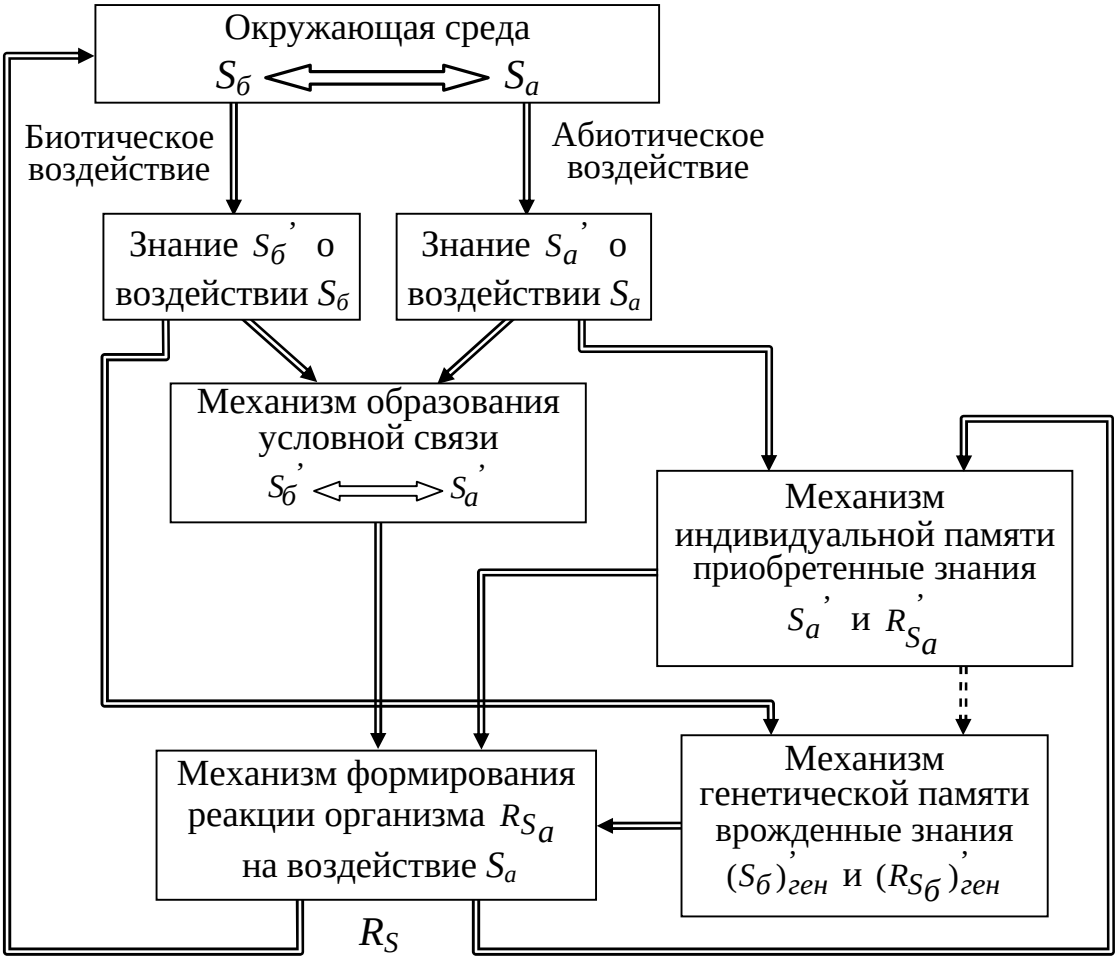

Рис. 2. Механизмы регуляции поведения организма на основе чувствительности.

Наиболее зримо преимущество чувствительности в обеспечении адекватности приспособительного поведения организма проявляются в ситуации, когда абиотическое воздействие поступает с небольшим опережением во времени относительно связанного с ним биотического. В этом случае реакции организма на биотическое воздействие начинается до его фактического поступления, и создается иллюзия наличия у организма опережающей формы отражения действительности, которую П.К. Анохин [2] рассматривал в качестве признака психики. На самом деле опережающего отражения нет – есть опережающая реакция, и организм реагирует не на то, что будет, а на то, что было. Он всего лишь воспроизводит реакцию, приобретенную в прошлом индивидуальном опыте, когда абиотическое воздействие было связано с биотическим. Для получения знаний о будущем, которого нет и которое, в силу этого,

не может оказывать воздействие на организм, механизмов чувствительности недостаточно. Для этого нужны принципиально новые механизмы – механизмы именно опережающего отражения, обеспечивающие получение знаний о будущем объективной действительности. Вот их-то и следует называть "психическими". И именно для их реализация в живых организмах в процессе эволюции постепенно возникает нервная система и появляется мозг.

Механизмы психического отражения

Определение психики как свойство мозга, обеспечивающего опережающее отражение действительности, позволяет, во-первых, обозначить специфику психической формы отражения и, во-вторых, решить проблему биологического значения появления психики в процессе эволюции живых организмов. Однако возникает вопрос, насколько далеким от настоящего является то будущее, для получения знаний о котором мозг должен обладать свойством, называемым психикой?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить:

1. Как изменяется объективная действительность во времени, и какие объективные механизмы лежат в основе этого изменения?

2. Как соотносится скорость изменения объективной действительности со скоростью изменения состояния, взаимодействующего с действительностью организма?

Необходимость ответа на первый вопрос диктуется тем, что опережающее отражение – это отражение именно изменений в объективной действительности. Зная законы этих изменений, проще понять механизмы их отражения. Что касается ответа на второй вопрос, то очевидно, что организм при проявлении и организации своей жизненной активности должен "вписываться" в динамику явлений действительности, в тот «пространственно-временной континуум», в рамках которого осуществляется его жизнедеятельность. Но для этого необходимо, чтобы процессы, протекающие в организме, и изменения в объективной действительности, отражаемые благодаря этим процессам, были как-то согласованы.

Ответ на первый вопрос можно найти в работах современного философа Т.П. Лолаева [12], который ввел понятие о "функциональном

времени", и специалиста по теории систем автоматического управления В.В. Пименова [14], выдвинувшего идею "обобщенной инерции" как объективной причины изменений, происходящих в мире. Любые изменения в состоянии объектов образуют, как считает Т.П. Лолаев, лишь "промежутки настоящего времени". Течение времени выражается в последовательной смене одних промежутков настоящего времени другими. В.В. Пименов, также как и Т.П. Лолаев, определяет время как меру изменений, возникающих в определенной материальной системе. В качестве объективной причины этих изменений В.В. Пименов называет "обобщенную инерцию", смысл которой состоит в том, что при сохранении условий взаимодействия скорость изменений, происходящих в материальной системе, остается постоянной. Однако следует иметь в виду, что по мере завершения изменений в текущем "настоящем" условия взаимодействия объектов в последующем "настоящем" изменяются, и это может привести к изменению в последующем и скорости изменений, происходящих в материальной системе.

Представления Т.П. Лолаева и В.В. Пименова о времени, взаимодействии и "обобщенной инерции" позволяют описывать процессы, происходящие в определенной ситуации объективной действительности в некотором промежутке настоящего времени с помощью простого соотношения

$$C_б = C_н + \Delta C \qquad (4)$$

где: $C_н$ – состояние ситуации С в исходном промежутке настоящего времени;

$C_б$ – возможное состояние ситуации С в последующем промежутке настоящего времени, которое, следуя традиционным представлениям о времени, можно обозначить как состояние в "ближайшем будущем";

ΔC – величина изменений в ситуации С, с которой связано понятие о длительности промежутка времени $\Delta t_н$.

Очевидно, что $\Delta C = (C_б – C_н)$, а $\Delta t_н$ – мера этих изменений.

Учитывая закон "обобщенной инерции", можно записать

$$C_б – C_н = C_н – C_п \qquad (5)$$

где $C_п$ – состояние ситуации С в промежутке времени, предшествовавшем исходному, то есть соответствующее понятию "ближайшее прошлое".

Путем элементарных перестановок соотношение (5) приводится к виду

$$С_б = С_н + (С_н – С_п) \qquad (6)$$

Нетрудно убедиться в том, что наличие закона "обобщенной инерции" допускает принципиальную возможность получения знания $С_б'$ о ситуации $С_б$ до ее появления на основе знаний о "настоящем" ($С_н$) и "ближайшем прошлом" ($С_п$). Тем самым допускается возможность возникновения в процессе эволюции живых систем механизма, опережающего отражения, т.е. психики.

Учитывая соотношение (6), мы можем сказать, что возникновение психики как способности к опережающему отражению действительности предполагает наличие в живых организмах следующих механизмов:

а) механизма получения знаний $С_н'$ о ситуации "настоящего" $С_н$ (механизма рецепции);

б) механизма получения знаний $С_п'$ о ситуации "ближайшего прошлого" $С_п$ (механизма индивидуальной памяти);

в) механизма, реализующего функцию $С_б' = С_н' + (С_н' – С_п')$.

Что касается последнего механизма, то именно для его реализации в организме и возникает нервная система с нервными клетками, обладающими возбуждающими и тормозными дендритами. Наличие указанных типов дендритов обеспечивает выполнение нервной клеткой функций сложения и вычитания поступающих к ней потоков нервных импульсов. Учитывая, что потоки нервных импульсов представляют собой форму существования знания о воздействиях, которые многие связывают с понятием "информация", можно сказать, что процессы, происходящие в нервной системе, представляют собой процессы информационного синтеза.

В связи с этим хотелось бы особо отметить, что в психофизиологических исследованиях А.М. Иваницкого [6] идея информационного синтеза мозговых процессов, как основы психических явлений, получила эмпирическое подтверждение. В частности, как утверждает автор, "синтез двух видов информации – наличной и извлекаемой из памяти – и составляет тот ключевой механизм, который лежит в основе ощущения, как феномена уже не физиологического, а психического уровня" [6, с. 205]. Плодотворность информационного подхода к решению про-

блемы "психика и мозг" убедительно доказывается в работе Д.И. Дубровского [5].

Распространяя понятие времени $\Delta t_н$, как меры изменений ΔC на изменения ΔV_S и ΔV_{Rs}, происходящие в живых организмах при реализации функций отражения воздействий S и регуляции поведения R_S, мы может констатировать наличие у каждого организма своего "функционального времени" и своего минимального промежутка времени $\Delta t_{орг}$.

Если привязать изменения в организме к изменениям в объективной действительности, то, по-видимому, следует согласиться с тем, что $\Delta t_{орг}$ намного больше $\Delta t_н$. Это означает, что организм, осуществляя функцию регуляции поведения по принципу рефлекса ($S \Rightarrow R$), всегда будет опаздывать, поскольку на момент реакции (т.е. через время $\Delta t_{орг}$ после воздействия) та ситуация "настоящего", знания о которой были получены в результате ее отражения, всегда будет оказываться в "прошлом". Поскольку реакция осуществляется не в той ситуации, на которую она была рассчитана, то по отношению к новой ситуации она оказывается неадекватной.

Чтобы поведение организма в ситуации нового "настоящего" $С_{н2}$ было адекватным, в его двигательную систему должны передаваться знания именно об этой ситуации, т.е. $С_{н2}'$, а не $С_{н1}'$. Но эти знания должны быть получены до возникновение самой ситуации $С_{н2}$. Значит, организм должен обладать не только механизмом рецепции, позволяющим получать знания об объективной действительности (т.е. о ситуации $С_{н1}$), но и механизмом отражения ближайшего будущего этой действительности, т.е. ситуации $С_{н2}$. Однако и это не все. Для осуществления адекватного поведения в ситуации ближайшего будущего организм должен иметь возможность получать три типа знаний:

1) об объектах и явлениях, которые будут в этой ситуации;

2) о степени их значимости для организма;

3) о действиях, которые организм может или должен осуществить по отношению к тем значимым объектам и явлениям, которые будут в ситуации ближайшего будущего.

Поскольку все типы знаний в организме могут быть представлены лишь в форме соответствующих нейрофизиологических эквивалентов, для их получения в организме (в его мозге) должны протекать опреде-

ленным образом организованные и согласованные (синхронизированные) между собой нейрофизиологические процессы. В соответствии с концепцией П.К. Анохина данная совокупность процессов представляет собой определенную "функциональную систему" [1]. Каждый из процессов, входящих в систему, выполняя свою специфическую функцию, вносит свой вклад в достижение общего результата функционирования системы. С другой стороны, поскольку речь идет о получении знаний о ближайшем будущем объективной действительности, каждый из процессов, составляющих функциональную систему, имеет прямое отношение к понятию "психика". Конечно, сами по себе эти процессы являются нейрофизиологическими, но они обладают особым свойством – обеспечивать получение знаний об определенных аспектах ближайшего будущего отражаемой действительности. Фактически каждый нейрофизиологический процесс в рамках функциональной системы содержит две составляющие: материальную (собственно, физиологическую) и информационную. И эту информационную составляющую нейрофизиологического процесса, в котором проявляется свойство, называемое психикой, имеет смысл назвать психическим процессом. Таким образом, нейрофизиологический процесс, протекающий в мозге и выполняющий функцию отражения ближайшего будущего объективной действительности, предстает в единстве "физиологического" и "психического".

Двойственный характер нейрофизиологических процессов, протекающих в мозге, позволяет сформулировать два определения психики:

1. Психика – это способность мозга и протекающих в нем нейрофизиологических процессов к изменениям, в которых отражаются особенности ближайшего будущего объективной действительности и возможные в нем формы поведения субъекта (носителя психики).

Данное определение описывается соотношением

$$С_{н1} \Rightarrow \Delta V_{Сн1} \Rightarrow \Delta V_{С\ бл.буд.} = \Delta V_{Сн2} \Rightarrow \Delta V_{R\ бл.буб.} = \Delta V_{R(Сн2)} \Rightarrow R(С_{н2}) \qquad (7)$$

Все, что связано с этим определением, составляет объект изучения нейропсихологии.

2. Психика – субъективное (т.е. принадлежащее субъекту, как носителю психики) отражение особенностей ближайшего будущего объ-

ективной действительности в форме знаний (образов), на основе которых происходит регуляция приспособительного поведения субъекта.

Данное определение описывается соотношением

$$С_{н1} \Rightarrow С'_{н1} \Rightarrow С'_{бл.буд.} = С'_{н2} \Rightarrow R'_{бл.буд} = R'_{н2} \Rightarrow R(С_{н2}) \qquad (8)$$

Все, что связано с получением знаний $C'_{бл.буд.}$ и $R'_{бл.буд}$, составляет, очевидно, объект изучения психологии, а соотношение этих знаний и соответствующих им изменений $\Delta V_{C\,бл.буд.}$ и $\Delta V_{Rбл.буд}$ в нейрофизиологических процессах, протекающих в мозге, составляет объект изучения психофизиологии.

Для обозначения процессов получения знаний о различных особенностях объектов и явлений ближайшего будущего объективной действительности целесообразно использовать наименования хорошо известных в психологии познавательных, эмоциональных и волевых психических процессов, классификация которых была предложена Г.И. Челпановым [15].

Под познавательными психическими процессами следует понимать процессы отражения ближайшего будущего тех свойств объектов и явлений действительности, которые у них действительно есть, т.е. их объективных свойств. В структуре познавательных процессов можно выделить четыре процесса, отличающиеся по уровню сложности, которые, по существу, характеризуют уровни эволюционного развития психики. Это – ощущение, восприятие, мышление и сознание [9].

Эмоциональные психические процессы – это процессы отражения значимости для субъекта всего того, что отражается в познавательных психических процессах. К ним относятся эмоции, чувства и переживания [8].

Волевые психические процессы – это процессы отражения возможных действий субъекта по отношению к тому, что для него является значимым.

Общая схема, иллюстрирующая механизмы психической формы отражения объективной действительности и регуляции поведения организма в условиях изменения этой действительности, представлена на рис. 3. На схеме также учтено, что эмоциональные психические процессы кроме отражательной функции выполняют еще функцию побуждения значимых форм поведения.

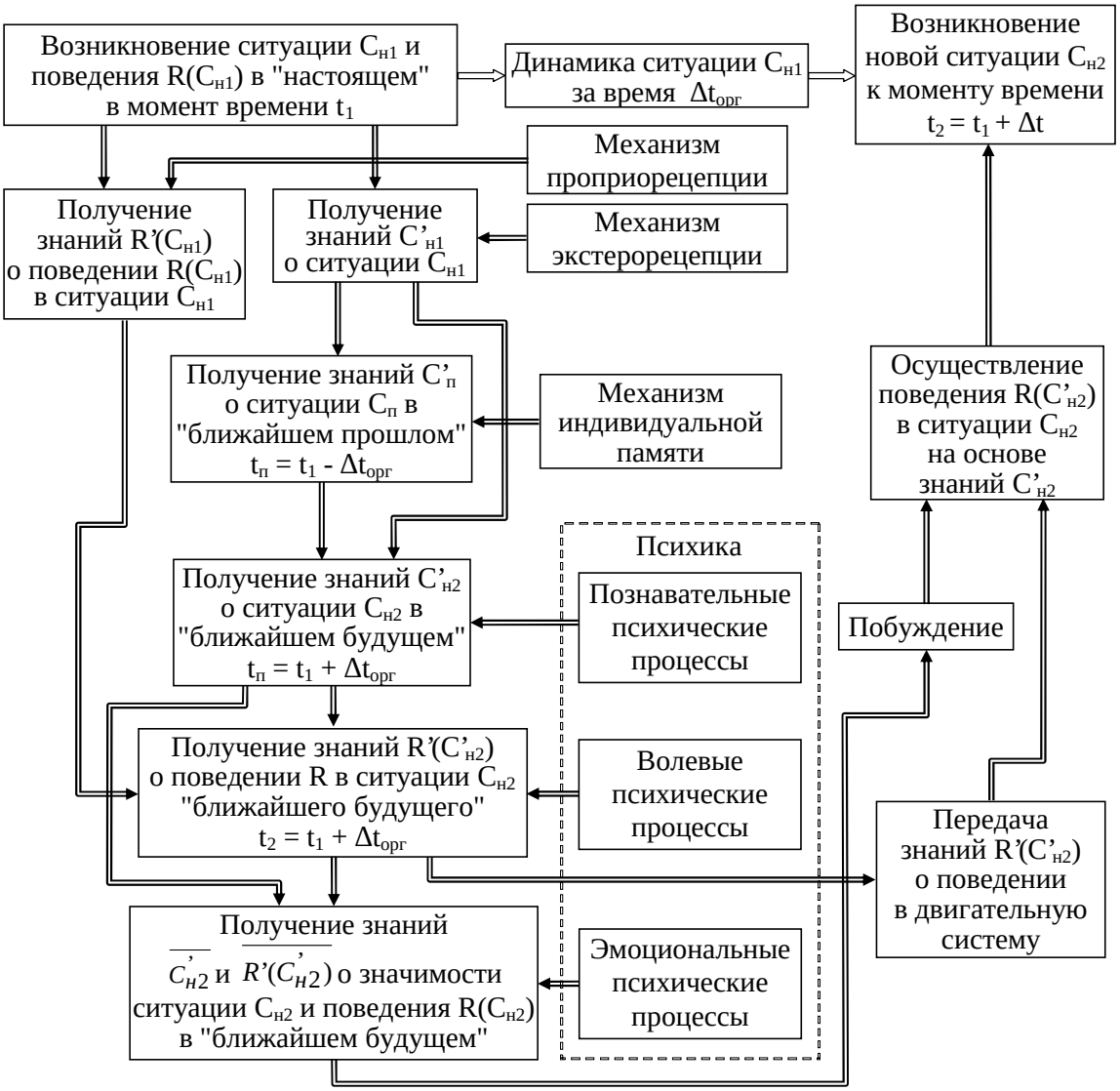

Рис. 3. Механизмы психической формы отражения действительности и регуляции поведения организма, обладающего психикой. (C' – образ ситуации C; $R'(C)$ – образ поведения R в ситуации C; $\overline{C'}$ и $\overline{R'(C)}$ – значимость образов ситуации C' и поведения $R'(C)$ в ситуации C).

Литература:

1. Анохин П.К. Теория функциональной системы //Успехи физиол. наук. –1970. – Т. 1. – № 1. – С. 19-54.

2. Анохин П.К. Опережающее отражение действительности //Избр. тр. Философские аспекты теории функциональных систем. – М.: Наука, 1978. – С. 7-26.

3. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. – М.: Ин-т психологии РАН, 1994.

4. Выготский Л.С. Психика, сознание, бессознательное //Л.С. Выготский. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1. – С. 132-148.

5. Дубровский Д.И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследований //Психол. журн. – 1990. – Т. 11. – № 6. – С. 3-15.

6. Иваницкий А.М. Психофизиология сознания //Психофизиология: Учебник для вузов /под ред. Ю.И. Александрова. – СПб.: Питер, 2003. – С. 200-217.

7. Корниенко А.Ф. Допсихические формы регуляции двигательной активности живого организма //Психологические исследования на факультете психологии ТГГПУ: сб. ст. /под ред. О.Г. Лопуховой. – Казань: Изд-во ТГГПУ, 2007. – С. 7-21.

8. Корниенко А.Ф. Общая теория эмоциональных психических процессов. – Казань: Изд-во ТГГПУ, 2005.

9. Корниенко А.Ф. Структура психических процессов //Материалы III Всерос. съезда психологов. С.-Петербург, 25-28 июня 2003 года: в 8 т. – СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2003. – Т. IV. – С. 383-387.

10. Леонтьев А.Н. Возникновение и эволюция психики //Избр. психол. произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1983. Т. I. – С. 143-279.

11. Леонтьев А.Н. Понятие отражения и его значение для психологии //Вопр. филос. – 1966. – № 12. – С. 45-52.

12. Лолаев Т.П. Функциональное время – адекватное отражение объективно-реального времени //Философия и будущее цивилизации: тезисы докл. и выступл. IV Рос. филос. конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.): в 5 т. – М.: Совр. тетради, 2005. Т. 1. – С. 589.

13. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984.

14. Пименов В.В. НЕ-субстанциональный подход к определению физической сущности понятия «время». Новый взгляд на старые уравнения [Электронный ресурс]. – URL: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/pimenov_ne. htm.

15. Челпанов Г.И. Классификация душевных явлений //Очерки психологии. – М.-Л.: Моск. акц. изд. об-во., 1926. – С. 58-63.

16. Чуприкова Н.И. Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности //Вопр. психологии. – 2007. – № 3. – С. 3-15.

17. Чуприкова Н.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки //Вопр. психологии. – 2004. – № 2. – С. 104-118.

ПСИХИКА И ПСИХИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ЕДИНАЯ СИСТЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Российский научный журнал. – 2009. – № 4(11). – С. 78-89.

Проблемы определения центрального для психологии понятия "психика" и построения на его основе единой системы психологических понятий, неоднократно поднимались в отечественной психологии, в частности, в работах К.К. Платонова [20], А.Н. Леонтьева [16], А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [19], Н.И. Чуприковой [21, 22]. Однако до сих пор удовлетворительных решений этих проблем нет. Нет ни общепризнанной системы психологических понятий, ни единой, общепризнанной теории психических процессов. Как отмечает Н.И. Чуприкова, "психология всегда испытывала немалые трудности в определении своего предмета, они существуют и по сей день… Однако все трудности начинаются тогда, когда поднимается вопрос о том, что же такое психика" [21, с. 104].

В качестве основных положений, касающихся сущности психики, обычно выделяются следующие:

1. Психика возникает на определенной стадии эволюционного развития живой материи, живых организмов.

2. Психика является особым свойством (функцией) высокоорганизованной материи – мозга.

3. Психика выполняет функции отражения действительности и регуляции адекватного приспособительного поведения живого организма.

Казалось бы, указаны наиболее существенные характеристики психики, которые принимаются практически всем психологическим сообществом. Так почему в психологии до сих пор сохраняются проблемы и с определением понятия "психика", и с определением составляющих ее структуру и обеспечивающих реализацию ее функций психических процессов? Почему до сих пор ученые не могут прийти к согласию в решении проблемы соотношения психических и физиологических процессов?

Существуют и другие вопросы "Почему?", касающиеся проблем в понимании психики и психических процессов. Например, почему в

структуру познавательных психических процессов включается *речь*, которая является видом *деятельности*, поскольку характеризуется наличием *цели* и *мотива*? Почему *сознание*, которое считается высшим уровнем развития психики и результатом которого является формирование образ "Я" в психике человека, не рассматривается как психический процесс? Почему в определении эмоции как эмоционального психического процесса используется понятие "переживание", которое также характеризует эмоциональный психический процесс, а при описании отдельных эмоций понятие "эмоциональный процесс" заменяется понятием "эмоциональное состояние"? Почему к волевым процессам, которые относятся к категории психических процессов, не применимо понятие "отражение", если ключевым понятием в определениях психики и психического процесса является именно это понятие?

Что же такое есть или чего такого нет в приведенных выше положениях, что не позволяет сформулировать удовлетворяющее всех определение психики и начать построение единой теории психических явлений и единой системы психологических понятий?

Рассуждая о причинах, тормозящих становление психологии как теоретической науки, В.М. Аллахвердов высказывает мысль о том, что возможно "все до сих пор созданные концепции психики содержат какой-то общий порок. Поэтому следует найти то общее, что содержится во всех психологических концепциях, и попробовать от него отказаться" [1, с. 5]. В качестве такого "общего", от которого следует отказаться, В.М. Аллахвердов указывает признаваемое всеми положение о функциях психики. "Практически все – даже во всем остальном не совместимые друг с другом – психологические школы, – пишет В.М. Аллахвердов, – предполагают, что психика (а в конечном счете и сознание) предназначена для отражения действительности и регуляции деятельности… Но, может быть, все-таки именно эта привычная банальность и неверна? Психологика отказывается от этого привычного взгляда, полагая, что как отражение, так и регуляция деятельности осуществляются организмом автоматически, и психика для этого вовсе не нужна" [1, с. 5].

Смело! Но, на наш взгляд, нецелесообразно. Причина проблем психологии не в том, что исходные положения неверны, а в том, что они носят чрезвычайно широкий, обобщенный характер и нуждаются в уточнении. Это касается, прежде всего, второго положения, которое содержит неопределенность, выраженную словом "особым". О каком особом свойстве или функции мозга идет речь? В чем эта особенность выражается? Ответ на этот вопрос, как нетрудно заметить, кроется в содержании третьего положения. Если объединить второе и третье положения и опустить несущественные детали, то получим классическое, ставшее "банальным" определение: "Психика – это свойство (функция) мозга, которое обеспечивает отражение действительности и регуляцию адекватного приспособительного поведения живого организма". В этом определении не вызывают никаких сомнений первая часть (о том, что психика – это свойство мозга) и третья часть (в которой говорится о регуляции адекватного приспособительного поведения живого организма). Несомненно, процесс эволюции живых организмов выражается, прежде всего, в совершенствовании механизмов, обеспечивающих повышение адекватности приспособительного поведения, что, в свою очередь, связано с появлением и развитием нервной системы и мозга. Наиболее слабым местом оказывается та часть положения, в котором утверждается, что психика есть свойство мозга, обеспечивающее отражение действительности. Собственно именно это утверждение и ставит под сомнение В.М. Аллахвердов.

В чем же слабость данного утверждения и как эту слабость можно устранить, не отвергая сути утверждения? А суть утверждения в том, что психика рассматривается как форма отражения. Во всех концепциях психики ключевым понятием является именно понятие "отражение". Однако есть разные формы отражения. Как указывает К.К. Платонов, "различают три основные формы отражения: физическую, физиологическую и психическую" [20, с. 36].

Понятие о психике как особой форме отражения

Рассмотрим простейший случай взаимодействия организма с окружающей его внешней средой, которое выражается в наличие воздействий на организм и ответных реакций организма на поступающие воздействия.

Известно, что любое внешнее воздействие *S*, имеющее для организма жизненно важное значение, всегда вызывает появление во внутренних структурах организма определенных изменений ΔV в биохимических или физиологических процессах. Эти изменения, в свою очередь, обусловливают появление определенной реакции *R* организма в ответ на оказываемое на него воздействие. В результате взаимодействие организма и среды можно описать соотношением

$$S \rightarrow \Delta V \rightarrow R \qquad (1)$$

И вот здесь необходимо отметить два момента:

1) Изменения ΔV в биохимических или физиологических процессах, вызываемые внешним воздействием *S*, можно рассматривать как биохимическую или физиологическую форму отражения данного воздействия.

2) Реакция *R* организма на воздействие *S* возникает вследствие не прямого действия внешнего воздействия, а вследствие изменений ΔV в биохимических или физиологических процессах, которые являются отражением этого воздействия.

Простейшей формой физиологического отражения и соответствующей реакции организма на воздействие считается раздражимость. Более сложной формой отражения и, соответственно, более сложной формой реагирования организма является чувствительность [16]. По определению А.Н. Леонтьева, чувствительность, оставаясь "известной формой раздражимости", представляет собой ее "качественно своеобразную форму" [16, с. 149]. С появлением чувствительности у организмов появляется возможность к опосредованному отражению биотических воздействий за счет отражения, так называемых, абиотических воздействий и возможность регуляции поведения на основе приобретаемого индивидуального опыта.

Однако, хотя чувствительность и обеспечивает более сложную форму поведения организма, она по-прежнему остается ориентированной на те же биотические воздействия. Да и механизм отражения тот же – отражаются параметры непосредственно действующего раздражителя с той лишь разницей, что в раздражимости отражаются особенности биотического воздействия, а в чувствительности – абиотического. Поэтому, как уже было отмечено нами ранее [11], чувствительность не следует

относить к психическим формам отражения. Ставить знак равенства между чувствительностью и ощущением, которое считается элементарной формой психического отражения, представляется нам нецелесообразным.

Если чувствительность не является психической формой отражения, значит ощущение – не есть чувствительность. Но тогда, что такое ощущение, как психическая форма отражения?

Биологический смысл появления особой психической формы отражения и, соответственно, ответ на вопрос о том, что такое психика и ощущение, как ее простейшая форма, имеет смысл искать, исходя из анализа биологического смысла чувствительности и того, что чувствительность, как физиологическая форма отражения, не может обеспечить организму.

Биологический смысл чувствительности и ее преимущество по сравнению с раздражимостью наиболее ярко проявляются в ситуациях, когда абиотическое воздействие, связанное с биотическим, возникает с небольшим опережением во времени относительно последнего. В этом случае реакция организма на биотическое воздействие начинается до его фактического появления, и организм оказывается заранее подготовленным к необходимой форме реагирования. При этом возникает эффект опережающего отражения действительности.

Появление аналогичного эффекта в биохимических процессах у простейших организмов было показано П.К. Анохиным [2]. Саму же способность к опережающему отражению действительности П.К. Анохин предложил рассматривать в качестве основного признака психики. Однако эффект опережающего отражения не есть опережающее отражение. На самом деле никакого опережающего отражения нет ни у простейших организмов, ни у организмов, обладающих способностью к чувствительности. И в том, и в другом случаях имеет место опережающая реакция. У организмов не формируется образ будущего. Они не получают знание о том, что будет. Они лишь воспроизводят реакцию, приобретенную в прошлом индивидуальном опыте, в расчете на ту связь между абиотическим и биотическим воздействиями, которая была в прошлом. Для получения знаний о будущем, которого еще нет,

ни механизмов раздражимости, ни механизмов чувствительности недостаточно. Для этого нужны принципиально иные механизмы. Вот их-то мы и предлагаем называть "психическими". И именно для их реализация в живых организмах в процессе эволюции постепенно возникает нервная система и появляется мозг. Таким образом, *под психикой предлагается понимать свойство мозга, которое обеспечивает не отражение действительности, которая есть "здесь и сейчас", а отражение той действительности, которая будет, которая по отношению к "настоящей" действительности выступает как "будущая" действительность.*

Каковы же механизмы отражения "будущей" действительности и в чем биологический смысл таким образом понимаемой психики?

Допустим, имеется живой организм, и в момент времени $t = t_1$ он находится в некоторой ситуации C_1. Поскольку ситуация C_1 существует как ситуация "настоящего", существует и множество непосредственных воздействий, оказываемых на организм. Эти воздействия в силу наличия механизмов раздражимости и чувствительности вызывают определенные изменения в биохимических и физиологических процессах организма, которые, будучи отражением соответствующих воздействий, образуют в совокупности систему знаний о существующей ситуации. Данную систему знаний можно обозначить как C_1'.

Допустим далее, что на основе знаний C_1', начинается построение организмом поведения R, рассчитанного на ситуацию C_1. Поскольку на получение знаний C_1' о ситуации C_1 и использование этих знаний для построения поведения R требуется определенное время Δt, исходная ситуация C_1 за это время может измениться, и к моменту реализации поведения организм может оказаться совсем в другой ситуации – ситуации C_2. В результате поведение организма, рассчитанное на ситуацию C_1, по отношению к новой ситуации C_2 будет неадекватным.

Чтобы поведения организма в ситуации нового "настоящего" (в ситуации C_2) было адекватным, оно должно строиться на основе знаний именно об этой ситуации, то есть на основе знаний C_2', а не C_1'. И эти знания необходимо получить до возникновение самой ситуации C_2. Значит, организм должен обладать не только механизмом чувствитель-

ности к воздействиям, характеризующим ситуацию объективной действительности (ситуации C_1), но и механизмом отражения ситуации ближайшего будущего этой действительности (ситуации C_2). А это значит, что он должен обладать способностью к получению знаний не только о том, что есть и оказывает непосредственное воздействие, но и о том чего нет, и что в силу своего отсутствия не может оказывать на организм никакого воздействия. *Способность организма к получению знаний о несуществующем пока ближайшем будущем действительности и есть, по определению, психика.*

Получение знаний C_2' о ситуации C_2 осуществляется на основе, с одной стороны, знаний C_1' об исходной ситуации C_1, как ситуации "настоящего", и, с другой стороны, знаний C_0' о ближайшем прошлом C_0 этого настоящего. Алгоритм получения необходимых знаний C_2' описывается следующим соотношением [10]

$$C_2' = C_1' + (C_1' - C_0') \qquad (2)$$

Схема, иллюстрирующая данное нами определение психики и формирование на ее основе адекватного поведения организма в условиях изменяющейся действительности, представлена на рис. 1.

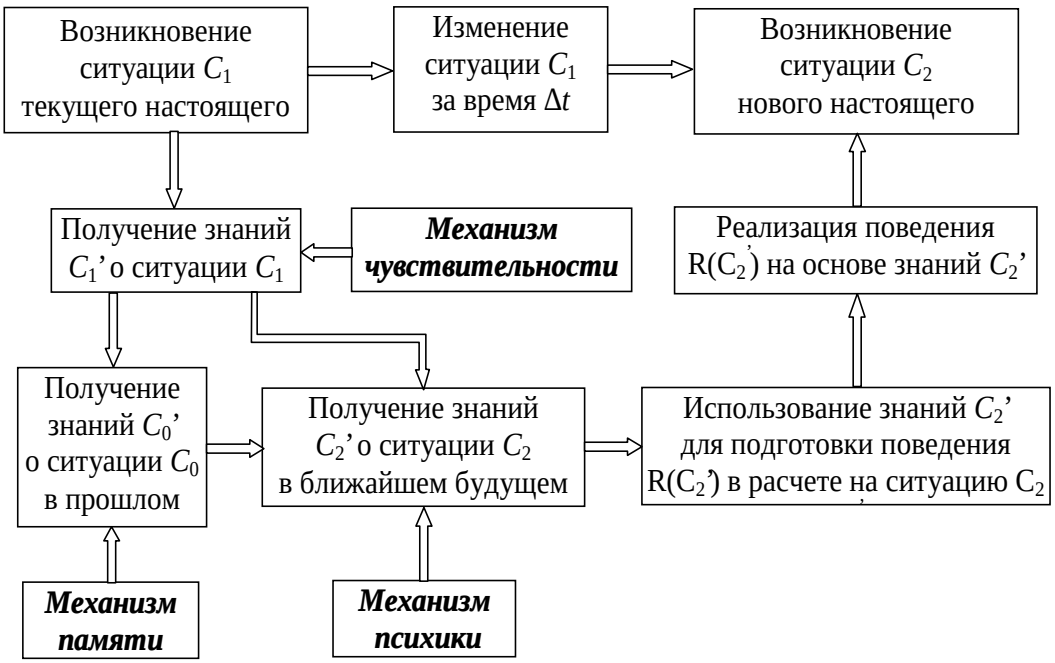

Рис. 1. Обеспечение адекватности поведения организма в изменяющейся действительности за счет механизмов психики.

Понятие о психическом явлении

Организм, находясь в определенной ситуации действительности, так или иначе, вступает во взаимодействие с имеющимися в этой ситуации объектами. Взаимодействуют между собой и сами объекты. Очевидно, что характер взаимодействия и в том, и в другом случаях определяется особенностями взаимодействующих объектов. Для обозначения отдельной особенности объекта, определяющей характер взаимодействия с ним других объектов, можно использовать понятие "свойство". *Свойство объекта* – это его способность к определенному виду взаимодействия с другими объектами. "Всякое свойство, – отмечает А.Н. Леонтьев, – раскрывает себя в определенной форме движения материи, в определенной форме взаимодействия. Изучение какого-нибудь свойства и есть изучение соответствующего взаимодействия" [16, с. 158]. Именно во взаимодействии и благодаря взаимодействию свойство объекта проявляет себя, возникает "явление" свойства миру и, в том числе, субъекту познания этого мира. Отсюда следует, что *явление* – это не что иное, как взаимодействие объектов. Разные явление представляют собой разные взаимодействия разных объектов.

Явления (взаимодействия) могут иметь место в разных ситуациях и в разных условиях действительности. Если явления происходят в природе с природными объектами, то они обычно называются *природными явлениями*. Явления, происходящие в социальной среде и представляющие собой взаимодействия между социальными объектами – людьми, называются *социальными явлениями*.

Что же представляют собой психические явления?

Очевидно, *психические явления – это явления, которые происходят в психике*. Здесь следует отметить, что, используя предлог "в", мы наделяем психику свойствами объемности и протяженности, которыми обычно характеризуются материальные системы. Чтобы избежать понимания психики, как материальной протяженной субстанции, следует рассматривать ее не как отдельно взятое особое свойство мозга, а как определенное множество таких особых свойств. Тогда в качестве элементов этого множества или объектов, находящихся *в психике*, можно

рассматривать *психические образы* или *знания* об особенностях объектов и явлений ближайшего будущего объективной действительности, а также *психические процессы*, результатами которых эти образы являются. Собственно, психические процессы и есть те психические явления, которые происходят в психике.

Понятие о психическом процессе

Как отмечалось нами ранее [14], для осуществления адекватного поведения в ситуации ближайшего будущего объективной действительности организм должен иметь возможность получать три типа знаний:

а) знания о содержании ситуации ближайшего будущего, объектах и явлениях, которые могут быть в этой ситуации;

б) знания о степени значимости для организма ситуации ближайшего будущего в целом или ее отдельных объектов и явлений;

в) знания о действиях, которые организм может или должен осуществить в ситуации ближайшего будущего по отношению к значимым для него объектам и явлениям.

Поскольку указанные типы знаний могут быть представлены в организме лишь в форме соответствующих нейрофизиологических эквивалентов, следует выделить три типа соответствующих нейрофизиологических процессов, протекающих в нервной системе организма. Учитывая, что эти процессы обеспечивают получение знаний о различных аспектах ближайшего будущего объективной действительности, каждый из них имеет прямое отношение к понятию "психика". Фактически каждый из них обладает свойством, которое по определению называется "психикой", и каждый из них характеризуется наличием двух составляющих: а) *материальной*, связанной с потоками нервных импульсов, с биохимическими и электрофизиологическими процессами в нервных клетках, и б) *информационной*, связанной с процессами отражения, получения определенных знаний о ближайшем будущем действительности. Эту информационную составляющую нейрофизиологического процесса мы и предлагаем называть психическим процессом.

Таким образом, *психический процесс* можно определить как *информационную составляющую нейрофизиологического процесса, протекающего в мозгу, содержанием которой является субъективное отражение определенных особенностей ситуации ближайшего будущего объективной действительности*. При таком определении психического процесса нейрофизиологический процесс, протекающий в мозге и выполняющий функцию отражения ближайшего будущего объективной действительности, предстает в единстве "физиологического" (материального) и "психического" (информационного).

Что касается понятия психического процесса как информационного, то данная концепция успешно развивается в работах, как зарубежных исследователей [24], так и отечественных [5, 6, 7]. "Нам думается, – пишет Д.И. Дубровский, – что трактовка психических явлений как информационных процессов, осуществляемых головным мозгом, открывает весьма широкие методологические возможности для разработки проблемы «сознание и мозг»" [6, с. 10]. Идея информационного синтеза мозговых процессов, как основы психических явлений, получила эмпирическое подтверждение в психофизиологических исследованиях А.М. Иваницкого. Как утверждает автор, "синтез двух видов информации – наличной и извлекаемой из памяти – и составляет тот ключевой механизм, который лежит в основе ощущения как феномена уже не физиологического, а психического уровня" [7, с. 205].

Определившись с общими понятиями "психика" и "психический процесс", мы можем перейти к определению различных видов психических процессов, составляющих структуру психики и обеспечивающих реализацию ее функций – функций отражения ближайшего будущего объективной действительности и регуляции на основе этого отражения адекватного приспособительного поведения организма в условиях непрерывно изменяющегося "настоящего".

Виды психических процессов

Анализ современной психологической литературы показывает, что выделение основных видов психических процессов и их классификация представляет собой не менее сложную проблему, чем общее определе-

ние сути "психического". Большинство психологов склонны выделять три вида психических процессов – познавательные, эмоциональные и волевые. При этом, как указывает А.Г. Маклаков [17], к познавательным процессам относятся: ощущение, восприятие, представление, память, воображение, мышление, речь и внимание. В качестве эмоциональных процессов обычно рассматриваются: аффекты, эмоции, чувства, настроения и эмоциональный стресс. Что касается волевых процессов, то к ним, по определению А.Г. Маклакова, относятся процессы, "которые наиболее ярко проявляются в ситуациях, связанных с принятием решений, преодолением трудностей, управлением своим поведением и др." [17, с. 24]. Однако в учебнике В.В. Никандрова [18] в дополнение к трем вышеуказанным видам психических процессов выделяются: творческие (воображение, фантазирование), аттенционные (внимание) и мотивационные. При этом В.В. Никандров выводит из состава познавательных процессов представление, воображение и внимание. В перечне эмоциональных процессов, которые он называет "аффективными", оставляются лишь эмоции и чувства. К волевым процессам В.В. Никандров относит: борьбу мотивов, принятие и исполнение решений. Следует отметить, что в качестве критерия "размежевания" психических процессов В.В. Никандров указывает не особенности действительности, которые отражаются с их помощью (что было бы логично, поскольку психический процесс – это, прежде всего, процесс отражения), а "исполняемую функцию", в частности, особенность взаимодействия носителя психики (субъекта) с окружающей средой, которая обеспечивается тем или иным психическим процессом. Интегратором всех психических процессов, по мнению В.В. Никандрова, является сознание.

Оригинальная классификация психических процессов, основанная на понятие о психике как отражении действительности, предлагается Н.И. Чуприковой [22]. Задавшись вопросом "Что должно найти отражение в психике, чтобы поведение было адаптивным, а деятельность успешной?", Н.И. Чуприкова, в конечном счете, выделяет следующие группы психических процессов: а) познавательные процессы (включая процессы воображения); б) потребности, влечения, мотивации; в) эмоции и чувства; г) речь и д) память.

В отличие от В.В. Никандрова Н.И. Чуприкова не только меняет состав процессов, относящихся к познавательным (речь и память оказываются у нее не в составе познавательных процессов, а рядоположенными с ними), но и выводит из числа психических процессов волевые процессы, полагая, что "к этим процессам понятие отражения не применимо, они сами по себе ничего не отражают" [22, с. 8]. Волевые процессы или "волю" она рассматривает как процессы, "которые согласуют между собой, координируют и интегрируют процессы отражения, имеющие разное содержание и разные источники". Если у В.В. Никандрова функцию интегратора психических процессов выполняет сознание, то у Н.И. Чуприковой интегратором психических процессов выступает воля.

Наша точка зрения несколько иная. Поскольку традиционно выделяемые познавательные, эмоциональные и волевые процессы являются, прежде всего, процессами психическими, следует признать, что все они являются особыми свойствами мозга, связанными с мозговыми информационными процессами, с получением знаний о чем-то, что характеризует ситуацию ближайшего будущего объективной действительности.

Руководствуясь общим определением психического процесса и учитывая типы знаний, которые организм должен получить для осуществления адекватного поведения в условиях изменяющейся объективной действительности, мы предлагаем следующие определения основных видов психических процессов.

Познавательный психический процесс – это такое свойство мозга и протекающих в нем нейрофизиологических процессов, которое обеспечивает получение знаний о ближайшем будущем тех свойств объектов и явлений действительности, которыми они действительно обладают, то есть обладают независимо от нашего сознания, от особенностей нашей психики. Будучи представленными в нашем субъективном отражении в форме образов, объекты и явления действительности в результате процессов объективизации этих образов наделяются особыми субъективными признаками и в таком субъективно модифицированном виде образуют наш, так называемый, "внутренний мир" или "внутреннюю картину мира". По отношению к внешнему объективному миру

внутренняя субъективная картина мира, характеризуется определенной степенью адекватности. Чем выше адекватность отражения, тем более адекватно поведение. Нарушение адекватности отражения приводит, соответственно, к нарушению адекватности поведения.

В структуре познавательных психических процессов мы выделяем четыре процесса, которые отличаются по уровню сложности и которые, по существу, характеризуют уровни эволюционного развития психики. Это – ощущение, восприятие, мышление и сознание [8]. Кроме того, к познавательным процессам следует отнести еще два процесса, которые, по терминологии Л.М. Веккера [4], являются "сквозными", то есть присутствуют на каждом из четырех уровней развития психики. Это – память и воображение.

Ощущение как простейший познавательный психический процесс обеспечивает получение знаний о ближайшем будущем *отдельного свойства* объекта действительности при его непосредственном воздействии на орган чувств. В зависимости от вида воздействия и органа чувств можно говорить о таких видах ощущения как зрительное, слуховое, обонятельное, вкусовое, тактильное.

Восприятие – познавательный психический процесс отражения ближайшего будущего *отдельного объекта* действительности в совокупности его свойств при их непосредственном воздействии на органы чувств. Как и ощущение, процесс восприятия возникает при наличии непосредственных воздействий на органы чувств. Поэтому мы также можем говорить о таких видах восприятия как зрительное, слуховое, обонятельное, вкусовое и тактильное. В связи с тем, что объекты действительности характеризуются не только отдельными свойствами, отражаемыми в ощущениях, но имеют и пространственные характеристики (например, форму и удаленность), которые к тому же могут меняться со временем, выделяются особые виды восприятия – восприятие пространства, движения и времени.

Мышление – более сложный познавательный психический процесс, обеспечивающий получение знаний о ближайшем будущем *отдельной ситуации* объективной действительности в совокупности взаимосвязанных объектов и явлений, присущих данной ситуации. В мышлении

отражаются связи между объектами и явлениями определенной ситуации ближайшего будущего действительности. Поскольку сами объекты действительности отражаются в психике в форме образов, отражение связей между ними представлено в психике в форме связей между образами. Данное обстоятельство позволяет определить мышление и как процесс образования связей между любыми образами, возникающими в психике в результате тех или иных психических процессов.

С понятием "мышление" непосредственно связано понятие "понимание". Как и мышление, *понимание* представляет собой *образование связей между образами*. Понять "что-то" – значит установить связи между образами, в которых представлены знания о "чем-то".

Сознание, являясь высшим уровнем развития психики, представляет собой особый вид познавательного психического процесса, присущего человеку [12, 13]. Специфика процесса сознания состоит в том, что он обеспечивает получение человеком знаний о самом себе как особом объекте действительности, обладающим психикой. В результате процесса сознания в психике человека образуется образ, который обычно называется образ "Я".

С понятием "сознание" неразрывно связаны понятия "осознавание" и "осознание", а также представления о сферах "сознательного" и "бессознательного".

Осознавание понимается нами как процесс образования связи образа "Я", являющимся результатом процесса сознания, с другими образами, возникающими в психике. *Осознание* – есть результат осознавания. Следует отметить, что осознание, будучи результатом образования связей между образами, возникающими в психике, подпадает под определение понятия "понимание". Фактически осознание есть частный случай понимания, в котором одним из связываемых образов является образ "Я". Аналогичным образом процесс осознавания является частным случаем процесса мышления, протекающего в психике человека с участием образа "Я".

Сфера "сознательного" (*"осознаваемого"*) представляет собой совокупность актуализированных в психике человека образов, которые имеют непосредственные связи с образом "Я". В эту же совокупность входит и сам образ "Я".

Сфера "бессознательного" (*"неосознаваемого"*) представляет собой совокупность образов в психике человека, не имеющих непосредственных связей с образом "Я". Данное понятие допустимо лишь по отношению к человеческой психике, где в силу наличия процесса сознания возможно существование образа "Я". В психике животных, не обладающих сознанием, не может быть ни сферы "сознательного", ни сферы "бессознательного" – у них есть просто сфера "психического".

В наглядной форме суть понятий "мышление" и "сознание", "понимание" и "осознание", "сознательное" и "бессознательное" представлены на рис. 2.

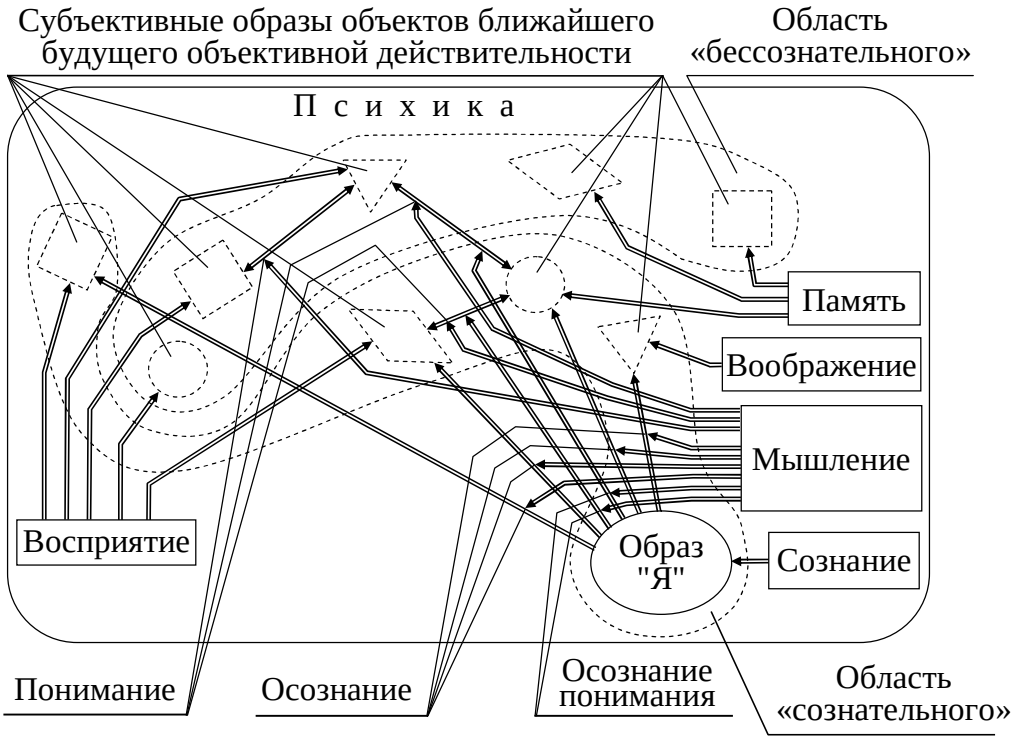

Рис. 2. Соотношение различных познавательных психических процессов, а также областей "сознательного" и "бессознательного" в психике человека.

В отличие от познавательных психических процессов э*моциональные процессы* обеспечивают получение знаний о значимости для субъекта объектов и явлений ближайшего будущего объективной действительности или их отдельных свойств. К эмоциональным процессам относятся процессы, обозначаемые понятиями "эмоция", "чувство" и "переживание" [9].

Эмоция – простейший эмоциональный психический процесс, который обеспечивает получение знаний о значимости того, что отражается в процессах ощущения и восприятия.

Чувство – более сложный эмоциональный психический процесс, обеспечивающий отражение субъективной значимости того, что отражается в процессах памяти, воображения и мышления.

Переживание – высший уровень развития эмоциональных психических процессов, связанный с наличием сознания и обеспечивающий отражение субъективной значимости того, что осознается, что составляет содержание сферы "сознательного".

Волевой психический процесс, также как познавательный и эмоциональный, является особым свойством мозга, и обеспечивает получение особых знаний о ситуации ближайшего будущего объективной действительности – знаний о тех формах поведения, возможность осуществления которых данная ситуация предоставляет данному субъекту. Понятие "волевой психический процесс" в какой-то степени соответствует понятию "эффорданс" (affordance), предложенному J.J. Gibson [23].

В силу отсутствия в психологии специальных терминов для обозначения разных видов волевых психических процессов, можно сказать, что существуют простые, сложные и сознательные волевые процессы.

Простой волевой процесс – процесс получения знаний о возможном продолжении в ситуации ближайшего будущего той формы поведения, которая уже осуществляется в настоящем. По существу, простой

волевой процесс обеспечивает возможность организму непрерывной коррекции совершаемого им поведения с учетом происходящих изменений ситуации.

Сложный волевой процесс – процесс получения знаний о возможных формах поведения в ситуации ближайшего будущего без их непосредственного выполнения. Наличие сложного волевого процесса обеспечивает организму возможность: а) выбора одной из форм поведения, имеющихся в индивидуальном опыте; б) предварительной оценки адекватности и значимости возможных результатов поведения; в) выбора более эффективной формы поведения.

Сознательный волевой процесс – процесс получения знаний о возможных формах поведения в любой ситуации при наличии осознания, как особенностей ситуации, так и возможных в этой ситуации форм поведения и их возможных результатов.

Все три вида психических процессов – познавательные, эмоциональные и волевые – протекают одновременно в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности. В совокупности, будучи определенным образом организованными, они обеспечивают адекватность поведения субъекта в условиях изменяющейся объективной действительности. Форма организации психических процессов представляет собой не что иное, как определенный вид *психического состояния* [15]. В качестве интегратора психических процессов, как следует из биологической сущности и назначения психики, выступает не сознание (как полагает А.Г. Маклаков и большинство современных психологов) и не воля (как считает Н.И. Чуприкова), а необходимость обеспечения адекватного поведения субъекта (носителя психики) в непрерывно изменяющихся условиях объективной действительности.

Порядок возникновения и соотношение различных видов психических процессов, как особых психических форм отражения действительности, на разных стадиях эволюционного развития психики, а также их

соотношение с физиологическими формами отражения, представлены на рис. 3.

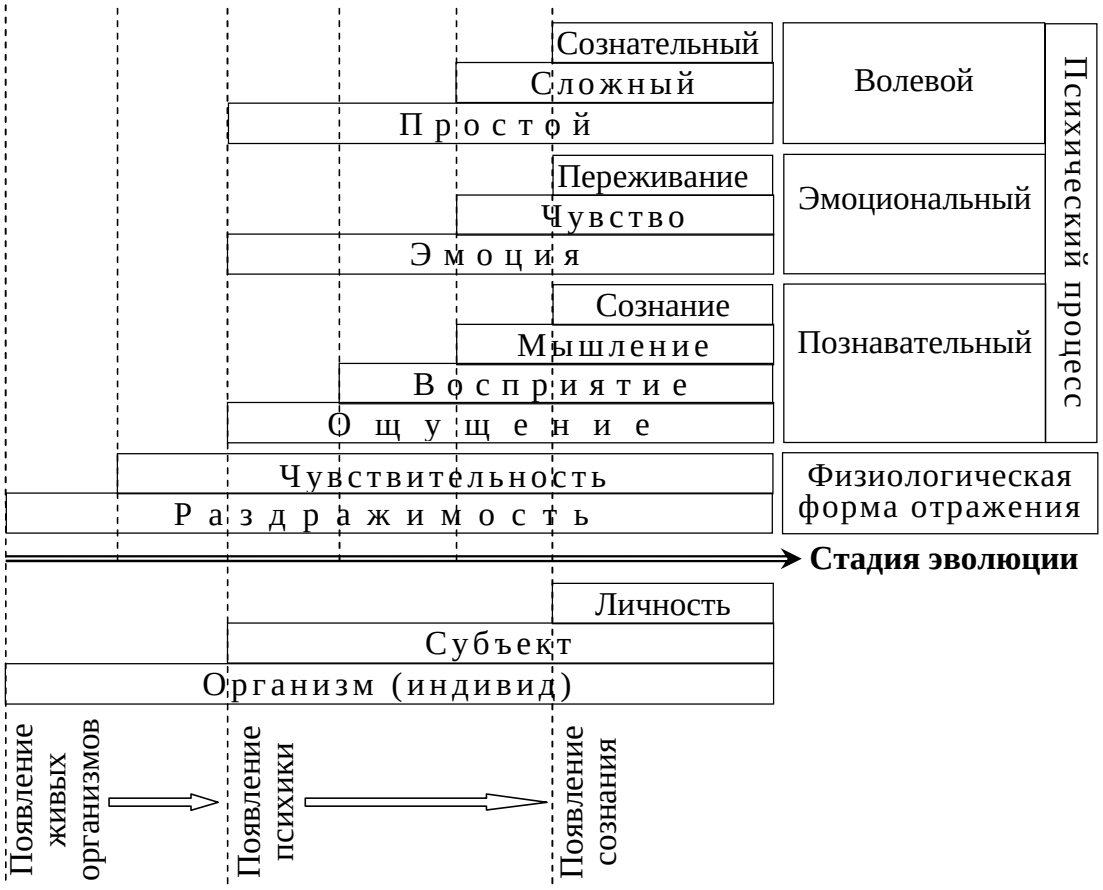

Рис. 3. Динамика эволюционного развития психических процессов как особых форм отражения действительности и их соотношение с физиологическими формами отражения на разных стадиях эволюции.

Кроме собственно динамики физиологических и психических форм отражения на рис. 3 дополнительно показано, что появление живых организмов можно соотнести с понятием "организм" (индивид), появление психики и психических процессов – с понятием "субъект", а появление сознания – с понятием "личность".

Литература:

1. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб.: Издательство "Речь", 2003.

2. Анохин П.К. Опережающее отражение действительности //Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем. – М.: Наука. 1978. – С. 7-26.

3. Бехтерев В.М. Объективная психология. – М.: Наука, 1991.

4. Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. – М.: Смысл; Per Se, 2000.

5. Дубровский Д. И. Информация, сознание, мозг: Монография. – М.: Высшая школа, 1980.

6. Дубровский Д.И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследований //Психологический журнал. – 1990. – Т. 11. – № 6. – С. 3-15.

7. Иваницкий А.М. Психофизиология сознания //Психофизиология: Учебник для вузов /под ред. Ю.И. Александрова. – СПб.: Питер, 2003. – С. 200-217.

8. Корниенко А.Ф. Структура психических процессов //Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. С.-Петербург, 25-28 июня 2003 года: В 8 т. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – Т. IV. – С. 383-387.

9. Корниенко А.Ф. Общая теория эмоциональных психических процессов. – Казань: Изд-во ТГГПУ, 2005.

10. Корниенко А.Ф. Проблемы возникновения "психического" //Психологические исследования на кафедре практической психологии: Сборник статей. Вып. 1 /под ред. А.Ф. Корниенко. – Казань: ТГГПУ, 2005. – С. 16-28.

11. Корниенко А.Ф. Чувствительность организма и "зачаточная форма психики" //Вестник КГПУ. – 2006. – № 5. – С. 186-194.

12. Корниенко А.Ф. Проблемы сознания, осознания и самосознания //Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы I Всероссийской конференции. Самара, 29 июня – 1 июля 2007 г. – Самара: Изд-во "Научно-технический центр", 2007. – С. 61-63.

13. Корниенко А.Ф. Функция сознания в психике человека //Материалы IV Всероссийского съезда РПО. Ростов-на-Дону, 18-21 сентября 2007 года. Т. 1. Психология – будущему России. Москва – Ростов-на-Дону: Изд-во "Кредо", 2007. – С. 124-125.

14. Корниенко А.Ф. Проблемы определения понятия "психика" //Российский психологический журнал. – 2008. – Т. 5. – № 1. – С. 9-22.

15. Корниенко А.Ф. Сознательные и бессознательные психические состояния //Психология психических состояний: теория и практика. Материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции. Казань, КГУ, 13-15 ноября 2008 г. Часть I. – Казань: ЗАО «Новое знание», 2008. – С. 474-478.

16. Леонтьев А.Н. Возникновение и эволюция психики //Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I. – М.: Педагогика, 1983. – С. 143-279.

17. Маклаков А.Г. Общая психология. – СПб.: Питер, 2001.

18. Никандров В.В. Психология. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.

19. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. – М.: Издательский центр "Академия", 2003.

20. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. – М.: Наука, 1972.

21. Чуприкова Н.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки //Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 104-118.

22. Чуприкова Н.И. Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности //Вопросы психологии. – 2007. – № 3. – С. 3-15.

23. Gibson J.J. The ecological approach to visual perception. – Boston: Houghton-Mifflin, 1979.

24. Hooker C.A. Information-processing Approach to the Brain-Mind and its Philosophical Remitications //Philosophy and Phenomenological Research. – 1975. – Vol. 36. – № 1.

СУЩНОСТЬ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ДИНАМИКА ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Психология XXI столетия. Т. 1. /Материалы Международного Конгресса. Кострома, 10-13 сентября 2009 г.; под ред. Козлова В.В. – Кострома, МАПН. – С. 166-171.

Как показывает анализ научной литературы, в психологии до сих пор нет удовлетворительного ответа не только на вопрос о том, что такое психика, но и на вопросы о том, что понимать под "психическим процессом" и что является основанием для ставшего традиционным деления психических процессов на три группы: познавательные, эмоциональные и волевые. Как отмечает В.М. Аллахвердов, "деление сознания (*более правильно было бы сказать "психики" – А.К.*) на психические процессы условно, оно не имеет теоретического обоснования" (Аллахвердов В.М., 2005). На отсутствие единого и логически ясного основания для традиционного разделения психических процессов на отдельные группы указывает и Н.И. Чуприкова, предлагая в качестве альтернативы свою "рациональную" классификацию психических процессов (Чуприкова Н.И., 2007).

Взяв за основу понятие о психике, как отражении действительности, и задавшись вопросом "Что должно найти отражение в психике, чтобы поведение было адаптивным, а деятельность успешной?", Н.И. Чуприкова выделяет шесть групп психических процессов: 1) познавательные процессы; 2) потребности и мотивации; 3) эмоции и чувства; 4) речь; 5) воля; 6) память. В отличие от традиционной классификации, в которой к числу познавательных процессов относятся: ощущение, восприятие, представление, память, воображение, мышление, речь и внимание, Н.И. Чуприкова выводит речь и память из состава познавательных процессов и придает им статус самостоятельных групп психических процессов.

Особый интерес вызывает трактовка Н.И. Чуприковой волевых процессов или воли. Полагая, что "к этим процессам понятие отражения не применимо", Н.И. Чуприкова фактически лишает их статуса процессов психического отражения и сама себе противоречит. С одной стороны, она включает волю в число основных групп психических про-

цессов, то есть процессов отражения, и, с другой стороны, считает, что к этим процессам понятие отражения не применимо. Волевые процессы Н.И. Чуприкова рассматривает как процессы, "которые согласуют между собой, координируют и интегрируют процессы отражения, имеющие разное содержание и разные источники". Наделение воли функцией интегратора психических процессов вступает в противоречие с мнением большинства психологов, которые считают, что эту функцию выполняет сознание.

Что касается общего определения "психического процесса", то С.Л. Рубинштейн, например, полагает, что "всякий психический процесс есть отражение, образ вещей и явлений мира, знание о них" (Рубинштейн С.Л., 2001). Результатом психического процесса, согласно С.Л. Рубинштейну, всегда является определенное психическое образование. Отсюда следует, что, выделяя какой-то психический процесс, необходимо указывать психическое образование, которое является его результатом, и что именно в этом психическом образовании отражается.

Положение, на наш взгляд, крайне важное и даже принципиальное. Однако зададимся вопросом: "Где возникает это психическое образование и где, собственно, протекает психический процесс?" В мозге или в психике? В мозге, состоящем из нервных клеток и нервных волокон, протекают, как известно, нервные или физиологические процессы. Если полагать, что психические процессы – это особые процессы, отличающиеся от нервных, то в мозге их быть не может. Чтобы сохранить понимание психических процессов как особых процессов, отличных от нервных, следует согласиться с тем, что они возникают не в мозге, а в психике. Но под "психикой" принято понимать определенное свойство мозга – его способность к отражению действительности, получению знаний о действительности. Если психика – это свойство мозга, то как в свойстве могут протекать какие-то процессы?

Как видим, проблем с определением понятий "психика", "психический процесс", а также с выделением и обоснованием отдельных психических процессов достаточно много и они весьма существенные.

Проблемы есть и в выделении уровней и динамики эволюционного развития психических процессов. Правда, обычно говорят о динамике или стадиях развития психики, а не психических процессов. А.Н. Леонтьев, например, в развитии психики выделяет четыре стадии: 1) элементарной сенсорной психики; 2) перцептивной психики; 3) интеллекта; 4) сознания (Леонтьев А.Н., 1983). Вместе с тем, каждая стадия в развитии психики, за исключением последней, обычно соотносится с определенным психическим процессом, причем познавательным. Стадия элементарной сенсорной психики соотносится с возникновением ощущения, стадия перцептивной психики – восприятия, стадия интеллекта – мышления. Отсюда можно сделать вывод, что эволюция психики рассматривается, главным образом, как развитие познавательных возможностей живого организма, развитие именно познавательных психических процессов. В связи с этим логичным будет соотнесение высшего уровня развития психики, то есть сознания, также с познавательным процессом. Для этого, как это ни удивительно, достаточно лишь признать, что сознание и есть тот самый познавательный психический процесс, который характеризует высший уровень развития психики.

Что касается функции интегратора психических процессов, то нет необходимости возлагать ее выполнение на какой-то отдельный процесс, будь-то сознание или воля. Фактором, обусловливающим интеграцию психических процессов и более того, вынуждающим возникновение интеграционных процессов на каждой стадии развития психики, является необходимость обеспечения адекватности поведения субъекта (носителя психики) в условиях объективной действительности. При взаимодействии субъекта с внешней средой психические процессы самоорганизуются и самоинтегрируются, поскольку, в конечном счете, все они призваны обеспечивать одно и то же – адекватность поведения субъекта в действительности, в которой он находится.

Следует отметить, что "рациональная" классификация психических процессов, предложенная Н.И. Чуприковой, фактически построена с учетом именно этого положения. Требования адаптивности поведения и успешности деятельности, о которых говорится в преамбуле к клас-

сификации, – это и есть те факторы, которые обеспечивают возможность и необходимость интеграции психических процессов в психике "современного взрослого человека". Однако Н.И. Чуприковой не удалось в полной мере реализовать эвристические возможности теоретических постулатов, положенных ею в основу классификации. В результате проблемы определения и классификации психических процессов остались не решенными.

Наш подход к решению этих проблем состоит в следующем.

Во-первых, мы абсолютно согласны и с С.Л. Рубинштейном, и с Н.И. Чуприковой в том, что психика является как особой формой отражения действительности, так и особым свойством мозга, благодаря которому это отражение становится возможным. Согласны мы и в том, что функция психики – обеспечение адекватности поведения субъекта в условиях объективной действительности. Однако именно в силу последнего и того обстоятельства, что объективная действительность непрерывно изменяется, мы считаем, что под психикой следует понимать субъективное отражение не той действительности, в которой субъект находится "здесь и сейчас", а ее ближайшего будущего – ближайшего на тот промежуток времени Δt, который требуется для получения знаний об этом будущем (Корниенко А.Ф., 2005). Только в этом случае поведение субъекта будет адекватным той объективной действительности, в которой он будет оказываться каждый раз по истечении времени Δt. В противном случае его поведение каждый раз будет на время Δt запаздывающим. Для получения знаний о ближайшем будущем объективной действительности, собственно, и возникает у живых организмов в ходе их эволюционного развития мозг и развитая нервная система.

Психический процесс мы определяем как информационную составляющую нейрофизиологического процесса, протекающего в мозге, содержанием которой и являются знания о ближайшем будущем действительности (Корниенко А.Ф., 2009). Поскольку для осуществления адекватного поведения в ситуации ближайшего будущего организму необходимы знания: 1) о содержании ситуации; 2) о степени ее значи-

мости для организма и 3) о действиях, которые возможны или доступны для организма в этой ситуации, получение каждого типа знаний обеспечивается психическими процессами соответствующей группы: познавательными, эмоциональными и волевыми.

Среди познавательных процессов мы выделяем четыре процесса, отличающиеся по уровню сложности и соответствующие уровням развития психики. Это – ощущение, восприятие, мышление и сознание (Корниенко А.Ф., 2003). К познавательным относятся также память и воображение, которые, пользуясь терминологией Л.М. Веккера (Веккер Л.М., 2000), можно назвать "сквозными" психическими процессами. Речь и внимание, традиционно относящиеся к познавательным процессам, мы вообще не считаем психическими процессами (то есть процессами отражения), полагая, что речь – это вид деятельности, а внимание есть психическое состояния, под которым понимается определенная форма организации психических процессов.

В группе эмоциональных процессов мы выделяем три вида психических процессов: эмоции, чувства и переживания (Корниенко А.Ф., 2005). Отличие их состоит в том, что в эмоциях отражается субъективная значимость непосредственно отражаемого (результатов ощущения и восприятия), в чувствах – представляемого (результатов памяти и воображения), в переживаниях – осознаваемого (результатов процесса осознавания).

В группе волевых психических процессов в силу отсутствия более содержательных терминов выделяются: 1) простые; 2) сложные и 3) сознательные. Простой волевой процесс обеспечивает получение знаний о возможном продолжении в ситуации ближайшего будущего той формы поведения, которая уже осуществляется в настоящем. Сложный обеспечивает получение знаний о возможных формах поведения в ситуации ближайшего будущего без их непосредственного выполнения. Сознательный волевой процесс – это волевой процесс, который сопряжен с процессами осознавания особенностей ситуации и самих форм поведения.

Первая стадия эволюционного развития психики характеризуется одновременным и взаимосогласованным развитием ощущений, эмоций и простых волевых психических процессов, которые обеспечивают организму возможность осуществления различных видов сенсомоторных реакций. Вторая стадия характеризуется дополнительным развитием процессов восприятия и возможностью осуществления предметно-манипулятивных действий. На третьей стадии появляются процессы мышления, чувства и сложные волевые процессы. Соответственно появляется возможность осуществлять интеллектуальные формы поведения. Четвертая стадия связана с появлением сознания и возможностью осуществления социальных форм поведения в условиях социальной среды.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПОНЯТИЯ "ПСИХИКА" И "СОЗНАНИЕ", "СОЗНАТЕЛЬНОЕ" И "БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ"

Данная работа направлялась на IV Международную конференцию по когнитивной науке, проходившей в Томске 22-26 июня 2010 года, но не была принята к публикации.

На всем протяжении развития психологии как науки перед психологами вставали две одни и те же фундаментальные проблемы: 1) что такое "психика" и 2) что понимать под "сознанием"? Длительное время понятия "психика" и "сознание" не дифференцировались и использовались фактически как синонимы. Как отмечал А.Н. Леонтьев, "потребовались века, чтобы освободиться от отождествления психического и сознательного" (Леонтьев А.Н., 1983). В настоящее время сознание получило статус высшего уровня развития психики, присущего человеку. Однако, по мнению, например, В.М. Аллахвердова, "о чем, собственно, идет речь, когда мы говорим о сознании, на самом деле никому не известно" (Аллахвердов В.М., 2003).

Вместе с выделением сознания как особого психического явления получили право на существования понятия о бессознательной психике и бессознательных психических процессах. Одновременно умножилось количество проблем в психологии – появились дополнительные проблемы соотношения "психики" и "сознания", "сознательного" и "бессознательного". Однако центральной, несомненно, остается проблема с определением понятия "психика". Указывая на трудности в определении предмета психологии, Н.И. Чуприкова отмечает, что "… все трудности начинаются тогда, когда поднимается вопрос о том, что же такое психика" (Чуприкова Н.И., 2004). Без ответа на этот вопрос невозможно ни определить суть "сознания", как высшего уровня ее развития, ни решить проблему соотношения "сознательного" и "бессознательного", как особых областей "психического".

Согласно общепринятому на сегодня определению, психика есть свойство мозга, которое обеспечивает появление у субъекта (носителя психики) субъективного отражения объективной действительности и регуляцию поведения субъекта на основе этого отражения. Однако отражение действительности и регуляция поведения живого организма

обеспечивается не только психикой и психическими процессами. Существуют и другие формы отражения, в частности, биохимическая и физиологическая (в том числе и нейрофизиологическая), благодаря которым организм также имеет возможность получать знания об особенностях объективной действительности и использовать эти знания в регуляции двигательной активности. Обычно данное положение ни кем не оспаривается, но почему-то при построении частных концепций "психического" оно фактически игнорируется.

А.Н. Леонтьев, например, предложил рассматривать в качестве простейшей формы психики особую форму раздражимости, которую он назвал чувствительностью, на том лишь основании, что с ее появлением приспособление организма приобретает "форму отражения воздействующих свойств среды в их объективных связях и отношениях" (Леонтьев А.Н., 1983). В результате обладателями психики стали даже простейшие живые организмы, у которых нет ни мозга, ни нервной системы. "Мы знаем, – утверждает Е.А. Климов, – что существует и донервная ступень развития психики у простейших животных" (Климов Е.А., 1999).

Игнорирование нейрофизиологических форм отражения проявляется в утверждении Н.И. Чуприковой о том, что "везде, где параметры ответных реакций согласованы с параметрами вызывающих их воздействий, имеет место отражение соответствующих ключевых параметров стимуляции в нервной системе и, следовательно, имеет место психика" (Чуприкова Н.И., 2004). В итоге в концепции Н.И. Чуприковой психическими процессами стали называться хотя и особые, но все же нервные процессы. "К процессам психическим, – по мнению Н.И. Чуприковой, – должны быть отнесены только нервные процессы одного определенного класса, состоящие в построении информационных моделей мира и внутренних состояний самого живого существа".

Очевидно, что, называя нервный процесс психическим, мы вынуждены признать психический процесс, как и любой нервный процесс, материальным процессом. Однако это явно противоречит положению о том, что психика и психические процессы представляют собой не материальные образования, а особые свойства материальной субстанции, в частности, мозга.

Более перспективным выглядит определение психического процесса не как особого нервного процесса, обеспечивающего информационные преобразования, а как самого процесса преобразования информации. "Нам думается, – пишет Д.И. Дубровский, – что трактовка психических явлений как информационных процессов, осуществляемых головным мозгом, открывает весьма широкие методологические возможности для разработки проблемы «сознание и мозг»" (Дубровский Д.И., 1990).

В отличие от нервного процесса, который является материальным носителем информации, сам информационный процесс материальным не является. Вместе с тем, и в этом случае необходимо учитывать, что любые формы отражения, в том числе и физиологические, содержат в своей основе информационные процессы. Когда, например, при воздействии на организм внешнего раздражителя S интенсивностью I_S в сенсорной системе организма возникают соответствующие этому воздействию потоки нервных импульсов частотой f_I, то имеют место два процесса: а) материальный процесс преобразования энергии внешнего воздействия в потоки нервных импульсов ($I_S \rightarrow f_I$) и б) информационный процесс получения организмом знаний (информации) о параметрах воздействия $f_I \rightarrow I_S^{'}$, где $I_S^{'}$ – информационный эквивалент (Анохин П.К., 1969) или "нервная модель" (Соколов Е.Н., 1986) воздействия.

Если в основе любой формы отражения лежат информационные процессы, то в чем, собственно, состоит особенность информационного процесса, который имеет место при психической форме отражения действительности?

В наших работах на протяжении более десяти лет (Корниенко А.Ф., 2000, 2005, 2007, 2008, 2009) обосновывается положение о том, что специфика психической формы отражения действительности заключается в получении организмом, благодаря наличию мозга, знаний (информации) об особенностях не той действительности, которая существует "здесь и сейчас", а той, которая будет через небольшой промежуток времени Δt. Длительность этого временного промежутка Δt (времени опережения в отражении действительности) определяется скоростью нервных процессов, обеспечивающих получение знаний об осо-

бенностях ближайшего будущего действительности и использование их в регуляции поведения. "Психика", таким образом, понимается как свойство мозга, которое обеспечивает организму возможность получения знаний об особенностях объектов и явлений ближайшего будущего объективной действительности. Сам процесс получения соответствующих знаний, есть не что иное, как психический процесс, как практическая форма реализации психики.

Развитие психики рассматривается нами как развитие всей совокупности психических процессов (познавательных, эмоциональных и волевых), начиная с простейших процессов (ощущений, эмоций и простых волевых процессов) и заканчивая самыми сложными, к которым относятся сознание, переживания и сложные волевые процессы.

Что касается сознания как высшего уровня развития психики, то оно определяется нами как особый познавательный психический процесс, результатом которого является образование в психике субъекта образа самого себя, как носителя психики, который обычно, называется образом "Я". Совокупность образов, связанных с образом "Я", включая сам образ "Я", составляет в психике область "сознательного". Все остальные образы, не образующие связи с образом "Я", составляют содержание области "бессознательного". Психические процессы, результатом которых являются образы, связанные с образом "Я", суть сознательные психические процессы, а те психические процессы, результатом которых являются образы, несвязанные с образом "Я", есть не что иное, как бессознательные психические процессы, протекающие в области "бессознательного".

Проблемы
психологии
мышления

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ

Диалог культур: проблемы толерантности, межкультурной коммуникации и межконфессионных отношений: Материалы итоговой научно-практической конференции ТАРИ. Казань, 23 мая 2003 г. – Казань: РИЦ "Титул", 2003. – С. 137-140.

Основные проблемы, которые имеют место в психологии в связи с попытками интерпретации и построения непротиворечивой теории мышления как познавательного психического процесса, возникающего на определенной стадии эволюционного развития психики, обусловлены во многом отсутствием четкого определения и необоснованным признанием монопольной принадлежности мышления только человеку. Наиболее ярко эти проблемы высветились в работе Л.М. Веккера "Психика и реальность" [1], в которой предпринимается попытка создания единой теории психических процессов.

Как отмечает Л.М. Веккер, "рассуждая в общем виде, можно полагать, что ход эволюционного развития психики, продвигаясь под действием биологических закономерностей от одного ее уровня к другому, т.е. от сенсорики к перцепции и далее к вторичным образам, привел на следующем очередном этапе к возникновению мыслительных и даже речемыслительных процессов, которые, будучи, таким образом, результатом действия обычных биологических детерминант психического развития, стали затем предпосылкой последующей качественно новой его фазы – фазы социально-исторического развития человека и человеческого общества" [1, с. 168]. Однако Л.М. Веккер усматривает в подобном рассуждении проявление "исторического идеализма" и "идеалистического понимания генезиса человеческого мышления". Данная точка зрения объясняется тем, что в его представлении, как и в представлении многих других психологов, мышление изначально рассматривается как атрибут именно человеческой психики, как процесс, неразрывно связанный с речью. В качестве гносеологической альтернативы "идеалистическому пониманию генезиса человеческого мышления" Л.М. Веккер выдвигает положение о том, что "если все предшествующие уровни и формы образной ("чувственной") психики действи-

тельно являются результатом общебиологической фазы эволюции …, то по отношению к мышлению ситуация обратная. Совместная деятельность и общение … являются необходимой причиной или предпосылкой, а мышление – следствием или результатом" [1, с. 169]. По мнению Л.М. Веккера, биологическая детерминация эволюционного развития психики ограничивается лишь уровнем развития сенсорно-перцептивных процессов. Далее она дополняется детерминацией социальной, которая и становится непосредственной предпосылкой и главным фактором развития мыслительных процессов.

Мысль о том, что биологическая детерминация эволюционных процессов развития психики дополняется социальной, нельзя назвать оригинальной. Она высказывалась, в частности, в работах А.Н. Леонтьева [2, 3]. Однако А.Н. Леонтьев рассматривал социальную детерминацию не только и даже не столько в связи с интерпретацией развития человеческого мышления, которое он считал "мышлением в собственном смысле", но и в связи с возникновением сознания.

Расхождения во взглядах на природу и специфику процессов мышления обусловливают возникновение ряда вопросов, которые имеют самое непосредственное отношение к гносеологическим проблемам психологии мышления.

Несомненно, центральным является вопрос о том, что такое мышление. Вопрос о том, является ли мышление прерогативой лишь человеческой психики, или оно присуще и животным, может быть решен на основании анализа признаков мышления, указываемых в определении.

В разных учебниках и фундаментальных работах по общей психологии при определении мышления обычно указываются следующие его характеристики:

- мышление – это отражение связей и отношений объектов и явлений действительности;
- мышление – это обобщенное и опосредованное отражение;
- мышление – это процесс, направленный на решение задач;
- мышление – это процесс, неразрывно связанный с речью.

Если полагать, что процесс, называемый мышлением, должен содержать все указанные характеристики без исключения, то, конечно же, мышление может быть только у человека, поскольку у животных нет речи. Однако из приведенных характеристик собственно определяющими суть мышления являются лишь первые две – именно они отвечают на вопрос, что такое мышление. Третья и четвертая характеристики отвечают совсем на другие вопросы, в частности, на вопросы о том, на что направлено и с чем связано мышление. При этом эксплицитно предполагается, что уже известно, что такое мышление. В связи с этим последние две характеристики в определении мышления как психического процесса могут быть опущены.

Принимая во внимание первые две характеристики, следует признать, что рассматривать мышление как процесс, присущий только человеку, особых оснований нет. Однако, по мнению Л.М. Веккера, вопрос сводится к тому, "… достаточны ли эти признаки для проведения четкой демаркационной линии между структурой мысли и структурой образов… и являются ли они, взятые в своем общем виде, действительно вторичными, производными по отношению к социальной детерминации мыслительных актов" [1, с. 172].

Изначальная установка на социальную детерминацию мыслительных процессов, под которыми фактически понимаются процессы речемыслительные, естественно, порождает проблему перехода от образа к мысли (слову). Для решения данной проблемы Л.М. Веккер был вынужден поставить вопрос о переходных формах, занимающих промежуточное положение между перцептивными и мыслительными процессами. Однако, по существу, проблема состоит не в переходе от образа к мысли, а в переходе от образа к слову – не как образ переходит в мысль, а как он облачается в слово. Соответственно, переходные формы надо было искать не между перцептивными и мыслительными процессами, а между перцептивными и теми процессами, благодаря которым происходит порождение слова. Такими процессами, как известно, в частности, из работ А.Н. Леонтьева [2], С.Л. Рубинштейна [4], являются процессы сознания. Именно с возникновением сознания, возникает

язык и речь и происходит порождение слова, как "обозначающего отражения" – образ обозначается словом (отражается в слове) с тем, чтобы можно было передать содержание образа другому человеку в процессе общения (деятельности). Учитывая данное обстоятельство, можно утверждать, что искомой "переходной формой", благодаря которой решается проблема перехода от образа (перцепции) к слову (сознанию) являются процессы мышления.

В связи с тем, что мышление занимает промежуточное положение между перцептивными процессами и сознанием, вызывает сомнение обычно приводимая в учебниках характеристика мышления как высшего уровня развития познавательных психических процессов. Более правильным, на наш взгляд, было бы признание в качестве высшего уровня познавательных психических процессов не процессов мышления, а сознания.

Рассматривая мысль, как продукт мышления, вне связи со словом (речью), мы получаем возможность допустить наличие процессов мышления и способности к продуцированию мыслей не только у человека, но и животных. Однако при этом значительно возрастает значение вопроса о том, в какой форме мысль представлена в психике. Частично ответ на этот вопрос содержится в общепринятом делении мышления на образное (невербальное) и понятийное (вербальное). Образное мышление характеризуется как процесс оперирования образами и отражения связей между ними. Понятийное мышление рассматривается как процесс оперирования понятиями (словами) и установления между ними логических и смысловых связей. Результатом мышления, то есть мыслью, как в первом, так и во втором случаях будет выступать связь. Установление связи означает появление мысли, а появление мысли, соответственно, означает установление связи.

В случае образного мышления мысль, представляющая собой связь между образами, причем не только первичными (сенсорно-перцептивными), но и вторичными (образами памяти и воображения), также должна рассматриваться как образ. Однако в отличие от образа восприятия, памяти или воображения продукт мышления, т.е. мысль,

является более сложным образом, состоящим из двух и более взаимосвязанных исходных образов. В состав такого интегрального образа на правах исходного могут входить и другие мысли, что обеспечивает возможность образования цепочки мыслей. А это уже есть не что иное, как процесс размышления. Соответствующие размышления, очевидно, лежат в основе так называемой рассудочной деятельности животных, имеющих достаточно высокий уровень развития психики.

В случае понятийного мышления мысль является отражением связи между понятиями или словами. Однако слово, независимо от его обозначающего или семантического значения, при воздействии на человека или животного, прежде всего, вызывает появление в психике соответствующего чувственного слухового или зрительного образа. Этот чувственный образ слова наряду с другими образами объектов и явлений действительности становится исходным для процессов мышления. В результате мышления образуется связь чувственного образа слова с образом того объекта или явления действительности, для обозначения которого это слово используется.

У животных, не имеющих сознания и, соответственно, речи, чувственный образ слова не имеет семантического значения и выступает лишь как условный физический раздражитель, который в результате процессов присущего им образного мышления включается в общую систему условно-рефлекторных связей. Мысль у животного выражается в соответствующем действии или поведении.

У человека чувственный образ слова в процессе мышления соотносится с образом обозначаемого этим словом объекта или явления действительности и включается в систему смысловых семантических связей. Приобретая семантическое значение, слово начинает выступать для человека не только как регулятор условно-рефлекторных форм поведения (что имеет место, например, на начальном этапе раннего детства), но и как средство выражения мысли (что наблюдается к концу раннего детства в связи с появлением сознания и овладением речью).

Если совокупность объектов и явлений действительности, отражением которых являются исходные для мышления образы, назвать ситу-

ацией, тогда мышление можно определить как процесс субъективного отражения ситуации в совокупности взаимосвязанных объектов и явлений действительности.

Данное определение не только раскрывает суть понятия мышления, но и позволяет выделить специфику мышления по сравнению с другими познавательными психическими процессами. Кроме того, появляется возможность упорядочить все познавательные психические процессы с точки зрения уровней эволюционного развития форм психического отражения действительности. Специфика мышления и его место в структуре познавательных психических процессов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Познавательные психические процессы и их характеристики

Познавательный психический процесс	Характеристика процесса
1. Ощущение	Психическая форма отражения отдельных свойств объектов и явлений действительности при непосредственном воздействии на органы чувств.
2. Восприятие	Психическая форма отражения отдельных объектов и явлений действительности в совокупности их свойств и качеств при непосредственном воздействии на органы чувств.
3. Мышление	Психическая форма отражения отдельных ситуаций в совокупности взаимосвязанных объектов и явлений действительности.
4. Сознание	Психическая форма отражения себя как субъекта социальных отношений в определенной ситуации.

Литература:

1. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл; Per Se, 2000.

2. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М., 1959.

3. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2000.

4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2001.

СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМЫ ПОНИМАНИЯ

"Ребенок и взрослый в мире речевой деятельности": Материалы 10-ой Международной конференции по психологии и педагогике чтения, посвященной 70-летию А.А. Леонтьева. Москва, 20 - 21 января 2006 г. – М., 2006.

Придавая пониманию статус "проблемной области психологии мышления, которая изучена явно недостаточно", В.В. Знаков [4, с. 19] отмечает, что "исследователи до сих пор испытывают трудности с указанием той роли, которую понимание играет в *мыслительной деятельности*, с определением того, является ли оно компонентом, стороной, видом или одним из *процессов мышления*".

На наш взгляд, многие проблемы, которые возникают в психологии мышления и, в частности, при рассмотрении понятия "понимание", обусловлены отсутствием четкой дифференциации двух понятий: "процесс мышления" и "мыслительная деятельность", что и проявилось в высказывании В.В. Знакова. Определение процесса мышления через понятие "деятельность" дается как в работах С.Л. Рубинштейна, так и в работах А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейн, например, прямо указывал на то, что "всякий мыслительный *процесс* является по своему внутреннему строению действием или актом *деятельности*, направленным на разрешение определенной задачи" [8, с. 317]. Следует отметить, что, признавая, в целом, наличие различий в понятиях "процесс" и "деятельность", С.Л. Рубинштейн понимал под деятельностью не особую форму активности человека, отличную от процесса, а особый процесс, присущий человеку, "посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему его миру, другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь" [8, с. 34]. В принципе, такое же соотношение между понятиями "деятельность" и "процесс" дается и в концепции деятельности А.Н. Леонтьева. Выделяя в качестве основных "составляющих" человеческой деятельности осуществляющие ее действия, А.Н. Леонтьев действием называет "*процесс* (*курсив наш – А.К.*), подчиненный сознательной цели" [7, с. 89].

Так о чем должна идти речь, когда мы рассматриваем понимание – о мыслительной деятельности или процессе мышления?

Прежде всего, необходимо развести данные понятия.

При определении мышления как процесса обычно указываются следующие его характеристики:

- мышление – это процесс отражения связей и отношений объектов и явлений действительности;
- мышление – это обобщенное и опосредованное отражение;
- мышление – это процесс, направленный на решение задач;
- мышление – это процесс, неразрывно связанный с речью.

Однако из приведенных характеристик определяющими суть мышления являются лишь первые две – именно они отвечают на вопрос: "Что такое мышление?". Третья и четвертая характеристики отвечают на вопросы о том, на что направлено и с чем связано мышление, но не что такое мышление. В связи с этим последние две характеристики в определении мышления как психического процесса могут быть опущены.

Что касается мыслительной деятельности, то, исходя из общей теории деятельности А.Н. Леонтьева [5], следует указать наличие мотива этой деятельности и цели, под которой понимается то, что должно быть достигнуто в результате деятельности. Конечно же, мыслительная деятельность, как особая форма активности человека, побуждаемая определенным мотивом и направленная на достижение определенной цели, осуществляется с участием процессов мышления. Однако это не является достаточным основанием, чтобы считать процесс мышления деятельностью, даже если он протекает в психике человека. Деятельность представляет собой не процесс и даже не совокупность процессов, а особую форму организации и регуляции процессов, направленных на достижение цели. И эта организация процессов осуществляется под непосредственным контролем сознания. В структуру мыслительной деятельности, как специально организованной формы активности, входят не только процессы мышления, но и другие психические процессы, причем не только познавательные, но и эмоциональные, и волевые.

Обычно начало мыслительной деятельности связывают с возникновением некоторой проблемы, выражающейся в отсутствии или недостатке знаний, необходимых для регуляции поведения и выполнения какой-либо практической или теоретической деятельности. По словам С.Л. Рубинштейна, "начальным моментом мыслительного процесса обычно является проблемная ситуация. Мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять" [7, с. 317]. В данном случае *понимание* выступает как *цель* мыслительной деятельности. Само же *понимание* как *результат* мыслительной деятельности достигается с помощью процессов мышления, составляющих процессуальную или операциональную основу мыслительной деятельности. На связь понимания с процессами мышления указывается и в определении мышления, которое приводится В.И. Гинецинским: "Мышление – процесс отражения связей и отношений, недоступных непосредственному чувственному восприятию, сопровождающийся переживанием чувства понятности (понимания) ситуации" [3, с. 178].

Но что значит "понять"? Значит ли это – получить знания? С одной стороны – да, поскольку в результате мышления восполняется недостаток знаний. Однако получение знаний не является специфической характеристикой мышления. Это общая характеристика всех психических процессов (в том числе, процессов мышления) и всех видов познавательной деятельности (в том числе, мыслительной). В связи с этим специфику и сущность понимания необходимо искать в специфике мышления, которая, как следует из приведенных выше определений, состоит в отражении связей и соотношений объектов и явлений действительности.

Учитывая, что процессы психического отражения представляют собой процессы получения знаний или процессы формирования в психике соответствующих образов объектов и явлений действительности, специфику мышления и, соответственно, сущность понимания можно соотнести с процессами установления в психике связей между определенными образами или определенными знаниями. Понять – значит установить связь. Понимание – есть установление связи. Вместе с тем,

поскольку установление связи является результатом мышления, понимание также может рассматриваться как результат мышления.

В итоге мы приходим к выводу, что понимание, рассматриваемое в контексте мыслительной деятельности, может выступать в качестве ее цели, а при достижении цели и в качестве ее результата. По отношению к процессу мышления, в характеристике которого отсутствует понятие цели, понимание выступает лишь как его результат.

Если образование связи между двумя образами (знаниями), как результат процесса мышления, обозначить понятием "мысль", то можно сказать, что в процессе и в результате процесса мышления возникают мысли, а с появлением мыслей возникает и понимание.

Обычно в психике имеется не два, а множество разных образов, и образование связей между ними в процессе мышления может происходить как по принципу симультанности, так и по принципу секцуссивности. Целенаправленный поиск и целенаправленное, последовательное установление связей между разными образами (по принципу секцуссивности) представляет собой мыслительную деятельность, в результате которой возникает определенная цепочка мыслей. Такую форму мыслительной деятельности обычно обозначают понятием "размышление". Размышлять – значит целенаправленно устанавливать различные цепочки связей между образами или знаниями, представленными в психике. Целью и результатом размышления также является понимание. Одномоментное образование связей между множеством образов (по принципу симультанности) соответствует понятию "инсайта". Осознание инсайта субъективно воспринимается как "озарение" или то, что называется понятием "эврика".

Однако установление множества связей и различных цепочек связей между образами в психике может происходить и в отсутствии целенаправленной деятельности. Все это может иметь место и в рамках обычного процесса мышления без постановки специальной цели и наличия сознания, то есть даже в психике животных, обладающих мышлением. В связи с этим понятие "понимание" можно быть применимо и по отношению к животным. Животные тоже могут понимать,

точнее у них возможны процессы понимания, как процессы установления связей между образами и теми знаниями, которыми они располагают. Соответственно, у животных возможно и возникновение мыслей, как результатов процесса мышления, и возникновение инсайтов.

Следует отметить, что в современной классической психологии, основанной на работах С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского и ряда других выдающихся психологов, употребление понятия "мысль" по отношению к животным считается некорректным и даже недопустимым. Дело в том, что мыслительная деятельность человека обычно рассматривается как деятельность речемыслительная, а процесс мышления – как процесс, неразрывно связанный с речью. Соответственно понятие "мысль" соотносится не с понятием "образ", а с понятием "слово", являющимся элементарной структурной единицей речи. Коль скоро у животных нет речи и нет слов, следовательно, делается вывод, что у них не может быть и мыслей. Однако данный подход порождает проблему перехода от образа к мысли, для решения которой Л.М. Веккер [1] был вынужден поставить вопрос о переходных формах психических процессов, занимающих промежуточное положение между перцептивными и мыслительными процессами.

Более эффективной, на наш взгляд, была бы дальнейшая разработка понятия "мысль", как результата мышления, вне связи со словом (речью). Во-первых, это избавляет от возникновения дополнительных проблем, а во-вторых, решение проблемы перехода от мысли к слову фактически содержится в работах Л.С. Выготского, согласно представлениям которого, превращение мысли в слово, ее материализация и объективация осуществляется во внешней речи [2, с. 1009].

Возникновение слова и речи, как показано в работах А.Н. Леонтьева [6], С.Л. Рубинштейна [7], связано с возникновением сознания. Именно с возникновением сознания происходит порождение слова, как "обозначающего отражения" – образ обозначается словом (отражается в слове) с тем, чтобы в процессе общения (в речи) можно было передать содержание образа другому человеку.

С появлением слова в психике человека начинают возникать образы особого типа, которые условно можно назвать "вторичными" образами, выполняющими функцию обозначения "первичных" образов, являющихся отражением свойств объектов и явлений внешней объективной действительности. "Вторичные" образы могут возникать в психике как слуховые (если слово представлено набором звуков) либо как зрительные (если слово представлено набором букв). Очевидно, что между "вторичными" и соответствующими им "первичными" образами благодаря процессам мышления устанавливаются определенные связи. Эти связи, являясь результатом мышления, как и связи между "первичными" образами, представляют собой не что иное, как мысли, обеспечивающие понимание соответствующих слов. Однако связи могут образовываться и между "вторичными" образами, то есть между образами слов. В силу специфики этих образов и специфики образуемых связей процесс мышления в данном случае может быть назван как процесс вербального мышления, в отличие от процесса образного мышления, обеспечивающего образование связей между "первичными" образами.

Для того, чтобы выразить в словах какую-либо мысль, характеризующую связь между образами, необходимо наличие связей образов, образующих мысль, с соответствующими словами. Если слово непонятно, значит образ этого слова в психике не имеет необходимых связей с другими "первичными" или "вторичными" образами. Примером такого непонимания может служить известная в филологии фраза: "Глоокая куздра бодланула бокра и кудрячит бокренка". Выражение мысли в словах – есть суждение. Выражение последовательности мыслей в речи – есть рассуждение. Как указывал Л.С. Выготский: "То, что в мысли содержится симультанно, то в речи развертывается сукцессивно" [2, с. 1012].

Литература:

1. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.

2. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2003. – 1136 с.

3. Гинецинский В.И. Пропедевтический курс общей психологии. Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. – 200 с.

4. Знаков В.В. Понимание как проблема психологии мышления // Вопр. психол., 1991. – № 1. – С. 18-26.

5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

6. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 584 с.

7. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2000. – 511 с.

8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2001. – 720 с.

ПРОЦЕССЫ МЫШЛЕНИЯ, ПОНИМАНИЯ, СОЗНАНИЯ И ОСОЗНАНИЯ

Психология когнитивных процессов /Материалы 3-й Международной научно-практической конференции. Смоленск, 14-15 мая 2009 года; под ред. А.Г. Егорова, В.В. Селиванова (сборник статей). – Смоленск: Универсум. – С. 47-54.

Понятия "мышление", "понимание", "сознание" и "осознание" относятся к категории психологических понятий, о которых, выражаясь словами М.К. Мамардашвили, можно сказать, что это "… нечто такое, о чем мы как люди знаем все, а как ученые не знаем ничего" (Цит. по [2, с. 52]). Каждый человек уверен, что он знает, и что такое "мышление", и что такое "сознание", и что значит "понимать" или "осознавать". Смыслы и значения этих понятий в обыденной жизни, за пределами науки считаются очевидными, само собой разумеющимися и не требующими дополнительных пояснений или определений. Однако в науке все намного сложнее. Здесь требуется не интуитивное и не метафорическое понимание смысла какого-либо понятия, а его формально-логическое, вербальное и желательно однозначное и непротиворечивое научное определение или толкование. К сожалению, приходится констатировать, что в психологии как науке с формулировкой такого рода научных определений имеются большие сложности.

Рассмотрим в качестве примера одно из высказываний В.В. Знакова – признанного специалиста в области психологии мышления и понимания. Придавая пониманию статус "проблемной области психологии мышления, которая изучена явно недостаточно", В.В. Знаков отмечает: "Исследователи до сих пор испытывают трудности с указанием той роли, которую понимание играет в мыслительной деятельности, с определением того, является ли оно компонентом, стороной, видом или одним из процессов мышления" [5, с. 19]. В данном высказывании, во-первых, подчеркивается общенаучная проблема с определением понятия "понимание" и, во-вторых, проявляется отсутствие четкой дифференциации двух понятий: "процесс мышления" и "мыслительная деятельность".

Синонимичность этих понятий и определение процесса мышления через понятие "деятельность" в отечественной психологии является традиционным и восходит к работам С.Л. Рубинштейна [14] и А.Н. Леонтьева [10]. С.Л. Рубинштейн, например, прямо указывал на то, что "всякий мыслительный процесс является по своему внутреннему строению действием или актом деятельности, направленным на разрешение определенной задачи" [14, с. 317]. Следует отметить, что, признавая, в целом, наличие различий в понятиях "процесс" и "деятельность", С.Л. Рубинштейн понимал под деятельностью особый процесс, присущий человеку, "посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему его миру, другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь" [14, с. 34].

Такое же соотношение между понятиями "деятельность" и "процесс" принимается и А.Н. Леонтьевым. Выделяя в качестве основных "составляющих" человеческой деятельности осуществляющие ее действия, А.Н. Леонтьев действием называет "процесс, подчиненный сознательной цели" [10, с. 89]. Однако как бы мы не уточняли специфику процесса, при которой он приобретает статус деятельности, он, тем не менее, остается процессом.

Точно также, какой бы сложный физиологический процесс мы не рассматривали, пытаясь определиться с понятием "психика", он всегда будет оставаться физиологическим. Придание сложному физиологическому процессу статуса психического, равносильно сведению психического к физиологическому, в чем, в частности, справедливо упрекали И.П. Павлова, который полагал, что психические явления – это всего лишь более сложные процессы высшей нервной деятельности. "Какая важность в том, как называть их, – писал И.П. Павлов, – психическими или сложно-нервными, в отличие от простых физиологических…" [13, с. 346].

Так о чем должна идти речь, когда мы говорим о понимание – о мыслительной деятельности или процессе мышления? Присуще ли по-

нимание животным или данное понятие применимо лишь по отношению к человеку и его человеческим формам мыслительной деятельности?

Поскольку человека от животного отличает наличие сознания, каким образом понятие "понимание" связано и связано ли с понятием "сознание"? Чем отличается "сознание" от "осознания", а "осознание" от "понимания"? На все эти вопросы в психологии нет четких ответов, что, впрочем, не удивительно, поскольку нет четких определений исходных понятий "психика", "психический процесс", "мышление", "сознание".

Как отмечает Н.И. Чуприкова, "… все трудности начинаются тогда, когда поднимается вопрос о том, что же такое психика" [17, с. 104]. Определяя психику и животных, и человека как особую функцию их мозга, как отражательную и регулирующую деятельность мозга, Н.И. Чуприкова утверждает: "к процессам психическим, согласно определению, должны быть отнесены только нервные процессы одного определенного класса…" [17, с. 112]. "Одной из фундаментальных задач нейронаук, – по мнению Н.И. Чуприковой, – должно стать нахождение обоснованных критериев для фактического естественнонаучного разграничения собственно психических и непсихических нервных процессов" [Там же]. Не трудно убедиться, что в данном случае, как и у И.П. Павлова, ставится знак равенства между психическими и нервными процессами, что, в общем-то, принято называть "физиологическим редукционизмом".

Что касается понятия "сознание", то, как считает В.М. Аллахвердов, "о чем, собственно, идет речь, когда мы говорим о сознании, на самом деле никому не известно" [2, с. 52]. Мало что проясняют в отношении "сознания" пространные высказывания типа "… сознание, как и дух, веет, где хочет, оно свободно. Его можно найти в любом психическом процессе…" [4, с. 13]. И уж тем более не способствует постижению сути и специфики сознания, как высшего уровня

развития психики, определение Г. Ханта, в котором сознание предлагается рассматривать как "способность к чувствительной подстройке к окружающей среде, обнаруживающуюся даже у простейших" [16, с. 19].

В качестве примера противоречивого до абсурдности определения понятия "осознание" можно привести определение А.Ю. Агафонова. Полагая, что осознание есть "конечный результат, интегральный психический продукт активности сознания", А.Ю. Агафонов пишет: "Любой осознаваемый эффект есть следствие неосознаваемой деятельности сознания" [1, с. 10-11]. По мнению автора, эта деятельность заключается в принятии сознанием решения об осознании. "Как осознание, так и неосознавание, – отмечает А.Ю. Агафонов, – трактуются как итоговые результаты когнитивного процесса, в котором одним из этапов является «принятие решения об осознании/неосознавании»" [1, с. 13]. Согласно представлениям А.Ю. Агафонова, получается, что осознание есть результат деятельности сознания по принятию решения об осознании, которая осуществляется сознанием неосознанно! Неужели такое можно понять?!

В психологической литературе изложение сущности мышления обычно начинается с рассмотрения процессов ощущения и восприятия, как процессов непосредственного чувственного познания. "Наше познание объективной действительности, – пишет С.Л. Рубинштейн, – начинается с ощущений и восприятия. Но, начинаясь с ощущений и восприятия, познание действительности не заканчивается ими. От ощущения и восприятия оно переходит к мышлению…". "Задача мышления, – указывает далее С.Л. Рубинштейн, – заключается в том, чтобы выявить существенные, необходимые связи, основанные на реальных зависимостях, отделив их от случайных совпадений по смежности в той или иной частной ситуации… Выявляя взаимосвязи и постигая действительность в этих ее взаимосвязях, мышление глубже познает ее сущность" [14, с. 309]. В данном контексте мышление, безусловно, от-

носится к категории познавательных психических процессов, и рассматривается именно как процесс, а не как деятельность.

Определяя мыслительный процесс как деятельность, С.Л. Рубинштейн уточняет, что это деятельность, направленная на решение задачи. "Задача эта, – указывает С.Л. Рубинштейн, – заключает в себе *цель* для мыслительной деятельности индивида, соотнесенную с *условиями*, которыми она задана. Направляясь на ту или иную цель, на решение определенной задачи, всякий реальный мыслительный акт субъекта исходит из тех или иных мотивов. … Весь процесс мышления в целом представляется сознательно регулируемой операцией" (14, с. 317). Вслед за С.Л. Рубинштейном, О.К. Тихомиров также определяет мышление как деятельность по решению задачи. "Психологически, – отмечает О.К. Тихомиров, – мышление часто выступает как деятельность по решению задачи, которая определяется обычно как цель, данная в определенных условиях". Более того, он считает, что "целеобразование или целеполагание есть одно из важнейших проявлений деятельности мышления" [15, с. 44]. На связь мышления с решением задач указывается практически во всех учебниках общей психологии. А.Г. Маклаков, например, пишет: "мышление всегда связано с решением той или иной *задачи*, возникшей в процессе познания или в практической деятельности. … Мышление всегда начинается с *вопроса*, ответ на который является *целью* мышления" [12, с. 300].

Как видим, когда речь заходит о мышлении, очень часто имеется в виду не процесс мышления, а мыслительная деятельность, целью которой считается решение задачи.

Чтобы разобраться, чем отличается мышление как процесс от мыслительной деятельности, следует рассмотреть базовые понятия "процесс" и "деятельность" через призму более широкого понятия "активность". Представляется целесообразно за понятием "деятельность" закрепить проявление лишь сознательной формы активности человека,

которую можно представить, как предлагал Б.Ф. Ломов [11], в виде вектора

, где "М" – мотив деятельности, как отраженная в сознании человека (осознаваемая) причина активности; "Ц" – цель деятельности как осознаваемый человеком результат, который может быть достигнут благодаря этой активности.

Что касается процесса, то его можно определить как форму активности, не связанной с сознанием, и потому присущей не только человеку, но и животным. Вместе с тем, как и деятельность, процесс, будучи особой формой активности, также характеризуется двумя признаками: наличием причины (П) возникновения определенной активности и ее результата (Р), и его также можно представить в виде вектора

.

Мыслительная деятельность, как сознательная форма активности человека, осуществляется человеком с помощью процессов мышления. Однако при решении задачи задействуются не только процессы мышления, но и процессы восприятия, памяти, воображения, а также эмоциональные и волевые психические процессы. Отсюда следует, во-первых, что мыслительная деятельность является лишь одной из составляющих более сложной деятельности, каковой является деятельность по решению задачи, и, во-вторых, что целью собственно мыслительной деятельности решение задачи не является.

Чтобы определиться с целью мыслительной деятельности, необходимо сначала определиться с тем, что является результатом процесса мышления.

Согласно определению В.И. Гинецинского, которое, на наш взгляд, достаточно адекватно отражает суть процесса мышления, "мышление – процесс отражения связей и отношений, недоступных непосредственному чувственному восприятию, сопровождающийся пе-

реживанием чувства понятности (понимания) ситуации" [3, с. 178]. Учитывая, что объекты и явления действительности отражаются в психике в форме образов, отражение связей между ними (то есть между объектами и явлениями действительности) можно рассматривать как установление в психике связей между их соответствующими образами. Именно это установление связей между образами (или знаниями, составляющими информационное содержание образов) и переживается человеком, согласно определению В.И. Гинецинского, как понимание. Из этого следует, что в качестве результата мышления можно рассматривать не только отражение связей и отношений объектов и явлений действительности, но и появление понимание. Если теперь путем замены результата на цель перейти от процесса мышления к мыслительной деятельности, то получим, что целью мыслительной деятельности является не решение задачи, а стремление что-то понять, найти и установить определенные связи и отношения между объектами ситуации или условиями задачи.

Собственно именно такое понимание цели мыслительной деятельности можно найти и в работе С.Л. Рубинштейна. По словам С.Л. Рубинштейна, "начальным моментом мыслительного процесса обычно является проблемная ситуация. Мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять" [14, с. 317]. Поскольку понять – значит добиться понимания, можно сказать, что понимание, рассматриваемое в контексте мыслительной деятельности, может выступать, с одной стороны, в качестве ее цели, а при достижении цели и в качестве ее результата. По отношению к процессу мышления, в характеристике которого отсутствует понятие цели, понимание выступает лишь как его возможный результат.

Когда мы говорим, имея в виду человека, обладающего сознанием, что "он понимает" – это означает, что человек осознает образование в его психике связи между определенными образами (или знаниями о

чем-то). Когда мы говорим "он пытается понять" – это означает, что человек осуществляет мыслительную деятельность, направленную на установление связей между возникающими в его психике отдельными образами или отдельными знаниями.

Использование аналогичных выражений по отношению к животным (например, "животные понимают") следует признать некорректным, поскольку у них нет сознания, и они не могут осознавать результаты протекающих в их психике процессов мышления. Однако, если у животных есть процессы мышления, то благодаря им между образами, имеющимися в психике животных, могут возникать определенные связи. Поскольку образование связей между образами есть понимание, значит, процессы понимания могут иметь место и у животных. Но по отношению к животным правильно будет говорить не "животные понимают", а "у животных возникает понимание". Они *не понимают*, потому что у них нет сознания, но у них *возникает понимание*, потому что у них есть процессы мышления. Возможность возникновения понимания у животных и регуляции их поведения на основе этого понимания прекрасно показана В. Кёлером [6] в исследованиях на обезьянах. Для обозначения этих явлений В. Кёлер предложил использовать понятие "инсайт".

Рассуждая о процессах понимания, о деятельности, в структуре которой выделяются мотив и цель, мы активно использовали понятия "сознание" и "осознание", не дав при этом их прямых научных определений. Хотя вряд ли это мешало пониманию того, о чем шла речь. Однако настало время и этим понятиям дать научные определения.

В последнее время в психологии принято определять сознание как некоторое интегративное психическое образование, в котором особым образом интегрируются все психические процессы [3]. Однако как психические процессы "интегрируются" и в каком соотношении остается невыясненным. Не ясно и чем отличается "интеграция" психических

процессов от "функциональной системы" или от "психического состояния", под которым понимается определенная форма организации психических процессов. Более приемлемым выглядит определение сознания, предложенное А.Н. Леонтьевым, согласно которому "сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния" [10, с. 166]. Однако, поскольку в данном случае сознание определяется фактически как особая психика с добавлением образа "Я", то, возникает проблема с определением психического процесса, результатом которого может быть образование этого образа "Я".

Решение этой проблемы представляется нам в признании в качестве такого психического процесса именно сознания. Определение сознания не как "интегративного психического образования" и не как "особой психики", а как особого познавательного психического процесса, обеспечивающего образование в психике человека образа "Я" как образа самого субъекта, являющегося носителем психики, было предложено и обосновано нами в работах [7, 8]. Механизм онтогенетического развития и социальной детерминации таким образом понимаемого сознания представлен в работе [9].

Что касается осознания, то оно определяется нами как результат процесса осознавания, который, в свою очередь, представляется как процесс образования связи образа "Я", являющегося результатом процесса сознания, с другими образами, возникающими в психике. При этом следует отметить, что осознание, будучи результатом образования связей между образами, возникающими в психике, подпадает под определение понятия "понимание". Это означает, что осознание фактически есть частный случай понимания, в котором одним из взаимосвязанных образов является образ "Я". Точно также процесс осознавания как процесс, результатом которого является осознание, представляет собой

частный случай процесса мышления, протекающего в психике человека с участием образа "Я".

Схематично суть процессов мышления, понимания, сознания и осознания представлена на рис. 1.

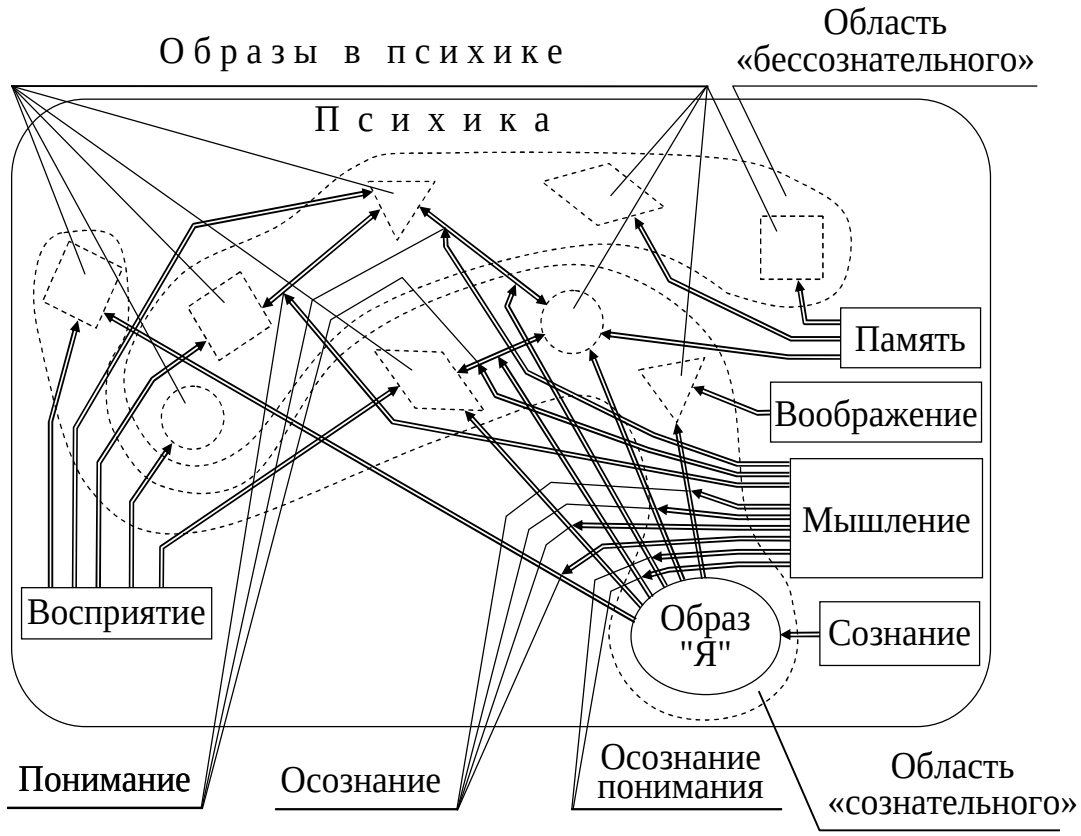

Рис. 1. Специфика психических процессов мышления, сознания, понимания и осознания, протекающих в психике человека.

На рис. 1 дополнительно показаны области психики, образуемые совокупностями образов, связанных и не связанных с образом "Я". В первом случае – это область "сознательного", во втором – область "бессознательного".

Поскольку результатом любого психического процесса является определенный образ, понимание как результат мышления также является образом, и как любой образ может благодаря процессу мышления связываться с образом "Я". В этом случае имеет место осознание понимания. У достаточно эмоционального человека осознание понимания обычно сопровождается возгласом "Эврика!".

Литература:

1. Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания или как сознание неосознанно принимает решение об осознавании. – Самара: ИД "Бахрах-М", 2007.

2. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб.: Издательство "Речь", 2003.

3. Гинецинский В.И. Пропедевтический курс общей психологии. Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997.

4. Зинченко В.П. Предисловие к русскому изданию //Хант Г. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. – М.: ООО "Издательство АСТ и др., 2004. – С. 11-15.

5. Знаков В.В. Понимание как проблема психологии мышления //Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 18-26.

6. Кёлер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян //Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления /под ред. Ю.Б. Гиппенрейтор, В.В. Петухова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 235-249.

7. Корниенко А.Ф. Проблемы сознания, осознания и самосознания //Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы I Всероссийской конференции. Самара, 29 июня – 1 июля 2007 г. – Самара: Изд-во "Научно-технический центр", 2007. – С. 61-63.

8. Корниенко А.Ф. Психологические механизмы социальной детерминации сознания и самооценки человека //Вестник университета (Государственный университет управления). № 12 (50). – М.: ГУУ, 2008. – С. 85-88.

9. Корниенко А.Ф. Функция сознания в психике человека //Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 4-го Всероссийского съезда психологов. Ростов-на-Дону, 17-22 сентября 2007 г. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 124-125.

10. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2000.

11. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984.

12. Маклаков А.Г. Общая психология. – СПб.: Питер, 2001.

13. Павлов И.П. Мозг и психика //Избранные психологические труды. – М.: Изд-во "Институт практической психологии"; Воронеж: НПО "МОДЭК", 1996.

14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2001.

15. Тихомиров О.К. Информационная и психологическая теория мышления //Вопросы психологии. – 1974. – № 1. – С. 40-48.

16. Хант Г. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. – М.: ООО "Издательство АСТ и др., 2004. – С. 11-15.

17. Чуприкова Н.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки //Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 104-118.

СОЗНАНИЕ: СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ, ОСОЗНАНИЯ И САМОСОЗНАНИЯ

Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы I Всероссийской конференции. Самара, 29 июня – 1 июля 2007 г. – Самара: Изд-во "Научно-технический центр", 2007. – С. 61-63.

В психологии проблема сознания по признанию многих ведущих психологов является одной из фундаментальных и трудноразрешимых проблем. Значимость этой проблемы особенно возрастает в последнее время, когда в неудержимом стремлении к ее разрешению предпринимаются попытки пересмотреть отношение к психике и сознанию и признать "банальными" и неверными представления о том, что "психика (а в конечном счете и сознание) предназначена для отражения действительности и регуляции деятельности" (Аллахвердов В.М., 2003).

Суть проблемы сознания обычно сводится к вопросу о том, каким образом возникает очевидный для человека факт представленности для него той внутренней картины мира, которая образуется в его психике. Когда мы говорим, например, что какой-то образ объекта или явления действительности возник в нашем сознании, значит, мы отдаем себе отчет в том, что этот образ возник именно у нас, в нашей психике.

Вместе с тем, по мнению А.Н. Леонтьева, в сознании находятся не только образы объектов и явлений действительности, но и образ самого человека. "Сознание, – пишет А.Н. Леонтьев, – в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния" (Леонтьев А.Н., 1975).

Учитывая, что в общем случае субъективная картина мира обозначается понятием "психика", получатся, по А.Н. Леонтьеву, что "сознание" – это та же "психика", но с добавлением образа "Я". Данное определение сознания, конечно же, позволяет говорить о нетождественности понятий "сознание" и "психика" и рассматривать сознание как высший уровень развития психики. Однако здесь возникает вопрос, на который почему-то не обращают особого внимания, хотя в нем, на наш взгляд, и состоит суть проблемы сознания. Если под сознанием понимать психику с добавлением образа "Я", то в результате какого психического процесса этот образ появляется в психике? Еще С.Л. Рубин-

штейн указывал на то, что "…психические образования не существуют сами по себе вне соответствующего психического процесса. Всякое психическое образование (чувственный образ вещи, чувство и т.д.) – это, по существу, психический процесс в его результативном выражении" (Рубинштейн С.Л., 2000). Принимая во внимание, что образ "Я" – это особый образ, следует, очевидно, говорить и об особом психическом процессе, результатом которого он является. И вот таким особым психическим процессом может быть именно сознание.

Сознание, таким образом, можно понимать не как особую "психику", а как особый познавательный психический процесс, в результате которого в психике человека образуется особый образ – образ "Я". В отличие от образа тела как биодинамического образования, формирование которого, как показано в работе В.В. Столина (Столин В.В., 1983), может происходить и в психике животного, образ "Я" – это образ, возникающий исключительно в психике человека, как образ носителя психики. Возникновение образа "Я" и, соответственно, сознания является социально обусловленным процессом, то есть определяется включенностью человека в социальные отношения. Только в системе социальных отношений, в общении и совместной деятельности с другими людьми у человека может возникать сознание и происходить формирование образа "Я" (Леонтьев А.Н., 1965).

При рассмотрении явлений сознания очень часто используется понятие "осознания". Предполагается, что если в сознании человека что-то возникает, значит, он это осознает. Если что-то человеком не осознается, значит, это не отражается в его сознании. Таким образом, процессы сознания и осознания оказываются неразрывно связанными. Осознание выступает как механизм наполнения сознания определенным содержанием. Благодаря осознанию сознание становится предметным. Без процессов осознания сознание представляется как некоторое беспредметное, бескачественное психическое образование.

Подобное понимание сознания соотносится с метафорическим представлением К. Ясперса (Ясперс К., 1997), который сравнивал сознание со "сценой", "… на которую выходят и с которой уходят отдель-

ные психические феномены". "Оставаясь в рамках той же метафоры, – отмечает К. Ясперс, – мы можем говорить о сужении сцены (сужении сознания)". Заполнение сознания как "сцены" отдельными психическими феноменами означает наполнение сознания определенными психическими образами. Считается, что этот процесс осуществляется благодаря процессам осознания.

В связи с этим возникают следующие вопросы: "Какие образы подлежат осознанию? Чем определяется необходимость осознания того или иного образа? Что представляет собой механизм осознания?". Оригинальный вариант ответа на эти вопросы предлагается А.Ю. Агафоновым в докторской диссертации, посвященной как раз проблемам сознания и осознания (Агафонов А.Ю., 2006). "Эффекты осознания, – пишет А.Ю. Агафонов, – оправдано трактовать как результаты познавательной деятельности, осуществляемой сознанием". Более того, он считает доказанным, что "эффект осознания есть конечный результат последовательной работы неосознаваемых механизмов сознания, одним из которых является механизм принятия решения об осознании". Справедливости ради, следует отметить, что в качестве "догадки" мысль о том, что "механизм сознания принимает специальное решение, что именно в данный момент следует осознавать (позитивный выбор, позитивное осознание), а что заведомо осознавать не следует (негативный выбор, негативное осознание)", была высказана В.М. Аллахвердовым. Очевидно, что оба автора фактически приписывают сознанию то, что всегда считалась прерогативой человека. Принимать решения и осознавать – это функции и способности человека, а не его сознания. Другое дело, что он [человек] делает это с помощью сознания точно так же, как не мышление мыслит, а человек с помощью мышления. Однако В.М. Аллахвердов полагает, что "упрощает действительный мир и отражает его, хотя и далеко не точно", именно сознание. Более того, сознание, по мнению В.М. Аллахвердова, "даже мыслит", и это мышление осуществляется "в категориях не реального, а иллюзорного, карикатурного мира". Наделяя сознание способностью

осознавать, да еще и мыслить, мы не распутываем, а еще больше запутываем и без того сложные проблемы сознания и осознания.

Запутыванию указанных проблем способствуют также попытки связать явления сознания с процессами понимания. В психологии практически общепринятым является рассмотрение процессов понимания в связи с процессами мышления. Трудности в изучении понимания, как отмечает В.В. Знаков, связаны лишь "с указанием той роли, которую понимание играет в *мыслительной деятельности*, с определением того, является ли оно компонентом, стороной, видом или одним из *процессов мышления*" (Знаков В.В., 1991). Процессы понимания признаются присущими не только человеческой психике, но и психике многих животных, у которых, как известно, нет сознания. Однако в работе А.Ю. Агафонова предлагается другая трактовка процессов понимания. "Поскольку, – пишет А.Ю. Агафонов, – понимание имманентно присуще всем формам сознательной активности, описание логики функционирования психических механизмов понимания − это и есть, по существу, объяснение того, как работает аппарат сознания". А как же тогда быть с пониманием у животных – признать у них отсутствие понимания или допустить наличие "аппарата сознания"?

Признавая наличие непосредственной связи понимания с процессами мышления, многие психологи склонны признавать "факт монопольной принадлежности мышления только человеку" (Веккер Л.М., 2000), считая мышление социально обусловленным процессом, неразрывно связанным с речью, которая, как известно, возникает вместе с сознанием. Соответственно, процессы понимания, будучи детерминированными процессами мышления, признаются непосредственно связанными с речью и сознанием. Отсюда и возникает проблема наличия понимания у животных в отсутствии сознания. Решение данной проблемы нам видится в том, чтобы не нагружать возникновение процессов мышления и понимания социальной обусловленностью, оставив ее лишь для процессов сознания и осознания.

Если под сознанием понимать познавательный психический процесс, в результате которого в психике образуется образ "Я", то что сле-

дует понимать под осознанием? Чтобы ответь на этот вопрос, рассмотрим соотношение понятий "сознательное" и "бессознательное".

Следуя традиционной логике, сознательное – это то, что осознано и находится в сознании. Поскольку осознаваться могут только образы, находящиеся в психике, значит можно в психике выделить две категории образов: осознанные и неосознанные. Соответственно, можно выделить и две области психики – область сознательного (или просто область сознания), в которой находятся осознанные образы, и область бессознательного, в которой находятся все остальные, то есть неосознанные образы. По мере осознавания, образы из области бессознательного переходят в область сознательного, но возможен и обратный процесс – переход образов из области сознательного в область бессознательного. У З. Фрейда этот процесс обозначается понятием "вытеснение" (Фрейд З., 1980).

И вот теперь интересно поставить следующие вопросы:

1. Если у животных нет сознания и, соответственно, образа "Я", то можно ли говорить о наличии в их психике области бессознательного?

2. Если у человека есть сознание и в его психике имеется образ "Я", то в какой области он находится – в области сознательного или бессознательного?

Отвечая на первый вопрос, разделим психику животного на две области и обозначим их символами "X" и "Y". Раз у животного нет сознания, значит, ни одна из областей "X" или "Y" не может быть областью сознательного. С другой стороны, для того, чтобы какая-то область приобрела статус бессознательной, необходимо, чтобы в ней не было сознания. То есть, чтобы сознание было, но не в этой области. Если сознания нет ни в одной области, то понятие бессознательного теряет всякий смысл. Например, отсутствие слона в посудной лавке возможно только в том случае, если вообще он существует, но именно сейчас его в этой лавке нет. Поскольку у животного сознания нет, ни одна из областей его психики не может рассматриваться как область бессознательного. Все области психики животного – это просто области "психического", там нет ни сознательного, ни бессознательного.

Рассмотрим ответ на второй вопрос. В психике человека мы имеем множество образов действительности и еще образ "Я", который является результатом сознания. Если в какой-то области психики появляется образ "Я", значит, в этой области присутствует сознание и, по определению, эта область становится областью сознательного. Но каковы границы этой области и на основании каких критериев можно выделить область бессознательного, то есть область, где сознания нет? Вряд ли целесообразно умножать количество образов "Я" и соответствующих процессов сознания, результатом которых они могут быть, и как-то распределять их по психике. Несомненно, нужно оставить один образ "Я". Для того же, чтобы очертить области сознательного и бессознательного, достаточно связать образ "Я" с одними образами, имеющимися в психике, и не связывать его с другими. В первом случае мы будем иметь совокупность образов, составляющую область сознательного, во втором – область бессознательного. Процесс связывания образа "Я" с каким-либо образом психики обозначим понятием "осознание" или "осознавание". Осознать что-то – значит связать образ этого "что-то" с образом "Я". Механизм осознания или процедура связывания образов осуществляется благодаря процессам мышления. Именно мышление, по определению, есть процесс образования связей между образами в психике. Если человек что-то не осознает, значит, соответствующий образ в его психике не связан с образом "Я" и, по определению, находится в области бессознательного.

Что подлежит осознанию или с какими образами будет связываться образ "Я", определяется уровнем субъективной значимости того, что отражается в психике. Если отражение объектов и явлений действительности и их свойств обеспечивается познавательными психическими процессами, то отражение их субъективной значимости происходит благодаря эмоциональным психическим процессам. В связи с этим можно утверждать, что не сознание принимает решение о том, что осознавать, а что нет, как полагает В.М. Аллахвердов. Осознаваться будет то, что в субъективном отражении будет иметь достаточно высокий уровень субъективной значимости. Поскольку возникновение сознание

и формирование образа «Я» непосредственно связано с системой социальных отношений, с развитием и формированием личности, следует говорить не просто о субъективной значимости (способность к отражению которой имеется и у животных), а о личностной значимости, то есть о значимости объектов и явлений действительности для личности, включенной в определенную систему социальных отношений.

Если сознание – процесс образования образа "Я", то что понимать под самосознанием, возникновение которого в психологии (Столин В.В., 1983) обычно соотносят именно с образованием образа "Я"? Ответ может быть такой: самосознание – это осознания самого себя. Но для того, чтобы осознание себя было возможным, надо чтобы в психике был образ "Я" и образ "себя", то есть еще один образ "Я". Наиболее простой и, по-видимому, наиболее ранний вариант самосознания возникает в ситуации, когда образ "Я", создаваемый в психике в настоящем ("Я-реальное"), начинает соотноситься, связываться и идентифицироваться с образом "Я", извлекаемым из памяти как образ "Я" в прошлом. Возможен также вариант соотнесения "Я-реального" с образом "Я" в будущем или с образом "Я-идеальное". Более сложный вариант самосознания связан с появлением, так называемого рефлексивного образа – образа "Я" глазами другого. Однако, для того, чтобы возник рефлексивный образ "Я", необходимо наличие в психике двух механизмов: а) механизма образования образа "другого" как образа "не-Я" и б) механизма мысленной реконструкции психики "другого" и выделения в ней образа себя, созданного в результате протекания психических процессов в этой другой психике.

Литература:

1. Агафонов А.Ю. Феномен сознания в когнитивной деятельности: Автореф. дисс. …докт. психол. наук. – СПб., 2006. – 42 с.

2. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб.: Издательство "Речь", 2003. – 368 с.

3. Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. – М.: Смысл; Per Se, 2000. – 685 с.

4. Знаков В.В. Понимание как проблема психологии мышления //Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 18-26.

5. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М: Мысль, 1965. – 574 с.

6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб: Издательство "Питер", 2000. – 712 с.

8. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 285 с.

9. Фрейд З. Я и Оно //Хрестоматия по истории психологии /под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 184-188.

10. Ясперс К. Общая психопатология. – М.: Практика, 1997. – 1056 с.

ФУНКЦИЯ СОЗНАНИЯ В ПСИХИКЕ ЧЕЛОВЕКА

Материалы IV Всероссийского съезда РПО. Ростов-на-Дону, 18-21 сентября 2007 г. Т. 1. Психология – будущему России. – Москва; Ростов-на-Дону: Изд-во "Кредо", 2007. – С. 124-125.

В психологии существует достаточно много проблем, однако в качестве наиболее фундаментальных всегда рассматривались две из них.

Первая проблема касается вопроса о том, что такое "психика". Несмотря на практически всеобщее признание, что психика – это свойство или функция мозга, вопрос о том, что это за свойство остается открытым. Как справедливо отмечает Н.И. Чуприкова, "в настоящее время вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что психика животных и человека является функцией их мозга. Вопрос, однако, состоит в том, какова природа этой функции" [5, с. 359]. Намного раньше та же мысль высказывалась и Л.С. Выготским, который писал: "Как известно, две основные проблемы до сих пор еще не разрешены для старой психологии: проблема биологического значения психики и выяснения условий, при которых мозговая деятельность начинает сопровождаться психологическими явлениями" [1, с. 139].

Сохранение проблемы в определении "психики" в современной психологии легко обнаруживает себя в использовании предлога "в" перед словом "психика". Когда мы говорим о том, что что-то отражается в психике человека или животного, мы, конечно же, не имеем в виду, что отражение происходит в свойстве мозга. По существу, мы начинаем рассматривать психику не как свойство мозга, а как некоторое автономное, имеющее определенную "протяженность" образование, в котором может что-то находиться и что-то происходить. Этим, в частности, обусловливается и сохранение так называемой психофизилогической проблемы – проблемы соотношения "психики" и мозга. По существу, это та же проблема "психики", но переформулированная с учетом достижений в психофизиологии, нейропсихологии, физиологии высшей нервной деятельности и других нейронауках.

Вторая фундаментальная проблема психологии – это проблема "сознания", суть которой сводится к вопросу о том, каким образом возникает очевидный для человека факт представленности для него той

внутренней субъективной картины мира, которая образуется в его психике в результате психического отражения действительности. Использование понятия "сознание", также как и понятия "психика", очень часто происходит с добавлением предлога "в". В результате различия в понимании понятий "сознание" и "психика" начинают ускользать, и это приводит к тому, что их начинают использовать как синонимы.

У А.Н. Леонтьева есть следующее определение сознания: "Сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния" [2, с. 166]. Учитывая, что в общем случае субъективная картина мира обозначается понятием "психика", получается, по А.Н. Леонтьеву, что "сознание" – это та же "психика", но в которую включен образа "Я".

Данное определение сознания, конечно же, позволяет говорить о нетождественности понятий "сознание" и "психика" и рассматривать сознание как высший уровень развития психики. Однако здесь возникает вопрос, в котором, на наш взгляд, и состоит суть проблемы сознания. Если под сознанием понимать психику с добавлением образа "Я", то в результате какого психического процесса этот образ появляется в психике? Еще С.Л. Рубинштейн указывал на то, что "…психические образования не существуют сами по себе вне соответствующего психического процесса. Всякое психическое образование (чувственный образ вещи, чувство и т.д.) – это, по существу, психический процесс в его результативном выражении" [3, с. 36]. Кроме того, как и в случае с "психикой", остается проблема понимания понятия "сознание" как свойства мозга при использовании его в сочетании с предлогом "в".

Решение проблем психики и сознания, связанных с использованием предлога "в", нам видится в необходимости принятия дополнительного определения "психики" не только как особого свойства мозга, но и как множества субъективных знаний о действительности, возникновение которых обусловлено реализацией этого свойства. Наряду со знаниями в состав множества, именуемого психикой, следует включить и процессы, результатом которых эти знания являются, то есть психические процессы: познавательные, эмоциональные и волевые. Если в таким образом понимаемой психике начинает возникать особый образ "Я", значит существует особое свойство мозга, реализацией которого

он и является. Это свойство мозга и процесс его реализации и есть сознание. Сознание, таким образом, можно понимать не как особую "психику", а как особый психический процесс, в результате которого в психике человека (то есть в множестве субъективных образов) образуется особый образ – образ "Я".

При таком понимании "сознания" его основной функцией в психике является не что иное, как создание образа "Я". В отличие от образа тела как биодинамического образования, формирование которого, как показано в работе В.В. Столина [4], может происходить и в психике животного, образ "Я" – это образ, возникающий исключительно в психике человека, как образ носителя психики.

Очевидно, что образ "носителя психики" включает в себя и образ "психики", то есть является сложным психическим образованием. По существу, образ "Я" – это множество образов рефлексивной психики. Если под "сознанием" понимать не только процесс создания образа "Я", но и сам образ "Я", как результат этого процесса (точно так же, как мы это делаем, например, с общим понятием "отражение"), тогда абсолютно оправданным является и использование "сознания" в сочетании с предлогом "в". В сознании – значит в образе "Я" или в множестве образов рефлексивной "психики".

Литература:

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. – М.: Педагогика, 1982. – 488 с.

2. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1983. – 320 с.

3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб: Питер, 2001. – 720 с.

4. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 285 с.

5. Чуприкова Н.И. Объект, предмет и метод психологической науки //Труды Ярославского методологического семинара. Том 3: Метод психологии. – Ярославль: МАПН, 2005. – С. 359-369.

СОЗНАНИЕ – ЭТО …

Данная работа направлялась на III Международную конференцию по когнитивной науке, проходившей в Москве 20-25 июня 2008 г., но не была принята к публикации.

В преддверии II Международной конференции по когнитивной науке, проходившей в 2006 году в Санкт-Петербурге, в интервью журналу "Санкт-Петербургский университет" Т.В. Черниговская описала эпизод, имевший место на совете по вопросам сознания при президиуме Академии наук, который возглавлял академик Е.П. Велихов. "Как-то вечером, – отмечает Т.В. Черниговская, – председатель попросил, чтобы каждый из собравшихся к утру подал ему записочку, на которой было бы написано: «Сознание – это…». На следующий день он не получил ни одной записки. Разумеется, тривиальные определения сознания известны всем. По-настоящему же, что это, никто объяснить не может". Примерно ту же картину можно было наблюдать и на I Всероссийской конференции по психологии сознания, проходившей в 2007 году в Самаре, и на IV съезде психологов РПО, который недавно прошел в Ростове-на-Дону.

Сложность в определении понятия "сознание", которое было бы принято научным сообществом не как тривиальное, а как "объяснение по-настоящему", состоит в том, что помимо собственно определения необходимо дать вытекающие из определения объяснения по возможности более широкого круга понятий, так или иначе связанных с понятием "сознание".

К категории тривиальных можно отнести определение сознания как высшего уровня развития психики, присущего только человеку. То, что это определение считается тривиальным, не означает, что оно является неверным. Однако, чтобы дать исчерпывающее объяснение таким образом определенному понятию "сознание", необходимо знать и понимать, что такое "психика", в чем выражается "развитие психики", чем отличается "высший уровень" развития психики от более низкого, почему у животных не может быть этого "высшего уровня" и т.д. Учитывая, что в психологии до сих пор нет удовлетворительного определения

понятия "психика", определение сознания как высшего уровня развития психики абсолютно не раскрывает его сущности.

Более приемлемым является определение сознания, предложенное А.Н. Леонтьевым. "Сознание, – пишет А.Н. Леонтьев, – в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния". Учитывая, что в общем случае субъективная картина мира обозначается понятием "психика", получается, по А.Н. Леонтьеву, что "сознание" – это та же "психика", но с добавлением образа "Я". Данное определение, конечно же, позволяет говорить о нетождественности понятий "сознание" и "психика" и рассматривать сознание как высший уровень развития психики. Однако возникает вопрос, если под сознанием понимать психику с добавлением образа "Я", то в результате какого психического процесса этот образ появляется в психике? Еще С.Л. Рубинштейн указывал на то, что "… психические образования не существуют сами по себе вне соответствующего психического процесса. Всякое психическое образование (чувственный образ вещи, чувство и т.д.) – это, по существу, психический процесс в его результативном выражении". Принимая во внимание, что образ "Я" – это особый образ, следует, очевидно, говорить и об особом психическом процессе, результатом которого он является. На наш взгляд, таким особым процессом является не что иное, как сознание. В связи с этим предлагается следующее его определение. Сознание – это познавательный психический процесс, в результате которого в психике человека образуется особый образ – образ "Я". В отличие от образа тела как биодинамического образования, формирование которого может происходить и в психике животного, образ "Я" – это образ, возникающий исключительно в психике человека, как образ носителя психики. Принципиально важным в данном определении является то, что образ "Я" включает в себя не только образ носителя психики как некоего тела, но и образ самой психики, которой данное тело обладает. Получается, что благодаря сознанию в психике человека возникает образ его же психики. Если под "сознанием" понимать не только процесс создания образа "Я", но и сам образ "Я", как результат этого процесса (как

мы это делаем, например, с понятием "отражение"), тогда мы можем сказать, что в сознании возникает образ психики. В отличие от исходной или первичной психики, психика, отраженная в сознании, может быть названа вторичной или рефлексивной психикой. В этом случае сознание представляет собой образ рефлексивной психики.

Рассмотрим, как могут быть согласованы с понятием "сознание" в нашем определении такие понятия, как "сознательное" и "бессознательное", "осознание" и "понимание". Следуя традиционной логике, сознательное – это то, что осознано и находится в сознании. Поскольку осознаваться могут только образы, находящиеся в психике, значит можно выделить две категории образов: осознанные и неосознанные. Соответственно, можно выделить и две области психики – область сознательного, в которой находятся осознанные образы, и область бессознательного, в которой находятся образы неосознанные. Но что значит "осознать" или что представляет собой процесс "осознавания"? Мы полагаем, что процесс "осознавания", результатом которого является "осознание", есть процесс связывания образа "Я", получаемого в результате процесса сознания, с теми образами в психике, которые получаются в результате других психических процессов. В первую очередь осознаются (или связываются с образом "Я") образы, в которых отражается то, что имеет или приобретает для человека наибольшую значимость. По мере осознавания, образы из области бессознательного переходят в область сознательного. Возможен и обратный процесс – переход какого-либо образа из области сознательного в область бессознательного путем прекращения или нарушения его связи с образом "Я". В концепции З. Фрейда, например, этот процесс описывается как процесс "вытеснения".

При нарушении сознания, когда нарушается процесс образования самого образа «Я», автоматически происходит и нарушение процессов осознавания. Но само по себе нарушение осознавания не означает нарушение сознания. Это объясняется тем, что в основе механизма осознавания лежат не процессы сознания, а процессы мышления. Именно мышление является тем психическим процессом, который выполняет функцию образования связей между образами, возникающими в психи-

ке. Учитывая, что в образах отражаются свойства и особенности объектов и явлений действительности, образование связей между ними можно рассматривать не только как процесс мышления, но и как процесс "понимания" – понимания связей и соотношений между объектами и явлениями действительности. Очевидно, что степень адекватности в понимании действительности определяет и степень адекватности поведения в этой действительности.

Если в качестве одного из связываемых образов выступает образ «Я», то процесс понимания приобретает статус процесса осознавания. Например, когда я на что-то обращаю внимание, я понимаю (осознаю), что я на это обращаю внимание. Вместе с тем, если это "что-то" реально связано с чем-то другим, но эта связь не отражена в моей психике, то я могу не понимать того, что происходит, прекрасно осознавая (понимая), что что-то все-таки происходит. Осознания можно достичь путем привлечения внимания (за счет изменения направленности психики и сознания), а также путем повышения субъективной значимости того, что подлежит осознанию. Что же касается понимания, то поскольку оно обеспечивается процессами мышления, его достижение возможно без участия сознания. Однако наличие сознания позволяет осознать достижение понимания, воскликнуть "Эврика!" и попытаться передать его другим людям путем объяснения (с использованием языка и речи). В ходе объяснения в силу наличия психосемантических связей возможно осознание дополнительных образов, установление дополнительных или новых связей между образами и, соответственно, возникновение, как нового понимания, так и осознания этого нового понимания.

СОЗНАТЕЛЬНЫЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ

Психология психических состояний: теория и практика. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Казань, КГУ, 13-15 ноября 2008 г. Часть I. – Казань: ЗАО "Новое знание", 2008. – С. 474-478.

Понятие "психическое состояние" – одно из основных понятий общей психологии, и вместе с тем, как и прочие основные понятия в психологии, характеризуется неоднозначностью понимания и интерпретации. Как отмечает Е.П. Ильин, "изучение проблемы состояний человека испытывает серьезные трудности в связи с тем, что до сих пор не дано удовлетворительного определения понятия "состояние", хотя использование его широко распространено в самом различном смысле и с разной степенью обобщенности" (Ильин Е.П., 2000).

Точно такая же ситуация сложилась вокруг понятий "сознание", "сознательное" и "бессознательное", которые также не имеют однозначного толкования. В предисловии к русскому изданию работы Г.Т. Ханта "О природе сознания" В.П. Зинченко пишет: "К сожалению, философия и наука не могут похвастаться тем, что они за тысячу лет своего существования и развития пришли к сколь-нибудь однозначному определению сознания" (Зинченко В.П., 2004). В.М. Аллахвердов называет сознание "глубочайшей тайной психологической науки" (Аллахвердов В.М., 2003).

Что же говорить о понятии "сознательное психическое состояние"?! Трудности в однозначной и непротиворечивой концептуализации данного понятия и связанного с ним понятия "бессознательное психическое состояние" возрастают вдвойне! Тем не менее, попытаемся проанализировать оба эти понятия.

Начнем с анализа понятия "психическое состояние". Согласно определению Н.Д. Левитова, которое, как нам кажется, достаточно точно отражает суть понятия, "своеобразие психического состояния, прежде всего, означает своеобразие протекания психических процессов… Вне психических процессов нет и не может быть никаких психических состояний" (Левитов Н.Д., 1964). Учитывая, что в психологии выделяются три группы психических процессов (познавательные, эмоцио-

нальные и волевые), психические состояния можно соотносить со своеобразием протекания, как отдельных групп процессов, так и всей совокупности процессов вместе взятых. В первом случае, очевидно, следует говорить о специфических психических состояниях, в частности, о познавательных (когнитивных), эмоциональных и волевых. Собственно, так и предлагает классифицировать психические состояния Н.Д. Левитов, хотя и указывает, что "номенклатура состояний часто не совпадает с номенклатурой процессов". Однако, признав, что вне психических процессов нет и не может быть никаких психических состояний, мы не вправе в определении состояний выходить за пределы психических процессов. Случаи несовпадения номенклатуры состояний с номенклатурой процессов, приводимые Н.Д. Левитовым, говорят лишь о том, что под психическим состоянием следует понимать не только и даже не столько своеобразие протекания отдельного психического процесса или отдельной группы процессов, сколько своеобразие протекания всей совокупности процессов вместе взятых: и познавательных, и эмоциональных, и волевых. Психическое состояние – это определенная форма организации всех психических процессов, протекающих в психике. Если в совокупности процессов начинают доминировать отдельные процессы или группы процессов, то и возникающие при этом психические состояния могут быть названы в соответствие с этими доминирующими процессами.

В случаях, когда выраженность разных групп психических процессов в их совокупности примерно одинакова, психические состояния могут классифицироваться по другому основанию, а именно по степени активации или интенсивности психических процессов. При слабой активации (слабой интенсивности) мы имеем астенические состояния, при сильной – стенические. Если учесть, для чего происходит организация психических процессов, то есть для чего нужно то или иное психическое состояние, то можно говорить о функции состояния и выделять особые функциональные состояния. Если вследствие изменения ситуации, особенностей внешних воздействий или других факторов происходят изменения в психических процессах – это равносильно из-

менению психического состояния. Если эти изменения незначительны, можно говорить об устойчивости психического состояния и, соответственно, об устойчивых или неустойчивых психических состояниях.

Спектр или номенклатуру психических состояний составляет множество возможных сочетаний разных видов психических процессов, отличающихся по качеству (содержанию того, что в них отражается), интенсивности и длительности. Каждое психическое состояние представляет собой целостное, многомерное и многопараметрическое психологическое образование.

Характеризуя понятие "психическое состояние", можно провести некоторую аналогию с понятием "темперамент". Известно, что людей с чистым типом темперамента практически не существует. В совокупности поведений любого человека в разных ситуациях и в разные моменты времени можно наблюдать проявление признаков различных типов темперамента. Точно также в любом реальном психическом состоянии можно выделить и когнитивные, и эмоциональные, и волевые компоненты.

Итак, психическое состояние – это форма организации психических процессов, протекающих в психике субъекта в определенный момент времени.

Что же представляет собой "сознательное психическое состояние"? С точки зрения грамматики русского языка наличие прилагательного перед понятием "психическое состояние" указывает на то, что речь идет об особом, специфическом психическом состоянии. Но, как нами было показано, специфика психического состояния определяется либо спецификой доминирующих психических процессов, протекающих в психике, либо специфическими особенностями их организации.

Для того чтобы можно было рассматривать понятие "сознательное психическое состояние" в контексте психических процессов, необходимо признать, что сознание является либо особым психическим процессом, либо особой формой их организации. В первом случае необходимо указать специфику процесса и ответить на вопрос о том, в какую из трех указанных выше групп психических процессов он входит. Во

втором случае следует указать, как именно должны быть организованы познавательные, волевые и эмоциональные психические процессы, чтобы эту форму организации можно было называть "сознанием".

Анализ психологической литературы показывает, что обычно сознание не рассматривается как самостоятельный психический процесс и, соответственно, не относится ни к одной из групп психических процессов. Считается, что сознание – это интегративное образование, в котором особым образом интегрируются все психические процессы. По определению В.И. Гинецинского, "сознание в качестве ингредиента психики выступает как результат интеграции отдельных психических функций, как инвариант их многообразия" (Гинецинский В.И., 1997). Однако, каков механизм этой интеграции, как психические процессы интегрируются и в каком соотношении, не указывается.

По определению А.Н. Леонтьева, "сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния" (Леонтьев А.Н., 1975). Учитывая, что в общем случае субъективная картина мира обозначается понятием "психика", получается, что "сознание" – это та же "психика", но с добавлением образа "Я". Данное определение сознания позволяет говорить о нетождественности понятий "сознание" и "психика" и рассматривать сознание как высший уровень развития психики. Однако возникает вопрос: "Если под сознанием понимать психику с добавлением образа "Я", то в результате какого психического процесса этот образ "Я" появляется в психике?". Еще С.Л. Рубинштейн указывал на то, что "… психические образования не существуют сами по себе вне соответствующего психического процесса. Всякое психическое образование (чувственный образ вещи, чувство и т.д.) – это, по существу, психический процесс в его результативном выражении" (Рубинштейн С.Л., 2000). Принимая во внимание, что образ "Я" – это особый образ, следует, очевидно, говорить и об особом психическом процессе, результатом которого он является. Почему бы сознание не рассматривать в качестве такого особого психического процесса?

Кроме того, если психика характеризуется понятием "психическое отражение", а уровень психическое отражение определяется уровнем развития психических процессов (причем познавательных: элементарный сенсорный уровень – ощущение, перцептивный – восприятие, интеллектуальный – мышление), то почему сознание, которое признается высшим уровнем развития психики, не является психическим процессом?

На то, что сознание следует рассматривать именно как особый психический познавательный процесс, в результате которого в психике человека образуется особый образ – образ "Я" как носителя психики, указывалось нами ранее в выступлении на I Всероссийской конференции "Психология сознания: современное состояние и перспективы", проходившей в Самаре (Корниенко А.Ф., 2007). Наличие этого особого психического процесса обеспечивает возможность осознания отражаемой в психике ситуации. Вместе с осознанием ситуации в психике человека возникают особые эмоциональные психические процессы, обеспечивающие отражение личностной значимости осознаваемого – переживания. Выполняя функцию побуждения к определенным видам поведения и деятельности по отношению к значимым объектам ситуации, возникающие переживания начинают оказывать влияние на направленность познавательных психических процессов (что выражается в особенностях внимания) и характер протекания волевых психических процессов. В результате вся совокупность психических процессов оказывается подверженной изменениям по таким параметрам, как направленность, интенсивность и длительность. Возникает особая организация психических процессов, которая по определению является особым психическим состоянием. Включенность процессов сознания в структуру этого особого психического состояния, позволяет называть данное состояние сознательным.

При нарушении сознания, когда нарушается процесс образования образа "Я", автоматически происходит и нарушение процессов осознавания, что обусловливает изменение в организации и характере протекания всех психических процессов – и познавательных, и эмоциональных, и волевых. Соответственно изменяется и психическое состояние субъекта.

При полном "отключении" сознания у человека возникает особое психическое состояние, которое называется "бессознательным". Поскольку "отключение" или "потеря" сознания не исключает возможность протекания других психических процессов, бессознательные психические состояния могут быть разными в зависимости от формы организации продолжающих функционировать психических процессов.

Однако возможна ситуация, когда сознание как процесс не прекращается, но имеет особую направленность, например, на события и ситуации, которые были в прошлом или могут быть в будущем. В этом случае образ "Я" оказывается связанным с образами, которые являются результатом соответствующих процессов представления (процессов памяти или воображения), и также имеет место особое психическое состояние. Очевидно, что данное состояние не является бессознательным, но оно характеризуется изменением в направленности сознания. В связи с этим его можно назвать состоянием измененного сознания. Для стороннего наблюдателя поведение человека, находящегося в состоянии измененного сознания, может расцениваться как неадекватное. Когда сознание человека направлено на события прошлого или будущего, для стороннего наблюдателя он не "здесь и сейчас", а где-то "там и тогда". Поведение же его в ситуации "здесь и сейчас" может рассматриваться как "неосознаваемое". Причем неосознаваемое именно этим человеком, поскольку именно он не осознает, что происходит "здесь и сейчас". Психическое состояние, которое лежит в основе неосознаваемого поведения, наверное, можно назвать "неосознаваемым психическим состоянием", но лишь в том смысле, что данное состояние человеком не осознается, а осознается что-то иное. "Осознаваемым психическим состоянием" следует называть такое состояние, которое человек осознает, то есть когда в его психике имеется связь образа "Я" с образом этого состояния.

Литература:

1. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб.: Издательство "Речь", 2003.

2. Гинецинский В.И. Пропедевтический курс общей психологии. Учебное пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997.

3. Зинченко В.П. Предисловие //Хант Г.Т. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. – М.: ООО "Издательство АСТ и др.", 2004. – С. 11-15.

4. Ильин Е.П. Теория функциональной системы и психофизиологические состояния //Психические состояния /Сост. и общая редакция Л.В. Куликова. – СПб: Изд-во "Питер", 2000. – 512 с.

5. Корниенко А.Ф. Проблемы сознания, осознания и самосознания //Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы I Всероссийской конференции. Самара, 29 июня – 1 июля 2007 г. – Самара: Изд-во "Научно-технический центр", 2007. – С. 61-63.

6. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. – М., 1964.

7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975.

8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2001.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ СОЗНАНИЯ И САМООЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА

Вестник университета (Государственный университет управления). № 12 (50). – М.: ГУУ, 2008. – С. 85-88.

Человек, как известно, существо социальное, и его поведение буквально с момента рождения оказывается социально детерминированным, зависимым от норм и правил поведения, системы ценностей, обычаев и традиций, которых придерживаются окружающие его люди – те, с которыми он так или иначе начинает вступать в определенные социальные отношения. Одним из наиболее существенных механизмов социальной детерминации поведения человека является механизм формирования его сознания и его самооценки. Только во взаимодействии с другими людьми у ребенка формируется сознание и то, кем и каким он себя будет считать, как и к кому он будет относиться, зависит от того, кем и каким его будут считать другие, кто и каких форм поведения будет от него ожидать. В общем и целом все это прекрасно понимают. И самое удивительное, что это понимание происходит, несмотря на отсутствие в науке удовлетворительного ответа на вопрос о том, что такое сознание. Как считает доктор психологических наук В.М. Аллахвердов, "о чем, собственно, идет речь, когда мы говорим о сознании, на самом деле никому не известно" [2, с. 52].

Чаще всего под сознанием понимается некоторое интегративное психическое образование, в котором особым образом интегрируются все психические процессы. По мнению В.И. Гинецинского, "сознание существует постольку, поскольку осуществляются отдельные психические функции (процессы). Можно сказать, что сознание в качестве ингредиента психики выступает как результат интеграции отдельных психических функций, как инвариант их многообразия" [4, с. 95]. Однако как психические процессы "интегрируются" и в каком соотношении остается невыясненным.

Более приемлемым, на наш взгляд, выглядит определение сознания, предложенное А.Н. Леонтьевым. "Сознание, – пишет А.Н. Леонтьев, – в своей непосредственности есть открывающаяся

субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния" [11, с. 166]. Учитывая, что в общем случае субъективная картина мира обозначается понятием "психика", получается, что "сознание" – это та же "психика", но с добавлением образа "Я". Данное определение, конечно же, позволяет говорить о нетождественности понятий "сознание" и "психика" и рассматривать сознание как высший уровень развития психики. Однако, если под сознанием понимать психику с добавлением образа "Я", то в результате какого психического процесса этот образ появляется в психике? Еще С.Л. Рубинштейн указывал на то, что "…психические образования не существуют сами по себе вне соответствующего психического процесса. Всякое психическое образование (чувственный образ вещи, чувство и т.д.) – это, по существу, психический процесс в его результативном выражении" [14, с. 36]. В связи с этим нами было высказано предположение, что психическим процессом, в результате которого в психике человека возникает образ "Я", является именно сознание [9, 10].

Сознание, таким образом, можно понимать не как особую "психику" или ее "интегративное" качество, а как особый психический процесс, в результате которого образуется особый образ – образ "Я". Особость этого образа состоит в том, что это образ самого субъекта как носителя психики, и возникает он исключительно в психике человека в процессе его взаимодействия с другими людьми.

Другим понятием не менее важным для понимания механизмов социальной регуляции поведения человека является понятие "осознание". Научные определения этого понятия, как и понятия "сознание", крайне запутаны и противоречивы. Чего стоит одно определение доктора психологических наук А.Ю. Агафонова! Полагая, что осознание есть "конечный результат, интегральный психический продукт активности сознания" [1, с. 10], А.Ю. Агафонов пишет: "любой осознаваемый эффект есть следствие неосознаваемой деятельности сознания" [Там же, с. 11]. И деятельность эта, по мнению автора, заключается в принятии сознанием решения об осознании. "Как осознание, так и неосознавание, – отмечает А.Ю. Агафонов, – трактуются как итоговые результаты когнитивного процесса, в котором одним из этапов является

«принятие решения об осознании/неосознавании»" [1, с. 13]. Получается, что осознание есть результат деятельности сознания по принятию решения об осознании, которая осуществляется сознанием неосознанно!!!

На I Всероссийской конференции по психологии сознания, прошедшей в Самаре в 2007 г., мы предложили рассматривать "осознание" как процесс образования в психике человека связи между образом "Я" и любым другим возникающим в психике образом [9]. Механизм осознания или процедура связывания образов в психике осуществляется, согласно нашим представлениям, благодаря процессам мышления. Именно в результате мышления в психике появляются образы, в которых отражаются связи и отношения объектов действительности. Учитывая, что объекты и явления действительности отражаются в психике в форме образов, отражение связей между ними (то есть между объектами и явлениями действительности) можно рассматривать как установление в психике связей между их соответствующими образами. В свою очередь установление связей между образами есть не что иное, как понимание [8]. Понять что-то – значит установить связи между определенной совокупностью образов, в которых отражается содержание этого "что-то". Из предложенных нами определений "понимания" и "осознания" следует, что любое осознание есть понимание. Но не любое понимание есть осознание! Осознанием является лишь такое понимание, в котором в качестве одного из связываемых образов выступает образ "Я".

Учитывая, что понимание является результатом психического процесса, а результат любого психического процесса есть образ, можно сделать вывод, что понимание – это не только процесс установления связей между образами, но и образ тоже. По аналогии с понятиями "образ восприятия", "образ памяти, "образ воображения" мы можем говорить не только о "процессе понимания", но и об "образе понимания". Соответственно, при появлении в психике этого образа и при наличии там образа "Я" мы можем говорить о возможности установления связи образа "Я" с "образом понимания". В этом случае имеет место осознание понимания, что соответствует понятию "Эврика!". Сущность понятий "сознание", "понимание", "осознание", а также понятий "сознательное" и "бессознательное" в наглядной форме представлена на рис. 1.

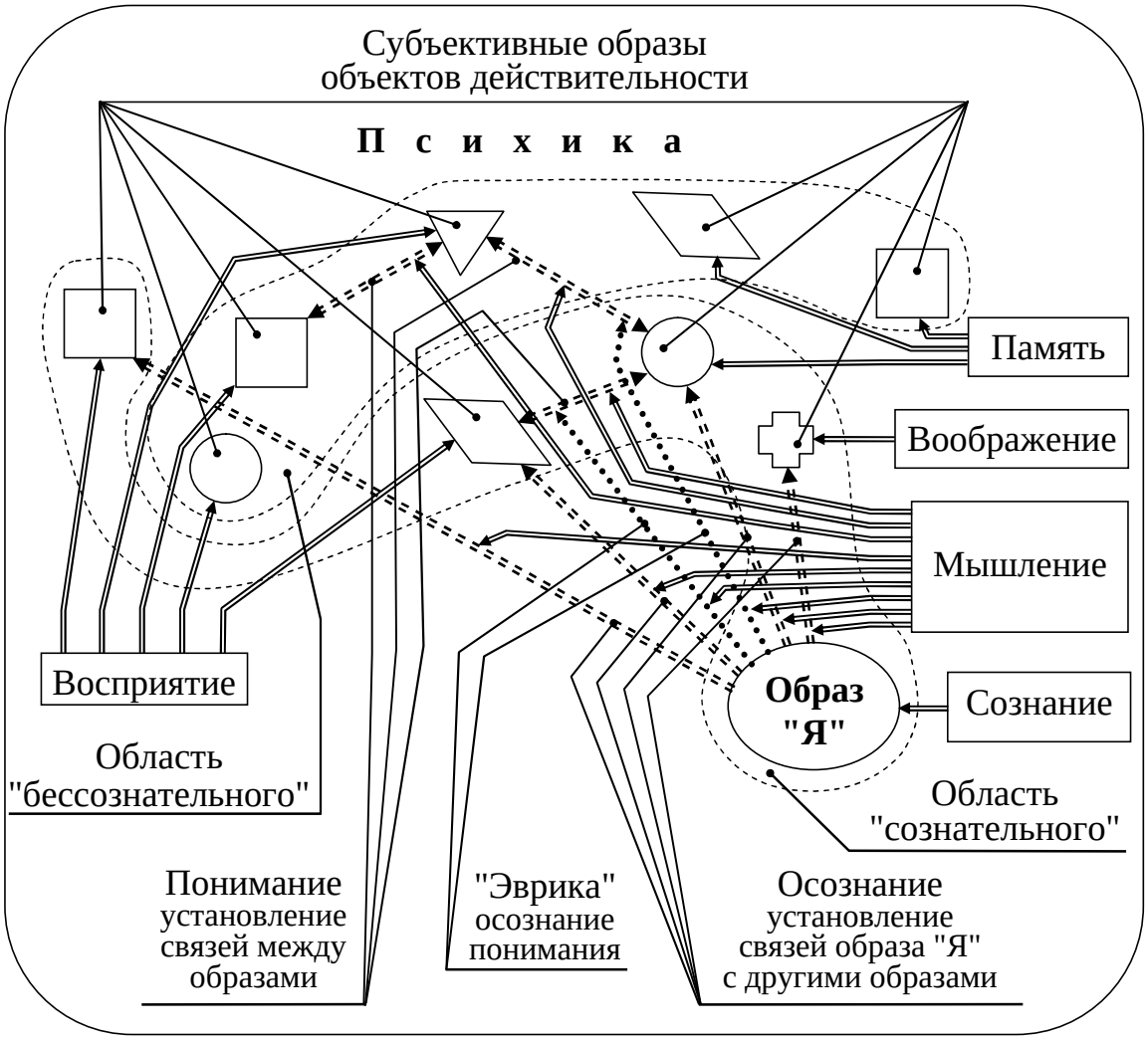

Рис. 1. Процессы понимания и осознания в психике человека.

Когда мы рассматриваем поведение человека, то в зависимости от того, что и в какой степени им осознается, можно выделять разные типы или формы поведения. При осознании всей (или части) совокупности объектов ситуации и осознании полного (или частичного) понимания ситуации, поведение можно назвать "сознательным" или "осознанным" (в большей или меньшей степени). Если осознание совокупности объектов ситуации есть, но нет осознания понимания, то поведение может быть названо "интуитивным".

В случае отсутствия осознания всей совокупности объектов ситуации, осознание понимания ситуации, по-видимому, также должно отсутствовать. Однако само понимание ситуации в принципе возможно, так как психические процессы восприятия, памяти, мышления могут

работать и выполнять свои функции по отражению действительности. В этом случае механизм регуляции поведения человека без участия сознания можно назвать "автопилотным". При этом человек может находиться как в бессознательном состоянии, так и в сознательном. В первом случае имеет место либо нарушение процесса образования образа "Я", то есть процесса сознания, либо нарушение процесса образования связи образа "Я" с другими образами, то есть процесса осознания. Примером такого поведения может служить поведение в состоянии сильного алкогольного опьянения. Во втором случае процессы сознания и осознания не нарушаются, но человек представляет себя, находящимся не в ситуации "здесь и сейчас", а в ситуации "там и тогда". В этом случае его образ "Я" связывается с образами объектов этой другой представляемой ситуации, а поведение тела, находящегося в текущей ситуации, продолжает регулироваться психическими процессами и образами из области "неосознаваемого", то есть из области "бессознательного". Такое поведение человека можно назвать "неосознаваемым" или "машинальным".

Для обозначения сознательной (осознанной) формы поведения человека целесообразно использовать понятие "деятельность", представив его, как предлагает Б.Ф. Ломов [12], в виде вектора "мотив – цель", который указывает на наличие действий, побуждаемых "мотивом" и направленных на достижение "цели". При этом под "мотивом" следует понимать осознаваемую потребность, а под "целью" – осознаваемый результат действия, который может быть достигнут благодаря его осуществлению. Осознание побуждений, связанных с инициацией или недопущением действий, может рассматриваться в деятельности как наличие и проявление "волевого усилия".

Рассматривая особенности сознательной формы поведения человека, мы исходили из общепсихологических определений понятий "сознание" и "осознание". Роль социальных условий, в которых происходит развитие сознание человека и развитие его деятельности была лишь обозначена, но, по существу, не раскрыта. Очевидно, следует учесть, что, развиваясь в системе социальных отношений и взаимодействуя с

другими людьми, человек выступает не просто как субъект (носитель психики), но, прежде всего, как личность. Соответственно, формирование у него образа "Я" и его самооценки как личности зависит от особенностей социальных отношений, в которые он включен, и от особенностей личности тех, с кем он взаимодействует.

Что такое образ "Я", мы в общих чертах определили, связав его с процессом сознания. Что же касается "самооценки", то, по определению, это "оценка личностью самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей" [15, с. 583]. Выступая как особое личностное образование, регулирующее поведение и деятельность человека в социальной среде, самооценка формируется в онтогенезе ребенка на основе внешних оценок, проявляемых по отношению к нему людьми, которые с ним непосредственно взаимодействуют [3, 5].

Чтобы рассмотреть механизм формирования образа "Я" и самооценки человека как личности, включенной в систему определенных межличностных отношений, необходимо определиться с исходным, базовым понятием "личность".

Из достаточно большого числа различных определений "личности" мы остановимся на определении А.В. Петровского, которое нам кажется более приемлемым. По определению А.В. Петровского "личностью в психологии обозначается системное (социальное) качество, приобретаемое индивидом в предметной деятельности и общении и характеризующее уровень и качество представленности общественных отношений в индивиде" [13, с. 337]. В соответствие с приведенным определением поведение человека как личности характеризуется проявлением усвоенных им форм социальных отношений (взаимодействий между людьми), существующими в обществе, в его непосредственном социальном окружении.

Рассмотрим простейшую социальную ситуацию, в которую в качестве социальных объектов входят ребенок и двое других людей, которых мы обозначим как "Р" и "А", "Б", соответственно. Социальные отношения, возникающие между "А" и "Б", обозначим как "$\xrightarrow{АБ}$" и "$\xrightarrow{БА}$". Очевидно, что "А" и "Б" выступают в указанных социальных отношениях как личности, причем каждый из них имеет возможность

демонстрировать в общем случае разные отношения. Способность личности демонстрировать ту или иную форму социальных отношений можно рассматривать как соответствующее свойство этой личности.

Исходя из определения "личности", человек должен усваивать существующие в социальном окружении формы социальных отношений и демонстрировать их в своем поведении. Причем, чем больше различных форм отношений он сможет усвоить и при случае использовать их в своем поведении – тем больше у него будет свойств личности, и тем более он будет развит как личность. Но чтобы усвоить ту или иную форму социальных отношений, он должен иметь возможность ее наблюдать. В результате наблюдения в его психике формируются образы, во-первых, взаимодействующих личностей и, во-вторых, демонстрируемых ими форм отношений. Так при наблюдении ребенка "Р" взаимоотношений между личностями "А" и "Б" в его психике формируются образы, которые можно обозначить как $(А)'_Р$, $(Б)'_Р$ и $(\xrightarrow{АБ})'_Р$, $(\xrightarrow{БА})'_Р$. В то же время при взаимодействии "А" и "Б" с ребенком в их психике формируются соответствующие образы ребенка $(Р)'_А$ и $(Р)'_Б$, а также образы возможных форм его взаимодействия с ними, то есть $(\xrightarrow{РА})'_А$ и $(\xrightarrow{РБ})'_Б$. Одновременно у "А" и "Б" формируются образы их действий по отношению к ребенку, то есть $(\xrightarrow{АР})'_А$ и $(\xrightarrow{БР})'_Б$.

И вот здесь мы сделаем очень важное предположение о том, что знания "А" и "Б" о действиях по отношению к ребенку должны быть непосредственно связаны с их представлениями о ребенке и о возможных действиях ребенка по отношению к ним. Другими словами, мы допускаем, что $(\xrightarrow{АР})'_А$ и $(\xrightarrow{БР})'_Б$ непосредственно зависят от $(Р)'_А$ и $(Р)'_Б$, а также от $(\xrightarrow{РА})'_А$ и $(\xrightarrow{РБ})'_Б$. Если это так, то во взаимодействии "А" и "Б" с ребенком "Р" в их поведении в соответствии с принципом "единства психики и поведения" должны как-то проявляться и их представления о ребенке и о возможных формах его поведения по отношению к ним. Соответственно в психике ребенка при его взаимо-

действии с "А" и "Б" будут формироваться не только образы тех, с кем он взаимодействует – $(A)'_P$ и $(Б)'_P$, и образы поведений "А" и "Б" по отношению к нему – $(\xrightarrow{АР})'_P$ и $(\xrightarrow{БР})'_P$, но и образы ожидаемых от него поведений со стороны "А" и со стороны "Б" – $\left((\xrightarrow{РА})'_A\right)'_P$ и $\left((\xrightarrow{РБ})'_Б\right)'_P$, а также образы, в которых отражаются представления о нем тех, с кем он взаимодействует – $\left((P)'_A\right)'_P$ и $\left((P)'_Б\right)'_P$. В силу этого же механизма в психике ребенка отражаются и представления "А" и "Б" о себе, то есть формируются образы $\left((A)'_A\right)'_P$ и $\left((Б)'_Б\right)'_P$, на основе которых формируются представления ребенка об "А" и "Б", то есть образы $(A)'_P$ и $(Б)'_P$.

В наглядной форме образование в психике ребенка указанных образов представлено на рис. 2.

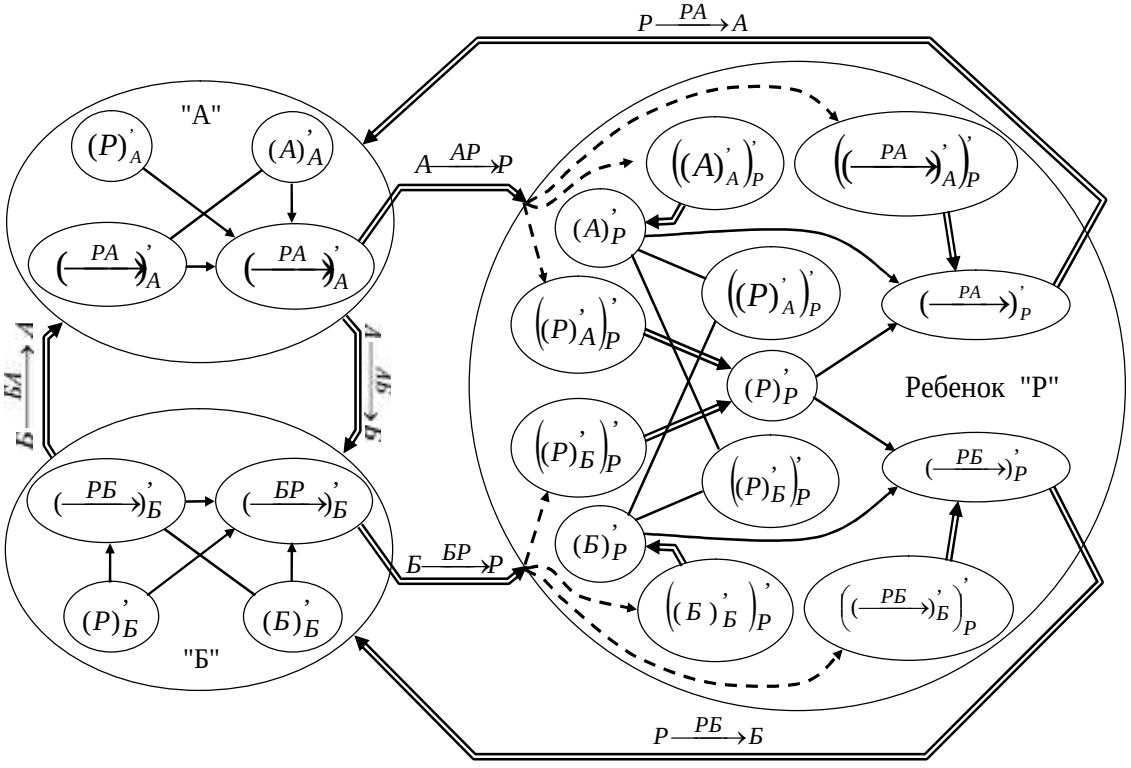

Рис. 2. Формирование у ребенка "Р" представлений о себе $(P)'_P$ и своем поведении $(\xrightarrow{РА})'_P$, $(\xrightarrow{РБ})'_P$ при взаимодействии с другими людьми "А" и "Б".

Следует обратить особое внимание на то, что в результате взаимодействия с личностями "А" и "Б" ребенок не только получает отдельные знания о себе в форме образов $\left((P)_{A}^{'}\right)_{P}^{'}$ и $\left((P)_{Б}^{'}\right)_{P}^{'}$. На основе выделения общих признаков этих образов и их обобщения у ребенка формируется целостный образ себя $(P)_{P}^{'}$, который представляет собой не что иное, как образ "Я". Поскольку возникновение образа "Я" мы рассматриваем как результат познавательного психического процесса, называемого "сознанием", можно сделать вывод, что сознание это процесс, протекающий в психике субъекта, который заключается в обобщении отраженных в его психике представлений о нем других людей, с которым он непосредственно взаимодействует. Для нашего примера формирование сознания и, соответственно, образа "Я" ребенка в символьной форме можно записать следующим образом $\left((P)_{A}^{'}\right)_{P}^{'}+\left((P)_{Б}^{'}\right)_{P}^{'}\Rightarrow(P)_{P}^{'}$.

Следует отметить еще одно обстоятельство. В психике личностей "А" и "Б" одновременно с познавательными протекают и эмоциональные процессы, результатом которых являются оценки субъективной значимости для них ребенка и особенностей его поведения. И эти оценки также передаются ребенку. Таким образом, в психике ребенка формируются не просто знания о себе и своих действиях, но и отношение к себе и к своим действиям, которое является обобщением отношений взрослых. Если для обозначения отношения, в котором выражается оценка субъективной значимости, использовать черту, проводимую сверху над образом того, что является значимым, то отношение человека "А" к личности ребенка "Р" может быть выражена следующим образом $\overline{(P)_{A}^{'}}$. Чтобы обозначить положительный, отрицательный или неопределенный характер отношения можно сверху над чертой поставить соответствующий знак "+", "—" или "~".

В принятых обозначениях формирование самооценки ребенка на основе соответствующих оценок со стороны "А" и "Б" записывается следующим образом $\overline{(P)_{A}^{'}}+\overline{(P)_{Б}^{'}}\Rightarrow\overline{(P)_{P}^{'}}$. Формирование оценки ребенком своего поведения по отношению, например, к человеку "А" как от-

раженной оценки этого поведения человеком "А", записывается следующим образом $\left(\left(\overrightarrow{PA}\right)'_A\right)'_P \Rightarrow \left(\overrightarrow{PA}\right)'_P$.

Однако не только социальная среда оказывает формирующее воздействие на самооценку. Как известно, самооценка зависит и от собственных достижений ребенка [6]. Если ребенок в своих реальных действиях, направленных на достижение какой-либо цели, добивается успеха – его самооценка повышается. Одновременно повышается и уровень его притязаний, что выражается в повышении сложности целей, которые он перед собой ставит. В свою очередь успех во многом зависит от наличия у ребенка определенного опыта (знаний, умений и навыков), способностей (физических и интеллектуальных возможностей), а также от наличия потребностей в достижениях и самоутверждении [7].

Связь самооценки с внешней социальной оценкой и другими факторами схематично представлена на рис. 3.

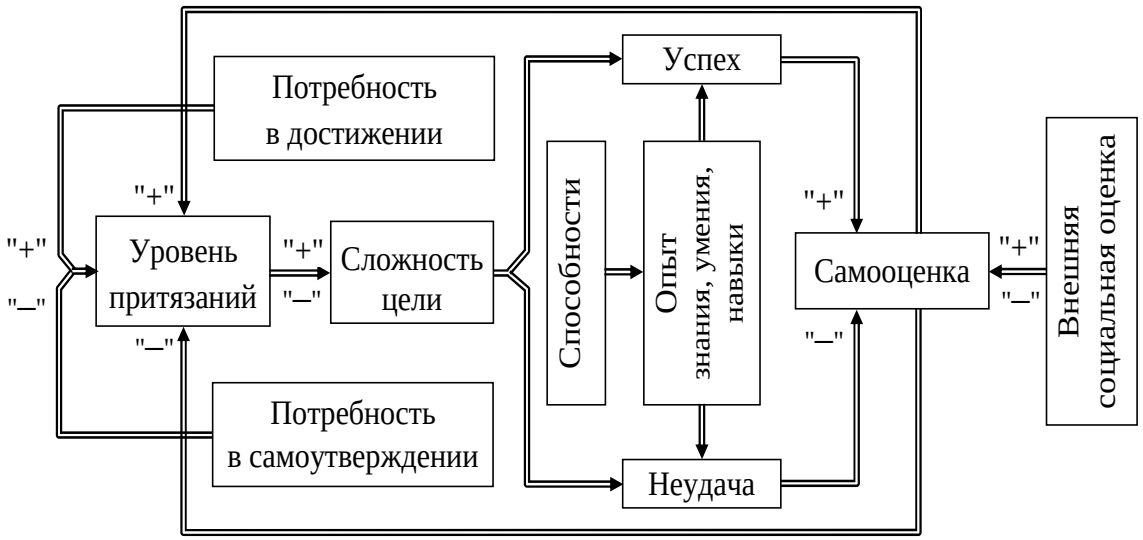

Рис. 3. Влияние на самооценку внешней социальной оценки и других факторов.

Как видим, социальная детерминация самооценки человека может быть как прямая, так и косвенная. Последняя осуществляется через обучение знаниям, умениям и навыкам, развитие способностей и воспитание, направленное на формирование особых социальных потребностей – потребности в достижении и потребности в самоутверждении.

В силу наличия рассмотренных выше механизмов формирования у ребенка образа "Я" и самооценки, а также своего рода "навязывания" ему ожидаемых от него форм поведения и характера их оценки, социально детерминированным оказывается все поведение человека. Следует отметить, что образ "Я" и самооценка выступают как факторы социальной детерминации поведения непосредственного действия. Однако можно указать еще один фактор социальной детерминации поведения, который носит отсроченный во времени характер. На рис. 2 он представлен формированием в психике ребенка образов социальных отношений, демонстрируемых личностью "А" по отношению к "Б" и личностью "Б" по отношению к "А". (Это образы $(\xrightarrow{АБ})'_P$ и $(\xrightarrow{БА})'_P$). Поскольку у ребенка нет физических и интеллектуальных возможностей, необходимых для воспроизведения взрослых форм поведения, они просто фиксируются в памяти. Причем фиксируются лишь внешние стороны поведения взрослых без понимания их сути. В последующем, когда ребенок станет достаточно взрослым (в частности, в подростковый период, когда у него появляется "чувство взрослости"), при возникновении сходных ситуаций межличностного общения они будут воспроизводиться из его памяти в качестве возможных вариантов его поведения.

Действие данного механизма социальной детерминации поведения можно сравнить с "миной замедленного действия". Хорошо, если эта "мина" заряжена на совершение социально приемлемых форм поведения. Но ведь есть дети, развитие личности которых происходит далеко не в благоприятных социальных условиях. В этом случае возникает необходимость в осторожном "разминировании" и коррекции представлений о возможных действиях в социальной среде, заложенных у них в начальный период их социального развития. Но для этого потребуется приложить немало усилий, во-первых, чтобы изменить и привести к нормальным социальные условия воспитания и развития личности ребенка и, во-вторых, чтобы преодолеть сопротивление самого ребенка. При сформировавшемся сознании, наличии сформированной самооценки и системы оценок окружающих попытки внести в них какие-либо

изменения будут наталкиваться на автоматически включаемые в психике ребенка механизмы психологической защиты [5]. Поэтому желательно не только психологам, но и всем взрослым знать психологические механизмы социальной детерминации поведения человека и учитывать их как в своей профессиональной, так и в повседневной жизни.

Литература:

1. Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания или как сознание неосознанно принимает решение об осознавании. – Самара, 2007.

2. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб., 2003.

3. Божович Л.И. Проблемы формирования личности /под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.; Воронеж, 1997.

4. Гинецинский В.И. Пропедевтический курс общей психологии. Учеб. пособие. – СПб., 1997.

5. Захарова А. В. Психология формирования самооценки. – Мн., 1993.

6. Зейгарник Б.В. Патопсихология. – М., 1986.

7. Коган Н.Н. Исследование взаимосвязи мотивации достижения и самооценки личности в учебной деятельности //Сб. научн. трудов Института психологии им. Г.С. Костюка АПН Украины. – Киев, 2001. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 238-242.

8. Корниенко А.Ф. Гносеологические проблемы психологии мышления //Диалог культур: проблемы толерантности, межкультурной коммуникации и межконфессиональных отношений: Материалы итоговой научно-практической конференции ТАРИ. Казань, 23 мая 2003 года. – Казань, 2003. – С. 137-140.

9. Корниенко А.Ф. Проблемы сознания, осознания и самосознания //Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы I Всероссийской конференции. Самара, 29 июня – 1 июля 2007 года. – Самара, 2007. – С. 61-63.

10. Корниенко А.Ф. Функция сознания в психике человека //Материалы IV Всероссийского съезда РПО. Ростов-на-Дону, 18-21 сентября 2007 года. Т. 1. Психология – будущему России. – Москва – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 124-125.

11. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. 2. – М., 1983.

12. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1984.

13. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. – М., 2001.

14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб., 2001.

15. Словарь практического психолога /Сост. С.Ю. Головин. – Минск, 1997.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ СОЗНАНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Психология развития и образования: теория и практика: Сборник научных трудов /Под общ. ред. И.В. Ярославцевой. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2009. – С. 178-186.

В отечественной психологии принято считать, что возникновение и развитие сознания, а также становление человека как личности – явления не только социально обусловленные, но и взаимосвязанные. "Процесс становления человеческой личности, – писал С.Л. Рубинштейн, – включает в себя … как неотъемлемый компонент формирование его сознания и самосознания: это есть процесс развития сознательной личности… Без сознания и самосознания не существует личности" [12, с. 634]. И вряд ли кто из современных психологов в этом сомневается, за исключением, пожалуй, В.М. Аллахвердова, по мнению которого "часто встречающееся утверждение, что сознание порождается социальными процессами, вообще выглядит нелепостью" [2, с. 49].

Принципиальная возможность такого заявления объясняется тем, что в психологии, несмотря на относительную ясность в вопросе о факторах, обусловливающих его возникновение и развитие, до сир пор нет ясности в вопросе о том, что такое "сознание". В предисловии к русскому изданию работы Г.Т. Ханта "О природе сознания" В.П. Зинченко пишет: "К сожалению, философия и наука не могут похвастаться тем, что они за тысячу лет своего существования и развития пришли к сколь-нибудь однозначному определению сознания" [4, с. 11]. Более категорично на этот счет высказывается В.М. Аллахвердов: "О чем, собственно, идет речь, когда мы говорим о сознании, на самом деле никому не известно" [2, с. 52]. Но в таком случае возникает вопрос: "Что за новообразование возникает и развивается у ребенка в процессе и в результате его взаимоотношений с другими людьми, которое многие психологи все же связывают с понятием «сознание»?".

Среди существующих в психологии определений сознания, в которых оно представляется в качестве особого психического новообразо-

вания, наибольшее признание получили определения С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева.

Согласно С.Л. Рубинштейну, сознание человека есть "отражение независимого от него объекта и отношение к нему субъекта" [12, с. 145]. Поскольку отражение объекта обеспечивается познавательными психическими процессами, а отношение к нему субъекта – эмоциональными, сознание, по С.Л. Рубинштейну, – это единство познавательных и эмоциональных психических процессов или, как указывает сам С.Л. Рубинштейн, "единство переживания и знания", "единства субъективного и объективного" [12, с. 20]. В современной трактовке точка зрения С.Л. Рубинштейна означает, что сознание есть некоторое интегративное психическое образование, в котором особым образом интегрируются отдельные психические процессы. По мнению В.И. Гинецинского, например, "сознание существует постольку, поскольку осуществляются отдельные психические функции (процессы). Можно сказать, что сознание в качестве ингредиента психики выступает как результат интеграции отдельных психических функций, как инвариант их многообразия" [3, с. 95]. Однако при такой трактовке не понятно, почему сознание следует рассматривать как достояние лишь человеческой психики. Разве у животных при осуществлении ими адекватного приспособительного поведения психические процессы не взаимосвязаны, не согласованы и, соответственно, не интегрированы в одну "функциональную систему"? На наш взгляд, нет необходимости возлагать выполнение функции интегратора психических процессов на какой-то отдельный процесс, будь-то сознание, как это многие считают, или воля, как считает Н.И. Чуприкова, которая, полагая, что к волевым процессам понятие отражения не применимо и они сами по себе ничего не отражают, рассматривает их как процессы, "которые согласуют между собой, координируют и интегрируют процессы отражения, имеющие разное содержание и разные источники" [14, с. 8].

В качества фактора, обусловливающего интеграцию психических процессов и, более того, вынуждающего возникновение интеграционных процессов на каждой стадии эволюционного развития психики,

вполне можно принять необходимость обеспечения адекватности взаимодействия субъекта (носителя психики) с окружающей его внешней средой. Благодаря действию этого фактора на первой стадии – стадии элементарной сенсорной психики – за счет интеграции простейших познавательных, эмоциональных и волевых психических процессов (ощущений, эмоций и простых волевых процессов) у субъекта возникает возможность осуществления различных видов сенсомоторных реакций. На второй стадии – стадии перцептивной психики – в интеграционные процессы включаются процессы восприятия, и у субъекта появляется возможность осуществления предметно-манипулятивных действий. На третьей стадии с развитием процессов мышления, чувств и сложных волевых процессов появляется возможность осуществлять интеллектуальные формы поведения. Что касается четвертой, высшей стадии в развитии психики, когда с возникновением совместной трудовой деятельности у субъекта происходит развитие того, что обычно называется сознанием, благодаря тому же интеграционному фактору субъект получает возможность осуществления более сложных, а именно, социальных форм поведения в новых более сложных условиях – в условиях социальной среды. Зачем делать из сознания подобие "гомункулуса" и считать, что оно способно принимать решения, в частности, о том, что осознавать, а что не осознавать [1], или знает, что и как нужно интегрировать?

В отличие от С.Л. Рубинштейна А.Н. Леонтьев определяет сознание не как результат интеграции познавательных и эмоциональных процессов, а как интегральное психическое образование, в составе которого наряду с образами объектов внешней действительности находится образ самого субъекта, то есть образ "Я". "Сознание, – пишет А.Н. Леонтьев, – в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния" [8, с. 166].

Учитывая, что в общем случае субъективная картина мира обозначается понятием "психика", получается, что "сознание" – это та же "психика", но с добавлением образа "Я". Но тогда возникает вопрос: "В

результате какого психического процесса этот образ "Я" появляется в психике? Как указывал С.Л. Рубинштейн, "… психические образования не существуют сами по себе вне соответствующего психического процесса. Всякое психическое образование (чувственный образ вещи, чувство и т.д.) – это, по существу, психический процесс в его результативном выражении" [12, с. 36]. В связи с этим, почему бы ни рассматривать именно сознание в качестве психического процесса, в результате которого в психике субъекта возникает образ "Я"? В этом случае снимаются очень многие проблемы, и исследования явлений, связанных с понятием "сознание", становятся более конкретными и осмысленными. Сознание, как высший уровень развития психики, обретает статус самостоятельного психического процесса, характеризующего высший уровень развития познавательных психических процессов и обеспечивающего получение субъектом знаний о самом себе как о носителе психике. Этим объясняется и появление процессов рефлексии, которые считаются одним из основных атрибутов сознания. Возможность образования связей между образом "Я" и другими образами, возникающими в психике в результате других психических процессов, прекрасно объясняет как механизм возникновения осознания, так и выделение в психике двух областей – области "сознательного" и области "бессознательного" [5]. Становится возможным объяснение и многих психологических эффектов сознательных и бессознательных форм поведения человека, в частности, поведения в условиях сильного опьянения или отрешенности от реальной действительности в силу погруженности во внутренние переживания [7]. Проще становится и объяснение психологических механизмов становления человека как личности в процессе его социализации.

В психологии принято считать, что, развиваясь в системе социальных отношений и взаимодействуя с другими людьми, человек выступает не просто как субъект (носитель психики), но, прежде всего, как личность. Личность – это социально обусловленное новообразование, которое возникает у человека, находящегося в обществе и взаимодействующего с его различными представителями. Как отмечает

А.В. Петровский, "личностью в психологии обозначается системное (социальное) качество, приобретаемое индивидом в предметной деятельности и общении и характеризующее меру представленности общественных отношений в индивиде" [11, с. 337].

От особенностей социальных отношений, в которые включен человек, и от особенностей личности тех, с кем он взаимодействует, зависит и развитие сознание человека. Возникновение и развитие сознание происходит одновременно и параллельно с развитием личности. Однако если развитие личности – это линия социального развития человека, усвоения человеком социальных норм и правил поведения, то развитие сознания, как познавательного психического процесса, следует рассматривать как продолжение линии его психического развития, в частности, развития его возможностей в познании не только внешней объективной действительности, но и самого себя, как особого объекта этой действительности.

Чтобы изложить механизмы развития сознания и личности человека в системе социальных отношений, рассмотрим простейшую социальную ситуацию, в которую в качестве особых, а именно, социальных объектов входят ребенок и двое других людей, которых мы обозначим, соответственно, как "Р" и "А", "Б". Последующие рассуждения относительно процессов, происходящих в психике взаимодействующих субъектов, излагались нами ранее в работе [6]. Социальные отношения, возникающие между субъектами "А" и "Б", обозначим как "$\xrightarrow{АБ}$" и "$\xrightarrow{БА}$". Очевидно, что "А" и "Б" выступают в указанных социальных отношениях как личности, причем каждый из них имеет возможность демонстрировать в общем случае разные отношения. Способность личности демонстрировать ту или иную форму социальных отношений можно рассматривать как соответствующее свойство этой личности.

Исходя из определения "личности", человек, развиваясь как личность, должен усваивать существующие в социальном окружении формы социальных отношений и демонстрировать их в своем поведении. Но чтобы усвоить ту или иную форму социальных отношений, он должен, как минимум, иметь возможность ее наблюдать. В результате

наблюдения в его психике формируются образы, во-первых, взаимодействующих личностей и, во-вторых, демонстрируемых ими форм отношений. Так при наблюдении взаимоотношений между личностями "А" и "Б" в психике ребенка "Р" формируются образы этих личностей, которые можно обозначить как $(А)'_Р$, $(Б)'_Р$, и образы взаимоотношений между ними, которые можно обозначить как $(\xrightarrow{АБ})'_Р$, $(\xrightarrow{БА})'_Р$. В то же время в психике личностей "А" и "Б" при их взаимодействии с ребенком "Р" формируются соответствующие образы ребенка $(Р)'_А$ и $(Р)'_Б$, образы их действий по отношению к ребенку, то есть $(\xrightarrow{АР})'_А$ и $(\xrightarrow{БР})'_Б$, а также образы возможных или ожидаемых форм взаимодействия ребенка с ними, то есть $(\xrightarrow{РА})'_А$ и $(\xrightarrow{РБ})'_Б$.

И вот здесь мы сделаем очень важное предположение о том, что знания "А" и "Б" о действиях по отношению к ребенку должны быть непосредственно связаны с их представлениями о ребенке и о возможных действиях ребенка по отношению к ним. Другими словами, мы допускаем, что $(\xrightarrow{АР})'_А$ и $(\xrightarrow{БР})'_Б$ непосредственно зависят от $(Р)'_А$ и $(Р)'_Б$, а также от $(\xrightarrow{РА})'_А$ и $(\xrightarrow{РБ})'_Б$. Правомерность такого допущения не должна вызывать особых сомнений. Очевидно, что условием адекватного поведения человека в любой ситуации по отношению к любому объекту ситуации является наличие у него как можно более полной системы знаний, как о наличной ситуации, так и ее изменениях, которые могут произойти в связи с возможным проявлением активности какого-либо объекта ситуации и уж тем более объекта, с которым осуществляется или предполагается осуществлять непосредственное взаимодействие. Если это так, то во взаимодействии личностей "А" и "Б" с ребенком "Р" в их поведении в соответствии с известным принципом "единства сознания и деятельности (психики и поведения)" должны как-то проявляться и их представления о ребенке и о возможных формах его поведения по отношению к ним. Соответственно, в психике ребенка при его взаимодействии с личностями "А" и "Б" будут формироваться не только образы тех, с кем он взаимодействует, то есть $(А)'_Р$

и $(Б)'_Р$, и образы их поведений по отношению к нему, то есть $(\xrightarrow{АР})'_Р$ и $(\xrightarrow{БР})'_Р$, но и образы ожидаемых от него поведений, как со стороны "А", так и со стороны "Б", то есть $\left((\xrightarrow{РА})'_А\right)'_Р$ и $\left((\xrightarrow{РБ})'_Б\right)'_Р$. Кроме того, в психике ребенка формируются и образы, в которых отражаются представления о нем взаимодействующих с ним личностей "А" и "Б", то есть образы $\left((Р)'_А\right)'_Р$ и $\left((Р)'_Б\right)'_Р$.

В наглядной форме образование в психике ребенка указанных образов представлено на рис. 1.

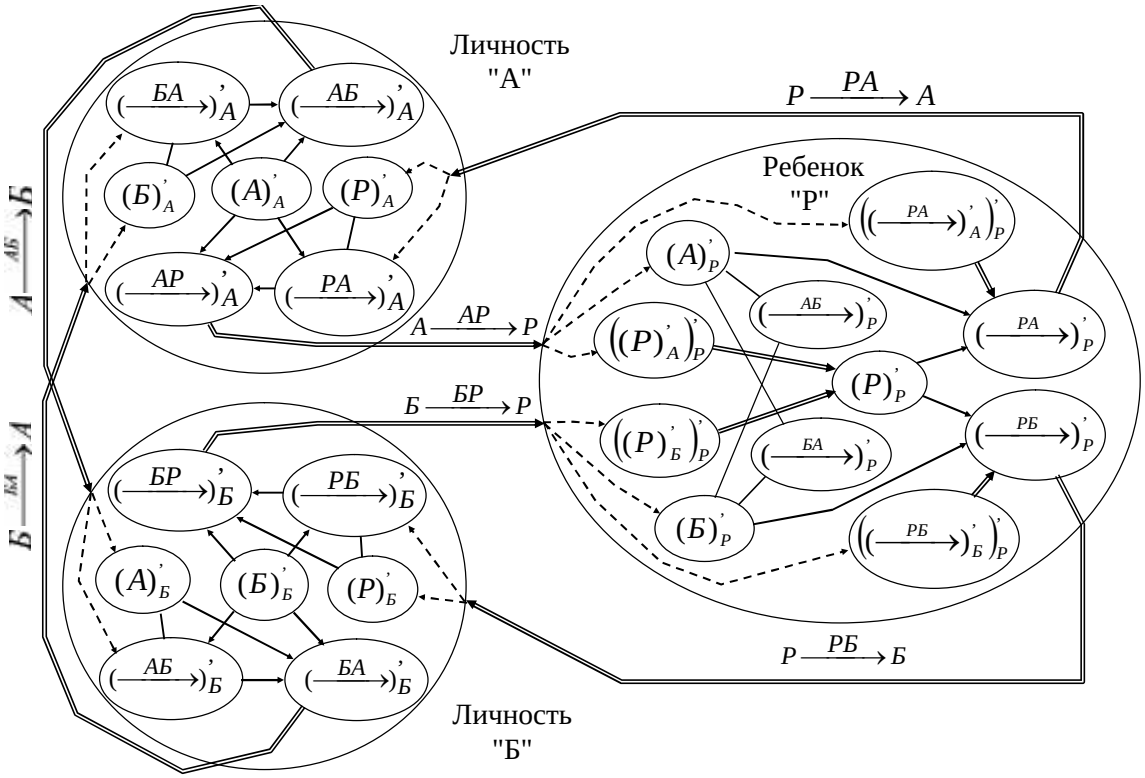

Рис. 1. Формирование у ребенка "Р" представлений о себе и своем поведении в социальной среде (образов себя $(Р)'_Р$ и своих действий $(\xrightarrow{РА})'_Р$, $(\xrightarrow{РБ})'_Р$ по отношению к личностям "А" и "Б"), а также социальных отношений, возникающих непосредственно между личностями "А" и "Б" (образов $(\xrightarrow{АБ})'_Р$ и $(\xrightarrow{БА})'_Р$).

Особое внимание в схеме, представленной на рис. 1, следует обратить на то, что в результате взаимодействия с личностями "А" и "Б" ре-

бенок не только получает отдельные знания о себе в форме образов $\left((P)_{А}^{'}\right)_{Р}^{'}$ и $\left((P)_{Б}^{'}\right)_{Р}^{'}$. На основе выделения общих признаков этих образов и их обобщения, что может обеспечиваться процессами мышления, у ребенка формируется целостный образ себя $(P)_{Р}^{'}$, который представляет собой не что иное, как образ "Я". Поскольку возникновение образа "Я" мы рассматриваем как результат познавательного психического процесса, называемого "сознанием", можно сделать вывод, что сознание это процесс, протекающий в психике субъекта на основе процессов мышления, который заключается в обобщении отраженных в его психике представлений о нем других людей, с которыми он непосредственно взаимодействует. Формирование сознания и, соответственно, образа "Я" ребенка в символьной форме можно записать следующим образом $\left((P)_{А}^{'}\right)_{Р}^{'}+\left((P)_{Б}^{'}\right)_{Р}^{'}\Rightarrow(P)_{Р}^{'}$.

Следует отметить еще одно обстоятельство. В психике личностей "А" и "Б" одновременно с познавательными протекают и эмоциональные процессы, результатом которых являются оценки субъективной значимости для них ребенка и особенностей его поведения. И эти оценки также передаются ребенку. Таким образом, в психике ребенка формируются не просто знания о себе и своих действиях, но и отношение к себе и к своим действиям, которое является обобщением отношений взрослых. Если для обозначения отношения, в котором выражается оценка субъективной значимости, использовать черту, проводимую сверху над образом того, что является значимым, то отношение человека "А" к личности ребенка "Р" может быть записано следующим образом $\overline{(P)_{А}^{'}}$.

В принятых обозначениях формирование самооценки ребенка на основе соответствующих оценок со стороны личностей "А" и "Б" описывается соотношением $\overline{(P)_{А}^{'}}+\overline{(P)_{Б}^{'}}\Rightarrow\overline{(P)_{Р}^{'}}$. Формирование оценки ребенком своего поведения по отношению, например, к человеку "А", как от-

раженной оценки этого поведения человеком "А", записывается следующим образом $\left(\overline{\left(\xrightarrow{PA}\right)_A'}\right)_P' \Rightarrow \overline{\left(\xrightarrow{PA}\right)_P'}$.

Таким образом, если ребенок после рождения оказывается включенным в социальные отношения с окружающими его взрослыми людьми, то с развитием процессов мышления, обеспечивающих возможность осуществления анализа и синтеза воспринимаемой информации, в его психике начинается формирование образа самого себя, то есть образа "Я", и отношения к себе и своим действиям, то есть самооценки. Содержание образа "Я" и характер самооценки у ребенка на начальном этапе их формирования целиком и полностью определяются представлениями о ребенке и отношениями к ребенку, тех людей, которые с ним взаимодействуют. Именно поэтому ассоциируемые с развитием образа "Я" и самооценкой развитие сознания, а также развитие личности ребенка являются социально обусловленными.

Однако с течением времени, когда образ "Я" становится достаточно обобщенным, он приобретает устойчивость. Возникает то, что обычно называют "ядром личности" и связывают с понятием "аутоидентичность". Как отмечает А.Н. Леонтьев, характеризуя понятие аутоидентичности, "независимо от накапливаемого человеком опыта, от событий, которые меняют его жизненное положение, наконец, независимо от происходящих физических его изменений, он как личность остается и в глазах других людей, и для самого себя тем же самым" [9, с. 182]. Мы полагаем, что аутоидентичность есть не что иное, как механизм формирования самосознания, под которым мы понимаем результат осознавания человеком самого себя [5]. Поскольку осознавание рассматривается нами как процесс образования связи образа "Я" с другими образами, возникающими в психике, самосознание, в нашем понимании, представляет собой связь актуального образа "Я", имеющего место в настоящем, с тем образом "Я", который имел место в прошлом и складывался, преимущественно, под влиянием внешних социальных воздействий. Благодаря самосознанию или механизму аутоидентификации, образ "Я" становится не только устойчивым, но и автономным

психическим образованием. Более того, для сохранения его устойчивости и автономности в психике начинают вырабатываться механизмы, известные в аналитической психологии как психологические механизмы защиты "Я", механизмы вытеснения, проекции, рационализации и т.д. [13]. Внешние социальные воздействия, несоответствующие сложившемуся, ставшему относительно устойчивым образу "Я" и сложившейся самооценке, начинают встречать сопротивление. Можно с уверенность констатировать, что стержень, ядро личности формируется у ребенка буквально в первые годы его жизни и определяется особенностями его ближайшего социального окружения. Безусловно, прав известный врач-психотерапевт, психоаналитик Н.Н. Нарицын, утверждающий, что "к трем-пяти годам личность ребенка фактически сформировывается, и дальше уже с родительской стороны идет перевоспитание, а со стороны ребенка – накопление знаний на базе сформированной личности" [11].

С развитием сознания и самосознания и приобретением устойчивости и автономности образа "Я" и самооценки влияние социальных факторов на развитие личности ребенка приобретает качественно иной характер. Более эффективным становится не прямое, а косвенное социальное воздействие, позволяющее преодолеть или как-то обойти защитные психологические механизмы. Значительно возрастает роль и ответственность самого ребенка за развитие своей личности и формирование тех или иных черт своего характера. Безответственное отношение к себе, к своему образу жизни может служить показателем низкого уровня развития сознания и самосознания ребенка как личности.

Существенным механизмом, определяющим начальный период социализации личности ребенка, является механизм неосознаваемого усвоения социальных отношений, демонстрируемых взрослыми. В схеме на рис. 1 он представлен формированием в психике ребенка образов $(\xrightarrow{АБ})'_Р$ и $(\xrightarrow{БА})'_Р$. Поскольку у ребенка нет физических и интеллектуальных возможностей, необходимых для воспроизведения взрослых форм поведения, образы этих форм поведения просто фиксируются в памяти. Причем фиксируются они в неразрывной связи с образами

самих взрослых. В последующем, когда ребенок станет достаточно взрослым, в частности, в подростковый период, когда обычно появляется "чувство взрослости", они могут воспроизводиться из памяти, причем уже в диссоциированном или "чистом" виде. И именно в силу этой диссоциации образы поведения, извлекаемые из памяти, могут связываться в психике ребенка с образом "Я" и образом другого человека и выступать в качестве основы взаимодействия его с этим человеком.

Будучи скрытным и носящим отсроченный характер, данный механизм социализации личности ребенка по своему действию подобен мине замедленного действия. Хорошо, если эта "мина" заряжена на совершение социально приемлемых форм поведения. Но есть дети, развитие личности которых происходит далеко не в благоприятных социальных условиях. В этом случае возникает необходимость в осторожном "разминировании" и коррекции представлений детей о допустимых формах поведения в социальной среде. Для этого, во-первых, требуется изменить и привести к нормальным социальные условия воспитания и развития детей, что часто бывает невозможным по ряду объективных причин. Во-вторых, необходимо, преодолев сопротивление самих детей, обусловленное наличием у них механизмов психологической защиты, изменить структуру их сознания и самосознания, на что могут потребоваться годы кропотливой работы хороших воспитателей и квалифицированных специалистов-психологов.

Литература:

1. Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания, или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. – Самара: ИД "Бахрах-М", 2007.

2. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб.: Изд-во "Речь", 2003.

3. Гинецинский В.И. Пропедевтический курс общей психологии. Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997.

4. Зинченко В.П. Предисловие к русскому изданию //Хант Г. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. – М.: ООО "Издательство АСТ" и др., 2004. – С. 11-15.

5. Корниенко А.Ф. Проблемы сознания, осознания и самосознания //Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы I Всероссийской конференции. Самара, 29 июня – 1 июля 2007 г. – Самара: Изд-во "Научно-технический центр", 2007. – С. 61-63.

6. Корниенко А.Ф. Психологические механизмы социальной детерминации сознания и самооценки человека //Вестник университета (Государственный университет управления). № 2 (50). – М.: ГУУ, 2008. – С. 85-88.

7. Корниенко А.Ф. Сознательные и бессознательные психические состояния //Психология психических состояний: теория и практика. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Казань, КГУ, 13-15 ноября 2008 г. Часть I. – Казань: ЗАО "Новое знание", 2008. – С. 474-478.

8. Леонтьев А.Н. Возникновение и эволюция психики //Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I. – М.: Педагогика, 1983. – С. 143-279.

9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975.

10. Нарицын Н.Н. От года до трех лет: особенности воспитания [Электронный ресурс]. – URL: http://www.naritsyn.ru/read/all/nashreb/1-3.htm.

11. Петровский А.В. Личность //Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. – М.: Издательский центр "Академия"; Высшая школа, 2000. – С. 336-384.

12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2001.

13. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. – М.: Педагогика, 1993.

14. Чуприкова Н.И. Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности //Вопросы психологии. – 2007. – № 3. – С. 3-15.

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ СУБЪЕКТА И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы IV Международной научно-практической конференции. Казань, КГУ, 12-14 ноября 2009 г. /под ред. С.В. Петрушина. – Казань: Изд-во "Отечество", 2009. – С. 216-219.

Понятие "сознание" наряду с понятием "психика" относится к категории базовых понятий психологии. Учитывая, что сознание считается высшим уровнем развития психики, эти два понятия образуют своеобразный "вектор", с которым так или иначе должны соотноситься все другие психологические понятия, любая система понятий психологии. Как указывал Л.С. Выготский, "вопрос о психике, сознательном и бессознательном имеет определяющее методологическое значение для всякой психологической системы. В зависимости от того, как решается этот основной для нашей науки вопрос, находится и самая судьба нашей науки" (Выготский Л.С., 1982).

Однако приходится констатировать, что ни психика, ни сознание до сих пор не имеют в психологии удовлетворительных, внутренне непротиворечивых определений. Что касается сознания, то, по мнению В.М. Аллахвердова, "о чем, собственно, идет речь, когда мы говорим о сознании, на самом деле никому не известно". Сознание считается "глубочайшей тайной психологической науки" (Аллахвердов В.М., 2003).

Несомненно, наиболее существенной и первичной проблемой концептуализации сознания является отсутствие в психологии приемлемого определения понятия "психика", вследствие чего на протяжении длительного периода времени сознание и психика вообще не дифференцировались. "Потребовались века, – отмечает А.Н. Леонтьев, – чтобы освободиться от отождествления психического и сознательного" (Леонтьев А.Н., 1983).

Проблемными и крайне непродуктивными, на наш взгляд, являются представления о сознании в концепции, предлагаемой В.М. Аллахвердовым (Аллахвердов В.М., 2003). Автор концепции рассматривает сознание как механизм, обладающий способностью "воспринимать",

"мыслить", "выдвигать и проверять гипотезы", "объяснять", "принимать решения об осознавании или неосознавании" и т.п. В этих представлениях сознание отождествляется уже не с психикой, а самим человеком, являющимся носителем психики. Но если воспринимает, объясняет, выдвигает гипотезы и принимает решения сознание, то что же тогда остается на долю самого человека?!

К непродуктивным представлениям можно отнести и идею В.М. Аллахвердова о множественности сознаний, о наличии таких "сознаний", как "сенсорное", "моторное", "сенсомоторное", "вербальное" и пр. На наш взгляд, это именно тот случай, когда, выражаясь словами Г.В. Акопова, "все возрастающие нагромождения и завалы в психологической проблематике сознания не только не приближают долгожданного решения, но и вызывают сомнения в оправданности и целесообразности самого понятия "сознание" в психологии" (Акопов Г.В., 2004).

Вместе с тем, не все так безнадежно, как кажется. В современной психологии имеются и фактически доминируют более рациональные и вполне конструктивные представления о сознании, к которым можно отнести следующие:

1) сознание – это высший уровень развития психики, присущий человеку;

2) функцией сознания является интеграция психических процессов.

Рассмотрим суть этих представлений, а также обуславливаемые ими проблемы концептуализации сознания и возможности их разрешения.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что если сознание является высшим уровнем развития психики, то оно должно удовлетворять общему определению понятия "психика". Принимая общепринятое на сегодня определение психики как субъективного отражения объективной действительности, мы должны признать, что и сознание должно быть связано: а) с процессами отражения и б) отражения именно объективной действительности. Проблема состоит в том, что если психика и любой психический процесс – это процесс отражения, то наделение сознания функцией интеграции психических процессов, по существу, ли-

шает сознание статуса самостоятельного психического процесса и, соответственно, процесса отражения. В результате оказывается, что представление о сознании как интеграторе психических процессов находится в противоречии с представлением о сознании как высшем уровне развития психики.

Чтобы устранить это противоречие, следует, очевидно, отказаться от интегрирующей функции сознания. Сделать это необходимо и по другому основанию. Наделяя сознание функцией интегратора психических процессов, мы фактически признаем, что до появления сознания, то есть на стадиях элементарной сенсорной психики, перцептивной психики и стадии интеллекта, выделенных А.Н. Леонтьевым (Леонтьев А.Н., 1983), интеграция психических процессов не осуществлялась. Однако это явно не так. Без интеграции психических процессов обеспечение адекватности взаимодействия организма с окружающей средой было бы просто невозможным.

Вместе с тем логически оправданное признание права сознания на статус самостоятельного психического процесса порождает следующие две проблемы. Первая связана с определением группы психических процессов (познавательных, эмоциональных или волевых), к которой следует отнести сознание. Вторая – с определением тех особенностей объективной действительности, которые могут отражаться в психике человека благодаря процессу сознания.

Возможность решения первой проблемы видится нам в выделении и анализе совокупности тех психических процессов, которые являются определяющими для каждой стадия развития психики. Вполне логичным представляется, что стадия элементарной сенсорной психики определяется процессами ощущения, стадия перцептивной психики – процессами восприятия и стадия интеллекта – процессами мышления. Нетрудно заметить, что все эти процессы относятся к группе познавательных психических процессов. В связи с этим логичным представляется соотнесение высшего уровня развития психики, то есть сознания, не с функцией интеграции психических процессов, а с более сложным, чем мышление познавательным процессом. Для этого достаточно всего лишь признать, что сознание и есть этот более сложный познавательный психический процесс.

Что касается содержания действительности, отражаемого благодаря процессу сознания, то необходимо учесть, что в объективной действительности наряду с множеством различных объектов существует особый объект, обладающий психикой, для обозначения которого обычно используется термин "субъект". Процессы ощущения, восприятия и мышления обеспечивают субъекту, как носителю психики, отражение особенностей главным образом внешних объектов действительности. С появлением сознания как более сложного познавательного психического процесса субъект получает возможность получения знаний и о самом себе. В результате процесса сознания в психике субъекта формируется образ самого субъекта, как носителя психики, который обычно обозначается как образ "Я". Образование связи образа "Я" с другими образами, возникающими в психике, имеет смысл рассматривать как процесс осознавания. Совокупность образов, актуализированных в психике и связанных с образом "Я", представляет собой не что иное, как область "осознанного" или "сознательного".

Таким образом, признание сознания высшим уровнем развития психики и придание ему статуса познавательного психического процесса, в результате которого в психике субъекта формируется образ самого субъекта как носителя психики, то есть образа "Я", позволяет разрешить многие проблемы, связанные с концептуализацией сознания, и наметить пути построения непротиворечивых концепций не только сознания, но и понятий "осознанное" и "неосознанное", "сознательное" и "бессознательное".

ПОНЯТИЕ О СОЗНАНИИ КАК ВЫСШЕМ УРОВНЕ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ

Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 36. – С. 20-26.

Длительное время понятия "психика" и "сознание" не дифференцировались и использовались фактически как синонимы. Как отмечал А.Н. Леонтьев, "потребовались века, чтобы освободиться от отождествления психического и сознательного" [12, с. 166]. Тем не менее, и сейчас довольно часто можно встретить использование термина "сознания" в значительно более широком понимании, которое эквивалентно пониманию термина "психика". Наиболее ярко это проявляется в использовании таких словосочетаний, как "отражение в сознании", "процессы, происходящие в сознании" или "направленность сознания", "состояния сознания". Как отмечает Г.В. Акопов, "явное или неявное отождествление сознания и психики устойчиво воспроизводится на протяжении всей истории отечественной психологии" [2, с. 22]. В какой-то степени это связано с пиететным отношением к определениям сознания, сформулированным С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым.

"Сознание, – пишет С.Л. Рубинштейн, – это специфическая форма отражения объективной действительности, существующей вне и независимо от него" [16, с. 20]. Очевидно, что без каких либо поправок и дополнений это определение можно использовать и по отношению к понятию "психика". Утверждение С.Л. Рубинштейна о том, что "в психологическом плане сознание выступает реально, прежде всего, как процесс осознания человеком окружающего мира и самого себя" [16, с. 150], по сути своей тавтологично, поскольку понятие "сознание" определяется через понятие "осознание", которое включает в себя исходное понятие "сознание".

Согласно определению А.Н. Леонтьева, "сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния" [12, с. 166]. Учитывая, что в общем случае картина мира, открывающаяся субъекту, – это субъективный образ или субъективное отражение объективной действительности, и обозначается она понятием "психика", получается, что "созна-

ние", по Леонтьеву, – это психика субъекта с добавлением образа самого субъекта. Фактически, то, что понимается под психикой, оказывается включенным в состав сознания, и само сознание понимается просто как расширенная по содержанию психика. Отсюда и синонимичность в использовании понятий "психика" и "сознание".

Визуализированные формы определения сознания по С.Л. Рубинштейну и А.Н. Леонтьеву представлены на рис. 1, 2.

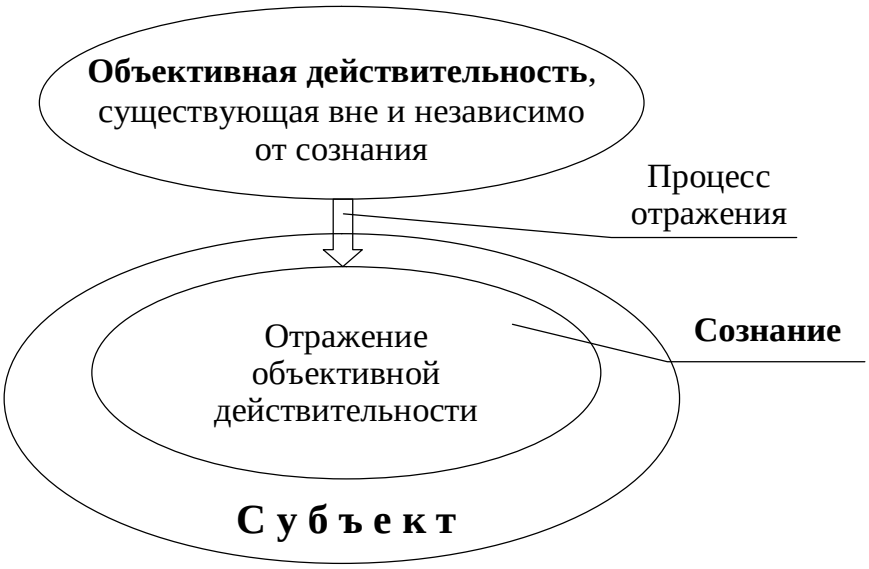

Рис. 1. Визуализированная форма определения сознания в редакции С.Л. Рубинштейна.

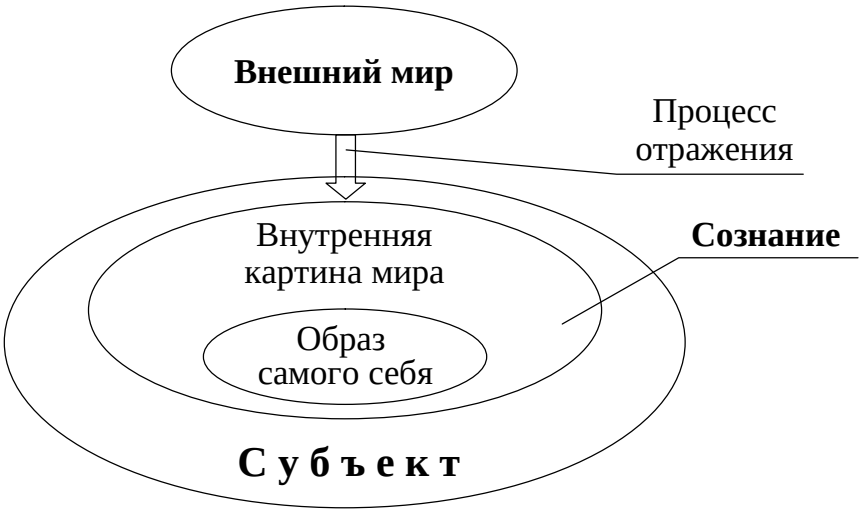

Рис. 2. Визуализированная форма определения сознания в редакции А.Н. Леонтьева.

Проблема в определении сознания, на наш взгляд, состоит в том, что оно не рассматривается как психический процесс. Будучи признаваемым в качестве высшего уровня развития психики, сознание не включается ни в одну из классификаций психических процессов. Его нет ни в традиционной классификации, представленной, например, в учебнике общей психологии А.Г. Маклакова [13], ни в "рациональной" классификации Н.И. Чуприковой [19], ни "функциональной" классификации В.В. Никандрова [14]. Обычно оно рассматривается не как психический процесс, а как некоторое интегративное образование, в котором особым образом интегрируются все психические процессы. По определению В.И. Гинецинского, "сознание в качестве ингредиента психики выступает как результат интеграции отдельных психических функций, как инвариант их многообразия" [4, с. 95]. "Трактовка сознания как интеграции психических процессов, – отмечает Г.В. Акопов, – достаточно распространенный способ определения сознания в психологии" [2, с. 21].

Однако наделение сознания функцией интеграции психических процессов лишает сознание статуса самостоятельного психического процесса и, соответственно, процесса отражения. Интеграция или какая бы то ни было форма организации психических процессов сама по себе не является особым психическим процессом и, соответственно, процессом отражения. В то же время, признавая сознание высшим уровнем развития психики, в определении которой подчеркивается ее отражательная функция, следует, очевидно, сохранить эту отражательную функцию и в определении сознания. Причем следует соотнести содержание, отражаемое в психике благодаря сознанию, как более сложное по сравнению с тем содержанием, которое отражается благодаря психическим процессам ощущения, восприятия и мышления, характеризующим психику на ее более низких по сравнению с сознанием уровнях развития. Определение сознания как интегратора психических процессов сделать этого не позволяет.

Отказаться от интегрирующей функции сознания имеет смысл и по другой причине. Приписывая сознанию функцию интегратора психических процессов, мы фактически признаем, что до появления сознания, то есть на всех предыдущих стадиях развития психики, интеграция психических процессов не осуществлялась. Однако это явно не так. Без интеграции психических процессов обеспечение адекватности взаимодействия организма с окружающей средой было бы просто невозможным. Во взаимодействии с окружающей средой любой организм выступает как единое целое в единстве и взаимосвязи всех его структур и функций. Поскольку основной функцией психики является обеспечение адекватности поведения организма условиям, в которых это поведение реализуется, психические процессы на каждом уровне развития психики не могут быть не согласованы и не интегрированы. Ссылка на то, что появление сознания связано с особой интеграцией психических процессов, практически ничего не меняет – на каждом уровне развития психики имеет место своя особая форма интеграции психических процессов. Не понятно и отличие "интеграции" от взаимосвязи и неразрывности психических процессов, на наличие которых даже у более простых видов живых существ указывал еще Г.И. Челпанов [18]. Кроме того, возникает проблема с дифференциацией понятия "интеграция" относительно таких понятий, как "функциональная система" П.К. Анохина или "психическое состояние" В.Д. Левитова, которые также имеют непосредственное отношение к "интеграции" и различным формам организации психических процессов.

Проблемными и крайне непродуктивными, на наш взгляд, являются представления о сознании В.М. Аллахвердова [3] в развиваемой им "психологике", претендующей на особую форму организации научных психологических знаний, альтернативную классической психологии. Мало того, что предлагается лишить психику (и сознание, в том числе) общепринятой функции отражения и регуляции поведения, ссылаясь на то, что такая точка зрения не более чем "привычная банальность", со-

знание в определениях В.М. Аллахвердова представляется чем-то вроде гомункулуса, который "все объясняет", может "догадываться о причинах наблюдаемых явлений", "проверять справедливость своих догадок", "мыслить", "принимать решение о том, что следует осознавать, а что заведомо осознавать не следует" и т.п. Но если все это делает сознание, то что же тогда остается на долю человека?! Приписывая сознанию способность выполнять функции, которые обычно считаются функцией человека (это человек может объяснять, догадываться, принимать решение, осознавать, мыслить и пр.), В.М. Аллахвердов фактически мифологизирует понятие "сознание". И здесь он не оригинален. Подобная трактовка сознания бытовала в психологии еще во времена Т. Липпса (1863-1914). Касаясь проблемы субстрата сознания, Т. Липпс ввел понятие о реальном "Я", близкое по смыслу с понятием "душа", и предложил рассматривать это "реальное «Я»" в качестве источника и носителя явлений сознания. В связи с критикой своего предложения он писал следующее: "Воспрещение говорить о реальном «Я» или о субстрате явлений сознания оказывается не столь безобидным, как оно может показаться сначала. Оно ввело в соблазн ставить нечто иное на место субстрата явлений сознания, а именно само «сознание»… Таким-то образом возникло сознание, которое воспроизводит содержания сознания, ощущает, мыслит, чувствует, хочет… Таким образом, стремясь избежать мнимой метафизики души, создали мифологию сознания" (Цит. по [11, с. 26]).

К непродуктивным представлениям можно отнести и идею В.М. Аллахвердова о множественности сознаний, о наличии таких "сознаний", как "сенсорное", "моторное", "сенсомоторное", "вербальное" и пр. На наш взгляд, это именно тот случай, когда, выражаясь словами Г.В. Акопова, "все возрастающие нагромождения и завалы в психологической проблематике сознания не только не приближают долгожданного решения, но и вызывают сомнения в оправданности и целесообразности самого понятия «сознание» в психологии" [2, с. 12].

Решение проблемы с определением сознания видится нам в рассмотрении сознания не как особой психики с добавлением образа "Я" или ее "интегративного" качества, и уж тем более не как механизма, обладающего способностью "объяснять", "выдвигать и проверять гипотезы", "принимать решение об осознавании или неосознавании" и т.п., а как особого психического процесса, относящегося к группе познавательных психических процессов, в результате которого в психике человека образуется особый образ – образ "Я" [5, 9]. "Особость" или специфика этого образа состоит в том, что он является образом самого субъекта как носителя психики, и возникает исключительно в психике человека в процессе и в результате его взаимодействия с другими людьми. Если использовать термин "реальное «Я»", введенный Т. Липпсом, но не для обозначения души, как субстрата или источника явлений сознания, а самого субъекта, обладающего сознанием, то образ "Я" оказывается отражением в психике субъекта того реального "Я", которым этот субъект и является. И вопрос нужно ставить не о том, что делает сознание, а о том, что может делать человек (реальное "Я"), обладающий сознанием. Это же касается и других психических процессов, в частности, мышления – не мышление решает задачи, а человек решает задачи с помощью процессов мышления; задача ставится не перед мышлением, а перед человеком.

Очевидно, что образ "Я", как образ носителя психики, включает в себя и образ психики (по принципу "матрешки"), и потому является сложным психическим образованием. По существу, в результате познавательного психического процесса, который называется сознанием, в психике субъекта возникает образ самой психики. В отличие от исходной или первичной психики психика, отраженная в образе "Я", может быть названа вторичной или рефлексивной психикой, а сам процесс образования рефлексивной психики – процессом рефлексии. Образ "Я", таким образом, представляет собой множество образов рефлексивной психики, каждый из которых является результатом отдельного рефлек-

сивного процесса. Под рефлексивным процессом в данном случае понимается процесс, благодаря которому образ первичной психики становится достоянием вторичной или рефлексивной психики. Основу этого процесса составляет процесс осознавания (как особая форма процесса мышления), в результате которого образуется связь образа первичной психики с образом "Я". Интересно отметить, что в составе рефлексивной психики оказываются не только рефлексивные образы объектов внешней действительности, но и рефлексивный образ самого субъекта, то есть рефлексивный образ "Я", который, по-видимому, можно соотнести с понятием "самосознание" [6].

Если под сознанием понимать не только процесс образования образа "Я", но и сам образ "Я", как результат этого процесса (по аналогии с понятием "отражение", которое рассматривается и как процесс, и как результат), то вполне правомерным оказывается использование таких выражений, как "в психике" и "в сознании" с сохранением специфичности их смыслового содержания. В первом случае речь идет о том, что находится или происходит в первичной психике, во втором случае – во вторичной или рефлексивной психике.

Определив сознание как особый познавательный психический процесс, можно представить развитие психики в виде следующей цепочки непрерывно усложняющихся процессов психического отражения: ощущение $\Rightarrow$ восприятие $\Rightarrow$ мышление $\Rightarrow$ сознание. В ощущениях отражаются отдельные свойства объектов и явлений ближайшего будущего объективной действительности; в восприятиях – отдельные объекты и явления в совокупности их свойств и качеств; в мышлении – взаимосвязи объектов и явлений и целостные ситуации; в сознании – сам субъект как носитель психики.

На рис. 3 представлена схема, поясняющая суть понятия "сознание" как познавательного психического процесса, результатом которого является формирование в психике субъекта образа "Я", рефлексивной психики и рефлексивного образа "Я".

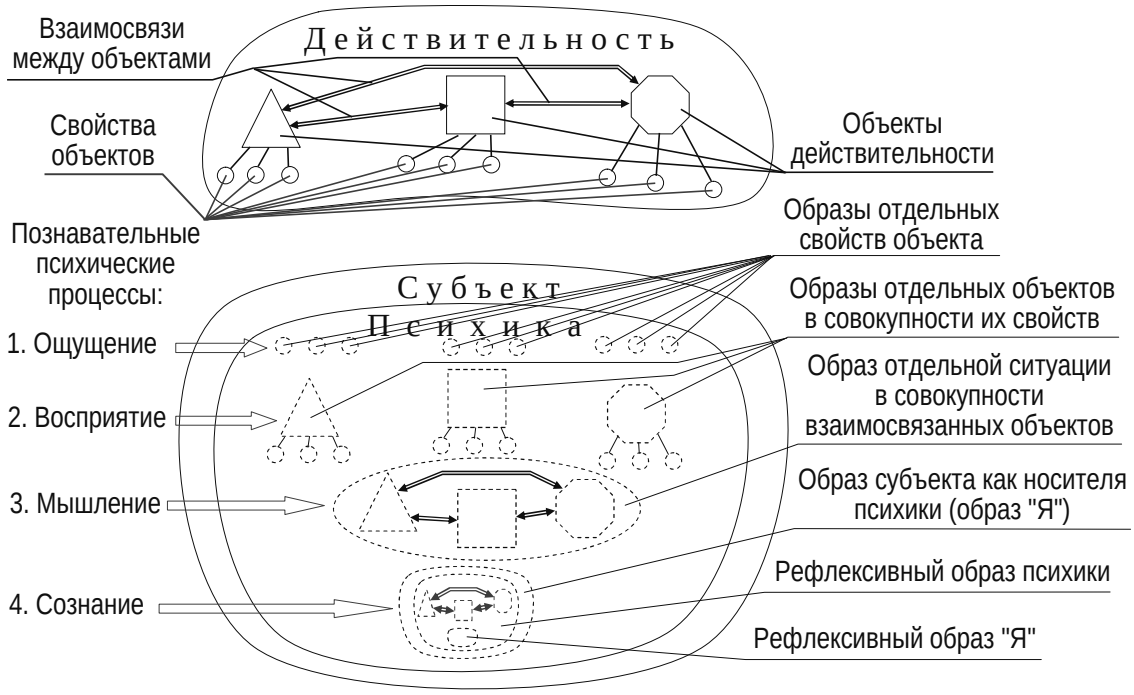

Рис. 3. Сознание как высший уровень развития познавательных психических процессов, обеспечивающий возникновение в психике субъекта образа самого субъекта как носителя психики (образа "Я").

Непосредственно связанным с понятием "сознание" является понятие "осознание". В психологической литературе понятие "осознание", как и понятие "сознание", не имеет четкого определения и часто используется в качестве синонима не только понятию "сознание", но и понятию "понимание" (например, в выражении "Я осознаю (сознаю/понимаю), что …").

Примером крайне запутанного и противоречивого до абсурда определения понятия "осознание" может служить определение доктора психологических наук А.Ю. Агафонова, который является учеником и последователем В.М. Аллахвердова. Полагая, что осознание есть "конечный результат, интегральный психический продукт активности сознания", А.Ю. Агафонов пишет: "любой осознаваемый эффект есть следствие неосознаваемой деятельности сознания" [1, с. 10-11]. И деятельность эта, по мнению автора, заключается в принятии сознанием решения об осознании. "Как осознание, так и неосознавание, – отмечает

А.Ю. Агафонов, – трактуются как итоговые результаты когнитивного процесса, в котором одним из этапов является «принятие решения об осознании/неосознавании»" [Там же, с. 13]. Если следовать логике А.Ю. Агафонова, то получается, что осознание есть результат деятельности сознания по принятию решения об осознании, которая осуществляется сознанием неосознанно. Потрясающе!!!

В отличие от А.Ю. Агафонова, мы понимаем осознание как результат не сознания, а мышления [11].

Осознание есть всегда осознание "чего-то", и осознается это "что-то" всегда "кем-то". Будучи явлением психическим, осознание представляет собой связь, с одной стороны, образа "Я", который является результатом сознания и отражением того, кто способен осознавать, и, с другой стороны, образа "чего-то", что является результатом любого другого протекающего в психике психического процесса. Образование же самой связи между этими образами осуществляется благодаря процессам мышления. Мышление, по определению, есть познавательный психический процесс отражения в психике связей и соотношений объектов и явлений действительности. Поскольку объекты и явления действительности отражаются в психике в форме образов, отражение связей между объектами, равносильно образованию в психике связей между образами, в которых эти объекты отражаются. Осознать что-то – значит связать образ этого "что-то" с образом "Я", и образование этой связи осуществляется в результате процесса мышления. Учитывая, что образование связи между образами, мы называем пониманием, не сложно понять, почему понятия "осознавание", "осознание" и "понимание" часто используются как синонимы.

Очевидно, с образом "Я" будут связываться не все возникающие в психике человека образы, а лишь некоторые из них, в частности, те, в которых отражается то, что имеет для него достаточно высокую степень значимости. Осознается, таким образом, то, что отражается в познавательных психических процессах и вызывает достаточно интенсивные эмоциональные реакции.

Совокупность образов, связанных с образом "Я", включая сам образ "Я", представляет собой особую область психики, для обозначения которой вполне подходит широко известное словосочетание "область сознательного". Соответственно, множество других имеющихся в психике образов, которые не образуют непосредственных связей с образом "Я", составляет содержание той части психики, которую можно обозначить как область "бессознательного". Таким образом, психика человека выступает в единстве "сознательного" и "бессознательного", на что обращал внимание, в частности, К. Юнг. "Сознание и бессознательное, – писал К. Юнг, – не имеют четко очерченных границ; одно начинается там, где отступает другое. Дело в том, что психе представляет собой сознательно-бессознательное целое" [20, с. 397]. Поскольку объем области "сознательного" значительно меньше объема области "бессознательного", а регуляция поведения и деятельности человека осуществляется на основе всей психики (о чем гласит один из основных принципов психологии – принцип "единства психики и поведения"), получается, что большая часть совершаемых человеком действий и поступков, обусловливается содержанием того, что находится и происходит в области "бессознательного". На особое значение "бессознательного" в регуляции поведения человека обратил внимание З. Фрейд [17], который заложил основы новой, по существу, отрасли психологии – психологии бессознательного – и нового направления в психотерапевтической практике, получившей название психоанализа.

Область "сознательного", как часть психики человека, появление которой обусловливается появлением у него сознания, и есть та вторичная психика, которую мы обозначили термином "рефлексивная психика". Интересно отметить, что исходное содержание образа, попадающего в область "сознательного" в результате образования связи этого образа с образом "Я", по существу не меняется, оно становится лишь осознаваемым или представленным в психике представителю реального "Я", в качестве которого выступает образ "Я". Очевидно, то же самое можно сказать и по отношению к содержанию образа, который пере-

стает быть достоянием области "сознательного" и переходит в область "бессознательного", когда его связь с образом "Я" по каким-то причинам нарушается. В связи с этим хотелось бы привести следующую цитату из работы К. Юнга: "Итак, мы подошли к вопросу: в каком состоянии находятся психические содержания, когда они пребывают вне связи с сознательным эго? … наиболее осторожным выводом будет следующий: когда некое содержание становится бессознательным, ничего не меняется, за исключением связи с сознательным эго" [20, с. 383].

Из определений, которые были даны нами понятиям "понимание" и "осознание", следует, что любое осознание есть понимание. Но не любое понимание есть осознание! Осознанием является лишь такое понимание, в котором в качестве одного из связываемых образом выступает образ "Я". Осознание – более узкое понятие по отношению к пониманию и является особым видом понимания, присущего человеку, обладающему сознанием.

Учитывая, что понимание является результатом мышления как познавательного психического процесса, а результат любого психического процесса есть образ, можно сделать вывод, что понимание – это не только процесс установления связей между образами, но и образ тоже. Этот образ представляет собой совокупность взаимосвязанных образов и его можно называть "образом понимания" или "образом мышления" (по аналогии с понятиями "образ восприятия", "образ памяти", "образ воображения"). При появлении в психике особого образа – образа понимания – и при наличии там образа "Я" между этими двумя образами благодаря процессу мышления может устанавливаться взаимная связь, и в этом случае мы можем говорить о возникновении у человека осознания понимания. Обычно осознание понимания сопровождается достаточно бурными эмоциональными проявлениями в форме переживаний, которые на вербальном уровне могут выражаться возгласом типа "Эврика!".

Сущность понятий "сознание", "осознание", "понимание" и "осознание понимания" в наглядной форме показана на рис. 4. Представленная на рисунке схема воспроизводилась нами ранее в работах [7, 8]. В этой схеме показано также, что совокупность образов, связанных с образом "Я", включая сам образ "Я", составляет в психике область "сознательного". Множество других имеющихся в психике образов, которые не образуют непосредственных связей с образом "Я", составляет содержание области "бессознательного".

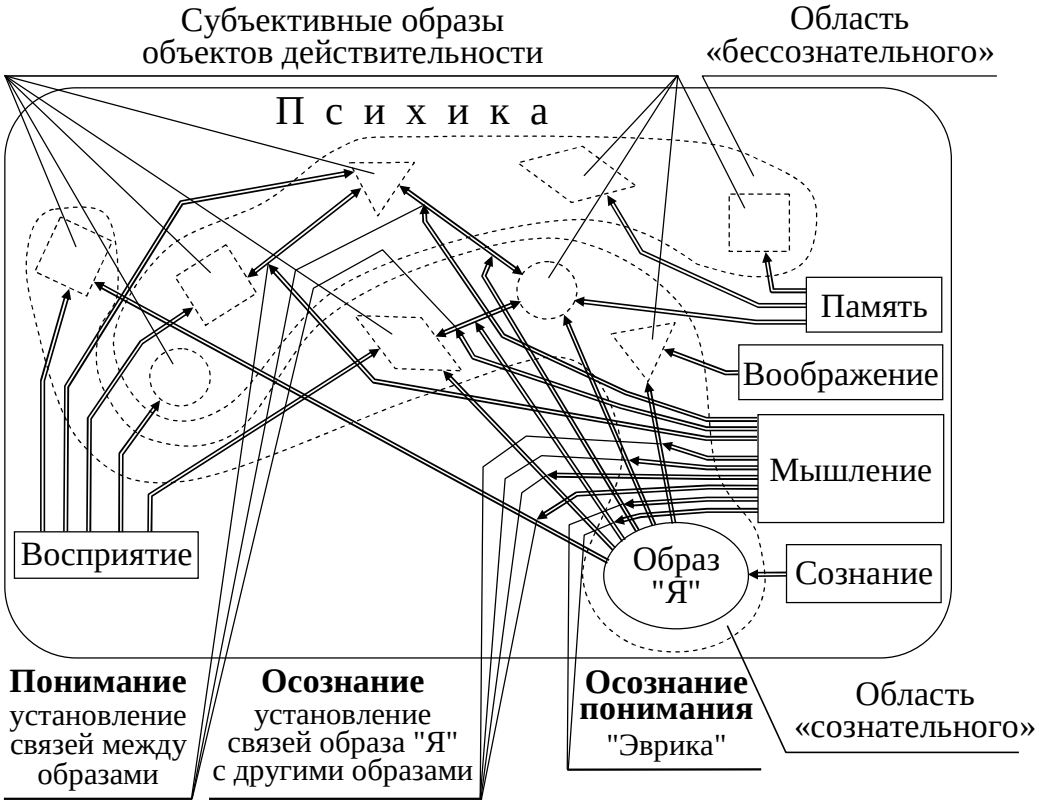

Рис. 4. Процессы осознания, понимания и осознания понимания, возникающие в психике человека благодаря познавательным психическим процессам сознания, мышления, восприятия, памяти и воображения.

Предложенное понимание понятия "осознание" позволяет говорить о различных вариантах осознания:

а) осознание всей совокупности объектов ситуации или только ее части;

б) осознание полного или частичного понимания ситуации.

Когда мы рассматриваем поведение человека, то в зависимости от того, что и в какой степени им осознается, мы будем иметь разные типы или формы поведения. При осознании совокупности объектов ситуации (всей или только части) и осознании понимания ситуации (полного или частичного), поведение можно назвать "сознательным" или "осознанным" (в большей или меньшей степени). Если осознание совокупности объектов ситуации есть, но нет осознания понимания, то поведение может быть названо "интуитивным".

В случае отсутствия осознания всей совокупности объектов ситуации, осознание понимания ситуации, по-видимому, также должно отсутствовать. Однако само понимание ситуации в принципе возможно, так как психические процессы восприятия, памяти, мышления могут работать и выполнять свои функции по отражению действительности. В этом случае механизм регуляции поведения человека без участия сознания можно назвать "автопилотным" (по аналогии с названием режима движения самолета, когда пилот не принимает непосредственного участия в управлении его полетом). При этом человек может находиться как в бессознательном состоянии, так и в сознательном. В первом случае имеет место либо нарушение процесса образования образа "Я", то есть процесса сознания, либо нарушение процесса образования связи образа "Я" с другими образами, то есть процесса осознавания. Примером такой "автопилотной" формы поведения может служить поведение человека в состоянии сильного алкогольного опьянения. Во втором случае процессы сознания и осознавания не нарушаются, но человек представляет себя, находящимся не в ситуации "здесь и сейчас", а в ситуации "там и тогда". В этом случае его образ "Я" связывается с образами объектов этой другой представляемой ситуации, а все движения и перемещения тела, находящегося в текущей ситуации, продолжают регулироваться психическими процессами и образами из области "неосознаваемого", то есть из области "бессознательного". Такое поведение и соответствующий механизм его регуляции обычно называется не бессознательным, а "неосознаваемым" или "машинальным".

Проведенный нами анализ одной из фундаментальных проблем психологии, связанной с определением сущности сознания как высшего уровня развития психики, позволяет сделать вывод, что истоки проблемы лежат в недостаточно четкой дифференциации понятий "психика" и "сознание", "сознание" и "осознание", "осознание" и "понимание" и в излишне лояльном, а может и пренебрежительном отношении к наличию как формально-логических, так и смысловых противоречий в их формулировках. Осознавая значимость построения непротиворечивой системы психологических понятий, К.К. Платонов в свое время с горечью отметил: "ни одна наука не относится так небрежно к своим понятиям, так мало делает попыток для их уточнения и согласования, как психология. Ни в одной науке нет такой замены научных, взаимосвязанных терминов образными словами, как в психологии" [15, с. 10].

Нельзя сказать, что сейчас положение дел в отношении формулировок и использования таких, в частности, базовых понятий психологии, как "сознание" и "осознание" существенным образом изменилось. Сложность раскрытия сущности сознания усугублялась и тем, что в результате длительной идентификации сознания с психикой мысль о том, что сознание, будучи высшим уровнем развития психики, может быть лишь одним из психических процессов, входящих в структуры психики, в принципе не допускалась. Хотя, как оказалось, эта мысль и не такая уж крамольная. Именно придание сознанию статуса особого познавательного психического процесса, как процесса, обеспечивающего возможность получения субъектом (носителем психики) знания о себе, как носителе психики, позволяет разрешить многие казалось бы неразрешимые проблемы психологии.

Литература:

1. Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания или как сознание неосознанно принимает решение об осознавании. – Самара: ИД "Бахрах-М", 2007.

2. Акопов Г.В. Проблема сознания в российской психологии: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО "МОДЕК", 2004.

3. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб.: Изд-во "Речь", 2003.

4. Гинецинский В.И. Пропедевтический курс общей психологии. Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997.

5. Корниенко А.Ф. Структура психических процессов //Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. С.-Петербург, 25-28 июня 2003 года: В 8 т. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – Т. IV. – С. 383-387.

6. Корниенко А.Ф. Проблемы сознания, осознания и самосознания //Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы I Всероссийской конференции. Самара, 29 июня – 1 июля 2007 года. – Самара: Изд-во "Научно-технический центр", 2007. – С. 61-63.

7. Корниенко А.Ф. Психологические механизмы социальной детерминации сознания и самооценки человека //Вестник университета (Государственный университет управления). № 2 (50). – М.: ГУУ, 2008. – С. 85-88.

8. Корниенко А.Ф. Зачем живому организму нужна психика и что это такое //Российский научный журнал. – 2009. – № 3 (10). – С. 47-60.

9. Корниенко А.Ф. Психика и психические процессы: единая система психологических понятий //Российский научный журнал. – 2009. – № 4 (11). – С. 78-89.

10. Корниенко А.Ф. Процессы мышления, понимания, сознания и осознания //Психология когнитивных процессов /Материалы 3-й Международной научно-практической конференции. Смоленск, 14-15 мая 2009 года; под ред. А.Г. Егорова, В.В. Селиванова. – Смоленск: Универсум, 2009. – С. 47-54.

11. Куренной В. К вопросу о возникновении феноменологического движения //Логос 1991–2005. Избранное: В 2 т. Т. 2. – М.: Изд. дом "Территория будущего", 2006. – С. 9-46.

12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность //Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II. – М.: Педагогика, 1983. – С. 94-231.

13. Маклаков А.Г. Общая психология. – СПб.: Питер, 2001.

14. Никандров В.В. Психология. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.

15. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. – М.: Наука, 1982.

16. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2001.

17. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений /Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. – М.: Просвещение, 1990.

18. Челпанов Г.И. Классификация душевных явлений //Очерки психологии. – М.-Л.: Моск. акц. изд. об-во., 1926. – С. 58-63.

19. Чуприкова Н.И. Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности //Вопросы психологии. – 2007. – № 3. – С. 3-15.

20. Юнг К. О природе психе /Перевод С.Л. Удовик. 2001. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.jungland.ru/node/1592 (дата обращения: 16.01.2010).

МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЭФФЕКТОВ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ЭФФЕКТА Э. МАХА

Вестник ТГГПУ. – 2008. – № 1(12). – С. 80-82.

Эффект Э. Маха представляет собой особый зрительный эффект, который возникает в психике человека при восприятии неравномерно освещенной поверхности. Исследуя субъективные явления зрительного восприятия, Э. Маха использовал вращающийся цилиндр, поверхность которого представляла собой полосу, состоящую из чередующихся белых и черных секторов особой конфигурации (см. рис. 1).

Рис. 1. Конфигурация белых и черных секторов на поверхности вращающегося цилиндра, использованного Э. Махом при исследовании субъективных эффектов зрительного восприятия [3, с. 196].

При быстром вращении цилиндра в поле зрения человека образуется неподвижная картинка, яркость которой увеличивается от *B* к *A*, в соответствии с конфигурацией светлых и, соответственно, черных секторов. С точки зрения объективных физических закономерностей распределение средних значений яркости (I) соответствующих участков картинки должно выглядеть следующим образом (см. рис. 2)

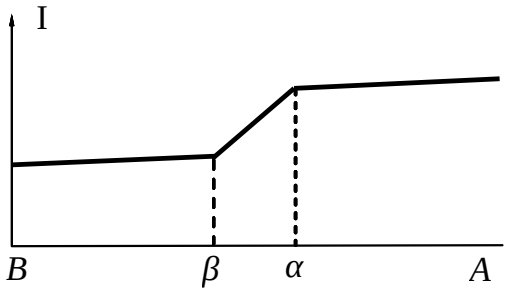

Рис. 2. Объективное распределение яркости картинки, образующейся в поле зрения человека при исследовании эффекта Маха.

Однако Э. Мах обнаружил, что в субъективном отражении человека образуются две дополнительные полосы (в последствие получивших назва-

ние "полосы Маха"): одна более светлая в области α и другая более темная в области β.

В современных условиях воспроизведение эффекта Маха достигается путем предъявления испытуемому картинки с необходимым распределением яркости непосредственно на экране компьютерного монитора (см. рис. 3).

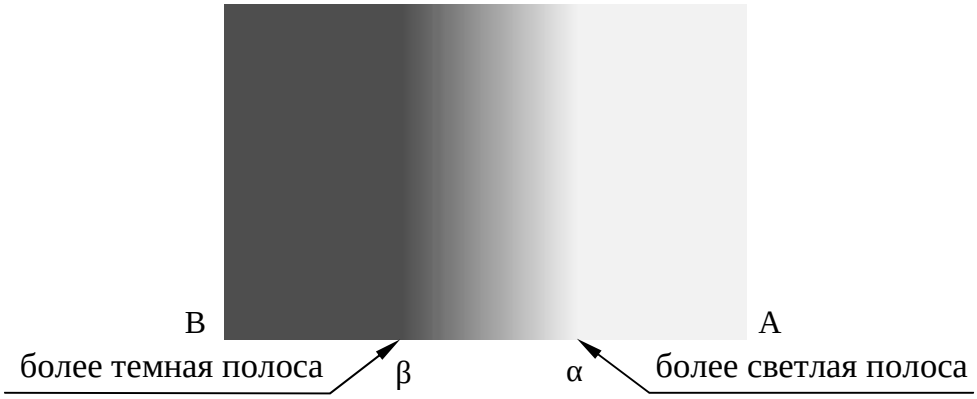

Рис. 3. Проявление эффекта Маха (появление более темной и более светлой полос) в субъективном восприятии картинки с неравномерной яркостью.

Для объяснения механизма появления полос Маха обычно привлекают концепцию латерального торможения между соседними нейронами в сетчатке, которая была разработана и получила эмпирическое подтверждение при изучении эффектов усиления контраста [1]. Однако в работе F. Ratliff, N. Milkman, N. Rennert [6] указывается на то, что явления усиления контраста и появления полос Маха – это разные явления и в их основе лежат разные механизмы.

Предлагаемое нами объяснение эффекта Маха непосредственно основывается на механизмах психики, как свойства мозга, обеспечивающего субъективное отражение ближайшего будущего объективной действительности.

Как было показано нами ранее [2], для процессов ощущения как элементарной формы психики, соответствующее свойство мозга описывается соотношением

$$f_{\text{бл.буд.}} = f_{\text{наст.}} + \Delta f \qquad (1)$$

где $\Delta f = (f_{наст} - f_{бл.пр})$, а $f_{наст}$, $f_{бл.пр}$, $f_{бл.буд}$ – частоты возникающих в мозге нейронных импульсаций, в которых отражаются интенсивности воздействия, соответственно, в настоящем, ближайшем прошлом и ближайшем будущем.

Учитывая, что в первом приближении частота нервных импульсов, вызванных наличием внешнего воздействия, пропорциональна логарифму интенсивности внешнего воздействия [1, 4], можно записать:

$$f_i = a_i * \log J + b_i \qquad (2)$$

где: f_i – частота нервных импульсов на выходе отдельного i-го элемента нервной системы;

J – интенсивность внешнего воздействия;

a_i и b_i – некоторые константы, численные значения которых определяются индивидуальными особенностями нервной системы отдельного организма.

Используя соотношения (2), соотношение (1) можно записать следующим образом:

$$\log J_{бл.буд} = \log J_{наст} + (\log J_{наст} - \log J_{бл.пр.}) \qquad (3)$$

или

$$\log J_{бл.буд} = \log J_{наст} + \log(1 + \frac{\Delta J}{J_{бл.пр}}) \qquad (4)$$

Вместе с тем мы знаем, что согласно закону Фехнера интенсивность ощущения S в первом приближении пропорциональна логарифму интенсивности воздействия J , то есть

$$S \approx k \cdot \log J \qquad (5)$$

где: k – некоторый коэффициент пропорциональности.

Учитывая данное обстоятельство, из соотношения (4) нетрудно получить выражение для ощущения, в котором будет учитываться наличие изменений в интенсивности воздействия

$$S = S_{наст} + k \cdot \log(1 + \frac{\Delta J}{J_{бл.пр}}) \qquad (6)$$

Если интенсивность внешнего воздействия постоянна, то $\Delta J = 0$, и $S = S_{наст.}$. Однако при наличии изменений в интенсивности воздействия

интенсивность ощущения, как следует из соотношения (6), будет отличаться от $S_{наст}$ на некоторую величину ΔS, определяемую соотношением

$$\Delta S = k \cdot \log(1 + \frac{\Delta J}{J_{бл.пр}}) \qquad (7)$$

Если допустить, что интенсивность воздействия увеличивается со скоростью V, соотношение (7) можно преобразовать к виду:

$$\Delta S = k \cdot \log(1 + \frac{V \cdot \Delta t}{J_{бл.пр}}) \qquad (8)$$

Соотношение (8) позволяет сделать вывод, что интенсивность ощущения, возникающего при наличии внешнего воздействия с изменяющейся интенсивностью, оказывается зависящем от скорости изменения интенсивности этого воздействия. Чем больше скорость, тем больше интенсивность ощущения по сравнению с ощущением, возникающим на воздействие такой же интенсивности, но не изменяющейся во времени.

При наличии воздействия с изменяющейся интенсивностью в нервной системе в каждый момент времени Δt в силу наличия психики образуются нейронные импульсации $f_{бл.буд}$, частота которых определяется выражением (1). В момент времени $t = t_{ст}$, когда интенсивность воздействия достигает величины $J_{стат}$, частота импульсаций $f_{бл.буд}$ составляет $f_{бл.буд} = f_{стат} + \Delta f$, то есть превышает значение $f_{стат.}$ на величину Δf . Очевидно, что превышение частоты импульсаций $f_{бл.буд}$ стационарного значения $f_{стат}$ больше в случае более быстрого изменения интенсивности воздействия. Это означает, что субъективное отражение интенсивности внешнего воздействия в ощущении зависит от того, насколько быстро значение интенсивности достигает стационарного значения.

В случае эффекта Маха (см. рис. 3) мы имеем ситуацию с изменяющейся интенсивностью воздействия (в зоне "β – α"), и с двумя стационарными уровнями интенсивности (в зонах "B – β" и "α – A"). Есть, правда, одно очень важное обстоятельство – картинка с различным распределением интенсивности света во всех трех зонах предъявляется испытуемым в стационарном режиме, то есть без изменения интенсив-

ности света во времени. Именно это, на наш взгляд, и вынуждало исследователей при объяснении эффекта Маха прибегать к концепции латерального торможения.

Однако наличие механизма саккадических движений глаз, обнаруженного в окулографических исследованиях [5], позволяет рассматривать процесс зрительного восприятия картинки как процесс ее непрерывного сканирования слева направо и обратно. В результате сканирования пространственное распределение интенсивности света отдельных зон картинки преобразуется во временное распределение на фоторецепторах зрительной системы.

Динамика в изменениях частот нейронных импульсаций в зрительной системе при сканировании плоскости в направлениях слева направо и справа налево представлена на рис. 4 линиями (*a*) и (*b*), соответственно.

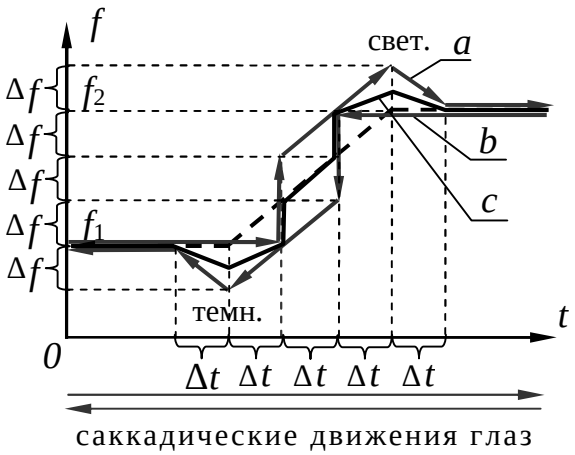

Рис. 4. Механизм появления более темной (темн.) и более светлой (свет.) полос в эффекте Маха (пояснения в тексте).

Появление нейронных импульсаций с более низкой и более высокой частотой соответствует на субъективном психическом уровне (на уровне ощущений) более слабой и более сильной освещенности. В результате многократного сканирования картинки в обоих направлениях происходит усреднение частот нейронных импульсаций и появление на уровне субъективного восприятия более темной и более светлой полос.

Существование эффекта Маха можно рассматривать в качестве одного из проявлений механизма психики как особого свойства нейро-

физиологических процессов обеспечивать получение знаний о ближайшем будущем отдельных параметров объективной действительности.

Литература:

1. Гранит Р. Электрофизиологическое исследование рецепции /Пер. с англ. – М., 1957.

2. Корниенко А.Ф. Чувствительность организма и "зачаточная форма психики" //Вестник КГПУ. – 2006. – № 5. – С. 186-194.

3. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. – М., 2005.

4. Сомьен Дж. Кодирование сенсорной информации в нервной системе млекопитающих /Пер. с англ. – М., 1975.

5. Hikosaka O., Takikawa Y., Kawagoe R. Role of the basal ganglia in the control of purposive saccadic eye movements //Physiol. Rev. – 2000. – Vol. 80. – pp. 953-978.

6. Ratliff F., Milkman N., Rennert N. Attenuation of Mach bands by adjacent stimuli //Proceedings of the National Academy of Sciences, 1983. – Vol. 80. – pp. 4554-4558.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ЭФФЕКТА "ДЕЖА ВЮ"

Российский психологический журнал. – 2009. – Т. 6. – № 3. – С. 27-41.

Эффект "дежа вю" – очень интересное и необычное психическое явление, которое ранее исследователи склонны были рассматривать как нарушение памяти, иллюзию или галлюцинацию. В переводе с французского термин "дежа вю" (déjà vu) означает "уже виденное" (already seen), но как указывает А. Фанкхаузер (Funkhouser) [24], его действительное значение довольно расплывчато. В частности, А. Фанкхаузер выделяет три основных типа "дежа вю": "дежа весю" (déjà vecu) – "уже проживавшееся" (already lived), "дежа сенти" (déjà senti) – "уже чувствовавшееся" (already felt), "дежа визит" (déjà visité) – "уже посещавшееся" (already visited).

Определение, которое сейчас является своего рода стандартом в исследованиях эффектов "дежа вю", было предложено В. Нирре (Neppe) и состоит в следующем: "дежа вю" – любое субъективно несоответствующее ощущение (inappropriate impression) знакомства переживаемого в настоящем с неопределенным прошлым" [27, с. 3]. Другими словами, "дежа вю" – это субъективное психическое явление, которое состоит в том, что человеку кажется, что все, что сейчас происходит, уже было, но он не может соотнести происходящее с каким-либо определенным периодом прошлого. Очень часто эффект "дежа вю" сопровождается уверенностью в том, что ни данной ситуации, ни всего происходящего, что кажется знакомым, на самом деле не было и не могло быть раньше. Как отмечает Грэхем Рид (Graham Reed) [28], попытки объяснения эффекта "дежа вю" тем, что воспринимаемые события уже были в прошлом, сопровождаются вопросом: "Как я мог признать ситуацию знакомой, когда я знаю, что я никогда не был здесь ранее?". Именно поэтому при интерпретации явлений "дежа вю" часто используется понятие "ложное узнавание" (false recognition) или "несоответствующее знакомство" (inappropriate familiarity). В медицине применяются специальные медицинские термины "парамнезия" (paramnesia) или "криптомнензия" (cryptomnesia), означающие наруше-

ние или расстройство процессов памяти, выражающееся в появлении ложных воспоминаний. При возникновении эффекта "дежа вю" ложное узнавание происходящего часто дополняется чувством предвидения, знанием того, что будет происходить в следующий момент.

Систематическое изучение эффекта "дежа вю" началось в психиатрии и связывалось не только с нарушением и расстройством памяти, но и с такими заболеваниями как эпилепсия и шизофрения [27]. Много публикаций, посвященных различным описаниям и возможным интерпретациям явлений "дежа вю", печаталось в журналах парапсихологии, где "дежа вю" рассматривалось как явление парапсихологическое [22]. Научное изучение явлений "дежа вю" в рамках психологии было и сейчас остается крайне затруднительным, поскольку все они не имеют внешне наблюдаемых поведенческих проявлений. Исследователям приходится опираться либо на собственный опыт переживания соответствующего явления, либо на интроспективные описания того, что переживали и ощущали другие. Однако крайний субъективизм интроспективного метода исследования при отсутствии объективных поведенческих признаков эффекта "дежа вю" и наличии в психологии проблем с определением сущности "психического" послужили причиной, по которой психология оказалась беспомощной в научной интерпретации механизмов данного эффекта. По образному выражению Дэвида Гленна (David Glenn) [25], "психология вообще поместила «deja vu» в ящик с пометкой «Интересное, но неразрешимое»".

На страницах психологического издания попытка всестороннего анализа различных, в том числе психологических гипотез, касающихся механизмов эффекта "дежа вю", была предпринята Аленом Брауном (Alan Brown) [22]. Интересный и достаточно обширный обзор психологических концепций и подходов к решению проблемы "дежа вю" представлен в работе Джеймса Олкока (James Alcock) [21]. Среди отечественных работ обзорного характера можно отметить работы Н. Ивановой и А. Нестерова [5], а также А.А. Курган [12].

Многие исследователи склонны видеть причины появления эффекта "дежа вю" в том, что события и обстоятельства, осознаваемые при наличии эффекта как происходившие в прошлом, действительно были в

прошлом (или в реальном прошлом [29], или в сновидениях [17, 18, 23]), но тогда, в прошлом, они не были представлены в сознании. Однако, как они полагают, в какой-то момент времени при восприятии ситуации "настоящего" может возникать особое состояние мозга, связанное с нарушением его нормальной работы, и информация о подобной ситуации, бывшей в прошлом, может извлекаться из памяти и становиться доступной для осознания. Если раньше эта ситуация не осознавалась, то вроде как ее и не было. Теперь, когда она осознается, появляется одновременное осознание ситуаций прошлого и настоящего, что и обусловливает, по их мнению, появление эффекта "дежа вю".

Среди исследователей, которые связывают появление эффекта "дежа вю" с процессами восстановления из памяти информации о события прошлого, хочется выделить Такаси Кусуми (Takashi Kusumi) [26]. Не считая эффект "дежа вю" каким-то исключительным аномальным явлением, Т. Кусуми утверждает, что "дежа вю" возникает в течение особого "метакогнитивного" процесса, аналогичного процессам напоминания [reminding process], в котором события и ситуации, переживаемые в настоящем, автоматически вызывают появление образов сходных событий и ситуаций, бывших в прошлом. При этом автор предлагает различать два вида памяти – явную (explicit memory) и скрытую (implicit memory), которые, судя по контексту, в котором они используются, больше соответствуют представлениям о процессах памяти, связанных и несвязанных с процессами осознания запоминаемых образов. В структуре явления "дежа вю" Т. Кусуми выделяет три "метакогнитивных компонента":

1. Предварительные ощущения сильного знакомства событий и ситуаций настоящего, вовлекающие процессы "скрытой" памяти.

2. Решения о сходстве и различии переживаний настоящего и бывших в прошлом, сделанные после поиска процессами "явной" памяти.

3. Контроль действительности для восстановленных переживаний, который представляет собой решение о том, являются ли переживания настоящего идентичными тем, которые восстановлены из памяти.

Согласно Т. Кусуми, эффект "дежа вю" возникает в тех случаях, когда принимается положительное решение об идентичности сопоставляемых переживаний.

Совокупность метакогнитивных компонентов, обусловливающих появление эффекта "дежа вю", Т. Кусуми представил в виде схемы, воспроизведенной нами на рис. 1.

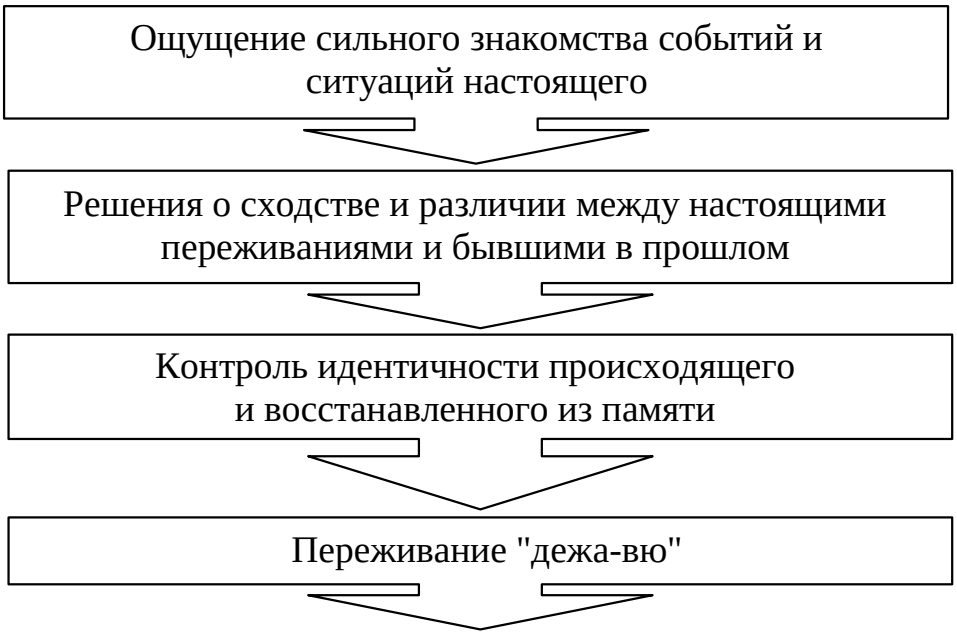

Рис. 1. Метакогнитивные компоненты, лежащие в основе эффекта "дежа вю" (согласно концепции Т. Кусуми [26]).

Для лучшего понимания основных положений концепции Т. Кусуми имеет смысл представить ее в несколько иной форме – в виде более наглядной функциональной схемы (см. рис. 2), элементами которой являются не "метакогнитивные", а нормальные познавательные психические процессы восприятия и памяти. Чтобы учесть идею Т. Кусуми о наличии двух видов памяти ("явной" и "скрытой"), мы ввели в схему дополнительную психическую функцию – осознавание, благодаря которой образы становятся осознанными. Введение этой функции позволяет уточнить смысл вводимых Т. Кусуми видов памяти, а также разграничить функции восприятия и осознавания и рассматривать их как два разных психических процесса.

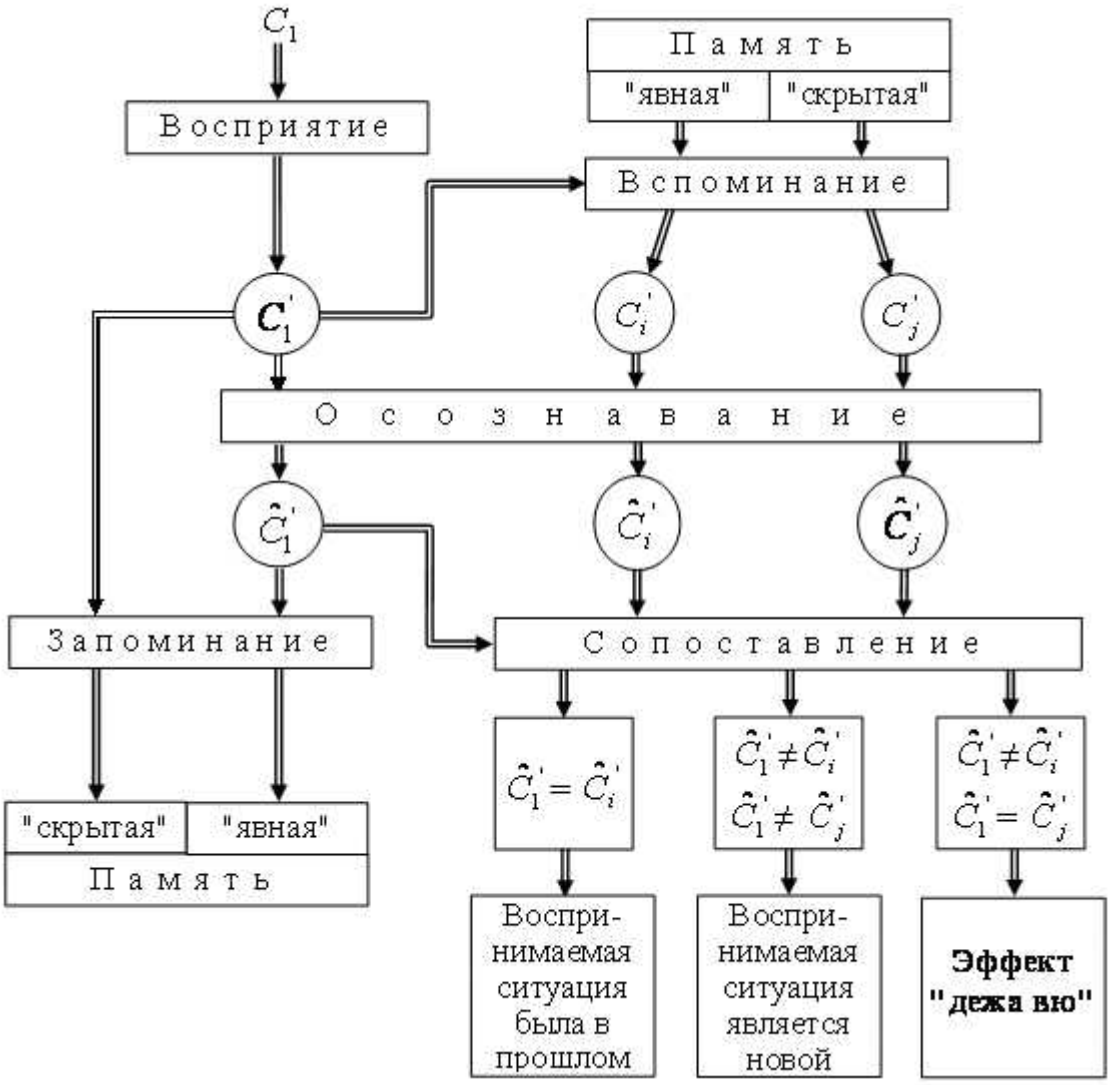

Рис. 2. Функциональная схема возникновения эффекта "дежа вю", отражающая суть концепции Т. Кусуми. (Знаком "штрих" в верхнем регистре буквы *C* обозначается образ ситуации, знаком "^" над буквой *C* обозначается факт осознания этого образа).

Как показано на рис. 2, отправной точкой в рассуждениях Т. Кусуми является начало процесса восприятия человеком реальной ситуации C_1, в которой он находится в некоторый момент времени $t = t_1$, и образование в его психике соответствующего образа восприятия, который мы обозначили как C_1'. В случае осознания этого образа осознанный образ воспринимаемой ситуации C_1, обозначенный нами как C_1', запоминается благодаря "явному" виду памяти. Если по каким-то

причинам (например, в силу отвлечения внимания или отсутствия значимости) осознание образа $C_1^{'}$ не происходит, он может запоминаться благодаря "скрытой" памяти.

Одновременно с запоминанием запускаются и процессы вспоминания, благодаря которым из памяти восстанавливаются образы либо какой-то ситуации $C_j^{'}$, бывшей и осознававшейся в прошлом, либо некоторой ситуации $C_i^{'}$, бывшей в прошлом, но тогда не осознававшейся. Восстановление образов прошлого происходит, соответственно, благодаря механизмам "явной" и "скрытой" памяти. Будучи осознанными, эти образы сопоставляются с осознанным образом $C_1^{'}$ текущей ситуации C_1. Если среди образов $C_j^{'}$ находится похожий на $C_1^{'}$, возникает узнавание ситуации C_1, как действительно бывшей в прошлом, если нет – ситуация C_1 воспринимается как новая, которой в прошлом не было. Если похожим оказывается один из образов $C_i^{'}$, извлеченный из "скрытой " памяти, то, согласно Т. Кусуми, возникает эффект "знакомости" воспринимаемой ситуации C_1 при уверенности, что такой ситуации раньше не было (поскольку ранее она не осознавалась). Появление этого эффекта Т. Кусуми рассматривает как проявление эффекта "дежа вю".

Несмотря на естественнонаучные основания и стройность в построении, концепция Т. Кусуми имеет два существенных недостатка, которые не позволяют ее принять.

Во-первых, и это самое главное, она не соответствует основному условию эффекта "дежа вю", в соответствии с которым эффект может быть назван эффектом "дежа вю" лишь при реальном, а не кажущемся отсутствии в прошлом тех событий и ситуаций, которые наблюдаются в настоящем. Иначе это будет уже не "ложное узнавание", а нормальное истинное узнавание того, что когда-то на самом деле было (пусть даже

в сновидениях), и было зафиксировано в памяти, но по каким-то причинам не воспроизводилось и не осознавалось ранее.

Во-вторых, правильно отраженное в гипотезе требование к идентичности образов настоящего и того, что принимается за прошлое, практически не может быть реализовано, если речь идет о реальном прошлом. Вероятность возникновения в настоящем ситуации, идентичной той, которая была когда-то в прошлом, практически равна нулю. В чем-то похожей – да, но идентичной – нет! А без идентичности эффект "дежа вю" не возникает. Необходимость в идентичности образов настоящего и принимаемого за прошлое при реальном отсутствии ситуации настоящего в прошлом придает интерпретации данного эффекта особую сложность и загадочность.

Ситуация настоящая может восприниматься как бывшая в прошлом в двух случаях:

1) если образ ситуации, принимаемой за прошлое, является копией образа ситуации настоящей;

2) когда восприятие ситуации настоящего искажается под влиянием прошлого опыта (за счет механизма апперцепции) и образ восприятия становится копией образа, бывшего в прошлом.

Рассматривая второй из указанных случаев, следует отметить, что во всех случаях апперцепции у человека происходит искажение восприятия не всей ситуации, не всей совокупности объектов ситуации, а лишь одного или нескольких объектов. Сама ситуация в целом переживается как новое настоящее. Обычно в эффектах апперцепции возникает ложное узнавание лишь какого-то одного очень значимого и заранее ожидаемого объекта. Если рассматривать случаи тотальной апперцепции, при которой искажается восприятие всей ситуации, то это уже будет не апперцепция, а галлюцинация. Но при любых формах галлюцинации содержание образа галлюцинации принимается за настоящее, и других образов, принимаемых за "прошлое", в галлюцинациях нет. Это специфическое нарушение психики и специфический эффект, отличный от эффекта "дежа вю" [2].

Что касается первого случая, более приемлемого для объяснения эффекта "дежа вю", то здесь возникает проблема – как копия какого-то образа может возникать раньше оригинала?

Один из вариантов решения этой проблемы, а точнее проблемы последовательного возникновения двух идентичных образов, предлагается в физиологических гипотезах. Обычно они строятся на основе идеи о нарушении синхронности в работе отдельных участков мозга при передаче сенсорной информации в его центральные отделы. Нарушения предполагаются либо в скорости прохождения нейронных импульсаций по зрительным проводящим путям, идущим от разных глаз, либо в работе левого и правого полушарий мозга [27]. В результате этих нарушений в центральные отделы мозга поступают и там осознаются два потока сенсорной информации об одной и той же ситуации, но с некоторым временным интервалом. Считается, что второй поток сенсорной информации осознается как настоящее, а первый – как прошлое, идентичное настоящему, что и приводит к субъективному переживанию эффекта "дежа вю".

Следует признать, что объяснение эффекта "дежа вю" на основе идеи об асинхронности в работе отдельных участков мозга кажется весьма привлекательным и логически оправданным. Однако, наличие одной асинхронности для возникновения эффекта "дежа вю" недостаточно.

Анализ различных описаний и факторов, обусловливающих появление эффекта "дежа вю", позволяет указать не менее пяти условий, которые должны выполняться для его возникновения и реализации в полном объеме:

1. В психике должно иметь место возникновение и последующее осознание двух образов:
   - образа, соответствующего понятию "настоящее";
   - образа, принимаемого за образ "прошлого".
2. Возникновение образа прошлого и его осознание должно предшествовать возникновению и осознанию образа настоящего.
3. Содержание образа прошлого должно быть идентичным содержанию образа настоящего.

4. В прошлом опыте человека (и это самое существенное условие эффекта "дежа вю") не должно быть того, что происходит в настоящем и что отражается в образе настоящего.

5. Узнавание настоящего, как бывшего в прошлом, должно сопровождаться не только уверенностью в том, что этого настоящего на самом деле не было и не могло быть в прошлом, но и предвидением ближайшего будущего этого настоящего.

Последнее условие означает, что в психике одновременно с образом настоящего должен выделяться не только идентичный ему образ прошлого, но и образ, который принимается за образ ближайшего будущего воспринимаемой ситуации.

В соответствии с перечисленными условиями для возникновения настоящего эффекта "дежа вю" в психике должно быть не два, а три образа, которые принимаются, соответственно, за образы настоящего, а также прошлого и ближайшего будущего этого настоящего. Сегодня мы не может назвать ни одну из гипотез, описываемых в психологической и другой научной литературе, посвященной механизмам эффекта "дежа вю", которая удовлетворяла бы всем указанным условиям и требованиям.

Оригинальная попытка объяснить, каким образом в эффекте "дежа вю" могут возникать три образа, и как возникает предвидение будущего, была предпринята в работе А.А. Курган [13]. Автор исходил из того, что в эффекте "дежа вю" в психике человека наряду с образом настоящего образуется не только образ прошлого, но и образ будущего этого прошлого. При идентификации образа настоящего с образом прошлого образ будущего прошлого трансформируется в образ будущего текущего настоящего и его осознание приводит к появлению процессов предвидения, сопровождающих эффект "дежа вю".

Однако, полагая, что знания о прошлом и будущем этого прошлого человек может иметь постольку, поскольку и прошлое, и его будущее уже были в его прошлом индивидуальном опыте, автор фактически нарушает одно из принципиальных условий, необходимых для признания факта существования эффекта "дежа вю". Пытаясь раскрыть механизм трансформации образа будущего прошлого в образ будущего

настоящего, А.А. Курган прибегает к рассуждениям экзистенциального характера, в которых использует понятие о "ретенции", введенное Э. Гуссерлем [3] для обозначения механизма кратковременного удержания в психике образов первичного восприятия непрерывно сменяющих друг друга мгновений настоящего. В результате экзистенциальных рассуждений А.А. Курган приходит к выводу, что в эффекте "дежа вю" происходит "децентрализация субъекта", "исчезновение «Я»" и появление процессов осознания "без осознающего". Он пишет: "… в переживании длящегося дежа вю не могло быть Я, как субъекта осознания, … не было самого субъекта переживаний, который бы мог фиксировать будущее, прошлое и настоящее" [13, с. 88]. Однако каким образом может происходить процесс осознания без "Я" (то есть без осознающего), которое, и только которое, и может осознавать, остается большой загадкой. На наш взгляд, подобного рода утверждения являются следствием глубоких заблуждений и противоречивых суждений, существующих в психологии относительно понятий "психика" и "сознание", а также связанного с ними понятия "осознание".

Уточнение понятий "психика", "сознание" и "осознание"

Неудовлетворительность определений центральных для психологии понятий "психика", "сознание" и "осознание", их противоречивость и несогласованность между собой неоднократно отмечалась в психологической литературе, в частности, в работах К.К. Платонова [16], А.Н. Леонтьева [14], А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [15], Н.И. Чуприковой [19, 20]. Проблемы в определении понятия "психика" были показаны нами в работе [11]. В предисловии В.П. Зинченко к русскому изданию книги Г. Ханта "О природе сознания" отмечается, что "к сожалению, философия и наука не могут похвастаться тем, что они за тысячи лет своего существования и развития пришли к сколько-нибудь однозначному определению сознания. Живое сознание, при всей своей очевидности, упорно сопротивляется любым концептуализациям" [4, с. 11].

Вместе с тем, еще в 2000 году нами была высказана мысль о том, что психика или психическая форма отражения внешнего воздействия характеризуется возникновением изменений в сенсорных процессах организма, которые опережают реальные изменения в параметрах воз-

действия [6]. В последующих публикациях [7, 8, 11] были представлены обоснования возможности рассматривать психику как свойство мозга, обеспечивающее организму получение знаний о ближайшем будущем объективной действительности. Как было нами показано [11], механизм получения соответствующих знаний и, соответственно, механизм реализации свойства мозга, называемого психикой, описывается следующим соотношением:

$$C'_{бл.буд} = C'_{наст} + (C'_{наст} - C'_{бл.прош}) \qquad (1)$$

где $C'_{бл.буд}$, $C'_{наст}$, $C'_{бл.прош}$ – знания (образы) ситуаций ближайшего будущего, настоящего и ближайшего прошлого, соответственно.

Процесс получения знаний $C'_{наст}$ о ситуации настоящего $C_{наст}$ осуществляется на основе механизма чувствительности и представляет собой процесс физиологического отражения особенностей объективной действительности, который обеспечивается нервными процессами, протекающими в сенсорной системе организма. В отличие от этих нервных физиологических процессов, которые можно обозначить понятием "рецепция", психический процесс состоит в получении знаний $C'_{бл.буд}$ о ситуации $C_{бл.буд}$, которая является ближайшим будущем ситуации $C_{наст}$.

Для дальнейшего рассмотрения психологического механизма эффекта "дежа вю" обозначим данный психический процесс понятием "перцепция". Таким образом, мы разделяем процессы физиологического и психического отражения (процессы рецепции и перцепции), полагая, что первые обеспечивают отражение настоящего, а вторые – ближайшего будущего этого настоящего. Однако, несмотря на функциональное разделение, обе формы отражения осуществляются одновременно и обеспечивают практически одновременное образование в нервной системе человека двух потоков нейронных импульсаций, один из которых является носителем знания $C'_{наст}$, а другой – знания $C'_{бл.буд}$.

Что касается определений понятий "сознание" и "осознание" и их обоснований, то они даны нами в работах [9, 10].

Сознание определяется нами как познавательный психический процесс, обеспечивающий субъекту (носителю психики) получение знаний о самом себе, как о носителе психике. В результате процесса сознания в психике субъекта образуется образ, который обычно обозначается как образ "Я".

Осознание представляется нами как результат осознавания, под которым понимается процесс образования связи между образом "Я" и любым другим образом, возникающим в психике. Учитывая, что образование связей между любыми образами в психике обеспечивается процессами мышления, а результатом мышления является понимание, можно сказать, что осознавание есть процесс мышления с участием сознания (точнее с его результатом, в качестве которого выступает образ "Я"), а осознание, как результат осознавания, есть понимание, в котором одним из связываемых образов является образ "Я".

Совокупность осознанных образов, то есть образов, связанных с образом "Я", вместе с самим образом "Я" представляет собой не что иное, как область психики, которая обычно соотносится с понятием "сознательное". Другая часть психики и, соответственно, другая совокупность образов, несвязанных с образом "Я", образует область "бессознательного".

В наглядной форме сущность понятий "сознание" и "осознание", "мышление" и "понимание" отражена в схеме, представленной на рис. 3.

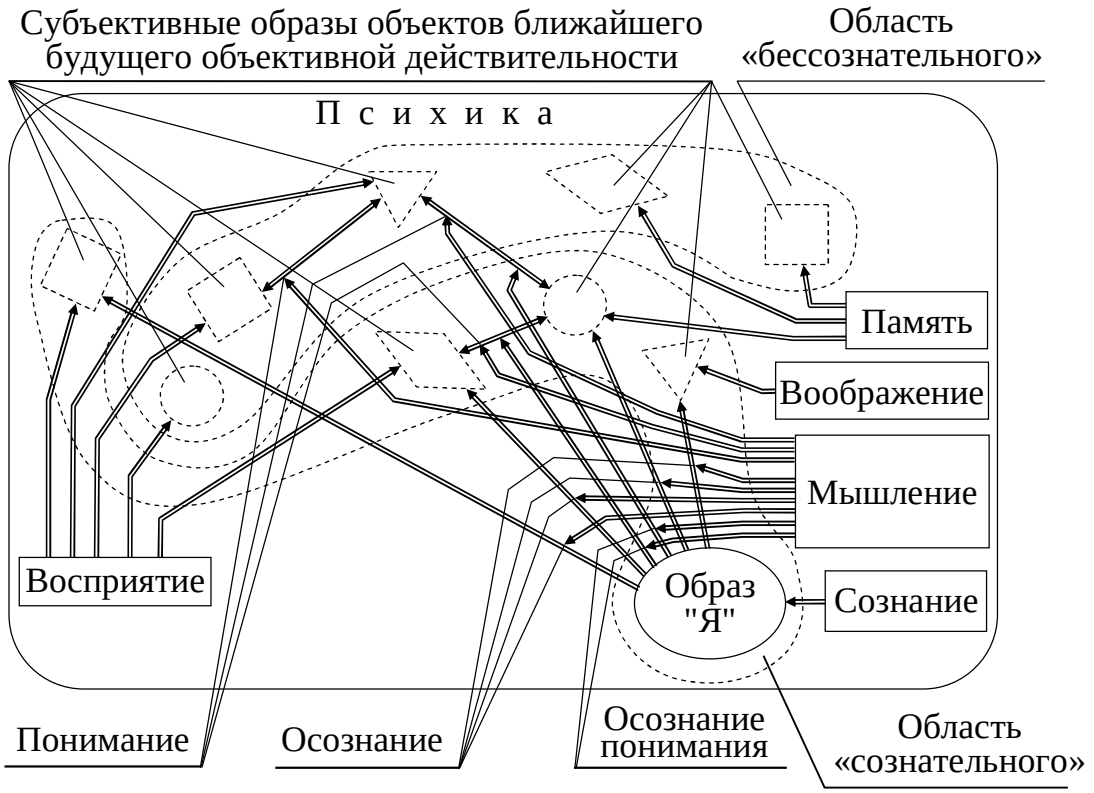

Рис. 3. Сущность и соотношение психологических понятий "сознание", "осознание", "мышление", "понимание".

Объяснение эффекта "дежа вю" на основе новых понятий о психике, сознании и осознании

Допустим, что в момент времени $t = t_1$ возникает некоторая ситуация C_1. Поскольку в момент возникновения эта ситуация существует, она представляет собой ситуацию настоящего. Через некоторое время Δt, то есть в момент времени $t_2 = t_1+\Delta t$ в результате изменения ситуации C_1 возникает новая ситуация – ситуация C_2, которая становится новой ситуацией настоящего. По отношению к ситуации C_2 ситуация C_1 может рассматриваться как ситуация прошлого. В свою очередь, ситуация C_2 по отношению к ситуации C_1 может рассматриваться как ситуация будущего.

Если принять ситуацию C_2 за ситуацию настоящего, то для того, чтобы можно было говорить об эффекте "дежа вю" в этой ситуации, необходимо выполнение следующих условий:

1) образ ситуации прошлого, то есть C_1', должен соответствовать (быть идентичным) образу ситуации настоящего, то есть C_2';

2) самой ситуации прошлого, то есть ситуации C_1, идентичной ситуации C_2, в действительности быть не должно.

Чтобы объяснить, как это возможно и, по существу, сделать первый шаг к объяснению механизма возникновения "ложного узнавания", как одного из признаков эффекта "дежа вю", необходимо найти ответ на вопрос о том, может ли в психике человека, находящегося в ситуации прошлого по отношению к ситуации C_2, то есть находящегося в ситуации C_1, возникать образ ситуации C_2, которой на момент времени $t = t_1$ еще нет.

Согласно нашему пониманию понятия "психика", именно это и происходит при наличии психики. Психика, по определению, есть свойство мозга, обеспечивающее получение знаний о ближайшем будущем объективной действительности. Психическая форма отражения действительности – это опережающее отражение. Именно благодаря наличию психических процессов в мозге в момент времени $t = t_1$ одновременно с физиологическим отражением ситуации настоящего, то есть ситуации C_1, возникает и отражение ближайшего будущего этой ситуации, то есть создание образа ситуации C_2. Чтобы отличать образы, являющиеся результатом психического отражения, мы далее будем помечать их двойным штрихом. Если результат физиологического отражения ситуации C_1 обозначается как C_1', то образ ближайшего будущего этой ситуации, получаемый в результате психического отражения, следует обозначить как C_2''.

Через время Δt ситуация C_1 вместе с образами C_1' и C_2'' уйдет в прошлое и в качестве настоящего будет выступать новая ситуация – ситуация C_2. Соответственно, будет возникать и физиологическое отражение этой ситуации в форме образа C_2'. Если в первом случае образ C_2'' – это образ прогнозируемой ситуации C_2, то во втором случае C_2' – это также образ ситуации C_2, но реально возникшей. Очевидно, что образ C_2'' по отношению к образу C_2' выступает как прошлое, поскольку действительно был создан раньше. Насколько же он будет идентичен образу C_2', будет зависеть от правильной работы мозговых структур и, соответственно, от адекватности психических процессов.

В момент нахождения человека в ситуации C_1, когда ни ситуации C_2, ни ее физиологического отражения C_2' еще нет, образ C_2'', созданный за счет механизма психики, осознается человеком как образ настоящего. В качестве образов прошлого, конечно же, могут выступать образы, извлекаемые из памяти. Но поскольку ситуации C_2 еще нет и вообще никогда не было, она, естественно, не могла быть и в прошлом. Поэтому среди образов C_j'', извлекаемых из памяти, образа, идентичного образу C_2'', быть не может. В следующий момент времени, когда наступит ситуация C_2, в качестве образа настоящего будет выступать уже образ C_3''. И опять среди образов, извлекаемых из памяти, не могут оказаться образы, идентичные C_3''. Поэтому при нормальном течении психических процессов эффект "дежа вю" возникать не может.

В чем же должно выражаться нарушение и каких именно психических процессов, чтобы возникновение эффекта "дежа вю" стало возможным?

Рассмотрим момент времени $t = t_2$, когда наступила ситуация C_2, и введем некоторое упрощение относительно процессов памяти. Поскольку мы будем рассматривать случаи безусловного отсутствия в прошлом событий, происходящих в настоящем, мы можем не выделять два вида памяти, как это предлагает Т. Кусуми, и говорить о памяти в целом как о процессах запоминания и вспоминания.

При нахождении человека в ситуации C_2 в его нервной системе в результате процессов рецепции, составляющих уровень физиологического отражения действительности, возникает образ C_2'. Далее на основе механизма психики в результате процессов перцепции, реализующих соотношение (1), строится образ ближайшего будущего существующей ситуации, то есть образ C_3''. После осознания этот образ сохраняется в памяти. В дальнейшем при последующих циклах перцепции он может извлекаться из памяти, но уже как образ прошлого (см. рис. 4).

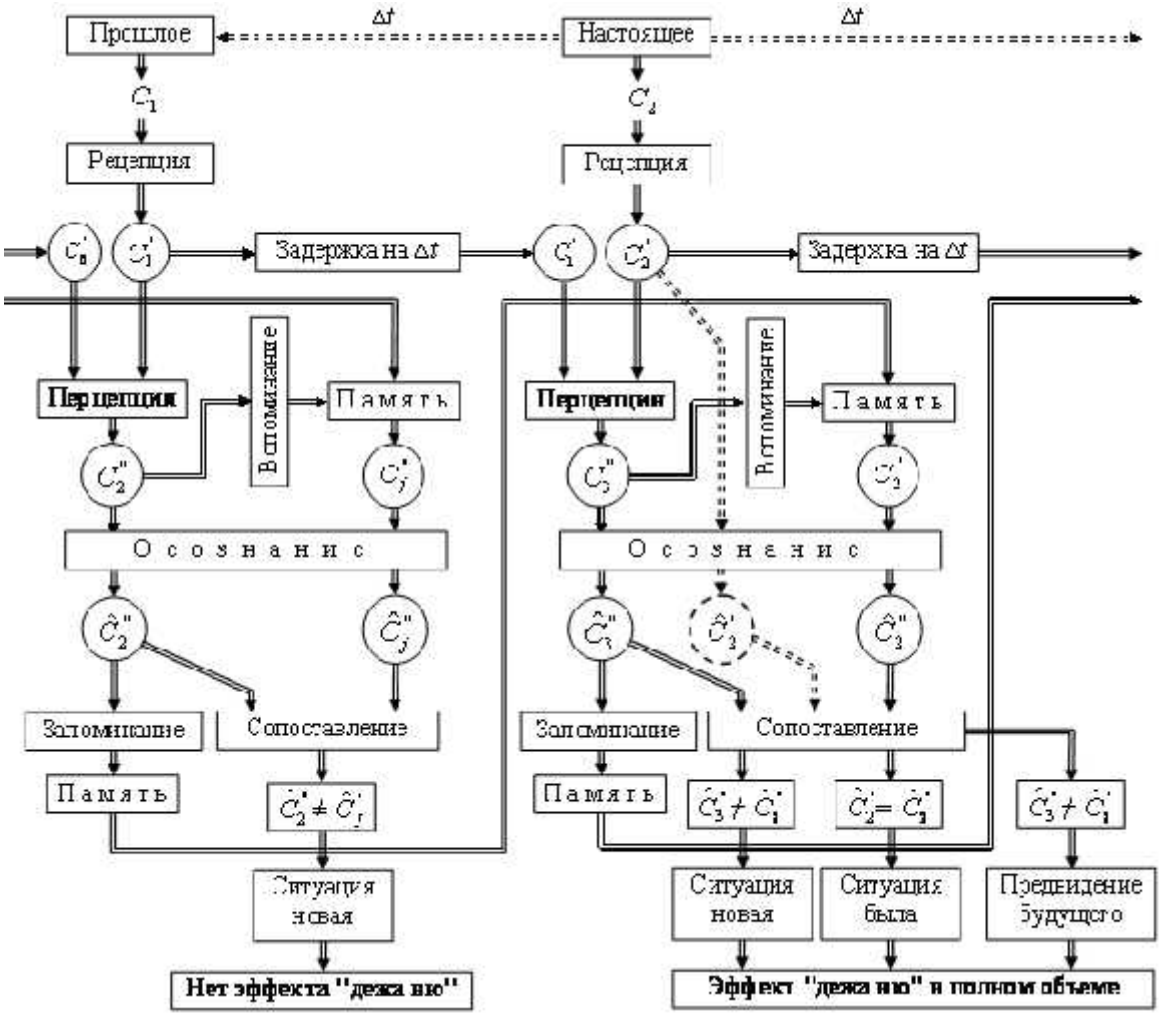

Рис. 4. Осознание результата физиологического отражения ситуации настоящего (осознание образа $C_2^{'}$) как причина возникновения эффекта "дежа вю".

Точно также протекали процессы рецепции и перцепции в нервной системе человека, когда он находился в ситуации C_1. Но тогда в результате перцепции строился образ ближайшего будущего ситуации C_1, то есть образ $C_2^{"}$, и именно он после осознания был сохранен в памяти. Это значит, что, когда человек оказывается в реально возникшей ситуации C_2, в его памяти уже есть образ $C_2^{"}$. Будучи извлеченным из памяти, он представляет собой образ прошлого. В это же время, как было сказано выше, в результате процессов перцепции строится образ $C_3^{"}$, содержание которого принимается за настоящее. Поскольку $C_3^{"} \neq C_2^{"}$, ситуация, принимаемая за настоящее, переживается как новая, и никакого эффекта "дежа вю" не возникает.

А теперь допустим, что по каким-то причинам (возможно вследствие утомления) в нормальной работе психики происходит сбой, и становится возможным осознание не только результатов психического отражения, то есть образов $C_2^{''}$ и $C_3^{''}$, но и результатов физиологического отражения, то есть образа $C_2^{'}$ (см. правую часть схемы, представленной на рис. 4). В этом случае осознанными оказываются три образа: $C_2^{'}$, $C_2^{''}$ и $C_3^{''}$. Из трех образов безусловно определенным оказывается образ $C_2^{''}$ как образ прошлого, поскольку образ $C_2^{''}$, который является его основой, извлечен из памяти. По отношению к образу $C_2^{''}$, образ $C_3^{''}$ принимается как образ настоящего, и в силу того, что $C_3^{''} \neq C_2^{''}$, ситуация настоящего переживается как новая. С другой стороны, образ $C_2^{'}$ также принимается за образ настоящего, поскольку является его непосредственным отражением. Так как содержание образа $C_2^{'}$ практически совпадает с содержанием ранее построенного образа $C_2^{''}$ (совпадение содержаний образов $C_2^{'}$ и $C_2^{''}$ является условием адекватности психического отражения), у человека возникает дополнительное переживание того, что ситуация настоящего, отражаемая в образе $C_2^{'}$, уже была в прошлом.

Получается, что при нарушении процессов осознания (когда начинают осознаваться результаты рецепции), человек начинает осознавать ситуацию настоящего, как уже бывшую в прошлом ($C_2^{'} = C_2^{''}$), при полной уверенности в том, что в прошлом данной ситуации не было (так как $C_3^{''} \neq C_2^{''}$). Возникает вариант эффекта "дежа вю", описываемого, как правило, в популярной психологической литературе.

Однако это не все. В результате сопоставления образов $C_2^{'}$ и $C_3^{''}$, каждый из которых в сравнении с образом $C_2^{''}$ претендует на то, чтобы быть признанным в качестве образа настоящего, приоритет отдается образу $C_2^{'}$, как исходному и первичному образу. В силу этого, образ $C_3^{''}$ получает статус образа будущего, что обусловливает возникновение у человека предвидения будущего воспринимаемого настоящего. Таким образом, мы имеем полный комплект признаков эффекта "дежа вю" и

можем сказать, что эффект "дежа вю", как явление психическое, возникает у человека в полном объеме при нарушении не процессов памяти, а процессов осознания, когда по каким-то причинам, возникает осознание результатов физиологического отражения воздействующей на человека действительности.

Очевидно, что образы C_2' и C_2'' представлены в нервной системе различными ансамблями нервных клеток и нейронных импульсаций, соответственно, в периферической и центральной областях мозга. Возможно, причиной нарушений в процессах осознания является возникновение нежелательных нервных связей между этими отделами. Можно предположить, что образование связей между двумя ансамблями нервных клеток с эквивалентным информационным содержанием может приводить к резонансным явлениям взаимного возбуждения, когда возбуждение одного ансамбля становится источником возбуждения другого. В этом случае рецепторная система оказывается неспособной реагировать на изменения внешних воздействий. Это приводит к прекращению психических процессов восприятия и нарушению процессов осознания текущей ситуации, что проявляется в форме потери сознания.

В силу процессов взаимного возбуждения на выходе достаточно большой совокупности нервных клеток могут возникать автономные, независящие от внешней ситуации, непрекращающиеся потоки нервных импульсов, которые, поступая в двигательную систему, могут вызывать длительные сокращения мышц, то есть судороги. Учитывая, что в медицине нарушения сознания и появление судорог рассматриваются как симптомы эпилепсии [1], становится понятным, почему эффект "дежа вю" обычно связывают с эпилепсией, и почему научное изучение данного эффекта началось именно в медицине.

Литература:

1. Болдырев А.И. Психические особенности больных эпилепсией. – М.: Медицина, 2000.

2. Гиляровский В.А. Учение о галлюцинациях. – М.: Изд-во "БИНОМ. Лаборатория знаний", 2003.

3. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. – М.: Изд-во "ГНОЗИС".

4. Зинченко В.П. Предисловие к русскому изданию //Хант Г. О природе сознания: С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. – М.: ООО "Издательство АСТ и др., 2004. – С. 11-15.

5. Иванова Н., Нестерова А. Дежа вю – объяснения нет. – М.: Рипол Классик, 2003.

6. Корниенко А.Ф. Теория и практика психологического исследования: Учебное пособие. – Казань: Изд-во КГПУ, 2000.

7. Корниенко А.Ф. Структура психических процессов //Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. С.-Петербург, 25-28 июня 2003 года: В 8 т. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – Т. IV. – С. 383-387.

8. Корниенко А.Ф. Проблема возникновения "психического" //Психологические исследования на кафедре практической психологии: Сборник статей. Вып. 1 /под ред. А.Ф. Корниенко. – Казань: ТГГПУ, 2005. – С. 16-28.

9. Корниенко А.Ф. Проблемы сознания, осознания и самосознания //Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы I Всероссийской конференции. Самара, 29 июня – 1 июля 2007 г. – Самара: Изд-во "Научно-технический центр", 2007. – С. 61-63.

10. Корниенко А.Ф. Функция сознания в психике человека //Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 4-го Всероссийского съезда психологов. Ростов-на-Дону, 17-22 сентября 2007 года. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 124-125.

11. Корниенко А.Ф. Проблемы определения понятия "психика" //Российский психологический журнал. – 2008. – Т 5. – № 1. – С. 9-22.

12. Курган А.А. Опыт феноменологии "дежа вю" //Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: Материалы Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. – С. 180-185.

13. Курган А.А. Феномен "дежа вю" и сознание времени //Вестник ТГПУ. – 2007. – Вып. 11 (74). – Серия: Гуманитарные науки (Философия). – С. 85-89.

14. Леонтьев А.Н. Возникновение и эволюция психики //Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I. – М.: Педагогика, 1983. – С. 143-279.

15. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. – М.: Издательский центр "Академия", 2003.

16. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. – М.: Наука, 1982.

17. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений /сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. – М.: Просвещение, 1990.

18. Фрейд З. Толкование сновидений. – М.: ЭКСМО, 2006.

19. Чуприкова Н.И. Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки //Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 104-118.

20. Чуприкова Н.И. Объект, предмет и метод психологической науки //Труды Ярославского методологического семинара. Том 3: Метод психологии /под ред. В.В. Новикова, И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. – Ярославль: МАПН, 2005. – С. 359-369.

21. Alcock, J.E. Deja vu //Encyclopedia of the paranormal /Stein, G. (Ed.). Buffalo, – NY: Prometheus Books, 1996. – pp. 215-222.

22. Brown, A.S. A Review of the Deja‘ Vu Experience //Psychological Bulletin Copyright 2003 by the American Psychological Association, Inc. – 2003. – Vol. 129. – No. 3. – pp. 394-413.

23. Funkhouser, A.T. The "dream theory" of déjà vu //Parapsychol J. South Africa. – 1983. – No. 4. – pp. 107-123.

24. Funkhouser, A.T. Three types of déjà vu. – URL: http://home.cc.umanitoba.ca/~mdlee/dejavu.htm.

25. Glenn, D. The Tease of Memory //The Chronicle of Higher Education. – Vol. 50. – Is. 46. – pp. A 12. – URL: http://chronicle.com/free/v50/i46/46a01201.htm.

26. Kusumi, T. Human metacognition and the deja vu phenomenon //Diversity of Cognition: Evolution, Development, Domestication, and Pathology /K. Fujita & S. Itakura (Eds.). – Kyoto, Japan: Kyoto University Press; Melbourne: Trans Pacific Press, 2006. – pp. 302-314.

27. Neppe, V.M. The Psychology of Déjà Vu: Have I been Here Before? – Johannesburg: Witwatersrand University Press, 1983.

28. Reed, G. The Psychology of Anomalous Experience: A Cognitive Approach. – London: Hutchinson University Library, 1972.

29. Sno, H.N. De´ja‘ vu and jamais vu //Memory disorders in psychiatric practice /G.E. Berrios & J.R. Hodges (Eds.). – NY: Cambridge University Press, 2000. – pp. 338-347.

Научное издание

Корниенко Александр Федорович

ПСИХИКА И СОЗНАНИЕ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Подписано в печать 16.08.2010 г.
Гарнитура «Times New Roman». Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 23,4
Печать ризографическая. Тираж 500 экз. Заказ № 937

Издательство «Печать-Сервис-XXI век»
420073, г. Казань, ул. А. Кутуя, 88, оф. 19
тел.: (843) 2-945-725; тел./факс: (843) 295-14-48

Отпечатано в авторской редакции с оригинал-макета заказчика
в типографии ООО «Печать-Сервис-XXI век»